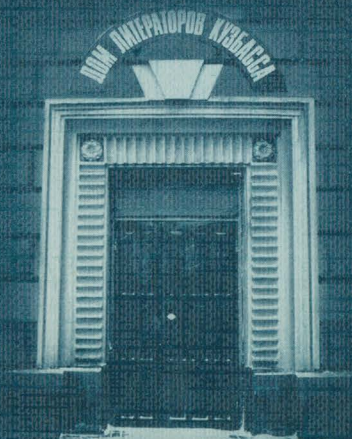

Огни Кузбасса

№ 6 / 2010

65 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Макеев А. С. Без имени проходит. 1978

Бачинин Н. И. В День Победы. 1987, х., м., 70×50

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
Кемерово,
Председатель
общественного совета

В. Н. Ганичев,
Москва,
Председатель Союза
писателей России

Л. Т. Зауэрвайн,
Кемерово,
начальник
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

С. Ю. Куняев,
Москва

В. И. Лихоносов,
Краснодар

М. И. Найдов,
Кемерово,
директор Кемеров-
ского областного
общественного фонда
«Шахтёрская память»,
им. В. П. Романова

Г. Л. Немченко,
Москва

В. И. Носырев,
Кемерово,
заместитель председа-
теля совета директоров
ОАО «Кемсоцинбанк»

И. Ф. Фёдорова,
Кемерово, заместитель
Главы города по социаль-
ным вопросам

С. В. Филатов,
Бийск

В. И. Шемшученко,
Санкт-Петербург

**ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ**

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

**№ 6 / 2010
НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ**

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово,
ОАО «Кемсоединбанк»
и издательства
«Кузбассвузиздат»

**Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ**

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Валерий ЗУБАРЕВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответ. секретарь),
Любовь НИКОНОВА,
Марина ЧЕРТОВА

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

708002

к-пр

ГУК ОНБ им. В.Д. Фёдорова
Газетно-журнальный
фонд

Содержание

ПРОЗА

Гарий Немченко. Донской пролог.....	6
Владимир Иванов. Три рассказа	39
Юлия Лавряшина. Тёмное эхо. Роман (окончание)	54
Фёдор Щербаков. Полёт души. Рассказ	91
Николай Ерёмин. Рассказы	97

ПОЭЗИЯ

Сергей Харцызов. Качает нашу люльку Господь.....	3
Сергей Донбай. Меня подхватывают вихри	35
Сергей Чепров. У боли есть рифма и ритм.....	49
Марина Брюзгина. Хочется жить как не все.....	52
Валентина Ерофеева-Тверская. Окуривай, черёмуха, владей!	89
Эдуард Балашов. Семь слов	95
Сергей Чернопятков. Долгожданного марта аванс	109

ПУБЛИЦИСТИКА

Борис Бурмистров. Русский язык – крепь России	111
Александр Гзоган. Друг мой, а не враг	114
Геннадий Теплоухов. Пора бить в колокола	118
Мария Шамова. Единение благодаря Достоевскому (О III Международном симпозиуме «Русская словесность в мировом культурном контексте»)	121

КНИГА ПАМЯТИ

Елена Елистратова. Частные эпизоды войны	123
--	-----

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Вера Лащевская, Ольга Беспалова. Кемеровская областная научная библиотека: поступь истории	132
---	-----

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Евгений Мельников. Земля всегда рядом	142
---	-----

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Вадим Ермоленко. 150 лет основания прихода в селе Жарковском (ныне посёлок Яя) 1860–2010 гг.	159
--	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Людмила Ольховская. Горит, сияет его заветная звезда	162
--	-----

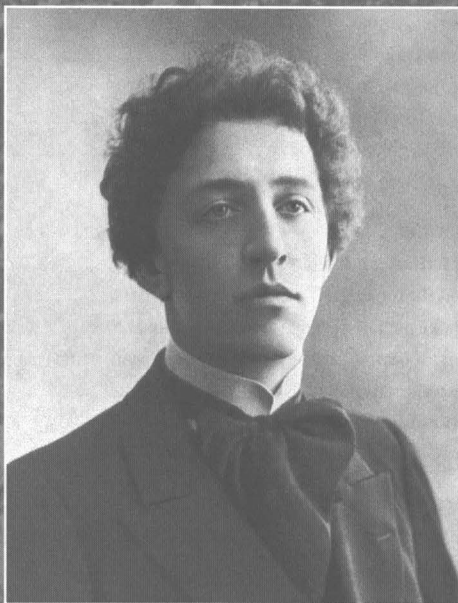
КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анастасия Томишева. Любовь стихами прорастает... (О сборнике Натальи Поляченковой «Неоконченный портрет»).....	164
Нина Ягодинцева. «Остановлюсь на краю листопада...» (О книге «Глядеть – не наглядеться в небеса» В. Ерофеевой-Тверской)	165
Дмитрий Шипилов. Игорь Иванченко «Шепотом... Вполголоса... Негромко...».....	166

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил В. Арнаутков	169
---	-----

**РУССКОМУ ПОЭТУ
АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ БЛОКУ
130 ЛЕТ**

(1880–1921)

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

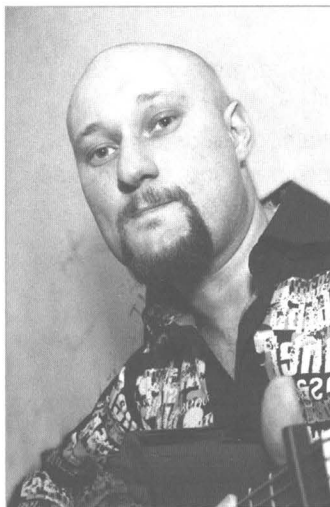
Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке...

.....
Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

А. Блок. Из стихотворения
«Пушкинскому дому»

Сергей
ХАРЦЫЗОВ

КАЧАЕТ
НАШУ ЛЮЛЬКУ
ГОСПОДЬ

ПОЧТИ ОДА

Про мою азиатскую родину
мне б черкнуть пару строф невзначай,
где душистую садят смородину
лишь затем, чтоб заваривать в чай,

где растенья в жару поливаются
в две зари, а иначе — хана,
где бубнивые свадьбы играются
в чайханах...

Славна будь, золотая Узбекия,
ветра в парус тебе, солнца в грудь!
Даже в этом трагическом беге я
не сумею себя обмануть:

я люблю вас, страна помидорная
и верблюжьеколючковый рай,
где рождён я травинкою сорною
просто так... невзначай... чтобы в чай...

Не брани нас, случайная Родина,
злой неправдой наш след не кропи.
Мы — лишь саженцы русской смородины
в азиатской степи.

Так бывает — кончились патроны,
а тебе уже полгода, как
не до смерти: ты совсем влюблённый —
и один... перед тобою враг...

Женщины в автобусе толпятся
и сквозь даль горящую глядят,
как же ты умеешь не бояться —
это матери твои, Солдат!

И мальчишки бегают, крылаты, —
им везде мерещатся бои —
в том дворе, где бегал ты когда-то —
это братья младшие твои!

А в квартирке маленькой и тесной
девушка который день подряд
мается, себе не знает места...
Кто она тебе? — сестра, невеста?..
Это силушка твоя, Солдат!

И сплелись смертельные объятья,
жизнью жизнь и плотью плоть губя!..

Ну, давай борись! Борись, Солдастик!
Вся Россия смотрит на тебя!

3

ХАРЦЫЗОВ Сергей Александрович родился в 1979 году в посёлке Советабад Самаркандской области. Дед по матери, проходчик шахты «Ягуновская», в 1970-х годах поехал в Узбекистан поднимать горнодобывающую промышленность. После распада СССР Сергей вернулся на историческую Родину, в Кемерово. Учился в КемГУКИ. Посещал литературную студию «Аз». В настоящее время живёт в Москве.

Голова моя на улицу растёт,
зреют думы в тесной завязи ума;
пчёлка-муза, сев на чёлку мне, сама
из пыльцы былых страданий сварит мёд.

Осень мамой в букваре, привставши на
цевки-цыпочки, дождём как из ведра
моет чёрный прослезившийся квадрат
одинокого отчаянья окна.

*Закурились трубкой вечности костры,
лист немислим вне поверхности земли.
Что-то нынче уж особенно быстры
на расправу улетастья журавли!*

Голова моя на улицу растёт.
В жизни стоит лишь задуматься,
как глядь —
наступил октябрь на горло, и вот-вот
подойдёт сезон охоты умирать.

* * *

*Стихи не надобно писать,
они должны внезапно сами
из ниоткуда прилетать
уже готовыми стихами.*

Чтобы, сорвавшись в тишине
с высот заоблачных скрижалей,
вослед мурашкам по спине
слова безумные бежали.

Чтобы рука в восторге на
бумагу их переводила
и чтоб в молчании страна
вокруг на цыпочках ходила.

* * *

Николай-нидворай...
Лишь глаза озорные.
Пьяный беженец в рай
из холодной России.

Незаживший рубец
незализанной боли.

Сам се матъ и отец.
Колька-Колюшка-Коля.

Чуть петух пропоёт –
мама тут же проснётся
и в ведре принесёт
чистых звёзд из колодца.

*Встанет тихо: тук... тук...
Вековая привычка!
Как сладка та водичка,
что из маминых рук!*

А покуда роса
моем хмель и крапиву,
как легки небеса
и земля молчалива!

Как охота домой
после долгой разлуки!
Как сырою землёй
пахнут женские руки!...

* * *

*Все поэты – ерундовые люди:
занимаются всю жизнь чем попало,
и хотят, чтоб им за это на блюде
подносили бы почёт и хлеб-сало.*

Гнать их надо, болтунов, дармоедов,
оседлавших наши шеи и плечи!
Наплодили, понимаешь, поэтов!
Потому и жрать, товарищи, неча!

*Вот в Китае – там с поэтами строго:
знай – рифмуй Мао Цзедуна заветы!..
А у нас всю жизнь писателей много,
а порядку настоящего – нету.*

*А у нас всю жизнь то пень, то колода,
то мы дух обожествляем, то плоть...
Но дрожит над нами Матерь-Природа
и качает нашу люльку Господь.*

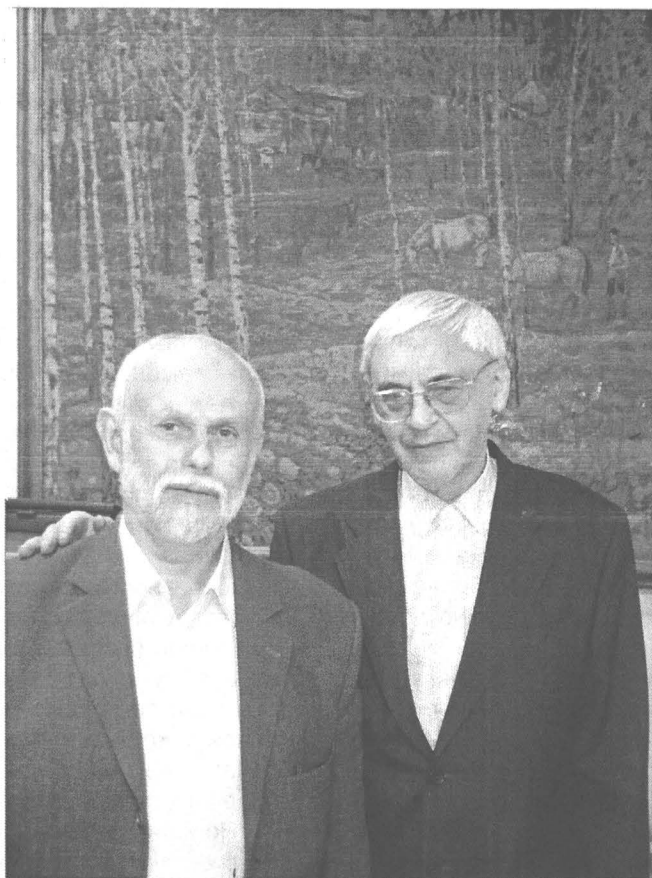
* * *

Хэлоу, несчастная Америка,
столица радости дешёвой!
Слабо придать своей истерике
оттенок красочного шоу?

Теперь прислушивайся к шорохам
и щупай небо робким взглядом.
Ты чуешь – небо пахнет порохом?
Так пахло небо над Белградом,
когда дитя полуголодное
вели к родительскому гробу.
Горька на вкус беда народная –
теперь и ты её попробуй!
Теперь и ты хлебни презрения
и в час проигранного боя
прими моё стихотворение
как очень маленький, но «боинг»!

* * *

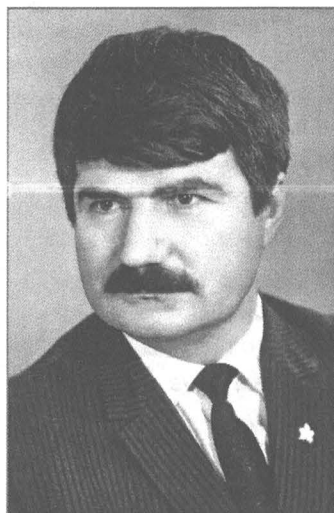
Пар кастрюльный, будто пот,
к стёклам льнёт, и не иначе
на стене моей вот-вот
карта Родины заплачет.
Суп у нас на колбасе,
в лучшем случае на сале.
Мы Отчизны не сдавали,
но виновны, как и все.
В пузырящуюся жижу
лук бросаю. Резь в глазах.
Ничего уже не вижу.
Карта Родины в слезах.

Поэты Владимир Ерёменко и Владимир Каганов

Гарий НЕМЧЕНКО

ДОНСКОЙ ПРОЛОГ

1967 год: ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ СИБИРИ С ПРОСТЫНКОЙ

В Кемерово ожидалось какое-то очередное комсомольское мероприятие, на котором я, молодой пр-р-ролетарский, оч-чень большие надежды подающий писатель, дал согласие выступить, и в Новокузнецком горкоме меня предупредили: всё будет «на природе», жить предстоит в палатках, а потому необходимо захватить с собой из дому простынку... Но не успел я с этой простынкой до обещанных палаток добраться, как получил другое «цэу» – ценное, значит, указание – немедленно разыскать только что прилетевшего из Москвы Владимира Чивилихина: я ему срочно нужен.

Чивилихин был уже широко известный на ту пору писатель, только что получивший премию Ленинского комсомола за «Кедроград», за остальные свои сибирские повести, да к тому же земляк – из северного нашего Мариинска, и мы с простынкой тут же изменили курс, тем более что выступать «перед активом» я, как можно догадаться, не рвался.

И вот не успел я извиниться перед Владимиром, значит, Алексеевичем – почему я заостряю внимание на отчестве, потом объясню – за раннее вторжение, не успел он сообщить мне, что вечерним рейсом я должен лететь в Москву – меня включили в группу молодых литераторов, которые поедут на Дон, чтобы в неофициальной

обстановке, на рыбалочке с костерком да ушцей, встретиться с Шолоховым, – так вот, не успел он всё это объяснить, как в дверь настойчиво постучали, чуть ли не следом за мной – «на моих плечах», как раньше казаки говаривали – появилась запыхавшаяся горничная и голосом, каким зовут на пожар занятых чем-нибудь чрезвычайно важным больших начальников, торопливо проговорила: «Извините, товарищ Чивилихин, вас срочно просит к телефону корреспондент «Комсомольской правды» Котляров!»

Опираясь на локоть, Чивилихин в майке полужелал в кровати и сделал теперь деликатную попытку привстать: «Только что прилёт.. хотел после самолёта чуток отдохнуть. Или пусть обождёт, пока я оденусь, или...»

И тут я уверенно поднял ладонь: «Оставайся. Сейчас я с ним... чего тебе дёргаться?»

«Ты его знаешь?» – как бы благодаря меня за порыв, поинтересовался уже в спину мне Чивилихин.

Обернувшись в дверях, я сказал как само собой разумеющееся: «Кореша!»

Прошёл вслед за горничной по длинному и сумрачному тогда в кемеровской «Томи» коридору, взял лежавшую рядом с аппаратом у дежурной на стойке трубку: «Юра, привет!»

Какой на меня обрушился неудержимый водопад счастья!

«Володя! – кричал Котляров. – Володя! Как я рад, старик!.. Что ты снова в наших краях! В род-

НЕМЧЕНКО Гарий Леонтьевич родился 17 июля 1936 года в станице Отрадной на Кубани. Окончил факультет журналистики МГУ. Более 10 лет работал в Сибири на стройке, редактировал многотиражку «Металлургстрой». Публиковался в журналах «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Живёт в Москве, Майкопе.

ных пенатах! Володя!.. Предлагаю тебе такой план – и не говори «нет», Володя!»

Раз и другой я тоже попытался окликнуть его по имени: мол, не гони лошадей! Не узнаёшь, что ли? Погоди, мол... Куда там! Он был как набухший семенем глухарь на мартовском токовище: «Не перебивай меня – слушай! Коньяк уже на столе. Окрошка готова. Лида в магазин побежала кой-чего докупить, а я сейчас шлю за тобой машину: спускайся вниз!»

Этот его восторженный крик мне уже надоел: вяловато, как полулежавший в гостиничном номере Чивилихин, я опять попробовал остановить напор: «Юра!»

Он там ударил ладонью по столу рядом с телефоном: «Ты не можешь отказать, старик! Ты – мой самый дорогой гость!»

Ребята мы тогда были – палец в рот не клади. Или дело в другом?

К моим тридцати годочкам за левым плечом у меня чуть ли не постоянно приплясывал тогда, как умелый боксёр во время разминки, хорошо откормленный – сами-то почти не закусывали, всё ему доставалось! – нетерпеливый бес, который просто не мог долго оставаться без дела.

«Я тут не один», – как бы скучая, сказал я в трубку.

«Кто там у тебя?» – сразу насторожился Котляров.

В голосе у меня появилась ирония: «Этот ваш... классик с Записки...»

«Немченко?» – поймался Котляров.

И я лениво подтвердил: «Он, да».

«На хрен, Володя, на хрен! – категорически потребовал наш общий с Чивилихиным «кореш». – Гони его, старик, в шею... он один там? А если ещё со своим дружкой Емельяновым! Нажрут тут и, пока не выяснят, действительно, кто из них – классик, а кто – дерьмо, поговорить не дадут!»

«Ты так считаешь?» – спросил я уже заинтересованно.

Он там как будто упал на бегу. Вот медленно поднялся и тогда только с изумлением произнёс: «Гарька? Ты?!»

«Ну, кто ещё?»

В трубке запели короткие гудки: поговорили – ничего себе!

Вернувшись, я в красках живописал Чивилихину свой телефонный диалог с «корешем», и он огорчился искренне и, как мне показалось тогда, сверх меры: «Нехорошо как вышло!.. Что теперь

будет-то?» Я его успокаивал: да ну, мол, – что за проблема? Или не знаешь: тут такие мастера друг дружку разыгрывать, в Кемерово, в Щегловке в этой – сто раз на дню тебя «купят», а здесь всё невольюно получилось, все само собой.

«А как же ваши дружеские отношения?» – не успокаивался Чивилихин.

Я был совершенно спокоен:

«Раздавим бутылочку. Надеюсь, он должен мне теперь? Или – я ему? Кто из нас кому?..»

Тут я ошибся: с Котляровым мы больше не общались до конца его жизни. А ведь прошло с тех пор три с лишним десятка лет.

Обиды я на него никогда не держал: на что обижаться-то? На кого?!

В этом смысле мне крепко повезло: чем-чем, а самоиронией природа одарила с избытком.

Понимая, в какое щекотливое, скажем так, положение, попал тогда Юра, иногда я делал попытки помочь ему. Окликал на каком-нибудь многолюдном сборище, радостно бросался к нему – он стремительно уходил, скрывался в толпе. Звонил домой – теперь он догадывался об этом ещё до того, как я что-либо в трубку произносил. Неправильно, говорил, набрали номер.

Хорошо хоть, незадолго до того, как ему уйти навсегда, я дозвонился-таки из Новокузнецка: «Ну, что ты маешься, – сказал, – было бы отчего тебе мучиться, Юрка, милый! Ты был тогда совершенно прав – это мне надо было стыдиться всю жизнь: ты – при чём?! Я уверен: ты знаешь, что я любил тебя всегда и люблю...»

И Юра вдруг, не такой уж лирик, в голос заплакал.

Но я, само собой, о другом.

О том, какие высокие гости съезжались в тот год на берега «тихого» Дона.

Конечно же, я был не лучший из них.

Но и худшим, несмотря на готовность самоуничтожения, которое, как известно, паче гордыни, назвать себя не решился бы.

Худших там просто не было!

Спустя годы, когда всё чаще начал и задумываться, и размышлять над многим и многим уже в пустой след не только я, но – тысячи соотечественников, миллионы сограждан, в «Шолоховской комиссии» Института мировой литературы мне подарили ксерокопию списка участников той летней поездки на Дон. Под номером десять, замыкая список иностранцев, значилась нелегально приехавшая в Советский

Союз «Товарищ Долорес, Колумбия». Следующей стоит моя фамилия и название города: Новокузнецк.

Большие надежды возлагались на мою сибирскую стройку!

ВЫСОКИЕ ГОСТИ. ГРОМКИЕ РЕЧИ

С Ларисой Васильевой в одно время заканчивали университет, факультеты наши располагались в одном корпусе МГУ на Моховой: она — филолог, «филологиня», я — журналист. Литературный работник, как в дипломе записано. *Литраб* в профессиональном обиходе. Как вышло, и — по судьбе.

«Говорят, ты женился на трактористке?» — спросила меня Васильева, когда через год работы в Сибири в первую свою командировку в Москву я заскочил на Моховую: пяток минут посидеть на старой скамейке у подножия огаревского памятника, поглазеть на зубцы кремлевской стены за Александровским садом — как бы маленько подновить в памяти державную картину, которую пять лет перед этим впитывал тут в себя чуть не каждый день.

Ощущение, хорошо знакомое только нашему брату, сменившему Москву на провинцию: Лариса с этой скамейки как будто и не вставала — ну, может, на часок-другой отходила по вполне понятным, по житейским причинам.

«Не на трактористке, — пришлось её поправить. — На каменщице. Хотя вообще-то она мастер... линейный мастер, ты понимаешь: не в конторе прохлаждается, а на строительстве какого-нибудь тебе кислородного цеха вкалывает с бригадой с утра до вечера».

В голосе у Васильевой прозвучало насмешливое превосходство городского цветка: «Считаешь, что это лучше?»

Пришлось ей чуть ли не лекцию прочитать: как «мы подругам в суровые дни согревали дыханием руки, чтобы к звёздам ушли корабли, чтоб вели их упрямые внуки» — эту песню, сочинённую вместе с литсотрудником многотиражки треста ещё «Сталинск...», «Сталинскметаллургстрой», да! — литсотрудником нашего незабвенного «Металлургстроя» — Робертом Кесслером, уже распевали тогда на Запсибе.

Лариса сделала вид, что всё поняла, что прониклась, и ещё с десятков минут ну, прямо-таки очень заинтересованно расспрашивала меня о будущем «индустриальном гиганте», «основе третьей металлургической базы на Востоке

страны», но когда мы увиделись перед поездкой на Дон, она спросила явно без подначки: мол, как там твоя чумазая трактористка?

Пожалуй, ей это было всё-таки ближе, чем безликая «работа на линии»: отец Ларисы, известный конструктор, — один из создателей знаменитого танка «Т-34».

Конечно же, таким отцом можно гордиться, и она не преминула в очередной раз это сделать и в своей книжке «Путешествие врагов с друзьями», в которой описана кроме прочего и поездка наша на Дон. Вскользь коснулась она и темы, которую в этом кратком документальном рассказе я хочу сделать главной. Вот цитата: «Потом был ужин. Он (речь о М. А. Шолохове. — *Авт.*) отсутствовал. Все развязались, спорили, ссорились. Коса находила на камень в спорах писателей с представителями комсомола. Меня их политика никогда всерьёз не интересовала, но в какой-то момент я ввязалась в спор на стороне прозаика Гария Немченко — не помню теперь, о чем шла речь — и что-то «выдала».

Так вот, об этом-то я и хочу рассказать поточней, но прежде позволю небольшое отступление, должное психологически объяснить то, что случилось почти три десятилетия назад.

Сегодня я, казалось бы, — стреляный воробей, старый уже волчара, который нет-нет, да клацнет вдруг уже подпорченными, но все ещё крепкими зубами, но вот, вот какое дело: всё это не мешает мне во многом оставаться все тем же недоумком, которым я имел несчастье — а может, как раз — наоборот — быть и в ту прекрасную пору самонадеянной юности. Около двух лет назад, совсем недавно, мне предложили избираться в Государственную Думу: был кандидатом по 91-му одномандатному округу с центром в шахтёрском Прокопьевске — на юге Кузбасса. В «стране своей молодости», как раньше обычно писали мы... эх!

С чего я вдруг на ненадёжное предприятие, как встарь в казачьих наших местах говаривали, «наруньжился»?

Прежде всего это давало возможность несколько раз слетать в Сибирь, куда я не только самолётом в любое время готов отправиться, но и — пойти пешком. Как раньше в Отрадной, опять же, — «пешки». Два осенних и один зимний месяцко мне предстояло поехать по любимым ещё со студенчества — когда впервые приехал сперва «на целину», а потом уже на газетную практику — местам, и противостоять этому иску-

шению я просто не мог: три месяца в дорогих сердцу краях — а там будь, что будет!

Как только о моём кандидатстве стало «в определённых кругах» известно, неугомонные доброхоты, которых нынче на родине — пруд пруди, тут же отыскивали богатого человека, готового мою предвыборную кампанию финансировать. Очень богатый, сказали, человек. Ничуть не беднее Кобзона и с такими же связями. Угольный магнат с Севера. Азербайджанский еврей. Мой телефон его людям дали: меня найдут.

Сразу же вслед за этим чрезвычайно важным сообщением я выдернул из розетки шнур моего так и «не распаренного» до тех пор телефонного аппарата и начал собираться в Кузбасс.

Тулееву я перед этим уже позвонил: не принимай, предупредил, мои попытки всерьёз. Тут как в том анекдоте: не догоню, так согреюсь. Если вдруг «догоню» — с тобой буду, я — не предатель. Но при любом исходе у меня появится дорогой для творческого человека личный опыт. Одно дело — писать о вас, о политиках, считай, с чужих слов, и другое — потолкаться рядком, потереться плечами. А здесь такой случай испытать наши новые демократические, значит, возможности на собственной шкуре! Какой настоящий писатель от чисто русского варианта — потрогать, чтобы это ни было, своими руками — откажется?

Вдобавок ко всему я состоял тогда в штате «думского» журнала «Российская Федерация сегодня» и считал совершенно искренне, что для нашей редакции это чуть ли не подарок судьбы: обозреватель по вопросам культуры идёт на выборы за политическим опытом. Ну, не удача ли? Цены потом не будет такому золотому, как я, работнику!

Из этого ясно, что ставил я перед собой вполне конкретные цели и планку не собирался выше поднимать, но всё-таки, всё-таки...

Старший мой друг Аскер Евтых, «московский черкес», недавно похоронивший в то время жену восьмидесятирёхлетний адыгейский писатель, которому, чтобы хоть как-то поддержать его, я каждый день тогда обязательно звонил, с нарочитой ноткой торжественности, скрывавшей его трогательное отношение ко мне, высоко чтившему его самого и великолепную его, так и не оцененную до сих пор грустную прозу, так вот, Аскер с высокоторжественным юмором сказал мне, узнав об очередных моих творческих, значит, планах: «Вы знаете, Г. Л., что я — неисправимый

атеист. Но я готов *поступиться принципами* и просить вашего Иисуса Христа и нашего Магомета, чтобы они вместе помогли вам. И я тогда буду знать, что в Думе есть, наконец, хотя бы один порядочный человек!»

А вдруг, временами подумывал я невольно, а вдруг Аскер Кадербечевич, упрямый черкес, до Них достучится?

Не только это — многое другое давало мне повод вроде бы ни с того, ни с сего поддаться эйфории. Два «моих» из почитаемых церковью праздников — великомучеников Гурия, Самона, Авива и святителя Гурия Казанского — приходились как раз на дни поздней осени. За год до выборов мне пришлось побывать в морском походе: на одном из «больших десантных кораблей», на «Азове», сопровождал наших миротворцев до Греции, до Салоник. Написал потом об этом с душой, командованию ВМФ, как понимаю, документальный рассказ мой понравился, и добрые люди из Пресс-службы Главного Штаба стали туда и сюда приглашать меня: накануне летом с группой высших офицеров на один денёк полетел вместе с другими журналистами в Казань, где открывали памятник адмиралу Галлеру — заместителю легендарного Главкома Военно-морского Флота Кузнецова, сразу после войны репрессированному и умершему в печально известной Казанской тюрьме. Памятник поставили рядом с могилой другого страдальца, умершего там же на десяток лет позже, Василия Сталина, но не только это странное совпадение заставило меня о многом задуматься. Времени у нас было в обрез, в ближайший храм, чтобы расспросить об иконе Казанской Божией Матери, я отлучился с поминального ужина, и батюшка, к которому я обратился, узнав о моём православном, при крещении данном имени — Гурий, посчитал справедливым укорить меня: «Выходит, вы улетите домой, не приложившись к мощам своего духовного покровителя?»

Как я мог, и в самом деле, забыть!

И вот ещё об удивительных переплетениях судьбы: летишь в Казань почтить память бывшего царского офицера, лютеранина, и тут один из высших чинов мэрии, татарин, с братским пониманием относится к твоей просьбе и даёт тебе свой автомобиль с «адским водителем» — чтобы за час до отлёта успел ты исполнить дорогой для тебя христианский обряд. Россия!

Такой гонки, какая была у нас по Казани, не видел уже давно.

Икона Казанской Божией Матери и мощи святителя Гурия Казанского находятся в одной церкви: при том самом кладбище, с которого наша делегация начала день в татарской столице. И я всё успел.

Может быть, размышлял я теперь, путешествуя по Югу Кузбасса, то был знак?

Какой знак и для чего он был дан – размышлять об этом поглубже стал я только потом, а тогда взял лежавшее на поверхности это самое: «а вдруг?!»

День выборов был назначен на праздник «Николы зимнего» – святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца... уж для Него-то, думалось, разве это – проблема?

Проблемы потом у меня начнутся, когда всё-таки выберут, ну, да что ж тут – не впервой будет собраться с силами и родине послужить... а?!

Конечно, слаб человек, чего там – ой, слаб!

Потому-то Аман Гумирович, не только опытный, предвидящий всё и вся политик, вообще, по мнению близко знающих его, – большой хитрован и чуть ли не самый настоящий шаман, совершенно справедливо решил на всякий случай ещё и по-братски подстраховать меня: мало ли, и правда что, на свете чудес! Да ещё – с казачками. Казачки эти – такой народ, что в любую щель проскользнёт! А какой с него потом, испорченного Москвой, спрос? А главное – какой толк?! Сам же первый начнёт высокой своей ответственностью тяготиться и от этого мучиться: побережём писателя для его прямого дела, для творчества... И ведь – сберёг!

Всё принимаю: справедливо. Но я не об этом: если в шестьдесят лет, седой дуралей, ты так и не разуверился окончательно, что можешь вдруг – ну, а вдруг?! – пригодиться Отечеству, то что с тебя в тридцать взять-то?!

Мысль о том, что выбор остановили не на ком-нибудь другом – на тебе, само собой подкупает: нужен. Именно ты. Востребован! А коли так, будь добренький – соответствуй не только без обмана, но и без лени.

За это безнадежное дело я на Дону и взялся.

Вышло так, что на большом банкете в Ростове, ещё перед тем, как нам попасть в Вешенскую, я оказался за столом рядом с секретарём обкома по идеологии Теслей. И чуть ли не первым делом сказал ему: мол, повезло! Будет с кем поговорить о нашей дурацкой пропаганде – разве она, и правда, у нас не дурацкая?.. Об идеологии вообще: разве тут мы – не по уши в

дерьме? Кругом занудство, кругом долдонство, кругом – брехня. Думаем одно, говорим другое, делаем третье – может ли всё это без конца продолжаться? Может ли добром кончиться? Наверняка: нет и нет! Но почему-то не видать, чтобы хоть кто-нибудь был этим озабочен. Идеологией нашей мы сделали иезуитское враньё. Врём, врём и врём. Не только тем, кто за рубежом, не только своим – в Союзе, но и – самое опасное дело! – давно уже сами себе врём. Всё это, естественно, из боязни выпасть вдруг из обоймы, остаться не у дел: чинопочитание и лизанье руководящих задниц сожрут нас!

Терпеливый и мудрый Тесля согласно кивал, вольно или невольно благословляя меня на продолжение темы. Я разошёлся!.. Как сам в то время обозначал: *выступал по расширенной программе*.

«Да, так, – то и дело соглашался, вздыхая, Тесля с моими оч-чень глубокими, конечно же, и хорошо взвешенными философскими посылами. – К сожалению, всё это, и действительно, – так!»

Как было не поблагодарить его за понимание, как за это не похвалить?

У одного из моих новокузнецких дружков, шефствовавших надо мной в то время комсомольских вождей, имелось присловье: «Прошу простить за бедность речи». Богатством её не отличался тогда и я.

«Хорошо иметь дело с мужиками!» – сказал я Тесле.

Тут он сразу мне возразил: «С казаками!» И я охотно поправился: «Это само собой – я о другом. Имею в виду: с мужчиной. У нас в Кузбассе на идеологии одни бабы сидят – чего с них взять?»

Столько лет прошло, а это моё заявление до сих пор вызывает в душе чувство вины... По правде говоря, сколько они, жалостливые «бабы» от идеологии, прикрывали и меня, и нас всех уже перед этим? Сколькое им ещё, если бы знать тогда, чтобы выгородить меня, предстояло!

Всего-то через два года секретарь Кемеровского обкома по идеологии Зинаида Васильевна Кузьмина спасёт меня, что называется, после знаменитой моей поездки в Австралию, о которой и нынче ещё ходят легенды. Недаром пошучиваю, что Кузбасс – моя историческая родина: сколько фантастических историй обо мне и нынче рассказывают, а я уже и сам давно запутался – где «голимая» правда, а где приукраска.

Испытываю тут большое искушение применить изящный этакий словесный пируэт, в результате которого станет как бы очевидно, что та самая сибирская наша баба — мужик свой, а вот донские-то казачки как раз оказались бабами... Но стоит ли из-за одного-двух честно выполнявших свой долг, как они его понимали, «тихушников» громогласно попрекать не имеющих к этому отношения остальных?

Само собой, что и я, как почти всегда тогда, был хорош, но, может быть, и меня понять можно?

Все эти бесконечные разговоры о щедрой донской земле и донском изобилии достаточно чувствительно уже успели задеть моё кубанское самолюбие... Не говоря уже о казаках и казачестве: или и мы — не южане?! Или не знаем, что тут оно всё само из земельки прёт. Недаром же говорится, что утром уже не найти в подростшей за ночь траве слегу, которая вот она — у всех на виду — лежала с вечера. Воткни в такую землю оглоблю — телега вырастет, ясно! Недаром же немцы увозили в свою Германию чернозём не откуда-либо — с нашей Кубани.

Но я ведь был уже не только южанином. Один из старинных приятелей, из однокашников, придумал, глядя на то, как у меня сердце рвётся между Сибирью и Югом, такую страну: *Кузбань*. И звал меня: *казак запсибанский*.

Конечно же, во мне копилась, клочкотала, искала выхода пролетарская ярость давно оторванного от богатой и тёплой родины сибирского голодранца. Восемь лет я прожил в Кузбассе, не собиравшись уезжать и по старой казачьей традиции пуще давних насельников, пуще кондовых чалдонов хранил и старался защищать старые обычаи и те самые нравы, над которыми посмеивались, тоже свято соблюдая их, наши, из «морозоустойчивых», евреи: мол, и мы — «сибираки»!

Конечно же, мы гордились крепким, которому не будет, казалось тогда, износу, товариществом, гордились немеренными богатствами Сибири и бравировали, конечно же, своей честной бедностью: но чем нам ещё оставалось тогда гордиться и чем бравировать?

В банкетный зал богатого ростовского ресторана — наверняка не без желания перехватить рюмку «по-купечески», ещё до начала всеобщего торжества — пришёл я чуть ли не первым, тут же по пролетарской, по простонародной своей привычке разговорился с важными официанта-

ми, занятыми делом, и действительно, чрезвычайно: они ходили вдоль длиннющего, щедро сервированного стола и с белоснежных, даже глазом было видать это, до хруста накрахмаленных скатертей смахивали кто салфеткой, а кто полотенцем крупных чёрных сверчков — откуда они только взялись в таком количестве?

Сверчков я всегда любил и, может быть, как ни по чему другому, тосковал на своей пропахшей бензином, гремющей и скрежещущей металлом новостройке по умиротворённому их, в благодатной тишине, тюрюканью...

Теперь, в моём уже подогретом воображении, они вдруг стали похожи на чумазных горновых, на сталеваров в своих суконных куртках, на покрытых угольной пылью шахтериков, которых пытались безжалостно прогнать с предстоящего «инженерам человеческих душ» праздника жизни.

Человек я был тогда чрезвычайно компанейский, а потому примером своим прежде всего и бесконечным повторением магических заклинаний — «Да пусть они побегают, братцы, эти запечнички, мешают они нам, что ли — давайте лучше с вами чокнемся, братцы!» — отвлёл официантов от несостоящего занятия и занял делом куда более, как мне казалось тогда, достойным... Сверчки так и остались на банкете вместе со всеми нами присутствовать, некоторые из них, напрыгавшись по изобильным пятнам вылитых на скатерть напитков, тут же начали — какой, свалившись набок, подрывать ножками и потихоньку засыпать, а какой, из наиболее стойких, настойчиво голос пробовать, и это тоже не давало мне забыть о моей высокой миссии: представлять на Дону рабочую литературу и, само собою выходит, — рабочий класс вообще. Работяг.

Потому-то, покончив прежде всего в беседе с Теслей с проблемами идеологическими, я тут же перешёл к экономике державы. Встал с рюмкою в руке и сказал речь такую: «За этим гостеприимным столом мы то и дело говорим о щедрости донской земли, о её изобилии — и всё это как бы подтверждено всем тем, что стоит на этом нашем столе... И всё-таки главное богатство страны создаётся не здесь и не нами — горбом своим его добывают на Урале и за Уралом — в Сибири. Как раз сейчас, когда мы произносим наши веле-речивые тосты, в Кузбассе и на моей голодной-холодной стройке, на металлургическом комбинате, который уже даёт металл, на Запсибе,

приступила к работе самая трудная – третья смена... За неё я и предлагаю этот тост: за бессонную третью смену!»

Многие, пожалуй, думали также или примерно так – меня поддерживали одобрительным ором...

Утром садились в автобусы, чтобы ехать в аэропорт, откуда должны были, наконец, лететь в Вешенскую. Ко мне благородно подошёл Тесля, наклонился к больной моей после вчерашнего головушке и негромко сказал: «Имей в виду: я – никому ничего. Тем более, что во многом ты прав. Но вообще-то... народ тут всякий. Истолковать по-разному могут, а? А впереди у вас ещё – ого-го! Так что... подумай».

И вот когда это «ого-го!» продолжалось уже на берегу Дона, когда уже был безнадежно испорчен осетровой ухой мой серо-голубой, в брусничную искорку пиджак, возле нашей компании остановился обходивший всех и каждого с рюмкой водки в руке Сергей Павлов, первый секретарь ЦК комсомола, только что прилетевший из Москвы и к нам, наконец, присоединившийся. На правах «самой красивой, потому что других вообще не было», как она в своих воспоминаниях пошучивает, на правах единственной среди нашей братии дамы, Павлова сопровождала раскованная, весёлая и в самом деле красивая Лариса Васильева.

Мы поднялись с травы, чтобы с «вождём молодёжи» чокнуться, и он, подальше отходя свою рюмку от моей, сказал с назиданием: «А на твоём месте сперва бы надо написать что-то стоящее, а потом уже – громкие речи говорить!»

Ну, так вот – по большому-то счёту: или не прав был?

Но тут-то между нами и возникла Лариса. Прикрывая меня, словно бесстрашная квочка – несмышлёного своего сыночка от коршуна, беззаботно-громко заговорила: «А что он сказал, Серёжа? Он ничего такого не говорил! Это стукачи тебе наверняка не так донесли!»

Не сомневаюсь, Лариса не кокетничает, когда говорит: мол, точно не помню, что там было.

Но я-то помнил это всегда!

Более того, иногда с высокаторжественной благодарностью о великодушном её заступничестве Ларисе напоминал – и устно, когда случалась такая возможность, и – письменно. Это уже не первый текст: насчёт стукачей.

Но она, выходит, это запамятовала. Тут как в случае с женой – тезкой Васильевой: вот втемя-

шилось ей, что моя Лариса – трактористка, и – всё тут. Сама вот уже и о «кремлёвских женах» написала, и ещё – о каких только нет важных персонах, а моя бедная каменщица – ну, как сиротка! Как была в воображении Васильевой трактористкой, так ею и осталась.

И всё-таки, сдаётся мне теперь, так и не смогла тогда Лариса Васильева убедить Павлова, нет – не смогла. Иначе почему я так и не получил потом премию?.. Ленинского комсомола, само собой.

Накануне, когда самые первые вручали Нодару Думбадзе и Владимиру Чивилихину, Анатолий Васильевич Никонов, бывший тогда главным редактором журнала «Молодая гвардия», только что опубликовавшего роман «Пашка, моя милиция» в дружески-категоричной форме сказал мне: «Готовься: следующая премия – твоя!»

«Вот как? – ответил я с интересом как бы к чему-то совсем другому, им невысказанному. – Вы так вопрос ставите?»

Была у нас тогда с Олегом Дмитриевым отработанная до тонкости манера так спрашивать: вроде бы – и наивно, а вместе с тем – со строгой значительностью.

Но Анатолий Васильевич, светлая ему память, был с юмором: «Ставлю, – сказал мне. – Ставлю. Именно так. За одного «Пашку» стоит, а у тебя теперь – два сибирских романа».

Осенью того же шестьдесят седьмого года, грешным делом, 29 октября, День рождения комсомола я провёл возле радиоприёмника... нет, братцы! Пролетел, как фанера над Парижем.

В утешение пришлось придумать себе звание: «Недолауреат-67».

Кемеровский обком комсомола, проявляя завидное упорство, подавал на меня документы ещё и ещё раз. Как на календарике со сменным числом, мне оставалось в новом звании моём менять годы: «Недолауреат-69». «Недолауреат-76».

Так что, имея в виду всё ту же обещанную нам попервах на Дону рыбалку, мне можно было бы спеть песенку своего строптивого землячка Вилли Токарева, кубанца-американца, с которым так неожиданно пришлось познакомиться нам в Новокузнецке: «Эх, хвост, чешуя, не поймал я ничего!»

Но ловил я всё-таки, пожалуй, другое... Во всяком случае – старался поймать.

НОВОЧЕРКАССКИЙ «ЁРШ»

Допускаю, что тут определённо есть вполне объяснимая тяга к самооправданию, но и грустная правда тоже наверняка имеется: перед встречей с нашим радушным хозяином в Вёшенской бдительные партаппаратчики, конечно же, намеревались лишить нас некоего эмоционального запала, могущего взорвать торжественно-благостную обстановку — заранее «обезвредить». А что для этого надо?

Известное дело!..

Только что вот — тридцать лет спустя! — разбирая старые бумаги, нашёл золотисто-белую, с черным письмом по ней, этикетку: «Росглавино. Донвино. СОВЕТСКОЕ ШАМΠΑНСКОЕ. Полусухое. Ростовский завод шампанских вин».

«Этапы большого пути», значит.

Перевернул, а на обороте вдруг — от руки: почерк уверенный и твёрдый. Немецкий, значит, порядок. Даже там! Где — пей, не хоч.

Взялся перебирать остальные наклейки, и на обороте чёрной с золотом — «Советское шампанское. Сладкое» — обнаружил нечто весьма невразумительное, изображённое уж венгерской рукой... Что тогда говорить о братьях-славянах и о русаках в частности?

Но первым делом нас повезли на экскурсию во Всесоюзный научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия в Новочеркасске.

«Каким вином нас угощали!..»

Уж это само собой.

Хотя больше меня поразила закуска.

Самое начало июня, в Новокузнецке кроме «черемши вонючей» — извини, родная, извини, любимая — кроме знаменитой, значит, колбы нашей, считай, ничего и нет, а здесь! Огурчики-помидорчики, лучок-чесночок, молоденькая редиска со всевозможными съедобными травками, а ко всему этому зелёному изобилию — и вяленый лещ, и «красная рыба», и икра — черная...

Чуть ли не всех нас сперва озадачило, что перед каждым на столе рядом с рюмкою и фужером поставили большую, литра на полтора-два, пустую мензурку.

«А это, простите, что такое?» — «Это — для слива». — «Какого слива?» — «А вот какое вино вам не понравится, вы его — в эту посуду. Чтоб не под ноги всё-таки выливать».

Ну, как тут, скажите, молодому-то таланту не заколечиваться?!

Перед каждым из нас мензурка стала стремительно наполняться редкими винами. «Российский виноград», говорите? Что-то оно у вас кисловато... «Донское степное»? Наоборот — слишком терпкое!

Но вот уже и настала пора спрашивать дорогих гостей, не слишком ли надоели им щедрые хозяева.

Помню, как Юра Сбитнев, Юрий Николаевич, записывает в «Книгу отзывов и пожеланий» только что сочиненный им стишок: «Ох, и крепок коньячок — этот самый «Ермачок»!

А ведь перед этим кто-то и его туда же, в мензурку... Как в грустном анекдоте про «вечный кайф», да. Думали, застолью конца не будет. Но вот уже «стременная» выпита, вот — «закур-ганная». Кто-то спохватывается, что одну пропустили: «на ход коня» была, а на «ход ноги» — нет. Ошибочка!

Пришлось исправлять.

И тут вдруг ещё:

«Какие вы казаки, эх!.. «На посошок» пили. «На ход ноги». «Стременная». Потом вы сразу — «на ход коня». А ведь между этими двумя тостами — ещё один».

«Какой, какой?» — заговорили с надеждой.

«Может, самый серьёзный, братцы!»

«Ну, не тяни, родной — не пытай!»

«Пропустили «подъяишную»!

«Под-я-иш-ную?.. Это что ж она...»

«Да как что? В седле-то ведь чуть не первое дело — о «хозяйстве» своём позаботиться! Поудобней устроиться — чтобы нигде, значит, ничего...»

«Серьёзные люди — казаки!»

«А вы думали!»

«За это надо сразу две рюмки, мальчишки!»

«Да, братцы, да — и чтоб между ними пуля не пролетела...»

«Чего это?..»

«Так стремительно эти две рюмки надо выпить».

«Серьёзные люди — казачки, ой, серьёзные!»

После этих двух — «чтобы между ними пуля не пролетела» — все встали, наконец, из-за стола, и тут я услышал сдавленный шепот:

«Прикрой меня, старичок... Пиджаком прикрой, что ли!»

Гляжу: Юра Куранов решительным взглядом обводит свою всклень налитую мензурку. Как такого гурмана, такого, выходит, разборчивого дегустатора да вдруг не прикрыть?

Задирая выше, чем надо было, нарочно долго натягивал я пиджак, а за моей широкой спиной, значит, молодой талант глушил «слив».

«Ну, молодец! – восхитился я. – Теперь ты меня!»

И тут и там вдруг тоже послышалось: «Заслони-ка, брат!», «Прикрой, друг!»

Эх, если бы мы так же «прикрывали» и «заслоняли» друг друга и брат брата всегда, а не только во время выпивки – какой враг был бы нам, русакам, страшен?!

«НА ХРЕН ТАКИХ ДРУЗЕЙ!..»

Два дня после возвращения с Дона в Москву мы совершенно бездарно – загул ведь, известное дело, загулу рознь – пропьянствовали на квартире у Владимира Фирсова, но вот я, наконец, кое-как выполз от него, и в Доме литераторов мы встретились с Олегом Дмитриевым. С одинаковым вниманием он сперва посмотрел на мятый пиджак, висевший у меня на руке, потом взгляделся в лицо и по-актерски картинно, как было тогда с ним у нас в общении принято, развёл руками: «Что с тобой, Черри?!»

Это был один из многочисленных вариантов моего имени, которое – по тем-то, и действительно, временам! – на самые причудливые варианты ну, прямо-таки напрашивалось.

«Долго рассказывать, Олежек, – вздохнул я. – Долго рассказывать!»

«Но в этом вигваме, надеюсь, ты себе маленько позволишь?» – спросил он весьма заинтересованно.

Тут надо упомянуть о давних наших с ним факультетских именах, якобы у индейцев позаимствованных. Вигвамный Шест – так прозвали мы в своё время чрезвычайно худого Олега за высокий, за «длинный» рост. Я с первого курса, чтобы пополнить свой скудный бюджет, чуть не с утра до вечера бегал по московским редакциям – «подхалтуривал», за что был наречен Потным Мокасином. Последний из неразлучной нашей в то время тройцы носил обидную, как считал он, кличку Печень Трески... Любопытное дело, правда!

Чуть ли не главным занятием Олега, хоть ездить он любил, ездил много, стало с годами – *подпира́ть* потолок в Доме литераторов. Блестящий юморист, признанный балагур, за изящными шутками которого скрывался глубокий и часто печальный смысл, всеобщий любимец, он и сломался, что там ни говори, как раз тогда, ког-

да ЦДЛ наш – как центр дружеского, миротворческого общения – практически рухнул во времена должной бы как раз подукрепить его «перестройки». Как жаль, если лежать в руинах он останется уже навсегда.

Печень Трески, прозванный так не только за стандартный, как у банки консервов, вид, всегда блестящий, по-европейски подтянутый, но и за неприметность свою в то же время, за обыденность, в точности повторил судьбу этого запово- нившего некогда полки «гастрономов» – «бери – не хочу!» – продукта, одного из самых тогда дешевых. Закончив какую-то хитрую спецшколу, разумеется, высшую, надолго откочевал за рубеж, а на родине стал доступен только для избранных.

Что касается меня самого, мокасины на все случаи жизни, всё больше грубые и крепкие башмаки, заняли самое, пожалуй, почетное место не только в гардеробе моём, но и достойное – в моём творчестве, а то, что у меня никогда не было автомобиля – ни личного, ни служебного – и нынче не позволяет засиживаться и заставля- ет, что там ни говори, с почтением относиться к удобной и прочной обуви. Вечно мчишься, всег- да куда-то спешишь и непременно опаздыва- ешь... Совсем недавно со старым другом обня- лись, и он озабоченно спросил: ты что, мол, – под дождь попал?... – «С тобой, – говорю ему, – на встречу опаздывал!» Вспомнил о студенческом своём прозвище, рассказал, что был некогда Потным Мокасином всего лишь, а нынче вот – хоть новенькое придумывай, потому что и руба- ха – хоть выжми. Привык ходить быстро, мед- ленно – просто не могу... слава Тебе, Господи, даёшь возможность не отступать пока от этой привычки!

(Несколько лет назад торопился в Дом лите- раторов по какому-то неотложному делу, мчался от станции метро «Баррикадная» к Садовому и обогнал парня с сумкой на плече... Гляжу, теперь он обошел меня. Ну, нет, братец, думаю... Молод ты ещё, молод! Легко его перегнал, но он снова появился впереди меня – и так было и один раз, и два, и три... Потом он рядом пристроился и, называя мою фамилию, спрашивает на ходу: вы – такой-то, мол?... «Да, – отвечаю с полным правом на утвердительный ответ, но в то же вре- мя и с вполне объяснимым удивлением, – я!» – «А что же вы как по тайге несетесь?» – спраши- вает он ну, с чрезвычайным интересом. «А где мы с вами находимся? – спрашиваю. – Мы в

джунглях! Как раньше, бывало, о городах говаривали: в *каменных джунглях*. Только так тут и можно что-то успеть... Вы-то — кто?» «Сергей Ковякин, — он говорит. — Из Кузбасса. Узнал вас сразу... Прозу пишу. А живу в Таштаголе».

Ну, как бы не один пароль — все, какие можно, назвал: свой!

Был он профессиональный охотник, на медведя ходил, соболевал, по горным рекам рыбачил. «Приезжайте! — приглашал. — Приезжайте! Тем более, что тащить вас, как вижу, не придёт — придётся останавливать!»

У каждого из нас с собой были книжки, мы радостно ими обменялись, и он сказал, улыбнувшись: «Ну, что, — побежали дальше? По *гариевой*, выходит, дорожке!»

Всё собирался в Таштагол, но через два-три года после этого на берегу нашли рюкзак Сергея Ковякина и его ружьё. Сам он, предположительно, зачем-то пошел ночью на моторке, и его якобы зацепило переброшенным через реку тросом и выбросило из лодки...

Талантливый был прозаик и, судя по всему, человек хороший.

И я постоянно вспоминаю его — может быть, *поминаю*? — когда по левой стороне тороплюсь от «Баррикадной» к Садовому, и мне кажется, что Сергей часто бывает в это время где-то как бы неподалёку, и видит, как я бегу, и — про себя — дружелюбно и чуть грустно насмешничает как тогда, при нашей первой и единственной встрече, и у него теперь-то, в том мире, где всему другая цена, наверняка есть основания печально насмешничать и, может быть, жалеть меня, как не пожалеет никто из близких, несмотря на то, что я им рассказал потом и про тайгу, и про *каменные джунгли*, и про «*гариеву дорожку*»...) 15

Так вот, к тому времени Олег Дмитриев, несмотря на молодость, уже был одним из самых почитаемых вождей в том самом «вигваме», который так или иначе столько из нас сгубил: кого — «огненной водой», кого — дымком ранней славы, кого — черной завистью.

«Хотя бы несколько капель? — переспросил он, правильно истолковав моё молчание. — Или...»

«Морским узлом, — сказал я, подтверждая его догадку, весьма решительно. — Морским узлом!»

Вигвамный Шест завозмущался с нарочитой обидой: «Не понимаю тебя, Черри... Зачем тогда было огород городить, если теперь ты не мо-

жешь выпить с другом? Весь мир знает широко известную в Западной Сибири песню: «По *домне* гуляет казак молодой...» И продолжал бы себе возле горячего металла... нет! Ему почему-то захотелось на Дон, видите! Должен тебе, кстати, сказать, что специально оставил для тебя недавно вышедший номерок «Нового мира» со статьёй Кардина о твоём друге Шолохове. Уверяет, что в романах его высокое мастерство не ночевало: в любимом твоём «Тихом Доне» слово «пот» чуть ли не на каждой странице встречается от трёх до пяти раз... как ты понимаешь, Черри, я — поэт! И мне плевать, что там творится в цехе у моих литературных собратьев. Но на твоём месте я бы непременно разобрался, так это или нет. Дорогую твою пламенную сердцу словосочетания «Потный Мокасин» на страницах «Тихого Дона» ты можешь, правда, и не найти, но что касается остального...»

Читал я в самолёте потом «новомировскую» статью, во многом с ней соглашался, и сердце моё наливалось гневом праведным... нет, в самом деле!

Пригласить такую кучу народу, чтобы постепенно чуть не всех ухайдакать, ведь «сходили с дистанции» один за другим... Ну, Вася Белов хоть по делу пострадал: как-никак поговорил с классиком на любимую для обоих тему — о подразвёрстке. После этого, поддавши уже с нами, грешными, Вася вышел на балкон вешенской гостинички и сказал проникновенную речь, начав её словами: «Вы ограбили мой народ!.. Вы страну ограбили! Вы, вы!» И указал пальцем на стоявших под балконом партийных да комсомольских вождей из нашей команды, отнесшихся, впрочем, к этому важному заявлению если не с пониманием, то с сердобольным снисхождением — точно: давление поднялось у Василия Ивановича, помочь надо срочно, где наша медсестричка... Сестра-а?!

Но ведь недаром Лариса Васильева оговаривается о том, что касалось не её лично: точно не помню, мол... Так что пусть-ка расскажет об этом, как он это запомнил, сам Василий Иванович.

Году примерно в 96-м или 97-м встретились с ним случайно в метро, на станции «Библиотека Ленина», и я предложил что-то такое: вот, мол, хорошо бы нам собрать специальный номерок «Роман-газеты» с *неприукрашенными* воспоминаниями о нашей поездке к Шолохovu. С Ганичевым говорил, Валерий Николаич, мол, готов: сам там был, всё видел... Отнекиваться Василий

Иванович взялся чуть не с ожесточением, но направлено оно было больше всего как раз против того, что вспоминать о нём станет кто-то другой. Ключевыми словами в его речи были тогда два: «сам» и «потом» — это помню определённо.

Но кто бы из нас тогда на Дону не согласился самому себе «поднять давление» — лишь бы побыть рядом с Шолоховым и хоть немножко поговорить с ним?.. Однако не станешь ведь сквозь постоянно окружавших его партийных да комсомольских чиновников либо знакомых с ним и раньше собратьев своих прорываться, не станешь их локтями отталкивать... Нет — так нет!

«Василий Белов — тут всё ясно, — подначивал меня в те дни Юра Сбитнев. — Русский человек кроме прочего, с традиционным именем... Ну, даже Геннадий, предположим, как у Машкина, — и то сойдёт... в крайнем случае — Феликс. Как у Чуева. Тут уж ничего не поделаешь: тень Феликса Эдмундовича обязывает... Но твоё-то имечко! И с ним — к Михаилу Александровичу?! Со свиным-то рылом в «калашный ряд»! Давай, пока мы здесь, поменяем тебе имя, а заодно и фамилию: станешь *Григарий*, а? Как звучит!.. Станешь Григарий Олухов».

Ох, прав был Юрий Николаевич, ох, прав! Насчёт Олухова.

Но что делать? Всею своё время. Свой час. А тогда...

С нами был ещё один Феликс, Овчаренко, работавший в ту пору в ЦК комсомола. Старшим-то «пастухам», следившим за нашим своим нравным гуртом, было легче: только указывали пальцем, а то и просто глазами... Овчаренко был из «подпасков», и вся работа была на нём — уж ему-то досталось!

На заводе шампанских вин после очередного бокала я, само собою, решил, что настала пора найти мне, наконец, Роберта Кесслера, вместе с которым несколько лет назад мы осчастливили нашу ударную стройку этой самой песней о том, как «подругам в суровые дни согревали дыханием руки, чтобы к звёздам ушли корабли, чтоб вели их упрямые внуки». Более того, более: «Чтобы там, завершив перелёт, на планетах чужих рассказали, что они привели звездолёт из горячей записибовской стали...»

Разве мог я пропустить такую возможность — навестить своего старого товарища по «переднему краю»? Адрес его, Нахичеванская, 8, стучал в моё сердце, как всеми почитаемый тогда

«пепел Клааса», и с каждой выпитой рюмкой стук этот, конечно же, многократно усиливался...

(Вот только что оторвался от своего «донского» текста, вышел в соседнюю комнату и на другом столе в толстой стопе черновиков нашёл давно перепечатанные набело сорок страничек, нигде не опубликованных... Кому оно теперь всё это надо? Но, может, дождался своего часа хотя бы этот малый отрывок о Кесслере — недаром же несколько лет терпеливо лежал почти под рукой: «Он был немец, сын расстрелянного в тридцать седьмом году главного механика Азовского пароходства. Мама, русская, сумела вырастить из него всепрощенца и стойка, он с добрейшей улыбкой рассказывал: «Один чувак с нашего юрфака пообещал мне отсудить отцовский дом, и я сказал ему: ты там старайся!.. А то без хаты в нашем Ростове я в Сибири так и замёрзну!»

Немудрено: у него было лёгонькое пальтишко, совершенно истрепавшееся ещё за годы студенчества. Роберт гордо величал его «мантелем», и это «высокое звание», присвоенное им ветхой своей одежке, грело его, пожалуй, больше, нежели сам продувной пальтишон... Зимой на нём был стального цвета плюшевый капелюх с постоянно опущенными ушами и редакционные кирзовые сапоги на простой носок, а то и на босу ногу: когда единственная пара носков, неизвестно чего дожидаясь, лежала, влажная, на холоднущей батарее в холостяцкой квартире Роберта... Зато летом!

В ту пору он был красивый, с правильными чертами и с выразительным подбородком голубоглазый блондин, и как шёл ему светло-серый пиджачок из букле, из-под которого по «красным дням календаря» выглядывал — о, чудо, чудо по тем временам! — темно-синий жилет со спинкой из атласа цвета пепла! Так как основную рабочей силой на стройке были добровольцы-дембеля — только что демобилизованные солдаты, а самой распространённой «формой одежды» — зелёный бушлат да гимнастёрка, то после третьей, после четвёртой рюмки в любой компании Роберта непременно просили свой шикарный жилет «обнародовать»...

Совершенно «нездешний», прямо-таки киношно-заокеанский, можно сказать, образ дополняла ослепительно-белая — только в первый день после стирки, естественно, — батистовая рубаша с округлыми краями воротничка и с темно-серою бабочкой между ними, а единственное,

что портило этот образ – выцветшие китайские штаны из хэбэ, когда-то, видимо, синие – очень, судя по всему, очень давно... Заправлены они были, опять же, в кирзовые сапоги, одни и те же зимой и летом, но тут уж дело такое: кому что хочется увидеть в облике «литературного сотрудника» нашего «Металлургстроя», то и увидит – стоит только поднять глаза либо опустить, но вообще-то это очень удобно – прямо из-за пиршественного стола Роберт, бывало, отправлялся на какую-нибудь очередную аварию – а их было всегда столько, что приходилось выбирать, какой из них отдать предпочтение, без аварий на стройке жизнь была бы – не жизнь... Или же с аварии либо с очередного аврала или пуска заявлялся на вечеринку... как пионер или как масон, у которых пионеры это и переняли: всегда готов и к трудовым будням, и к праздникам.

Можно перейти к пище?

С ней обстояло очень просто: точно так же и зимою, и летом помню Кесслера с прижатой к груди надципнутой буханкой чернышки. Однорукой её придерживает, а второю отламывает ещё кусочек и, пожевав, блаженно зажмуривается: «От законный хлеб мне достался сегодня, шеф! Пища богов».

И всё это не то что с довольным – с таким умиленным видом, что и ты невольно потянешься: «Ну, дай чуток!»

А с одеждою дальше вот что: хоть это было практически невозможно, Роберту выписали – целевым назначением! – премию, и позднее осенью он отправился на толкучку покупать пальто. К этому времени его знаменитый «мантиль» уже полгода вместо половика пролежал в коридорчике, об него вытирали ноги. «Лучше, лучше, вытирайте, чуваки! – требовал Роберт. – Так, чтоб я его больше никогда уже не надел!»

Надо ли говорить, как мы старались?

И вот он отправился на толкучку, а вечером в назначенный час мы должны были собраться у него, обмыть покупку.

Я пришёл первый – Роб полулежал на медвежьей шкуре посреди пустой комнаты.

«Ничего себе! – удивился я. – Где это ты её оторвал?»

Он тоже удивился:

«Как это где?.. Ты сам меня отправлял на толкучку!»

«Н-ну, и?..»

«И я её купил».

«А пальто?»

«Такая законная шкура, шеф! – мечтательно сказал Роберт. – Один чувак продавал. Старый шорец. Была у него в мешке, мы даже доставать не стали – я только сунул туда руку... Чувак отдал мне с мешком. И не обманул! Посмотри, какой я теперь богач!»

«Но пальто, пальто?!»

«Да ты знаешь, – сказал он всё так же мечтательно – мечтательность эта и выводила из себя Геннашу Емельянова, который передо мной был редактором нашего «Металлургстроя», Геннаша считал её нарочитой. – Я его хорошенько встряс, свой мантиль... побил о поручни на балконе, чтобы даже не то что грязь отскочила – пыль отлетела. Он стал как новый, ты погляди...»

Только теперь я понял, что груда тряпья, висевшая на приоткрытой в совмещённую ванную комнату двери, что эта рванина и есть знаменитый «мантиль» Роберта, и что мантиль этот теперь – как новый...

«Ты меня разыгрываешь, старик?» – спросил я, и голос у Роберта слегка зазвенел:

«Шеф! Разве я тебя хоть единожды разыграл?»

То была правда, и я сказал: «Нет пока».

«Хочешь сигару? – примирительным тоном предложил Роб. – Какую, шеф, предпочтёшь? Или тебе сперва – виски?»

«Сигары» у него были: армавирские «Прима» или «Памир» – это экстра-класс тогда! – «Махорочные» из Ельца, прокопьевские «Шахтёрские» – тоже довольно редкий случай, либо новосибирские «Прибой» и «Байкал», в просторечии – «гвоздики». Названия «виски» вообще состояли из одних просторечий: «стенолаз» – это почти что «Белая лошадь», «косорыловка» – ну, чисто тебе «Долговязый Джон», «пучеглазка» – «Королева Анна», примерно, и «мозголом» – «Старый учитель».

Пришлось принять стакан «Долговязого Джона», и рядом с Робертом я расположился на вытертой – на брюхе и в пахах догола – шкуре какого-то таёжного недоросля.

«Согласись, шеф, что её очень не хватало в моей берлоге? – вздохнул Роберт. – Заметил, как всё вокруг сразу преобразилось?.. Или тебе ещё стаканчик? Как насчёт «Королевы Анны»? Примешь?»

...Ну, как, ответьте мне, как, в самом деле, мог я не побывать у этого сочинителя верлибров, – наш написанный в рифму гимн был единственное, до чего он позволил себе опуститься –

теперь уже в Ростове терпеливо ожидавшего, когда «чувак с юрфака» отсудит его отцовский дом, а пока жившего в квартире у своей Валюши Шугалей, уже тогда – доктора биологии, как специалист высокого класса знавшей, что за уникальный экземпляр – её Роберт: недаром же перед первым её приездом в наш посёлок мы всю ночь таскали лежавшие возле «гастронома» пустые ящики из-под «белой», и в «берлоге» у него на манер только входившего тогда в моду «Детского конструктора» какой только к утру не собрали мебели: секретер, софу, сервант, гардероб...

В общем, Феликс Овчаренко застал меня мирно спящим на шкуре горношорского медведя, наверняка загубленного небось ещё первоходцами старой волны – казаками, прибывшими в «землю кузнецов» при императрице Екатерине вместе с «томским головой Осипом Кокоревым, казачьим головой Молчаном Лавровым и сыном боярским Остафием Харламовым». И спал я на ней так крепко, что Феликс за малым не увёз меня в гостиницу вместе с сибирской реликвией Кесслера: посмеиваясь, говорил потом, что вцепился я в неё так, что отделить меня от медвежьей шкуры было практически невозможно...

Светлая тебе память, Феликс!

Кто-то может, правда, сказать, что на самом деле больше всего переживали они за собственную шкуру, чиновные комсомольцы... Конечно, не без того. С кого, если что, спросят с первого, куда пропал «записбанец»? Почему его не было на обеде и нет на ужине?

Но то, что в многочисленных положениях, которые наш брат ну, будто нарочно изобретал для них, в большинстве своём они оставались людьми – тоже чистая правда. И здесь, пожалуй, самое время сказать доброе слово и Альберту Лиханову, Алику, самоотверженно поставившему меня в списке сразу после «товарища Долорес» одиннадцатым, – кто ещё мог тогда на это решиться? Наши пути потом резко разошлись, тут уж ничего не попишешь, но эти ностальгические слова запоздалой благодарности должны быть написаны, должны... А первый секретарь Кемеровского обкома комсомола Борис Рогатин, который с такой настойчивостью не единожды пробовал добиться премии для меня, что обеспечил тем самым очень устойчивую прививку против всяческих премий вообще: на долгие, теперь уж выходит, долгие годы.

Но это я добр нынче. В самолёте, летевшим из Москвы обратно в Новокузнецк, был к ним ко всем беспощаден.

Прав, пожалуй, ещё бы, думал, не прав поэт Слава Назаров, учившийся всего лишь курсом старше меня: «Нет молодца, который победил бы винца! – печально сказал мне, когда увиделись в Красноярске у него на квартире. Недавний богатырь, был он теперь совсем слаб: только что ему сделали вторую операцию на сердце. – Они это лучше нас знают, вся эта партийная да комсомольская шушера... Потому-то в таком изобилии и выставляют винцо на всех этих семинарах «молодых», на встречах, на совещаниях... Если за столом тебя «кондратий» не хватит – глядишь, пьяненького потом трамвай зашибёт...»

Трамваев в Вешенской не было, но «кондратий» за многими так и ходил по пятам, так прямо-таки и ходил...

Когда остановился за моей спиной чуть ли не в самый интересный момент – в своём доме нас как раз принимал «сам» Михаил Александрович и за столом хлопотала Мария Петровна – пришлось потихоньку выйти на свежий воздух... Неподалёку от крыльца одиноко сидел украинский прозаик Юрий Мушкетик: он не пил, изо всех сил, как понимаю, держался – потому «от греха подальше» и удалился из дома первым.

То негромко беседовали, то молча оглядывали двор с постройками и выходивший к берегу сад. Неподалёку стояли рядом «волга», легковой «уазик» и грузовик: гараж Шолохова. Вытащенные носами на берег, тоже рядом легонько покачивались на воде три лодки: металлическая, «казанка», и две деревянные. На корме «казанки» сидел человек средних лет в выпущенной поверх брюк раскрыленной на груди выцветшей рубашке, мыл ноги.

Садовник, сказал о себе, когда присел потом с нами рядом, а заодно – «лодошник». Рыбак!

Стал ему говорить, как нас звали вроде бы на рыбалку, и он неопределённо сказал: «Были тут...»

Мушкетик стоял, глядя на реку, тихонько потирал грудь ладонью.

«Кучкой-то что тут делать? – как бы продолжая то, что сперва не досказал, говорил садовник-«лодошник». – Этот вот... Евтушенко. Один приехал. Чего уж он там просил: упал нашему в ноги. Он, конешное дело, тут же в Москву и позвонил. Заступился, видать... А что кучкой? Даже

дураки кучкой не ходют: боятся, под ними земля провалится...»

А из нас они, выходит, сделали дураков – как, и правда, земля под нами не провалилась?!

Ну, погодите, погодите: вернусь домой!..

Листал опять «Новый мир», в окошко на облака поглядывал: погодите!

Лишь бы он, правда, долетел: в часы, подобные этим, всегда ощущал, как самолёт ну, словно набит размышлениями твоими тяжкими, грехами твоими и винами... Мешают лететь! Если грохнется – только и того, что получишь по заслугам... Но при чём – остальные?!

«Замолчи, самоанализ! Замолчи. Всё равно сгоришь ты в доменной печи!» Стишок тех лет, кем только в нашей боевой редакции тогда не цитируемый. Для извинения перед всеми и вся. Для самооправдания. Для обретения душевного равновесия, ради возможности что-то доброе в будущем совершить, если Всевышний простит тебя и дни твои продлит...

«Замолчи, самоанализ! Замолчи. Все равно сгоришь ты...»

Такой вот суровый был тогда у нас текст для медитации.

С грустной усмешкой вспоминал одну рыбалку в прямом смысле: как-то во время паводка на Томи сидели вечером у костерка, хлебали уху, и самый заядлый из наших рыбачков, самый удачливый – Алексей Багринцев, Петрович, взялся меня подначивать: «Вот ты книжки пишешь, писатель, а у Шолохова не был, ведь так?.. А вот Василь наш книжек не пишет, но чуть ли не три дня жил у него в Вешенской... Думаешь, неправда? Расскажи, Вась, как было дело...»

У водителя, который привёз нас на Томь, была красивая фамилия Листопадов, облик Василия как нельзя больше ей соответствовал, и он об этом как будто знал – рассказывать тут же взялся с веселой уверенностью: «Да как?.. Были мы на уборке, на юг посылали. Уже всё закончили, едем на место сбора, в Ростов. Три самосвала. Дорога через Вешенскую, и как-то так получилось, что у переднего что-то с мотором как раз напротив высокого забора, а за ним большой дом... Ни хрена себе! Вылезли, стоим, а тут как раз открывается калитка, выходит он, Шолохов. Кто такие, ребята? Откуда? Ну, заходите! Под деревом старая шуба брошена, на ней поллитра начатая. Стаканы, говорит, у вас свои или схожу за стаканами? Есть, есть, говорим, комплект

полный! Вошли, он начатую разлил – достаёт из-под шубы ещё бутылку. Целую. Чтобы всем, значит, – на три пальца. А нас шестеро. Ну, выпили – закусывайте, говорит, пока яблоками, а там видать будет... Кислющие, скажу тебе! Яблоки. Наливает сразу же по второй. Ну, как там, говорит, в Сибири, жизнь? Терпеть можно? Или как?.. Рассказывали-рассказывали – остались, короче, ночевать. Ночь тёплая, а что – ещё какие-то шубы принесли, попоны какие-то, старые одеяла... сад! Утром только глаза продрал, он уже с бутылкой, ждёт... «Зилки» наши, «захарки» снова остались под забором стоять. Весь день: поспал – и опять! Поспал – и опять. Как это? «Сучок – сон, сучок – сон». Утром глаза открыл – опять он с бутылкой. Ну, как не уходил! Думаю: «Ну, на хрен таких друзей!.. На хрен. Надо ребят будить, и – по газам!»

«На хрен! – повторял я теперь в самолёте вслед за Листопадовым Василием. – На хрен! Хорошо, хоть жив остался... Ну, доберёмся мы до дома! Ну, проверим: стоит ведь на полке классик, стоит. Давненько не заглядывал, перечитаем! Вон что про него Кардин – разве «Новый мир» лабуду стал бы печатать? Значит, нет дыма без огня. Нет!.. Ну, конечно! Сперва: мол, каждому из вас Михаил Александрович подпишет по книжке. Каждому!.. Венгерец мне потом показал, что он накарябал ему: для Венгрии оно, конечно, сойдёт. Кто там и что поймёт? А русаку покажи – сразу ясно: писал поддавши. Потому-то это дело и заиграли, с нашими книжками... Нету! Ему, сказали, отдохнуть надо: маршал Жуков приезжает на днях. Согласился несколько дней пожить, принял приглашение: будут говорить о войне. «Они сражались за родину» уже почти готова, уже вот-вот книга, вот-вот... а с вами пока поднимем по рюмке в последний раз... Не-е-ет, на хрен, конечно, на хрен!»

Подальше от них, подальше!

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЁЗЫ

Накануне Чивилихин мне ведь так и сказал: будет, мол, что-то вроде рыбалки у Шолохова... Считать теперь, по «ершу» уже поймали?

Другой рыбалки в Вешенской мы так и не дождались, зато уха всё-таки была. Да какая, какая!

На берегу Дона собрались десятки машин: кроме нашей моторизованной «писательской» кавалькады – председательские «уазики» чуть не со всей округи, «газоны» с надписью «Продук-

ты» либо «Холодильник» на высоких металлических кузовах, автолавки и полевые кухни. Вместо скатерти-самобранки — цельный, в несколько десятков метров брезент с яствами и напитками.

Но сперва небольшое отступление: из Кемерово меня выдернули в чём был, заскочить за подходящей одежкой в родной Новокузнецк времени не было... Да и какая была тогда у нас одежка!.. Потому-то в Москве у закадычного в то время дружка, у поэта-ровесника, у однокашника по факультету журналистики Олега Дмитриева, у которого впервые ночевал не на их, Дмитриевых, простынке — на собственной, я одолжил утречком «сотенную» и купил светло-голубой, с брусничною искоркой летний костюм... Сибиряки всё-таки: знай наших!

Легко, конечно, представить, какие тяжелейшие испытания предстояли моему новехонькому костюму в тот славный день на берегу Дона. Потому-то чуть ли не первым делом я бережно сложил пиджак вдвое и аккуратно определил неподделёку — на травке у себя за спиной.

И потекла рядом с Доном уже иная река!.. Целый приток мог быть, если бы выливали её, проклятую, на землю, а не вливали в себя.

«Хочешь посмеяться сквозь слёзы?» — спросил меня вскорости сидевший слева от меня Олжас Сулейменов. Я охотно согласился: давай, мол, — готов! Он повел подбородком вбок: «Обернись!»

На пиджаке моём, начиная с ложбинки между плечом и бортом и растекшись почти до края полы, поблескивала жирная лужица из осетровой ухи, валялись крупные рыбы кости.

«Кто?!» — ошарашенно спросил я Олжаса.

Он кивнул на сидевшего с другого бока от меня корреспондента «Правды» Навозова: «Сосед твой!.. Выплеснул за спину не глядя».

Я, что называется, вскрикнул: «Александр Иванович!» И страдающими глазами показал на пиджак.

Он поднял ладонь и деловито успокоил меня: «Одну минуточку!»

Пошёл на коленях к моему пиджаку, сорвал пучок травы рядом, и не успел я сообразить, что может произойти дальше, как он тщательно втёр в полу весь имевшийся на ней в наличии рыбий жир. На голубом глазу поднял теперь обе ладони: «Вот — всё!»

Говорят, что Шолохов в своё время на его счёт пошутил: «Навозов — это у Александра

Ивановича псевдоним. Фамилия у него ещё хуже!»

Не хочу сказать, что тут-то оно лишний раз и подтвердилось, нет. Не поддамся искушению заодно порассуждать о старом своём знакомце Членове либо о Хренове, которого узнал много позже.

Не в том суть.

Все остальные дни «у Шолохова» — хоть дождь, хоть ветер, хоть «звезд ночной полёт» — пиджак мой, который я недавно чуть ли не с гордостью демонстрировал, прикрывая занятого делом, от которого он не мог оторваться, Юру Куранова, пиджак этот постоянно теперь висел у меня на руке: надеть его не позволило бы «эстетическое чувство», даже куда менее выраженное, чем на моей «ударной комсомольской» в Кузбассе.

«Ничего-ничего! — утешал меня Олжас. — Как только закуска здесь вдруг закончится — он всем нам, увидишь, пригодится. Ты нас всех выручишь, а может быть, и спасёшь. Пиджак твой можно будет сварить, а можно будет порезать на части и съесть как заливное...»

Что правда, то правда.

Уже перекрашенный в чёрный цвет — в знак траура по брусничным искрам на светло-голубом фоне, да и только ли, только ли по ним? — пиджак ещё долго хранил щедрый запах съеденного на Донце осетра...

ЗАКОННЫЙ «СЫНОК» ШОЛОХОВА

Как мне всё это представлялось? Соберутся человек пять, от силы — десять, и вечером у костерка — разговор по душам. За доброй чаркой да за щедрой ущицей. Хорошо!..

Потом был спецрейс из Москвы ИЛа-восемнадцатого, в салон набилось до отказа, что называется, и кроме трёх десятков литераторов — наших да иностранцев — кто только не летел тогда в Вешенскую. Ответственные работники отделов пропаганды ЦК партии и ЦК комсомола, редакторы молодёжных изданий, вообще — и пресса, и телевидение с киношниками-документалистами...

В центре всеобщего внимания сразу же оказался «первый космонавт планеты», всем миром человеческим уже обласканный к тому времени Юрий Гагарин, а так как ребята мы были в то время не только самонадеянные, но и, чего там, не без гонора, между нами сразу же пошёл иронический разговор: мол, летели для профессио-

нальной беседы с классиком, а попали на классический митинг... Может, мол, мы, как всегда, «недопонимаем» или чего-то не знаем? И Юрий Алексеевич кроме прочего — давно поднаторевший критик-литературовед либо съевший уже не одну собаку крупный специалист в какой-нибудь смежной области?

В «Литературке» шла как раз очередная дискуссия о языке и обсуждался вечно животрепещущий вопрос: не слишком ли строги наши правила письма? Не пора ли предпочтение отдать живой речи? Как говорим, мол, как слышим — так и писать надо. Вся наука!

Однажды в гостиничном ресторанчике в Вешенской Гагарин оказался за соседним столиком, и Юрий Сбитнев взялся меня подначивать: слабо, мол, у «первого космонавта» спросить, как он относится к современным проблемам родного языка?

Отчего же — «слабо»?

Мы со Сбитневым в неочередной раз чокнулись, и я подался корпусом вбок, поближе к Гагарину: «Извините, Юрий Алексеевич, мы тут с товарищем никак не можем к согласию прийти: как же нам теперь следует писать? «Заяц» или, как говорим, — «заец»?

«Заяц всё-таки, ребята, — с терпеливой улыбкой сказал Гагарин. — Заяц!»

Не берусь описывать взгляд, которым он на меня тогда посмотрел. Не было в нем ни обиды, ни осуждения. Но зато сколько таилось и печального сочувствия всем нам, и сострадательного понимания общей несвободы — не в том зашоренном политическом смысле, нет — в общечеловеческом, с которым он на разных уровнях соприкоснулся... Как бы в надмирном смысле, как бы — в космическом.

Уже через много лет я вдруг узнал, что наша поездка на Дон могла бы не состояться: Шолохов, как не уговаривали, не хотел общаться с писательской оравой, и только когда ему сказали, что с нами будет Гагарин, Михаил Александрович согласился: «Другое дело! С этим сыном есть о чём потолковать».

В Вешенской потом Гагарин не раз и не два брался за баранку возглавлявшего нашу «автомобильную» шолоховского «уазика», Михаил Александрович садился рядом, и оба они были явно довольны друг другом: пассажир — водителем, водитель — пассажиром.

Эти незатейливые строки уже были написаны, когда в прошлом году, в 2000-м, мне дове-

лось побывать в Иркутске на празднике «Сияние России»: в «гостях у Валентина Распутина». За зеркальной дверью большого зала в местном отделении Союза писателей — в уютном, как тут издавна зовут его, «зазеркалье» — пили чай с давними друзьями, писателями-сибиряками.

Геннадий Машкин, бывший геолог, не то что крепыш в молодые годы — *крепак*, сидел, опершись руками на палку, и я, чтобы подбодрить его нынче, из общей молодости взялся вызывать образы прошлого: а помнишь, говорю, как тогда на Дону ты спас болгарина?

«Было», — коротко согласился Машкин.

«Как его... как?»

«Георгий Константинов, — буднично сказал Машкин. — Поплыл за компанию, а плавать не умел — пришлось вытаскивать. — И вдруг глаза у него зажглись. — Другое не забуду: Гагарин тогда на мидию в воде, помнишь, наступил? Сильно поранил ногу. Выходит на берег, за ним кровь по траве, а медсестра со своим чемоданчиком как раз отлучилась. И тут — Шолохов. Велит ему сесть на землю, рвёт свою рубаху и начинает перевязывать... Помнишь?»

Насколько издалека они, выходит, ясней — образы прошлого.

Насколько значительней.

И — печальней.

27

ШВЕЙЦАР ВАСИЛИЙ

«Дон, Дон, а лучше его — дом!» — говорила когда-то моя прабабушка Татьяна Алексеевна, бабушка Таня, и почему-то жалостливо вздыхала.

Эту поговорку вдруг вспомнил, когда и Лариса, жена, и сестрёнка Таня, названная в честь вырастившей нас прабабушки, уже улеглись, я остался в кабинете один: сидел на краю тахты с первым томом Шолохова в руках, с «Тихим Доном»...

Дон! Дон!..

А родное тепло, конечно же, дороже холодной волюшки...

Не так давно мы въехали в четырехкомнатную квартиру в кирпичном доме «старого типа», так это тогда называлось: высокие потолки, просторные комнаты, большая кухня и длинный коридор, в котором с младшим сыном, с Георгием, зимой мы играли в футбол — всё больше лупили друг дружке «одиннадцатиметровые», и если это и было преувеличением в отношении расстояния, то — совсем небольшим...

Перед этим я в очередной раз «бросил пить и начал одеваться»: с гонорара за роман «Пашка, моя милиция» мы приобрели два мебельных гарнитура — польскую «спальню» и немецкий «кабинет». Разве не пора было лучше, потому что единственному — перефразируем Ларису Васильеву — на ударной стройке писателю создать хоть более или менее приличные условия для творчества?

Под кабинет решили отдать самую маленькую комнату, ближе остальных расположенную к входной двери, и решение это, надо сказать, имело и положительные свои, и отрицательные стороны... С одной стороны, засидевшиеся у меня дружки могли потом потихоньку выйти, не потревожив весь дом. Но скоро чуть ли не всем нашим стало ясно, что почти также незаметно они могли и проскользнуть ко мне в кабинет, конечно же, с традиционной ношей.

Когда посёлок облетела весть, что «Старик вернулся от Шолохова», тут же стали раздаваться и телефонные звонки, и тихий условный свист под балконом, и в кабинете у себя мне пришлось провести что-то вроде коротенькой пресс-конференции: мол, всё, братцы, всё! Ни-ни. Ни капли! А расскажу обо всём чуть позже: дайте сперва в себя с дороги прийти и проделывать срочную одну работёнку.

Беспокойный посёлок наш затихал, всё реже бубнили на двух скамейках — одна напротив другой — у подъезда, все глуше становились неожиданно — словно огонь на совсем было потухшем кострище — возникавшие в разных концах песни: и нестройным хором затянутые, и вдруг — лихим одиночкой... Хоть при луге, при лужке конь гулял на воле, гулял еще, но медленней уже скакал казак через долину, через Кавказские края, — всё медленней, сакля у Хасбулата удалого обеднела дальше некуда, и вот уже хлопцы не только остальных коней распрягли, но и сами, судя по всему, совсем рассупонились, и только калина у ручья никак не хотела отцветать, нет!..

Милая ты моя Антоновская площадка! Песни ты, и правда, пела всё больше наши, кубанские, и говорок там и тут часто слышался тоже наш, а я своими книжками всё маслицу в южнорусский огонёк подливал, всё мыслишку такую хитрую исподволь проводил: мол, кто построил-то наш Запсиб? Казаки кубанские — кто ж ещё?!

Недаром же теперь и на чёрной, словно кузнецкий уголёк, обложке четырёх моих томов — ку-

банская шашка да попынный стебелёк с веточкой лавра золотом.

Теперь-то вот потихоньку становится ясным, что все мы как в воду глядели, земляки — ну, как напророчили: вместе с любимым таёжным продуктом, с колбишкой весенней, с черемшой, получил недавно также и городскую прессу: любезные сердцу новости!.. «Губернские ведомости» напечатали биографию президента «ЕвразХолдинга» Александра Григорьевича Абрамова, которому принадлежит теперь наш Запсиб: «Нынешний президент ЕвразХолдинга никогда не относился к «золотой» молодёжи и всего привык добиваться сам. Абрамов родом с юга, из Краснодарского края. Появился на свет он 20 февраля 1959 года в простой трудовой семье. С юных лет Саша обнаружил тягу к знаниям и учился только на отлично, проявляя особую склонность к точным наукам. После окончания средней школы в 1976 году, не имея никаких связей и протекций, одарённый юноша приезжает в Москву и с первой попытки поступает в один из самых сложных вузов — Московский физико-технический институт...»

Ну, а я вам, дорогие мои — что? Не всю жизнь ли — о кубанцах?!

22 Как на южной-то на родине принято у старых насельников: о кубанцах.

Что всю жизнь — и в книжках, и в речах своих, как тогда — на Дону долдонил?

Крепки мы, что там ни говори, кубанским своим, с дальним прицелом, братством! «Одарённый юноша» ещё не родился, а мы уж два года в палатках давали дубаря. Твёрдо знали: не зря! Для своих стараемся, для своих.

...Все медленней скакал казак через кавказские края, всё медленней и бедней бедного стала сакля удалого Хасбулата — только калиновый цвет никак не хотел опадать у ручья, эх!

Сидел я с ногами, прислонившись спиной к стенке, на тахте, держал в руках раскрытый первый том «Тихого Дона», и между пальцами правой зажат был у меня, значит, простой карандаш...

«Мелеховский двор — на самом краю хутора. Ворота со скотиньего база ведут на север к Дону. Крутой восьмисажженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки и дальше — перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона».

Гм, а ничего так начало... вообще-то здорово!

Нацелованная волнами галька. А?!

Но вот на первой же страничке Мелехов Прокофий, привезший жену свою из Туретчины, шел по улице, «распахнув чекмень, шел медленно, как по пахотной борозде, сжимал в черной ладони хрупкую кисть жениной руки, непокорно нёс белесо-чубатую голову, — лишь по скулам у него пухли и катались желваки да промеж каменных, по всегдашней неподвижности, бровей проступил пот». Вот оно! Началось? Первая капля.

На нескольких страницах обошлось вроде без пота... Или невнимательно читал да пропустил?

Но скоро опять... «Малое дело — крошка или былька прилипнет к *потнику*...» Или «потник» не в счёт?

Поставим всё-таки галочку, поставим... Во-от он, миленький, где прячется! У Аксиньи, оказывается, — чуть ли не у первой: «Григорий видел бурые круги слинявшей под мышками от пота рубахи...» М-да!

Но вот уже и сам «потный Гришка» помогал отцу «тянуть из боковушки скатанный бредень», и через несколько страничек «переступали ногами запотевшие под сёдлами кони», а всего лишь десятком строчек пониже «ходил вприсядку» станичник Христоня «в распоясанной длинной рубаше, патлатый, мокрый от пота»...

Сперва словно мелким дождиком со страниц нанесло, а потом всё крупнее, всё гуще пот: и «обильный пот» на лице у Аксиньиной свекрови, и «потные лошади», дальше — больше, и вот уже не успел Пантелей Прокофьевич вытереть «набегавший из-под козырька пот», как... Здесь они, голубки, здесь и поймались: разве можно было Кардину-то мимо пройти? Сначала Григорий «носом втыкается Аксинье в подмышку, — хмелем невыбродившим бьет в ноздри острый сладковатый бабий пот». Потом от мужа Аксиньи, от Степана, «пахнуло запахом мужского пота и полынной дорожной горечью от нестиранной рубахи».

Ну, то, что вслед за этим Пантелей Прокофьевич «дохлебывал щи, обливался горячим потом» — как так и надо, такая у него, у Пантелея Прокофьевича, видать, доля — потом обливаться. Что Григорий «брал шашку, уходил на задний баз и, обливаясь потом, двигая желваками скул, рубил понатыканные в землю толстые хворостины» — тоже ладно...

Но когда четыре пароконные подводы отправились в поезжанье за Натальей, то даже на этом высокаторжественном мероприятии у купавшего невесту Мирона Григорьевича «рыжие волосы, приглаженные топлёным маслом, пахли потом и навозной прелью», Наталья взяла край полотенца «потной от смущенья рукой», а после за столом «запах смолистого мужского пота мешался с едким и пряным бабьим».

За окном вдруг возникли приглушенные голоса, сделались ближе...

Послышалось шарканье по асфальту, раздался вдруг смех... Высадившаяся из электрички вторая смена потянулась мимо нашего дома. На комбинате, выходит, «стала на вахту» третья? Та самая, за которую я тост поднимал на «тихом Дону»...

Вышел на балкончик второго своего этажа поглядеть туда, где завод... Эх, с пятого-то, из однокомнатной, у нас хорошо было видать в ту сторону, но тогда всё только начиналось, работали больше на «промбазе», а на заводской площадке за нею только неслышные точки далеких фар в ночи взлетали на поворотах парами светляков, безмолвно взрывали темь бесцветные огни электросварки, и над ними бесшумно, как над станицей зарницы, полыхали голубые с розовым проблески.

Нет-нет, всё-таки даже отсюда видать, как переморгнули, приподняли низкое небо, покачнули его тихие всплески далёких отсветов... Над одной из коксовых батарей полыхнуло? На доменной пошел чугунок? На отвале шлак вылили?

Ну, ещё бы: какой стоит там теперь заводиче!..

«Дон, Дон, а лучше него...» опять вспомнилось.

И у меня вдруг комок к горлу подступил: а где он, мой-то дом, где?!

Не в этом смысле — две польских кровати с тумбочками в квартире да немецкий книжный шкаф и стол с креслом... Через год, когда наши уже войдут в Прагу, запить непонимание и обиду я приволоку сюда чеха, налаживал в нашем Новокузнецке новую трамвайную линию, и он не то что с недоверием — с насмешкою спросит: «Ты правда — *списыватель*?» «Да почему — нет-то?» — я удивлюсь. Выложу на стол свои книжки, и он покачает головой и скажет уже с большим сочувствием ко мне: «Бедно живёшь, списыватель!»

Что тогда в нашем посёлке – об остальных?
О другом доме речь...

Где я открыто говорил бы, что думаю, и меня понимали, и при этом на всякий случай по сторонам не оглядывались – больше никто не слышит? – и вольницу бы прощали не исподтиха или жалеючи: мол, что с него возьмёшь? Писатель! Молод ещё. И – пьёт.

«Мог бы ты с годок помолчать? – по-отечески попросил меня как-то Иван Григорьевич Белый, бессменный секретарь парткома стройки, ставший потом, когда разросся посёлок, секретарём райкома. – Хочется, чтобы орден тебе остался: на память. Но тебя всякий раз из списков вычёркивают, и ты знаешь, почему... Если тебе не обидно, то мне уже за себя неловко – отстаивать тебя всякий раз, и всё бестолку. Не мог бы ты – хоть слегка потише? Уже не ради себя. Ради меня».

Орден – это ладно, обойдёмся. А вот молчать в тряпочку...

Кто же тогда вам, братцы, всё скажет?!

Мне глаза работяги «расшнуровывают», я – вам пытаюсь «расшнуровать».

Как без правды-то жить?!

Любимая сказочка бригадира Володи Иванова, «некомсомольца», бывшего детдомовца, приехавшего на стройку якобы за тем самым «длинным рублём» – это он стал прообразом главного героя в первом моём романе «Здравствуй, Галочкин!»: «Правда и Кривда встретились, Кривда к ей присмотрелся (у Володи Кривда почему-то был он, мужчина) и говорит: «Чего такая тощая – еле на ногах держишься?» «Да неделю уже не евши!» – Правда отвечает. «Ну, пойдём покормлю тебя!» В ресторане наелись до отвала, официантка подходит: «С вас семьдесят пять рублей!» Кривда говорит: «Хорошо. С вас, значит, двадцать пять рублей сдачи», – руку тянет... Официантка: «А деньги где?..» Кривда как закричит: «Как это – где?! Ну ты и нахалка: только что вот дал тебе сотню!» – «Вы? Давали мне?!» Стали спорить, официантка заплакала и говорит: «Да где ж правда?!» А та сначала помалкивала, а потом руками разводит и говорит: «А Правда наелась и – молчит!»

Как хорошо всё помню: то была для меня бессонная ночь сокровенных открытий.

В дальней сторонке, в тысячах километров от родного порога в душе впервые четко возникло не только щемящее – словно закровоточившее вдруг ощущение чего-то древнего, изна-

чального, бережно хранившего столько лет тайное знание о предках своих и о себе...

Только что, не создавая того, загонял всё это вовнутрь ревниво искавшим литературные огрехи карандашиком, и вот прорвало, словно дамбу, слишком долго сдерживавшую естественный напор веками и тысячелетиями сущего, захлестнувшего в один миг и смывшего всё выморочное худосочие недавно заведённого и часто наспех придуманного... При чём этот самый «пот»?

С книжкой этой в руке ты получил возможность ухо приложить к родной земле и не услышать ещё – пока только почувствовать тяжёлое приближение ещё невиданных сдвигов... Ледоход ли по всей России, реки свои вскрывающий, словно вены?.. Что-то ещё глубиннее и страшней... Но что может быть страшнее, что ещё?

Усевшись на тахту, невольно взял лежавший вместо закладки между страницами карандаш, и вдруг он словно сам по себе хрустнул в пальцах и лёг, переломленный, сбоку на покрывало...

В какой напряжённо-тревожной тишине читал я, больше не отрываясь... Да что читал – я жил там: и час, и два, и вот уж несколько лет, и – сто, и – тысячу лет... Неужели, и правда, – в конце времён?

И вдруг я закричал. Чуть ли не во всю глотку: «Василий!..»

Но не писателя Белова я громко звал. И не шофера Листопадава.

Тут вот какое дело: с Олегом Дмитриевым, опять же, за годы близкой дружбы невольно выработывая некий только нам двоим сперва и понятный язык, состоящий из зашифрованных, тому или другому из нас пришедших на ум символов, мы «Василия» этого и придумали... Помните, у Некрасова? «Кто-то крикнул швейцару: «Гони!» И пошли они...»

Так вот, этого самого швейцара Василием мы и нарекли.

И в самом деле: ну, не удобно ли?

В большой компании кто-нибудь несёт ахиною, может – безбожно врёт, и один из нас совершенно открыто говорит вдруг другому: «Что-то долго Василий не идёт!» «А кто это?» – интересуются у нас. «Один наш общий товарищ», – отвечаем: либо Олег, либо – я. «Должен прийти?» – продолжают любопытствовать. И на голубом глазу отвечаешь: «Давно уже пора. Заждались!»

Ну, птичий то есть язык. Используемый нами, бывало, на громком, на взрывном крике.

Вот я и заорал.

Прибежала Танюша – в ночной рубашке и с косыночкой поверх «бигудей»... Бедная наша Танечка!.. Как часто тогда говорила мне: «Братик! Ну, зачем тебе такие густые волосы?.. А у меня – мышинный хвостик. Ну, отдай мне свои. Ну, подари!.. Увидишь, какие парни начнут за мною ухаживать!»

А ухаживали потом за ней сперва брат Валера, наш средний, врач, потом Володя Бринь, муж, и дольше всех – мама, в доме у мамы она в станице и умерла.

Родилась Таня в сорок пятом, ещё шла война, и в больнице не нашлось шелковой нитки перевязать пуповину – перетянули бинтом, но бинт не удержал живую плоть, ушла внутрь, и всю жизнь потом Таню мучил незарастающий свищ на месте пупка... Какою умницей, какою доброю и понятливой сделало сестрёнку страдание!

Вышла замуж она уже в тридцать три, и во время свадебного путешествия, во время туристической поездки в Египет – уже на обратном пути, в Турции – её разбил жестокий, из-за ревматизма, вызванного свищём, паралич. Всё могло обойтись, если бы её немедленно определили в Стамбуле в госпиталь, но для Державы это бы влетело в копеечку... Не слишком ли, и в самом деле, большая роскошь? Таню оставили в каюте дожидаться Одессы, а по выходе из Босфора корабль попал в шторм... Когда мы шли потом, двадцать лет спустя, в Грецию, в Салоники с нашими десантниками-«миротворцами» между стамбульских берегов по узенькому проливу, разделявшему богатый и многокрасочный город, буквально расцветший за последнее время благодаря не только нашим «челнокам» – и нам с вами, да, я заплакал, вспомнив о своей младшенькой сестрёнке, но то был плач уже не только по ней...

Опять приходится напоминать. У Лескова: «И даны мне были слёзы дивно обильные. Всё я о родине плакал...»

Может, оттого-то всё и произошло потом, что она бывала слишком безжалостной, родина, как с нашей Танечкой.

...А тогда она вбежала в комнату, плотно прикрыла дверь за спиной:

«Ну, что ты так громко, братик?! Хорошо, что Жорика нет – испугался бы... И Ларочка проснулась наверняка, а ещё поспала бы».

Но я как бы только начал осознавать происходящее со мной: стремительная и мощная

внутренняя работа всё набирала обороты – я снова вдруг взорвался:

«Ты где?! Василий!..»

«Тут он, братик, он тут! – обнимала меня Танечка. – Он такой понятливый у тебя, всегда рядом... Так верно тебе служит... Что ж ты кричишь? Пришёл он, давно пришёл...»

«Ты не представляешь, Тань, что ему на этот раз предстоит! – сказал я с пылкой убеждённостью: призрачный плен когда-то с дружкой придуманного наполнился вдруг такой живой плотью! – Сколько у него, Тань, работы!»

«Он справится, братик! – говорила Таня. – Он справится...»

«Да, пожалуй, только ему это и под силу... Не представляешь, Тань, сколько их всех!»

Но тогда я и сам ещё не очень-то представлял это.

Одно дело – разогнать «партийную шушеру», устроившую на Дону эту многодневную пьянку, и ха-рошенькую персональную затрещину дать для начала «счетоводу» Кардину... На кого поднял жалкое своё перышко, Господи?!

Но можно ли было, и в самом деле, тогда подумать, сколько лет ещё предстоит «швейцару Василию» и скольких ещё взащей выпроваживать – да кого, кого!

Какие именитые, какие важные, какие надутые от сознания собственного величия появятся у него клиенты – в том числе и с такими же, как у него самого, у добропорядочного швейцара Василия, окладистыми бородами, только что и оставшимися у них от русской правды и честности... Боже мой!

На кого вы все, и действительно, своё перышко – на кого?!

Танечка ушла досыпать, а у меня ещё долго стучало в висках: что с нами со всеми происходит, что?!

Словно из тумана проступало, соединялось и расцеплялось кружение образов, которое постоянно потом будет возвращаться ко мне годами...

Вот на берегу Дона подходит ко мне Верченко, Юрий Николаич – кто он тогда, ещё директор издательства, «Молодой Гвардии», или уже – оргсекретарь Союза писателей? «Ну, что, – говорит, – ревизионист? Как дела?»

Это я тогда громко называл себя «ревизионистом»: как бы оправдывался за то, что на съезде комсомола неожиданно для себя был избран в Центральную ревизионную комиссию ВЛКСМ.

По каким-то своим делам как раз выбегал, долго в зале отсутствовал, стали потом поздравлять меня, а я: «А с чем поздравляете, братцы, с чем?..»

Настоящими-то ревизионистами были как раз многие из них, я-то что, я – стихийный бунтарь, я – «протестант», как называли меня потом на Свердловской киностудии, где и не поставили после фильм по моему сценарию как раз потому, что был протестант: не дал взятку... Настоящими ревизионистами были они, всё больше молодые москвичи с фамилиями старых большевиков, а мы что?.. Мы из Сибири, с ударной стройки. И пьём открыто, и курим – нам всё можно. Не то что, ребята, вам: положение не позволяет.

Поэтому и отводили-то душу, ну прямо-таки с удовольствием повторяя мою нехитрую шутку: «Ничего, говоришь, дела?.. А под силу ревизионисту бутылку водки достать?»

«Всего-то?!» – спрашиваю Верченко не только с удивлением, но как бы даже с обидой.

Нет, правда. Тут в ней не утонуть бы, и не хочешь – под завязку «заправят», а он, страдалец: мог бы достать?

«Только так, незаметно», – дружески уточняет Верченко.

До «автолавки» буквально пять-шесть шагов. Улыбаюсь молоденькой красоте: «Ой, тётка, не дадите бутылку белой?»

«Хоть две, дядечка!» – отвечает она кокетливо.

Протягивает тут же две сразу, я поглядываю на Верченко, но он рукою делает знак: одной хватит!

Деньги с меня она не берёт – всё это в счёт районной, всё больше председательской складчины, и в знак признательности я прикладываю руку к сердцу, поворачиваюсь к Верченко, но он стоит уже в другом месте – за углом этой же автолавки.

Берёт бутылку и единым движением срывает белую-то «головку», хорошо что это – не «бескозырка», а с «язычком».

Крутнул бутылку в кулаке, приложился и запрокинул голову... Ничего себе! Классическое «всосандо», как называл этот процесс наш общий с Аликом Лихановым друг Абрам Цернес... Какое там «всосандо» – «вливандо»! Несколько секунд – и бутылка пуста. Таких мастеров даже на нашей «ударной» – ну, буквально один-два, и – обчёлся. Даже я, несмотря на немалый боевой опыт, никогда на этот эксперимент не решал-

ся... Правда ведь, и «фактура» – не та, Верченко и тогда уже был – под свои «канонические» сто шестьдесят...

Но, выходит, что я свободен в своих поступках, а он – нет?

А я – свободен во хмелю? Для хмеля-то как раз и свободен?

Но о горечи русского похмелья, к несчастью, только потом я и начал задумываться...

А тогда я сказал Сбитневу: «За общим столом её – хоть залейся, на брезенте. Но там ему, видишь ли, неудобно – большое начальство увидит. Там только маленькими рюмками, по граммулке... А душа горит! Раскрутил – и... Русский политес, а?»

«Русский поллитре!» – поправил неумолимый Сбитнев.

Годами потом, словно на медленном огне, будут закипать, наверх подниматься и снова потом вниз уходить обрывки воспоминаний: голоса, лица, ощущение праздника, тоска по несбывшемуся, стыд за себя и печальное видение всего – то вроде бы очень издалека, то – сверху, как бы даже с какой-то очень высокой высоты...

Вот на площади в толпе, в Вешенской, рванулась вверх и оборвалась вдруг украинская песня, возникла заминка. От круга в центре толпы волнами плеснул говорок: «Да он остановил, он!» – «Сам, што ли?» – «Не слышал, как он сказал?» – «А што, што?..» – «Да не напирай ты, тут и без тебя, ей-Бо!» – «Дак, а што, што?» – «Хохлы – цыть! – сказал». – «Так и сказал?!» – «Да, а ему – долго ли?» – «Хохлы, – сказал, – цыть!.. Нашу давай. Донскую!..» – «Да й праильна!» – «Да сойди, гадский род, с ноги!»

И другая песня взлетает вдруг над толпой: «Н-не для меня-я... придет весна. Не для меня... Дон разольётся...»

«Любимая его!»

Какая вдруг наступает тонкая тишина!

И какая удивительная звучит песня!

Тоже потом будет слышаться: годами!

Тут всё перемешалось: кто посмелее из станичников, те – впереди. А тебе и лезть вроде неудобно... Да и гордыня, что ли. Откуда она?

Часть из нас тут – как малолетки на свадьбе, которые либо сами в окна заглядывают, либо переспрашивают: а что там, что?!. Дай и мне заглянуть... А вот поди ты – гордыня.

Потом однажды вдруг по толпе нашей пронеслось: «Слышал, что он им сказал?.. Мишка,

да. Вы там, говорит, командуйте у себя на Старой площади... Тут я — хозяин!»

Они его свойски: Мишка.

Так вот, вырвалось у него? Допекли?

Как нынче-то теперь всё больше: *достали?*

Чем они его — в тот-то раз, чиновники наши, шушера эта, нас всех потом с потрохами продавшая?

И одни теперь: да, мол, в Центральном комитете КПСС я всегда был белой вороной и был подпольщиком... Демократизацию мы готовили. Мы!

А другие, как нашкодившие детишки: это не я, не я, не я!

Как вошь в кожух, вцепившиеся в остатки привилегий-то своих «патриоты». Как я когда-то — в медвежью шкуру у Роберта. В Ростове. В Нахичевани.

...И вот — тоска по несбывшемуся, стыд за себя... Какой острый! Словно казачья шашка, рассекшая весь народ надвое. Не кого-либо, не что-либо. Родину!

И печальное это видение всего и вся как бы сверху... Но вот что!

Благодарение судьбе за возможность, которую дала она много лет назад: мучиться недовольством и — всматриваться. И посреди всего того, во что всматриваешься — окутанное дымком от папирски задумчивое лицо Шолохова. И — глаза.

Бог даст, когда-либо удастся хоть приблизительно описать, *что* это был за взгляд и *сколько* в нём таилось.

И *что* разгадали мы в нём. Уже потом. Всем миром. *Сообща*.

А что — не разгадаем уже никогда.

2001 г., май — июнь

1990 год: ПОЗДНИЕ ВСХОДЫ

Первое, что я сделал, когда меня в девяностом «кликнули» атаманом московского Землячества казаков, — отправился на Ордынку хорошенько рассмотреть, что осталось от находившейся издревле в столице казачьей слободки: ну, как же, как же — прежде остального надо восстановить связь времен.

Трудное дело!

Как оказалось, неподъемное.

На пустынном подворье церкви Успения Богородицы, стоящей на уголке Полянки и 1-го Казачьего переулка, нашел расшатанный дере-

вянный ящик и через обросшую многолетней грязью старинную кованину в проемах окон поглядывал сквозь давно немытые стекла внутрь — там виднелись хорошо знакомые очертания печатных станков. Говорили, что работавшая тут много лет типография уже начала переезжать, контора теперь находится в другом месте, но с вывозом оборудования хозяева пока не спешат.

Как неопытный танцор от печки, от церкви начал потом свой обход былых казачьих владений. По 1-му Казачьему зашагал внутрь слободы в сторону Ордынки, обошел петлявшие 2-й и 3-й Казачьи, а потом и всю слободу, но ничего «казачьего», кроме этих надписей на табличках с названиями переулков, так и не нашел... Ничего ровным счетом! Никто не слышал о живших тут казаках ни в домах старой, в два этажа постройки, ни в многоквартирных теперь коттеджах, здесь и там сохранившихся под натиском ещё довоенного, основательного многоэтажного жилья и скорого — послевоенного...

Набрел сперва на израильское консульство с многочисленными, как когда-то стальные «ежи» под Москвой, металлическими загородками перед табличкой, извещавшей о днях и часах приема, постоял возле разверстого котлована с надписью на краю, что, мол, такая-то организация ведет тут строительство здания телекомпании НТВ, позадирал голову перед массивными громадами представительств бывших среднеазиатских республик: Узбекистана, Таджикистана, ещё, теперь уже не помню, каких...

Обойти слободу ещё разок?

Как это бывает, — на счастье...

Пошел наискосок между домами, ко всему вокруг снова приглядываясь и будто вслушиваясь в отголоски прошлого, которое, казалось мне, не могло бесследно исчезнуть...

Посреди одного из просторных дворов стоявших друг к дружке лицом кирпичных зданий две пожилые женщины сидели на низкой скамеечке возле старых ковров, ворохом наброшенных на почерневший от времени стол для пинг-понга, и я решил воспользоваться минутой их отдыха от домашних забот.

— Извините, что отвлекаю вас, но вдруг как раз вы-то мне и поможете, — уважительно поздоровавшись, начал на полушутливой просительной ноте.

Дружелюбие сработало, как почти всегда, безотказно.

— Что же вы будете стоять? — чуть ли не обеспокоенно заговорила старшая, очень почтенного возраста, но явно из тех, кто и в этом возрасте пытается натиску лет не поддаваться. — Если не очень спешите, присаживайтесь рядом, а мы, что от нас зависит...

И долго я просидел потом с ними на этой низкой скамеечке...

Выдавал я себя, да простится мне этот не такой большой обман, за историка-любителя. Что на ту пору знал, взялся о Замоскворечье рассказывать: мол, недаром неподалеку отсюда и Ордынка, и чуть подальше Татарская улица, а здесь — три сразу Казачьих переуллка: была слобода, одна из нескольких, населенных выходцами с дальних окраин набравшего силу Московского княжества. Так вот, они, живущие тут нынче, помнят ли хоть что-то о казаках и, если помнят, то — что?

— Я-то почти всегда — о казаках, когда мужа покойного вспоминаю, — сказала старшая.

— Казак был? — спросил я, конечно же, с надеждой.

— Боже упаси! — воскликнула она чуть не со страхом.

— А почему тогда, извините, казаков вспоминаете?

— Муж был крупный ученый, — стала она рассказывать. — Работал на военных... Был тогда одним из главных разработчиков артиллерийских снарядов. В конце двадцатых годов. В начале тридцатых. Испытания проводили недалеко от Москвы, и он всегда с полигона приезжал — ну, как выжатый лимон, в самом деле. Всегда энергичный, бодрый... Сколько у него наград было! А с испытаний вернется — на себя не похож. Гляжу, чем-то мучается... Страдал страшно! Однажды разрыдался, я ладони от лица не могла оторвать... «Боренька! — прошу. — Ну, объясни, что с тобой? Может, чем-то смогу помочь...» А он: «Никто мне не поможет. Никто!.. А глядеть на это я больше не в силах». На что глядеть, спрашиваю?

Из тех, кого давно называют старухами, в ком якобы давно угасли все бушевавшие мир страсти, она заволновалась вдруг так, что приподнятые руки задрожали и упали на колени, в давно выцветших глазах блеснули слезы.

— Извините, — невольно сказал я. — Извините, пожалуйста.

— Мы с вами ни при чем, — сказала она, слегка успокоившись. — Дело прошлое: теперь об этом

обо всем чуть не на каждом перекрестке. А тогда!.. Муж, само собой, подписку давал. О неразглашении государственной тайны. А тайна-то...

Опять замолчала, и мне пришлось потихоньку напомнить:

— И в чем она?

— Он мне рассказал в конце концов. Дело в том, что многие снаряды не разрывались. А у них был план, было правительственное задание. Ждать было некогда, и за таким снарядом сразу шел человек... или двое-трое. Приносили его и тут же начинали разбирать. И снаряды часто взрывались: или ещё в руках у этих людей, или уже потом, когда они начинали их развинчивать, или что там... Никто почти не оставался в живых, а если оставались — оставались такими калеками... Донские казаки.

— Казаки? — пришлось воскликнуть. — Донские?!

— Специально возвращали на полигон из тюрем, из лагерей... Когда гибли те, что брали, он говорил, из «пересылки» в Москве. Потому что лучше них не было работников... Шли и приносили эти снаряды. Кто-то взрывался у них на глазах... Их же товарищи, а то, рассказывал муж, и родственники, а они снова шли и тоже взрывались. Потому что был план, его нельзя было нарушать. Однажды муж своей волей прекратил испытания, и его тут же обвинили во вредительстве, чуть не «загремел», как тогда говорили... Что ему было делать? Понимаешь, он говорит, отважней их нет, других я не могу брать — дело станет. Крики, плач... С другими. Охрана начинает понукать, бить прикладами, а потом стрелять. Сперва — в воздух. А эти... Донские казаки. Перекрестился, говорит, и — пошел... Вы понимаете? Муж, я знаю, оттого рано умер, что постоянно мучился... Вся грудь в орденах, а душа под орденами... Скончался от разрыва сердца. Сразу после войны, скорострительно.

...Конечно же, у каждого из нас в памяти есть события, к которым по той или иной причине мы, участники их или свидетели, постоянно возвращаемся. И есть якобы случайное, вроде этого моего, почерпнутое из мимолетного разговора с кем-нибудь печальное знание, которое тоже годами не отпускает. Оно то уходит на второй или третий план сознания, вроде бы совсем пропадает, а то потом в какой-то момент внезапно вдруг возникает, да так ярко и так осмысленно...

Часто видится мне — уже как будто сверху, с высоты прожитых лет — на низенькой скамейке

сидящая весенним днем посреди испепеленной временем казачьей слободы и мирно беседующая наша троица, и тут же, как внутренний взрыв, вспыхивает некий тугой эмоциональный толчок: какое там «возрождение казачества»? О чем мы?!

Короткая беседа с вдовой разработчика снарядов, у которой по вполне понятным причинам я не стал тогда спрашивать ни имени-отчества, ни фамилии, на долгие годы стала для меня неким духовным топливом, на котором работали грустные размышления о том, что когда-то с казачеством произошло и что происходит нынче.

Странное дело, странное...

Эти снаряды, которые взрывались тогда в руках у казаков, все продолжали теперь взрываться во мне: иногда, казалось бы, в самый неожиданный миг — он мне потом надолго запомнился.

Так было однажды во время вечера в Доме литераторов, посвященного «Тихому Дону»...

Я был одним из устроителей, но как заядлый, «с дореволюционным стажем» заднескамеечник в неблизких рядах тихонько сидел в зале сбочка и с неким, уже давно не покидавшим меня грустным сомнением посматривал и на «батюку Мартынова» в белом кителе за столом президиума на сцене, и даже (о, простится мне это!) на блиставшую как всегда, неувядающую Элину Быстрицкую, как вдруг безмолвный удар, осветивший события давних лет, как будто разрешил во мне некий затянувшийся, теперь уже давний спор...

«А не отправились бы вы куда подальше, ребята! — пошел немой монолог. — Все, кто уже столько лет морочит нам голову — все-все!.. Шолохов ли написал великий роман или не Шолохов — да какое по большому счету имеет это значение, если на самом деле это не книга — это щит, прикрывший от истребления народную элиту: казачество! Как говорил когда-то о казаках Велимир Хлебников: «дворяне Земли»!.. И пусть не Шолохов, пусть Крюков... пусть, как теперь некоторые считают, — Серафимович... Не все ли равно: написал это русский человек, в руках у которого не писательское перо было — меч духовный...»

Как это случается, вслед за этим личным открытием, для кого-то другого, что вполне естественно, значения не имеющим, тут же пришло другое: «Да почему же ты сдаёшь Старика?! Ну, наклепали на него, каких только собак не навешали, но глаза-то его ты помнишь?.. Смотрели

столько лет на тебя из Вешенской эти печальные задумчивые глаза — ведь не из дыма-кормыслом, не из пира-горой, который «молодым писателям» пропаганда, предательница наша, тогда устроила. В час подлого безвременья смотрели на вас на всех будто из глубины времен...»

«Отстаньте вы от него! — пришло. — С одним вы носитесь, как дурень с писаной торбой, с американцем Ричардом Бахом, которому, видите ли, голос с небес на берегу Тихого океана нашептал его «Чайку по имени Джонатан Ливингстон»... А почему чуть раньше, в другом краю — на Тихом Дону честный молоденький писатель не мог слышать плача Божией Матери по невинно погибшим и все продолжающим погибать?.. Да ведь духовный щит, который удалось ему поднять тогда над Россией, на самом деле и есть — щит Господний».

Никому другому не видимое, это маленькое происшествие со мной, это событие моей внутренней жизни в несколько секунд возвело тогда во мне некое подобие духовной крепости, со стен которой я потом терпеливо наблюдал и все, пока Бог дает, продолжаю наблюдать и слушать и все эти несмолкающие крики пытающихся унижить Писателя, и ритуальные заклинания записных патриотов, ряды которых надежно скреплены все теми же бывшими функционерами ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС, для того нас давным-давно захлеб поившими в Вешенской, чтобы никто из нас, незапланированных, не дай Бог не сподобился тогда по душам поговорить с Михаилом Александровичем. Что делать!..

Сколько было о Шолохове в те годы снова писано и снова говорено, но меня всё больше интересовало одно: верующий он был?.. Ну, не может быть, что — безбожник!

Размышления эти часто возникали тоже как бы вторым планом, что делать: я ведь вольный художник, а не настырный исследователь. Но иногда это подступало к душе так настойчиво, что впору было родным Михаила Александровича писать на Дон либо разыскать в Москве: мол, подтвердите.

В такие минуты особенно сожалел, что так и не познакомился с сыном Шолохова, Михаилом Михайловичем, а ведь была у меня такая возможность, была!

В самом начале девяностых, когда я ещё «казаковал», оставаясь у «батюки Мартынова» заместителем «по культуре и внешним связям»,

в Краснодаре проходил совет атаманов. Поселился я не вместе со всеми, не в гостинице – давно живущий в кубанской столице родной брат Валерий как бы на полушутке сказал, что «не поймет» меня, если не поживу у него. Потому-то в Дом офицеров, где должен был состояться совет, я примчался чуть не последним. Зал уже был набит, как добрая подсолнечная шляпка бывает набита семечками, и все же, торопясь к месту, где сидели москвичи, я невольно приостановился, увидав такой знакомый затылок – ну, чисто шолоховская «потылица»: и прическа, и уши, и даже полуповорот головы над плечом...

Надо будет обязательно подойти, мелькнуло: Шолохов-младший, преподававший в Высшей школе милиции кандидат философии, в то время «атаманил» в Ростове, были, считай, коллеги, считай – сподвижники... Но разве на таких многолюдных и шумных сборищах живешь по своему плану? Уж непременно кто-нибудь навяжет тебе совсем иной, обстоятельства так закрутят, что выберешься из них, наконец, как в детстве, бывало, из омутка выплывешь: почти без сил.

Пришлось довольствоваться тем, что уже в Москве позвонил хорошо знакомой Наталье Калининой, дочке писателя Анатолия Степановича Калинина, автора знаменитого «Цыгана», начинавшего когда-то в нашей Отрадной литсотрудником районки «Советское казачество». Наташа, мол, не могла бы у папы узнать: Михаил Александрович был – верующий?

Тут, пожалуй, надо сказать, что Наталья, профессиональный переводчик с английского, в свое время имела, как говорится, неосторожность ступить на отцовскую стезю – начала писать прозу. Это сам Анатолий Степанович и рассказал мне об Отрадной, когда позвонил однажды в редакцию русской советской прозы, которой я тогда заведовал в издательстве «Советский писатель», и по-дружески попросил самому прочитать дочкину рукопись и честно сказать: стоит ли с ней соваться в большую литературу.

Я прочитал, решил – стоит, пытался, как мог, Наталье подсказать...

Но не такая уж русская и не совсем советская «проза», несмотря на благорасположение заведующего, по-прежнему Дон встречала в штыки, по-прежнему... «Русская Вандея», чего там!

Наташа всё видела и все понимала, но в голове её, когда теперь позвонил, тем не менее слышался, слышался холодок...

– Если он шестилетним мальчиком пел в церковном хоре в Москве, – начала почти строго. – Если часто об этом и очень тепло вспоминал, когда с папой встречались... то, как вы думаете?!

И не оставлявший сомнений как бы поучительный, даже слегка высокомерный, пожалуй, тон её прозвучал для меня не земною – небесной музыкой...

Потому-то однажды я решился.

В Союзе писателей России шла встреча с «героями Шолохова», как было объявлено, и с его родственниками... Может, у меня такая планида – запаздывать?

Когда пришел туда, каждый из гостей был окружен плотным кольцом почитателей Михаила Александровича. Кого-то видел впервые, зато других – в основном чиновников из правления Союза «на Комсомольском» – знал слишком хорошо, и задавать вопрос, не только для меня сокровенный, при этих литературных завсегдатаях, только и ждущих банкета в конце каждого подобного торжества, очень мне не хотелось.

Переходил от кружка к кружку и мучился, а потом вдруг пришло: да в чем дело?

30

Попрошу сейчас слова у начавшего вести вечер Юрия Серафимовича Мелентьева, самого, пожалуй, приличного из непотопляемых этих функционеров, недавнего ещё министра культуры СССР: перед первым Большим кругом Союза казаков России звонил ему, просил помочь с общезнанием для тех, кто приедет из провинции – отозвался он очень горячо. Попрошу слова и прямо так и начну: почему никогда не говорим о главном? О православной вере Михаила Александровича, которой, несмотря ни на что, он не изменил, о явной Божией помощи ему... Как там встать? «Не мне, не мне, но имени Твоему...» Уж он ли это не понимал?

И я все тянул и тянул руку, но министр, как и разведчик, видимо: и в отставке продолжает тянуть профессиональную лямку...

Явно подбадривая меня взглядом, Юрий Серафимович четко давал очередное «слово» исходя из «табели о рангах», а может, – согласно заранее заготовленному списку, и они там один за другим подолгу толкли и толкли воду в ступе.

А во мне вдруг опять будто сдетонировал заряд, вызванный давним теперь, предавным взрывом снаряда в руках у донского казака на секретном том полигоне под Москвой...

Волной подняло из кресла, толкнуло к двери, распахнуло створки...

— Куда ты?! — посочувствовал мне в спину Мелентьев. — Хотел дать слово первому атаману...

Но я уже осторожно прикрыл дверь.

...Участковый милиционер, к которому я забрел в один из своих походов по бывшей казачьей слободе, тогда, в 90-м, оказался сибирским немцем, мы по душам разговорились, и он вдруг тряхнул ладошкой, рывком поднялся из-за стола:

— Чего уж!.. Скажу вам правду: вы опоздали. Все, что там было или что ещё можно освободить, уже расхватали: что под магазин, что — под офис. Что вы хотите: центр Москвы. Вот только при церкви...

Достал из сейфа ключи, позвал за собой, и мы с ним долго ходили по длинному, с высокими потолками, просторному зданию рядом с храмом: потом уже я узнал, что устроитель церкви, богатый купец, выговорил себе право полвека занимать этот дом под собственное жилье, и только после он должен был отойти под нужды прихода.

— Вот и займете тут одну из комнат под ваше правление, или как там оно у вас, — советовал мне добрый человек, которому я, как всякий казачок-хвостун, само собой, успел рассказать: когда-то, уже давно теперь, сподобился, мол, написать роман о «ментах» — «Пашка, моя милиция», за что получил от министра МВД и грамоту, и почетный знак «Отличника...»...

Но не это, не это наверняка произвело на него столь выгодное для меня впечатление — скорее всего, откровенный рассказ о живших в Кузбассе, высланных в Сибирь в начале войны «морозостойчивых» немцах, со многими из которых был не только хорошо знаком — крепко дружил.

И молоденький участковый распахивал передо мной одну дверь за другой:

— Посмотрите, какое богатство, посмотрите! И никто пока сюда...

— Вы уж, и правда, никому не показывайте! — попросил я не только на дружеской — прямо-таки на братской ноте.

И точно так же, как сказал бы мой старый товарищ, хирург Витя Райх, неоднократный герой моих сибирских писаний, новый доброжелатель мой, построжав лицом, чуть не с оттенком обиды произнес:

— За кого вы меня?..

Но вовсе не желание «расширить жилплощадь» атаманского правления Московского землячества казаков за счет будущего церковного прихода заставило меня обивать пороги Патриархии в Чистом переулке — вовсе не оно, нет.

Время это, как многое, запомнилось мне отрывочно, но некоторые детали до сих пор помнятся ну, до того ярко!

Нынче отец Матвей Стаднюк — настоятель церкви Богоявления, которая чуть ли не больше известна в Москве как никогда не закрывавшаяся Елоховская: старая интеллигенция шла туда послушать её великолепный хор, с которым пели и знаменитый в ту пору бас Пирогов, народный артист, и всеобщий любимец тенор Козловский... Думаешь задним числом: а может, многие из москвичей на самом-то деле шли туда не только для того, чтобы усладить свой слух — шли помолиться?

Но в то, о котором речь, время отец Матвей исполнял в Патриархии некие обязанности, которые включали в себя и решение о передаче церкви Успения Богородицы мирянам.

Для начала он и раз, и другой вернул все принесенные мной прошения, потому что они якобы не так были составлены, потом, когда я привел их в должный порядок, последовал другой этап:

— Для Господа едино, будут ли ходить в храм Божий кавалеристы, о которых вы так печетесь, или другие верующие, — негромко наставлял меня отец Матвей, и я невольно прикладывал ладони к груди:

— Не кавалеристы, батюшка, — казаки! Эта церковь всегда принадлежала казакам, жившим в слободе рядом. Ведь недаром и стоит она на углу переулка, который называется 1-й Казачий. А там есть ещё и 2-й Казачий, и третий...

Но в следующий мой приход отец Матвей снова упрямо называл казаков «кавалеристами»...

Может быть, из-за своего украинского происхождения он испытывал некую антипатию к казакам и для этого были свои невольные причины, как говорится?

За несколько лет перед этим в Польше я впервые услышал о живущих там потомках «коронных» казаков. Дело было в Гайнувке под Белостоком, где мне помогли, наконец, найти могилу Василия Карповича Карпенко, мужа родной сестры бабушки по материнской линии, моей

крестной, — одним словом, деда, хоть и не кровного, воевавшего в «казацких частях» и погибшего за год до конца войны, в марте 44-го...

После того как на братском кладбище в центре городка положил на его могилу цветы, с корреспондентом «Правды» Олегом Лосото, помогавшим мне в поисках, и с партийным секретарем Белостокского воеводства — стыдно мне, стыдно, что фамилия его затерялась в записной книжке, и в моем рассказе «Славянский ответ» он был назван потом только по имени, Миколай, — так вот, зашли с ними в православный храм заказать молебен о упокоении души раба божия Василия и поставить свечу, а после, когда вместе залюбовались несколько необычной красотой церкви снаружи, Олег вдруг сказал мне:

— На архитектурном конкурсе, который проходил тут несколько лет назад, этот проект был назван лучшим и получил престижную премию. Но ты видишь первую и последнюю церковь, которую по нему построили. Православные иерархи решили больше таких не возводить...

Конечно, я удивился: мол, почему? Слишком дорого?

Лосото кивнул в мою сторону и дружески подмигнул Миколаю:

— Объяснить ему?

И Миколай рассмеялся:

— Можно, можно!..

Выпито нами вместе было уже достаточно, отношения позволяли, и Олег заговорил прямым текстом:

— Не то что слишком дорого, нет... Она имеет явно современную, скажем, — европеизированную форму, и такую церковь и легче у православных отобрать, и проще потом под костел приспособить...

— Отбирают? — спросил я. — Католики?

— То так! — сочувственно подтвердил Миколай. — Так.

— Надо его познакомить с поэтом Виктором...

И снова мне приходится извиняться...

В одной из статей обо мне, опубликованных в преддверии «круглой даты», семидесятилетия, майкопская журналистка Валерия Ломешина, человек творческий и с фантазией, написала, что география моих творческих интересов — Северный Кавказ, Москва, юг Западной Сибири — напоминает старинный адыгский стол на трех ножках, анэ, который перед гостем ставят и нын-

че — теперь уж, правда, больше ради экзотики... Но при нынешнем, всё усложняющемся в России быте невольное продолжение скифских традиций обходится всё дороже, не только в смысле материальном. На три дома, считай, разбросаны нужные бумаги, на три дома разложены настольные книги — при характере, явно отличном от натуры записных архивариусов, где тут уследить за порядком!

Только и помнится, что фамилия польского коллеги на «эс»...

— Хороший поэт? — спросил я у Лосото.

— Это само собой, но дело не в этом, — стал объяснять Олег. — Он коронный казак и теперь возглавляет комитет, который отстаивает православные церкви, не дает их захватывать...

— А что значит «коронный казак»?

— Когда Хмельницкий договорился с Москвой, часть его казаков осталась верными польской короне...

Сжатыми кулаками Миколай потряс возле груди:

— Кревь казацка и польска кревь... о, то серьезные люди!

— Представляешь, каково ему теперь, Виктору? — продолжал Олег. — Да и не только ему. Им всем.

— И много их, коронных казаков?

Лосото не без грусти улыбнулся:

— Не так много. Но ведь Миколай сказал: люди особенные.

— Твердо, твердо! — поспешил поддержать Миколай.

— Представляешь, как у них душа рвётся?

Я только руками разводил:

— Да-а, слушай! А я ведь и не знал о них. О коронных казаках...

Лосото опять грустно улыбнулся:

— Я тоже сперва не знал.

Невольно вспоминая тот наш разговор в Гайнувке под Белостоком, я потом думал: мало ли!.. Может, у отца Матвея — свои, прошу простить, заморочки. Что там ни говори — «западонец»! И так или иначе припоминается о Хмельницком — шевченковский стих: «Богдане, Богдане! Неразумный ты сыну! Зачем москалям продал Украину?»

Однажды в зимнюю пору опаздывал к назначенному отцом Матвеем часу, уже на уголке Пречистенки и Чистого переулкa поскользнулся на припорошенной снегом наледи под водосточной трубой, упал на правую руку, которая

почти всегда была без перчатки, носил её по привычке в левой, и хорошенько раскровянил себе ладонь.

Приводить себя в порядок — безнадежно опоздать, и я на ходу то носовой платок к руке прикладывал, а то потом кровь слизывал и всё мчался и мчался. Прибежал тютелька в тютельку, небольшая очередь, зная порядки отца Матвея, понимая меня пропустила.

В очередной раз вроде бы незаметно слизнул кровь — отец Матвей спиной ко мне уходил к столу. Но вот обернулся и скучно так, почти тоскливо сказал:

— Опять вы!.. А я ведь уже сказал, что для Господа едино: или остальные миряне, или — ваши кавалеристы.

И я — «взрослый дядька», казачий атаман — неожиданно для себя горько заплакал и быстро пошел к двери...

Вскоро в Патриархии я вдруг узнал, что отец Матвей Стаднюк — близкий родственник писателя Стаднюка, автора широко известного романа «Война»... Да только ли, только ли!

Стаднюк тогда ещё оставался секретарём Союза писателей СССР, и я понесся к нему как на крыльях.

— Иван Фотиевич! — по-сыновьи просительно начал ещё от порога. — Только вы сможете по-
33

мочь, только — вы!

Рассказать тут ещё одну маленькую историю?

В начале семидесятых на Рижском взморье, в Доме творчества в Дубултах мы познакомились с поэтом Григорием Поженяном и настолько сошлись, что в душевных разговорах между нами не стало запретных тем, и как-то Григорий Михайлович — Гриня, Гриша, Григор — в своей несколько экзальтированной манере, чуть не на громком крике, заговорил:

— Да, папа у меня армянин, а мама еврейка, но у меня есть и русская мама, ты это знаешь, которая спасла меня во время войны. Я фронтовик, что ты хочешь, а это каста особая. С Иваном Стаднюком мы — идеологические противники. Но оба — фронтовики. Считаю, окопники. И я никогда не продам Ивана. И твердо знаю, что он меня тоже никогда не продаст!

Лет через десяток я оказался в одном купе с Иваном Фотиевичем: в мягком вагоне ехали на дни литературы в Кузбассе. На столике лежал свежий номер «Огонька», я попросил у Стаднюка, с которым только что познакомились, разре-

шения полистать журнал, первым делом наткнулся вдруг на большую подборку Грининых стихов и простосердечно воскликнул:

— О, как хорошо!.. Анатолий Владимирович чуть не на разворот Поженяна дал!

Иван Фотиевич молча пошевелил губами, как будто что разжевал, потом на особенной какой-то ноте негромко сказал:

— Софронов — фронтовик. А фронтовики — люди особые. Мы с Поженяном по-разному думаем. О многом, скажу... Но он фронтовик. И я его никогда не сдам. Как и он меня...

Братцы, братцы!..

Или — отцы?

Отцы наши!..

Как же мы все вместе сдали страну?!

Может, они теперь уже *оттуда*, с горних высей, потихоньку наблюдают за нами за всеми, снова договорившись...

Но как быть нам?

Терпеливо ждать, пока не присоединимся к ним?

Моему поколению осталось уже недолго.

А детям нашим и внукам?

Но мы сейчас о другом...

Опять долго жевал тогда губами Иван Фотиевич. И глаза его были печальны, и, казалось, само широкоскулое лицо было скорбно.

— Это хорошее дело — казаки, — сказал. — Ты держись. Молодцы вы!.. Да только вот что: помочь тебе ничем не смогу.

— Уверили, что родня, — пришлось мне вздохнуть.

— Что правда, то правда, — и чуть горько, но вместе с тем как бы уже гордясь и своим характером, Иван Фотиевич продолжил. — Только он из всех наших Стаднюков... не скажу, самый вредный. Но самый несговорчивый, это точно. Бывает, себе перечит, и правда. И только сам с собой и может договориться — мы все это знаем, и никто его никогда ни о чем не просит. Слово тебе даю: бесполезно.

Потом уже, когда моя «разведка» в Патриархии стала работать ещё тоньше, ещё тщательней, доброжелатели из священников потихоньку сообщили «подпольную кличку» отца Матвея: то ли «тянульщик», то ли «резинщик» — как-то так, теперь уж не помню... Да и зачем о добром человеке, зачем это помнить?

Поднаучили меня и строению речи в беседах с ним: знаю, мол, как это непросто, понимаю, каких усилий вам стоит, вовсе не тороплю, да что

вы – сколько угодно готов спокойно и терпеливо ждать.

– Ваши бумаги на подписи у Святейшего, – сказал он наконец. – Ещё чуть-чуть обождите, ещё чуть...

И я потерял было бдительность:

– Недельку-две?

Отец Матвей внимательно посмотрел на меня и еле слышно сказал:

– Два-три месяца.

И я поехал на Кубань, «до черкесов»: то, что не брошу начатый накануне перевод адыгейского романа, как бы входило с моей стороны в условия «атаманства»...

О, это непростое занятие!..

Начиная с того, что само это слово – «перевести» – автор и переводчик уже толкуют по-разному.

Подстрочный перевод небольшой повести моего адыгейского кунака был так небрежен, а вся «фактура» её на фоне стремительных перемен в России и на Кавказе так безнадежно устарела, что мне ничего больше не оставалось, как крепенько надо всем этим поразмышлять и написать роман – а как же, само собою уже роман, – заново.

Легко, однако, сказать.

Даже это маленькое предложенье, конечно же, с головой выдает во мне застарелого сибирика. Ну, да ведь не самое ли это интересное в нашем деле: *сопромат*, который я никогда как предмет не изучал, но всю, так получилось, сознательную жизнь, преодолением *сопротивления материала* занимался, и это всегда было самое, какое только может быть для настоящего профессионала, увлекательное, непреодолимо увлекательное занятие. Тем более такого щедрого и благодатного по природе и такого трагического из-за поворотов народной судьбы материала, как история адыгов... Братья!

Даст ли мне Господь время высказать вам все благодарные слова за все то, что мне за это время открылось и чему самые благожелательные из вас и самые мудрые меня научили?

Ведь всю жизнь мы только учимся говорить правду. Разве это не так?

Куда деваться: «Сказание о Железном Волке» из материала заказчика, суконным языком выражаясь, выковано было, образно говоря, конечно же, на нашем мастеровом, чумазом Запсисе, но вовсе не кунак, совсем теперь от гордости раздувшийся, был настоящим его *давальщиком*: все вы, кто одалживал мне редкие книги или что-то удивительное, почти фантастическое, рассказывал; все вы, с кем часами расхаживал по аллеям санатория «Кавказ», где подолгу тогда работал, собирал в лесу мелкую грушу-дичку или в два кулака яблоки в заброшенных, посреди урванного леса, черкесских садах; с кем сидел за беседой у пастушеского костра в горах под Фиштом или на скамеечке в парке над Белой – спасибо вам, мудрые адыгейцы, спасибо, достойные черкешенки!

Всем, всем.

Но снова мы отвлеклись...

Вернувшись в Москву, я сразу же позвонил отцу Матвею, и по тону его, каким он сказал, что через три дня я смогу забрать у него подписанное Святейшим свидетельство о передаче церкви Успения Божией матери казакам, понял, что оно уже лежит у него на столе.

Положил трубку, и во мне вдруг возникло странное и счастливое ощущение чего-то сокровенного, объединившего вдруг времена и судьбы, в том числе – и мою собственную... Ощущение это с благодарностью помню до сих пор. С безмолвной печалью улыбался, а в голове проносилось: ну, вот, мол, вот!.. Богородица и это управила, с возвращением казакам когда-то посвященной Ей церкви. И Шолохову, Михал Александровичу, почти мальчишке тогда, конечно же, именно Она помогла поднять щит духовный над бедным своим народом, всё погибавшим от снарядов, которые продолжали взрываться в руках у него на истерзанной недругами и нами самими, «простодырами», нашей грешной земле...

**Сергей
ДОНБАЙ**

**МЕНЯ
ПОДХВАТЫВАЮТ
ВИХРИ**

ВРАКИ

*Золотое времечко предчувствий,
А в кармане мелочь да табак.
Ничего и всё на всякий случай.
В Ювенильном море шторм-дурак!*

*Враки, что не знаем, что случится
(Наперёд, мол, видеть не дано), –
На меня в киножурнале мчится
Паровоз советского кино!*

*Враки, что не знали, что случится
(Будущее, мол, не ближний свет),
Если с каждой на тебя страницы
Коммунизма счастье вопиет!*

*А теперь вот никаких предчувствий...
Свет включай, подкручивай фитиль –
Не видать ни зги, хоть крайний случай.
Шторм, как бабочку, пришилпил штиль.*

*Тихий ужас мчится самолётом.
Коммунизмом хоть детей пугай.
Снова разыграли, как по нотам?
– Враки! – крикнул в клетке попугай.*

35

**ОСОБЕННОСТИ
ИСТОРИИ ПОБЕЖДЁННЫХ
НАРОДОВ**

*Я был туристом в стане побеждённых:
Вот немец и француз, поляк и швед.
История народов просвещённых
Не помнит громких не своих побед.*

*А если вспомнит, так переиначит
И уведёт, так выгодно шутя,
Что пресловутый «писающий мальчик»
Всего важнее станет для тебя.*

*И победитель в стане побеждённых
Не знаменитый силою медведь,
А русский неуклюжий медвежонок –
Так легче снисходительно смотреть.*

*Все эти карлы и наполеоны,
Нас приходившие завоевать,
Лжедмитрии и гитлеры опять
В истории народов просвещённых
Нас варварами жаждут называть.*

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич родился 22 сентября 1942 года. Автор десяти книг стихотворений. Публиковался в литературных журналах «Наш современник», «Москва» (Москва), «Всерусский собор» (Санкт-Петербург), «Сибирские огни» (Новосибирск) «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирские Афины» (Томск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Сибирь» (Иркутск) и др. Лауреат литературных премий им. В. Д. Фёдорова, Александра Невского и др. Заслуженный работник культуры России. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Молюсь на купола Донского
Монастыря через окно.
В сиянье неба голубого –
Иконописное оно.

А купола строги, как туча.
Их пять. И рядом блавест.
И, словно поднебесный кучер,
Над ними золотится крест.

Темнеют купола Донского
Среди Москвы монастыря,
Чтоб тучу с поля Куликова
Не забывали из Кремля,

Чтоб жили не единым хлебом
В мироточенье бытия
И подружилась с русским небом
Церквей и звонниц толчея,

Молюсь на купола Донского...
Никем не писанный канон –
В сиянье неба голубого
Иконописное окно.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В канун Великого поста
Звонить охота неспроста.

И в исходящем сообщении
Мы просим веером прощение.

Оказывается в самый раз
Просить, не подымая глаз.

А в сообщении входящем
В ответ прощение обрящем.

И да прощает Бог с небес
Нам эти наши СМС...

Вот он просит на углу
Дать – поесть, согреться, выпить.
Взгляд его идёт во мглу,
В этой мгле – и я, и вы ведь.

За ночь выпал первый снег,
И глаза у всех согрелись!
Только бедный человек
Нарушает эту прелесть.

Выпить я ему найду...
Ну и вы – поесть немножко...
У него одна надёжка –
Косточки погреть в аду.

МАМА ВЫШИВАЕТ

Мама вышивает мелким крестиком,
Я при ней считаюсь главным «критиком».

У окна садится мама – на пленэр,
Подбирает нитки мулине,

Шевелит губами, крестики считает,
«Не мешай, Серёжа», – снова начинает.

Я, как должно «критику», мешаю,
Но любовь её не уменьшаю.

Мама вышивает, крестики считает,
Как молитву про себя читает.

Я запутал нитки. И пяти нет мне...
Но потом повиснет на стене

Мамина молитва надо мной:
Белый конь, конь рыжий, конь гнедой.

Черкасовым

В Подмоскowie на даче ночуем.
Утром встали – и солнце, и радость!
Каждый гвоздик забит с поцелуем!
И от счастья душа разрыдалась.

Накопилось, таилось веками,
Перешло от отцов, как наследство, –
Всё изладить своими руками
И делиться от чистого сердца.

В гараже дорогая «коляска»,
Богатеем на зависть буржуйам...
Каждый кустик посажен, обласкан,
Каждый гвоздик покрыт поцелуем.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ДНЕВНИК

Теперь, когда у сыновей
Оказываюсь в дальнем детстве,
Я нахожусь от жизни в бегстве –
Их и своей.

А та, с которой мне приснилась
И эта жизнь, и сыновья,
Глаза открыла и проснулась,
Как синева.

Меня ж подхватывают вихри,
И удержать меня скорей
Не хватит лап ни якорей,
Ни якорихи...

Памяти А. Н. Оленева

Познакомились и попрощались навеки,
Может, древа судьбы родословные ветки.

Не бывать между нами любви иль вражды –
Только комья земли, и снега, и дожди.

Я еще никогда не знакомился так,
Под поспешный могильный лопатами звяк,

Под, как будто в бреду, оружейные залпы...
На плечах, словно листья, погоны озябли.

Стая воронов вспуганно воздух трясет.
Только ангел все знает и Богу несет:

Как прощались, но не разминулись навеки
Две от древа судьбы родословные ветки...

В облаках не для нас ли кого-то пасут?
Только дети ответят и внуки спасут.

Вскопаем бабам грядки,
Чтоб сеяли горох,

Покосим одуванчик –
На выдох и на вдох,
Проделаем с поклоном
Укропу окорот,

Как зал наш тренажёрный,
Наш русский огород.

ВЕЖЛИВЫЙ ДОЖДИК

– Дождик, дождик, перестаньте!
Вы для нас теперь некстати.
Мы с сестрёнкой Вероникой
Собрались за земляникой.

Дождь ответил с высоты:
– Если вы со мной на Вы,
Стану ниже я воды,
Буду тише я травы.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Надень на него телегу,
На ноги обуй дорогу,

Как нимб, проржавевший обруч
На голову нахлобучь.

По этим простым приметам
Ищи его по кюветам,

Где травы цветут прекрасно,
И свалки из пенопласта,

Где выкинут холодильник,
Как белый медведь на льдине.

А после поставь такого
На подиум с Волочковой

И пусть отдыхают Зайцев,
Карден и все с ними иже
На мягком таком диване
Длиной от Москвы до Парижа.

Ведь можешь ты всё на свете,
Найди его в Интернете!

ЭПИГРАММА

В анекдот невольно угодишь
И пойдёшь, как будто по этапу:
Чукча спит, не разувая лыж,
А Боярский – не снимая шляпу.

* * *

Вымирает читатель стихов.
В трубку стиснув тетрадную пропись,
Он как будто уходит на зов
(Сам себя заманил крысолов)
В Интернета безвылазный хоспис.

* * *

Прочитана новая книга
И стала родной.
Писатель, как добрый коняга,
Стоит за спиной.

Он снова, как будто случайно,
Опять за своё:
И сладко слеза опечалит,
Тоска запоёт.

Поднимет душевная выюга
Неслышимый крик:
Читатель – известный ворюга
Прочитанных книг.

Над строчкой, слезинку роняя,
Вздыхнёт о своём.
Предстанет Щегловка родная
Нам Царским Селом.

Беду не просмотрит Немига,
Пока нам нужна
На русском престоле Князь-Книга
И Книжка-Княжна.

Литературная жизнь

Представление журнала «Огни Кузбасса» в Юрге.
Слева: Н. Поляченкова, С. Донбай, Н. Сенн, Д. Мурзин

**Владимир
ИВАНОВ**

ТРИ РАССКАЗА

ГРУППА КРОВИ

День выдался солнечный. Сегодня отгул, а завтра выходной, но долго в постели не понежиться. Надо сына оформлять в детский сад, сдавать в поликлинике анализы. Костя Зубрин стал семьянином, и появились неведомые ранее семейные заботы. А, кажется, еще вчера бурлила холостяцкая жизнь! Жил весело, ни о чем особо не задумываясь. Потом встретила Настя. Все чаще стало тянуть к ней в общежитие. Тихая, приветливая, она по-серьезному заинтересовала Костю. Перед уходом в армию сомнения не было: женится на ней. Так оно и вышло. Через год службы Настя даже приезжала к Косте. И в результате Зубрина уволили в запас первым. Его второй месяц ждала Настя с сыном. Сначала жили у матери, потом взяли ссуду на однокомнатную квартиру, а теперь и с детсадом решилось.

В детской поликлинике, когда сдавали анализы, Зубрин заинтересовался группой крови сына.

— Ого, как по ранжиру! — сказал Костя, рассматривая полученные в регистратуре анализы. — У жены первая, у меня вторая, а у сына третья!

— Так не бывает. У ребенка группа одного из родителей, — непрошенно встряла рядом женщина.

39

— Правда?

— А то! — изогнула она губы в загадочной улыбке с видом всезнайки.

Когда поужинали, Настя принялась вязать кофту, а Костя взялся за журнал.

— Настя, у тебя точно первая группа крови? — спросил.

— Да, — вскинула голову жена. — А что?

— У тебя первая, у меня вторая, у Славки третья. А говорят, такого не может быть.

В ответ — молчание. Костя всё глядел на нее и холодел.

— Так что же! Не врет медицина?

Этот ровный утробный голос — чужой.

— Костя!..

...Томас Джефферсон, автор проекта Декларации независимости, третий президент США, в 1805 году, через год после избрания на второй срок, предстал перед законодателями по весьма необычному поводу.

— Вы признаете, что имели внебрачную связь?

— Нет, не признаю. К тому же мои труды на благо Америки — это одно, а моя частная жизнь — другое, и путать одно с другим не следует...

ИВАНОВ Владимир Васильевич родился 21 января 1948 года в деревне Макаровке Башкирской АССР. Вырос в селе Баннове Крапивинского района Кемеровской области. Окончил Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Работал в совхозе «Банновский», сотрудничал в газетах Кемеровской области.

Автор девяти поэтических сборников и книги прозы, вышедших в Москве и Кемерове.

Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Для нас та история покрыта патиной времени, но и для тогдашних законодателей США она тоже уже была давней...

В 1785 году Джефферсон был назначен американским посланником во Франции. Вместе с семьей в Париж поехала четырнадцатилетняя Салли – служанка младшей дочери посланника. Потом наступил 1789 год – год Великой французской революции, и Джефферсонам пришлось вернуться на родину. А в 1790 году, уже в Америке, у Салли родился мальчик, которого назвали Томасом...

Начальная волна скандала накатилась на Америку ещё в 1802 году – через год после избрания Джефферсона президентом на первый срок. Трудно сказать, кто предал огласке семейное дело. Но предал, конечно, тот, кому надо. Новость обсуждали и в прессе, и в высшем свете, и в политических кругах. Президент страны, автор проекта Декларации независимости и «Статута о религиозной свободе», – отец ребенка рабыни! Правда, Джефферсон к тому времени был вдов, но это положения не спасало: два века назад любая внебрачная связь считалась грехом. Впрочем, самым ужасным во всей этой истории была, конечно, расовая принадлежность девушки. Президент по материнской линии происходил из семьи богатых землевладельцев – тех самых виргинских плантаторов, что хорошо знакомы любителям американских сериалов и женских романов. Черномазая, мулатка – это же позор! Перемывателям косточек пицци добавляла и такая деталь: Джефферсон был хорошо известен также как борец против рабства. Еще не будучи президентом, сумел убедить Конгресс, что во вновь присоединяемых штатах рабства быть не должно. Но заодно публично выражал беспокойство, что освобождение рабов может привести к смешению белой и черной расы. Злорадствовали: стало быть, знал, о чем говорил!

Скандал поулегся. Но разгорелся, когда Джефферсон вновь победил на выборах 1804 года, о чем сказано выше...

Первый «сексуальный» импичмент кончился ничем, хотя тогдашнему президенту было погорячей, чем Клинтону за связь с Моникой Левински...

Выйдя из квартиры, Костя остановился в совершенной растерянности. Куда пойти? Где переночевать? К матери? Но от неё расспросов не

оберешься. И разве ей всего скажешь. Ну а что сказать-то! Пойти к сестре, к брату? Но опять начнутся расспросы... Впервые почувствовал Константин, что в семейной жизни есть такое, что никому не доверишь, не выложишь – даже родной матери, что в семье главные вопросы никто не решит за тебя, в особые моменты не обопреешься ни о какое плечо – всё решать самому. И вспомнил Костя про своего напарника Витьку из общежития. У него несколько раз собирались после получки.

Постучав в комнату, Костя напустил на себя веселье и, «между нами мальчиками», объяснил причину своего позднего визита: ушёл от жены в воспитательных целях, пусть поспихует и как следует подумает над своим поведением. Переночевать пустишь? Витя проявил мужскую солидарность и радушно предложил ночлег. Когда улеглись, хозяин скоро затих и тихонько стал поспывать, а Косте не до сна.

Как же так получилось?... До армии Костя с матерью жили в своем частном доме на окраине. Когда дружил с Настей, не раз приходил с ней домой. Настя с матерью сошлись характерами. Провожая в армию, мать сама предложила Насте остаться с ней и вместе дожидаться Костю. Настя радостно согласилась. Условились сыграть свадьбу после службы. В армии часто получал письма то от невесты, то от матери, а то и вместе напишут – поздравят на праздники. Мать в своих письмах в невестке души не чаяла, радовалась её покладистому характеру, трудолюбию, тому, что в думах постоянно живёт одним Костей и зрело рассуждает о будущей жизни. Когда поженились, Костя вроде бы шутил говорил, что матери и самой ещё не поздно заняться личной жизнью. Но мать отмахивалась и спасалась от одиночества в их с Настей семейных заботах. Теперь мать воспримет всё это как личную трагедию. А Настя и вправду была хорошая жена. В семейном бюджете всё наперед рассчитано и продумано. Дома чистота и порядок. Особенно приятели удивлялись кухонной чистоте, видимо, за неимением таковой у себя дома. Настя как-то незаметно приучила Костю помогать на кухне, что для некоторых приятелей было тоже в диковинку. Порой слышал упрёки, что, занимаясь бабскими кухонными делами, он вроде бы роняет себя как мужчина. Поначалу просьбы-предложения жены Костя воспринимал точно так же. Когда жил с матерью, всё выполняла она. Но Настя, прижимаясь к плечу, воркова-

ла, что всё это мелочи, конечно, но жизнь-то состоит из мелочей и любая мелочь, любая помощь облегчает ей жизнь, а что может быть дороже помощи любимого мужа! Костя отмякал, не перечил и такая помощь уже вошла в привычку, в некий семейный ритуал. Всё правильно, рассудил Костя, жена готовит, я потом мою посуду – разделение труда. Радовала жена пониманием его душевного склада и внутреннего миропорядка, не ворчала, как некоторые другие жёны, когда заявлялся домой с друзьями-приятелями. Правда, случалось это не часто. Не устраивала сцен, если вечером после работы задерживался. По его мнению, Настя больше, чем следовало, уделяла времени подругам, на них порой уходили оба выходных, но он это терпел, поскольку понимал: от однообразных семейных забот ей тоже нужна отключка. Выходило: давали друг другу свободу по мелочам, но в главном, в сохранении семейного лада, оберегали друг друга, не преступали черту. Но что же случилось? Почему в глазах Насти он прочел такое? Почему она пришла в смятение, когда сообщил о нестыковках групп крови? С какой мольбой, с какой растерянностью, ужасом и страданием на него смотрела! Предстали ее глаза – подступила жалость. Но он сознательно подавил это чувство. Тут что-то не так! Может, он, зашоренный бытом, ослепленный любовью, чего-то недопонимает? Может, коварство женщин – врожденное, в их природе? Ведь недаром о женском коварстве пишется не один век. Вспомнились рассказы-байки приятелей. Может, все женщины такие? Костя представил, как жить дальше с подобной точкой зрения. Тогда не бывать уже святому, сокровенному месту в сердце, остается лишь подыскивать примеры своей правоты, цинично их комментировать, менять женщин как перчатки и вообще относиться к женщинам как к постельной принадлежности. Ну а смысл? Весь измаявшись, Костя впал в сон лишь под самое утро... Казалось, только сомкнул глаза, а уж напарник трясёт за плечо, будит на работу.

Костя ушел, а малыш улыбался во сне и чмокал губами. Ему надо было расти. Настя долго сидела, обхватив голову руками, приходила в себя. Уж она-то знала про свою кровь – первая. Когда ее подруга Катя Исаева попала под машину, на заводе объявили: срочно нужна кровь первой группы. В больнице ведь Настину кровь еще раз перепроверили. Она была верна Косте и счи-

тала дни, когда любимый отслужит. Костя писал, что в армейскую часть приезжают и родственники, и невесты на свидание. Договорились, что она возьмет отпуск и тоже его навестит.

Приехала с мытарствами за тридевять земель на какой-то захудалый полустанок Забайкалья. Три дня Костя жил свободной жизнью: командир дал краткосрочный отпуск. Но начались учения и проводить ее не успел. Собралась, расплатилась с хозяйкой за квартиру и побежала на станцию. А поезд уже ушел. Неужели тогда?! Сказали: с другой станции в полночь отправится до Читы местный поезд. Вот и села на первую попутку! Как шофер грозился убить, когда сопротивлялась! Силы были неравны. Но в момент, когда, как ей казалось, насильник почти овладел ею, ее тело судорожно сжалось-спружинилось, она, возненавидев-озверев, пустила в ход зубы-когти. Душегуб вскрикнул-заорал, она была испинана и брошена за сопкой, куда паршивец до того внезапно свернул свою машину. Прихрамывая, вышла на дорогу. Не было ни страха, ни боли, ни времени, ни чувства реальности. Всё в ней окаменело и отупело. Она не боялась сбиться с пути, опоздать на поезд, встретить ночь в дороге – ей было всё равно. Она шла и шла. Фары в сумерках обозначили ее длинную тень, машина поравнялась и остановилась. На расспросы военных ответила, кто она, откуда, куда направляется. Подвезли ее до самой Читы на вокзал за полночь. Подходящий ей поезд западного направления прибыл в пятом часу утра. В плацкартном вагоне мало общалась с попутчиками, ушла в себя, сидела без женских всхлипываний, одеревеневшая. Про случай на дороге она не обмолвилась потом никому, что помогло легче забыть весь этот кошмар. Из памяти вон – будто и не было. Но так ведь и не было! Она же того ненавистного не допустила, не приняла. Когда почувствовала, что беременна, знала – это их с Костей ребенок. Но почему она замешкалась с ответом Косте, будто была в чем виновата? Поэтому Костя и ушел. Но она же не виновата! После первых минут смятения Настя вначале одеревенела, как тогда на дороге, потом постепенно отпустило. Почувствовала: что-то ей мешало быть до конца правой. Будто и в самом деле она виновата. И поняла она, что и впрямь виновата. Виновата, что утаила, виновата, что не сообщила Косте. Но ведь для его же блага! Чтоб не тревожился, спокойно дослужил, дров не наломал. Нет, умолчала, потому что бо-

лее всего боялась потерять Костю: а вдруг он её бросит! И что теперь? Всё равно ушёл! Надо ему всё рассказать, объяснить. Они не должны расстаться! Он поймёт...

Зубрин не видел выхода и всё надеялся: а вдруг это ошибка! Скорее всего, ошибка. А если правда?! Пусть! Неизвестность хуже. Костя в библиотеке стал искать-ворошить литературу. Прочел про идентификацию останков Романовых. Молекулярный биолог Павел Иванов вместе с англичанином Питером Гиллом установили: в безымянном захоронении близ Екатеринбурга лежали именно родители с дочерьми. И что они – родственники ныне здравствующих членов царской фамилии. С дочерьми – понятно. А как там по мужской линии – дополнительно прояснила история президента Джефферсона, хотя сама по себе та история оказалась весьма запутанной. Кто – чей? В наше время появилась возможность установить истину молекулярно-генетическими методами. То, что предполагаемые отцы и дети не дожили до экспертизы, само по себе не было препятствием. Американцы пригласили для исследования всех потомков по мужской линии. Каждый человек половину своих хромосом (по одной из каждой пары) получает от матери, а другую половину от отца. Это еще помнилось по школе. Y-хромосому, определяющую мужской пол, мальчик может получить только от отца. Поэтому она передается из поколения в поколение в неизменном виде. То есть у современных потомков Джефферсона по мужской линии хромосома практически та же, что у него самого. Однако законных сыновей, оставивших потомков, у Джефферсона не было. Пришлось обратиться к потомкам родного дяди президента, брата его отца: ясно, что у дяди и отца Y-хромосомы одинаковые, от бабушки, и такая же была у самого президента.

А у Салли родилось пятеро детей. Задокументированные в свое время свидетельства детей Салли давали основание их потомкам считать, что ведут они свой род от Томаса Джефферсона. К расследованию были привлечены также потомки сыновей Салли – Томаса и Эстона... И семейной легенде потомков сына Салли Томаса, из-за которого и разгорелись страсти с импичментом третьего президента США, был нанесен жестокий удар! Y-хромосома прапрапраправнуков Томаса, сына Салли, ничем не напоминала Джефферсонову. Что уж там

за приключение пережила в Париже юная Салли, науке неизвестно, но отец американской демократии, видимо, не лгал под присягой. Хотя стопроцентного алиби и у него все-таки нет: ведь джефферсоновская Y-хромосома могла потеряться – допустим, кого-то из последующих мужчин в этой династии обманула жена.

Зато Y-хромосома потомков Эстона оказалась совершенно такой же, как у Джефферсонов! Младший сын Салли, родившийся после процесса импичмента, у рабыни действительно был от хозяина... Вот куда добралась наука! Докапывается до истины через века!

Знакомясь дальше с литературой, Костя понял: та тетка в поликлинике, заронившая сомнение в его душу, была не права. Разные группы крови здесь ни при чём. Да и традиционное исследование групп крови не дает однозначного ответа. Однозначным здесь может быть только исключение отцовства. Если в крови ребенка найден белок, которого нет ни у матери, ни у предполагаемого отца, значит, отца точно надо поискать в другом месте; но если нашлись одинаковые белки, это еще не значит, что отцовство установлено. Тогда либо исследуют специальные белки, определяющие иммунологическую индивидуальность, те самые, что мешают пересадке органов от человека к человеку, либо обращаются к ДНК-экспертизе. А она доступна и в областном центре, так что всё и выяснится...

Выйдя из библиотеки, Зубрин пошагал в сторону автобусной остановки.

Ну, выяснится... А дальше что?.. Славка чужой, что ли?.. Представил, как он радостно кидается навстречу, когда приходишь с работы. Как обнимает нежными ручонками за шею и трётся о щеку:

– Папка, какой ты колючий!..

– Папка, а машина поскользнулась и упала, да?

Это когда малыш увидел завалившуюся в кювет машину.

– Папка, гляди – дождинки на асфальте жарятся!

В жаркий день вдруг пошел дождь и дождинки вправду подпрыгивали на разгоряченном асфальте, как масло на разогретой сковородке. От воспоминаний стало сладко и горько.

А с Настей как? Всплыло где-то услышанное или вычитанное, что надо связывать судьбу с тем, с кем легко будет расставаться. Может, и

впрямь с Настей было бы легче расстаться, если бы не Славка. Представил, как это могло бы случиться без сына – и не смог. Настя никак не отрывалась от сердца, не отдалялась и не отчуждалась. Как всё в жизни не просто! Раньше не замечал за собой такой потребности – погружаться в себя. Вроде как повзрослел. Но ведь взрослый уже, семейный человек, куда ещё взрослеть-то! Чтобы взрослеть, набираться опыта – удары судьбы нужны? И у других так? Константин невольно оглядел людей на остановке.

Его мысли прервал подкативший автобус – в сторону своего дома.

ЛОШАДИНАЯ СИЛА

1

Утрами стеклянно звенела ледяная пленка и сухо хрустел снег, по мере потепления все больше похожий на серую соль крупного помола. В полдень набрякший влагой снег размякал и скупно шебаршил под ногами. Отвьюжила, отбуранила зима. В воздухе запахло свежестью и сыростью, как от реки. Потом потянуло гарью, слегка пахнувшей навозом, и наступила окончательная перемена: вместо сухого, отдающего прелью сена подоспело время хрумкать сочную зеленую траву...

Буран встречает утро. Он проспал стоя да и сейчас еще не совсем отошел ото сна. Временами он фыркает и мотает головой. Вчера хозяин забрал Бурана из конюшни к себе домой. И вот он стоит и скучает. Потом ржанием призывает Ласку и прислушивается. В ответ слышны сонное похрюкивание, коровьи вздохи, шорох соломы...

Игреновая кобылка Ласка, только что обьезженная, была допущена в конюшню рабочих лошадей ранней весной. Буран в деннике стоял предпоследним, крайнее стойло пустовало. Туда и определили Ласку. Ее присутствие заставляло вскидываться, возбужденно перебирать ногами. Солнце с каждым днем поднималось все выше, и все чаще в глазах Бурана вспыхивал озорной блеск, все чаще хватал его игрец.

Он всю зиму и по весне возил на ферму сено, солому или, кожилясь, тянул из ямы прелью пахнущий силос, из фермы вытаскивал навоз. А нынешний хозяин, Иван Осипович Селянин, запрягает лишь для разездов.

Буран покидает навес и подходит к изгороди. И если бы в этот утренний час кто проходил

мимо, он невольно залюбовался его литой фигурой на алом фоне утра, его гордо поднятой головой и лебединой шеей.

2

Ну, головой и шеей Буран, прямо скажу, не вышел в князи. Шея как шея, голова как голова. Это у чистокровных да у породистых, – глянул на плечи, шею – видно, что к чему. Да и то не всегда. Не в стати вся лошадь. У иной для публики никакого виду, а ведет всех за собой до самого финиша. Суди птицу по полету!

Поехал я как-то в Кургановку. Я собираю от совхоза молочные продукты у населения. Выезжаю на луг – коровы пасутся, пастух на лошади скачет. Бег ладный, легкий, – так и стелется! Подъезжаю, разговорились. А сам нет-нет да бросаю взгляд на серого. Отмечаю сухость сложения. Поджарый-то он поджарый, а грудь – объемная. Не округлая, это больше для внешности лоск, а именно объемная – за счет длинных ребер. Задние ноги в белых носочках. Это, конечно, ничего не значит, но – отмечаю. Ноздри точеные, большие, сухие. Лоб выпуклый, памятливым должен быть. Прошу проехаться – не запален, резвость есть. Но одна резвость погоду не делает. Пускаю вперед – на проверку сил и выносливости. Версты две отмахали и назад. Чувствую, – с запасом, особой усталости нет. Если как следует подготовить – добрая для скачек выйдет лошадь. Надо только убедить директора совхоза препроводить Бурана на центральную усадьбу...

3

Осенью привели меня в незнакомую конюшню. Когда за мной пришел мой новый хозяин, я его сразу признал. На памяти была еще первая встреча, когда летом он пустил меня версты считать. Как он вскочил в седло! Не ожидал такой прыти! Отпрянул в сторону, но не тут-то было. Он взял в оборот: подался вперед, резко дернул поводья книзу. Я вскинуть голову не успел. Пастух ездил, завалившись на круп. Будто не седок, а куль на спине! Если потник не подложит, кожу сдирало. А новый седок ловок, лёгок и как прилип. Я в него вчувствовался, когда проскакали туда-обратно и он беседовал с пастухом. Мы запоминаем запахи и голоса. Пахло от него и конюшней. Это успокаивает. Голос – с хрипотцой, а не сиплый. Пока говорили, он дружески меня похлопывал, что располагало к себе и вызывало доверие.

Я стал жить в деревне нового хозяина. За долгие зимние ночи я перевидел много снов. Однажды приснилась мать. Я вспомнил свой жеребячий возраст. Вспомнил, как стригунком любил резвиться подле матери, щипать рядом с ней траву. Тогда она и поведала мне про свое потаенное. Родилась мать моя Чалка на конном заводе. И чем взрослее она становилась, тем больше отходила от стандартов классной лошади. Тут и руководство завода спохватилось: почему, что да как? Стали выяснять, вспоминать да вычислять. И тут всплыло: перед тем, как понести, моя бабка Домна по недосмотру конюхов пропадала в сельском табуне. Мать моя была забракована и как бросовая лошадь продана на сторону для ломовых работ.

Об этом она рассказывала с болью. Я ее понимаю. Чем она виновата, что лошадиный мир так устроен? Одним холю да волю, призы да круги почета, а другим — грязь, зной, стужа, тяжкий воз — все сполна. Где справедливость?

Очень, наверное, было горько матери расставаться с прежней жизнью. Она, может, своим рассказом хотела во мне заронить особые чувства. Чтоб я помнил, откуда мы есть. Если она это имела в виду, старалась напрасно. Чувство клана у меня совершенно отсутствует. Это, видимо, от отца — колхозного жеребца Боя. Не знаю. Я его не видел никогда. А может, от бабушки. Ведь она пренебрегла всеми условностями, отвергла многих титулованных претендентов и по зову сердца вылетела на луговой простор. Не знаю. По мне все эти родословные — звук пустой. Вольные просторы, где вырос, я не променял бы и на десять родословных. Я конь-пролетарий.

С тех пор, как новый хозяин привел меня к себе, он стал часто ставить меня под седло. А в день, когда навес наполнялся банным дымом, поездки длились дольше обычного. Хозяин после говорил ласковые слова, вываживал меня. Я больше получал хрумкой моркови, сырых яиц и овса. Наутро он особо проверял — проел корм или нет. Но аппетит у меня был хороший, да и настроение стало шаловливым. Раньше, если меня обгоняли, я реагировал спокойно. Дело житейское. Бывало, и сам не раз обставлял других, когда хозяин спешил и погонял меня. Но сейчас во мне разыгралась ретивость. Когда позади нарастал топот копыт, мои ноги сами вскидывались выше и работали чаще. Хозяин не удерживал меня, и мы легко отрывались.

Однажды мы заночевали в другом селении. Наутро мне дали лишь пригоршню овса, я понял, что придется снова бежать дольше обычного. Но на этот раз хозяин не стал меня выводить на проселочную дорогу, а машистым шагом направил на большой луг за селом, где уже была дюжина лошадей и много народа. Это оказался заброшенный аэродром районного поселка. Нас выстроили, взмахнули флажком, и мы рванули. Я хозяина доставил к финишу первым...

4

Районные соревнования мы с Бураном выиграли. Назад я не оглядывался. Сказывали, отрыв — корпусов на десять. Когда праздник поулегся, спустился к Томи и долго сидел у реки. Хотелось подольше удержать в себе это солнечное настроение. У нас каждый год после весенних работ устраивается праздник в райцентре — День борозды, и много людя съезжается сюда поглядеть на состязания лучших лошадей района. О скачках потом долго вспоминают. Приезжайте сюда на базар, и вы услышите разговоры на такой манер:

— Супротив Гвидона никто не устоит!

Это про призера из совхоза «Победа».

— Никто? А Бурка ноздря в ноздю с Гвидоном шла!

— Ку-у-уды там — «в ноздю!» Висела на хвосте его, а потом отпала.

За год до победы Гвидона эта кобылка Бурка из колхоза имени Матросова только раз вырвалась к финишу. Отсиживалась, отсиживалась да и обставила всех на последних метрах. Что и говорить, маленькая да резвенькая, но силушки — кот наплакал. Кобыла есть кобыла. Ей фортуна лишь в сухую погоду, а в сырость — жилы вытянет, но приза не возьмет. Так Бурка и осталась с одной случайной победой, хотя со старта вела всех за собой сломя голову. В прошлом году первый приз взял Гвидон. До этого пару раз я приводил первым Громобоя и раз Адмирала. Но не везло нашему совхозу «Гигант». Громобой был резв, но не собран. Стоило больших трудов его подготовить. Адмирал вынослив, резв, но характер имел никудышный, — не поймешь, какую штуку через минуту выкинет. Не смог я к нему приноровиться, он весь так и не раскрылся.

Прошлым летом люди добрые сообщили про Бурана. Вижу — поработать стоит. Пригнал его, в порядок приводить начал. Был он запущен. Но при этом, как дознал, — резвость неча-

янная, сила с запасом и, главное, дар в ходу выкладываться. Иному бог дал эти качества, а выказать их в деле – никак. Буран отдавался работе охотно. Вот на эту отдатливость при прочих его достоинствах я и делал ставку. Да-а... Опасное это качество – отдатливость. И запалить могут, и навьючить на тебя больше всех, и еще мало ли чего. Ведь и у людей так: кто работает с отдачей, на совесть, на того и стараются больше взвалить... Только диву даешься, как Бурана не завели за ту черту, за которой лошадь-то уже нельзя назвать лошадию. Могут быть и сила, и резвость, и отдатливость, а если лошади подавили характер – это уже живые мощи. Так – видимость одна, а сердцевина высосана, вытоптана, попорана...

Мы, люди, с одной стороны, ломаем лошади характер, подавляем волю: только так можно получить послушную тягловую силу. И ходит она у нас под дугой, обротанная на всю жизнь. Это то же, что человека отучить мыслить и чувствовать самостоятельно, сделать его безропотным, безликим. С другой стороны, нам нужны иные качества лошади – характер, воля к победе... Меня всё это смущает и порой вгоняет в тоску.

У Бурана характер и воля остались, что уже чудо. Он все-таки не чета другим. Это и сейчас видно, тронь повод – чутко отзывается. 75 Добрые люди, может, ценили эту отдатливость и как раз потому его шибко не понужали и сберегли.

Лошадник я старый, толк знаю. Отец был конюхом, я рос при лошадях. И сейчас не выпускаю повода из рук. Журнал по коневодству давно пишу. Вот западет человеку в мальчишестве мечта о ветрономом сивке-бурке и ждет своего часа. Бывало, придет в руки лошадь и сердце тайно замрет – а вдруг эта! Но найди, попробуй! Мы же не коневодческая отрасль, мы – зерно и молоко. Но вот стал работать с Бураном, дознал его и понял – такого друга у меня еще не было...

Пора взяться за развитие коневодства. Давно пора! А то привыкли горячее жечь, за каждым пустяком гонять машину да трактор. Глянь на любую проселочную дорогу – изъездили вдоль и поперёк! Техника техникой, а конь в любом хозяйстве должен быть. Без него никак. Даже сельского пацана взять. Если он не общается с лошадью, считай, у мальчишки ущербное детство...

Нам объявили: от каждого района победитель поедет на региональные соревнования. Чего раньше не было, того не было. Решили, значит, поднять вес сельской лошадки, интерес к

нему подогреть. Что ж, нужное дело! И с этой стороны следует уважить. Лошадь в одной работе, без бегов, – все равно, что будни без праздников. И пусть всегда собирается народ на это зрелище, где человеку и лошади – праздник, где отмеченный тавром удачи может возрадоваться острым мгновениям жизни, а невезучий – высветлить замутненный осадок на дне души, на время вернуть детский восторг свой!..

Через месяц был региональный праздник коневодства. Первый день приезда прошел в приготовлениях. Во второй день, на открытии, вначале показали представление. Картинно прошли конники гражданской, были не забыты кавалерия Великой Отечественной и труженица-лошадь тыла. Конезавод, где все это проходило, устроил выводку своих питомцев. Громко по динамике объявлялись завоеванные призы, родословные лошадей. В общем, открылся праздник ярко и подготовленно.

На следующий день начались бега. Первыми вышли двухлетки, потом стартовали трехлетки. Тут представителей села не было. С четырехлеток и старше конезаводские уже бежали с сельскими. В финале должны были стартовать три призера прошедших бегов. Остались – серый в яблоках конезаводский Динамит, саврасая кобыла Пулька из колхоза имени Коминтерна и мой Буран. Неожиданно к нам приставили еще и четвертого – заводского вороного жеребца. Объявили, что он показал одинаковое время с Пулькой. Ладно, приняли мы старт, понеслись. Вперед вырвались Пулька и этот вороной. Буран шел третьим. Потом кобыла стала понемногу сдавать. Вот она и позади.

– Давай, давай, – повторяю я вороному, который все еще впереди. – При такой резвости тебя ненадолго хватит!

Но сам держу его на контроле: все-таки в голове скачки – темная лошадка. Чтоб не упустить вороного, у Бурана приходится просить еще резвости. Впереди – немалая дистанция, и таким манером складывать скачки не хотелось бы. Вот осталось меньше полкруга. Буран постепенно нагоняет вороного. Что такое! Тот резко отстает и уступает. В это время налетает Динамит. «Налетает» – это, конечно, чересчур. Но мне так показалось. Мое внимание было приковано к вороному: не упустить бы! Вороной, выходя на внешнюю сторону круга, заступает дорогу Бурану. И в это время сзади топот и храп. Оглядываясь – на полкорпуса приблизился Динамит. Пока

Буран выматывался с вороным, Динамит отскакивал сзади. И вот при выходе из игры вороной выкидывает такую штуку. Но Буран в этой скачке превзошел себя. Это просто так говорится – превзошел себя. Может, он только приблизился к себе! В броске перед финишем выложился здорово! Тут уже ни на что не обращаешь внимания, пересекаешь черту – тогда опомнился. Вываживаю Бурана, а сам успокоиться не могу, да и он дышит – аж кожа меж ребер гармошкой.

По радио объявляют: Буран и Динамит показали одинаковое время. Тут за оградой среди болельщиков поднялся шум. Ясное дело, – самодетельность, делали ставки меж собой.

– Мошенники! – кричат. – Свинью подложили!

Кажется, в одном месте вспыхнула драка. Замелькали милиционеры...

Да-а-а!.. Подкузьмили Бурана. Если б не это, – быть нам на финише единственными! Но и то утешение – выдали нам, призерам, по пять тысяч рублей, дипломы и объявили: победители едут через двадцать дней на зональные соревнования...

Раным-рано вывел я из денника Бурана – и был таков!

Ты прости, мой ветроногий! Не поехать нам никуда. Не получится. Эдак мы от дома отобьемся, гастролерами заделаемся. Тут каждый день год кормит. Макушка лета, сенокос скоро. Да и сам посудит, – наша ли эта жизнь? Вишь, как с нами обошлись! У них тут свои законы, свой мир, своя жизнь. Хотя что и говорить! Это особый мир. Мир азарта и страстей, мир порывов и мгновений. Когда человек оседлал лошадь, он резко сократил расстояние и удлиннил время. Минуты – куда там! На секунды пошел счет, даже на доли секунд!

Это – с точки зрения бегов. А у нас с тобой иная точка зрения. Мы с тобой – другой судьбы, работяги. Как ни крути, перво-наперво мы – «лошадиная сила». Та самая, что на моторах значится, навоз вывозит, корма подвозит, сено косит. Этим и живем! И жизнь наша важнее того мира, где мы с тобой, мой друг, побывали...

5

Вот и довелось мне прикоснуться к тому миру, где росла и жила моя мать. На конезаводе я освоился быстро. Казалось, именно в этом деннике я и был всю жизнь. Но стоило забыться, перед глазами вставала гладкая лента Томи, зе-

леный луг со стадом коров, знакомые просторы. А утром, как выведут на проминку, я снова входил в этот новый, но ставший близким мир. Казалось, всегда я только и делал, что проминался с другими лошадьми, слышал азартные крики и выкладывался в день скачек.

Потом всё забылось. Не совсем, а отошло куда-то. Вернулись мы домой – и всё, чем я жил в эти быстро промелькнувшие дни, будто и не со мной было. А теперь с хозяином мы ездим на покос и по деревням – закупать молоко и масло. На привычном пути хозяин молчит о своем, а я о своем. Иногда он запекает песню, и я радуюсь. Настроение у него доброе, он вспомнил о чем-то хорошем...

ЭМОЦИЯ

...Я родилась из подспудных глубин. Внезапной колючей злостью. И родила меня женщина. Хотя мы рождаемся и от мужчин. Нет разницы...

Муж Риты Ивановны пришел поздно. Выпивши. Она скандала устраивать не стала. Себе дороже. Сорвется – бесконтрольное поведение на винных парах непредсказуемо. Но каких сил это стоит!

Семья. Накормить, обстирать, обути, одеть. Муж на одной работе долго не задерживается. Поиск новой работы, испытательный срок с меньшим заработком, ожидание долгожданной его полочки после продолжительного перерыва... А в последнее время и у самой на работе оклады порезали, премиальных и вовсе не стало. У начальства одна отговорка – финансовый кризис. Бреши в семейном бюджете всё шире и шире. Но самое тяжкое – муж сорвался с резьбы, пожалуй, даже и окончательно сломался. Стал безвольным, нет прежнего упорства к цели, всё чаще прикладывается к бутылке. Это гнетёт больше всего. Хочешь заснуть поскорее, но как заснёшь под храп с алкогольными парами. Мысли лезут и лезут, одна мрачнее другой. Наконец забудешься, заснёшь, но среди ночи проснёшься внезапно и лежишь с открытыми в темноте глазами, вперившись в невидимый потолок. Чувствуешь – душа усыхает, нервы усыхают, жизнь скукоживается. До того безысходно и одиноко! И копишь всё это в себе, и копишь. Порой такая злость берёт, такое накалит! Вот и сегодня.

...В эту ночь я и родилась. Мы, эмоции, созреваем исподволь в том, в ком возникли. Но

созревшим полноценным эмоциям пребывать в одном существе подобно смерти. При каждом удобном случае мы переселяемся в другого. Это закон нашего существования. У нас, как всюду, негласное соперничество противоположных эмоций: любовь – ненависть, счастье – горе, злость – доброта и т. д. Мы как два полюса магнита, нас просто нет друг без друга. Это как чем богаче олигархи, тем беднее бедняки, и наоборот. Чем больше горя, тем меньше счастья, чем больше злости, тем меньше доброты, и наоборот.

Наутро Рита Ивановна проснулась усталая, разбитая, с тёмными кругами под глазами, бледнее обычного, с тяжелой головой – будто похмелье мужа переняла. Сготовила через силу завтрак – колбаса, яичница, чай – разбудила сына в школу, мужа на работу.

В автобусе как всегда толкотня, теснота, едешь стоя плечом к плечу. Голова всё ещё чужунная, веки слипаются, чуть забудешься – снова толчок или так прижмут – дышать трудно. Но терпишь. А в голове не дающие покоя мысли. Как дотянуть до зарплаты? За учебу сына в лицей отдай. Квартплата, телефон, кредит за мебель... Да и дадут ли ещё зарплату вовремя? Придётся на питании урезать, в желудке не видно. О других покупках и думать не смей. Пока придётся походить в демисезонной куртке старой. Как бы муж снова не вылетел с работы. Ну что за мужики пошли, все тяжести взвалили на баб! В старину говорили не «замужем», а «за мужем». Как за стеной. А стены-то и не чувствуешь. Нет опоры домашнего очага, а так – сбоку припёку. И такая злость накаывает! Ой! Наступили на ногу! А вроде прилично одет! Хам какой, даже не извинится!.. И тут всё накипевшее неуправляемо вырвалось наружу.

Иван Ильич был сегодня с утра в добром расположении. Недавно повысили в должности, стал начальником отдела. А это немалая прибавка к заработку. И моральное удовлетворение – оценили-таки его профессиональные и организаторские достоинства. А главное – повышение статуса, знак того, что жизнь идёт по правильному руслу, вперёд и выше, она состоялась. У него приличная иномарка «Тойта», но сейчас машина на техобслуживании, так что приходится тащиться в переполненном автобусе, переминаясь с ноги на ногу... Размышления

пресёк окрик слева. Иван Ильич повернул голову: женщина глядела на него колючими глазами и облаяла неадекватно поступку. Он и так уже ощутил, что при очередном перемещении тяжести тела наступил каблуком на чью-то ногу, поспешно отдёрнул свою и сменил центр тяжести. Она всё ещё не успокоится, кричит: надо на такси ездить, раз не умею себя вести в общественном транспорте. Пришлось возразить: раз мешают в общественном транспорте, – не мне, а ей надо нанимать такси. В ответ услышал очередное хамство. Что у нас за люди! Просто злость берёт! Доводчик на подъездной двери то и дело ломают, а в обслуживающую фирму никто не удосужится сообщить, чтобы починили – всё надо самому. На лестничных площадках шприцы, недавно побелённый подъезд уже изрисован. А на работе! Надо было идти к шефу, отчитаться о ценах на ризографы в разных фирмах – так заранее подготовленную папку сослуживцы сменили в кабинете на другую. Вскрыл папку в кабинете шефа и обомлел. Извинился, объяснил, что не ту папку прихватил. Вернулся в отдел – а нужная папка лежит на том же месте! Дебильные шутки! Ну ничего! Теперь сам начальник. Хорошо смеется тот, кто смеётся начальником.

В рабочем кабинете Иван Ильич застал технику Нину Семёновну. Она торопливо заканчивала уборку. Что это она утром убирает? Обычно приходила к концу рабочего дня. Перед началом дня надо сосредоточиться, собраться с мыслями, а тут она суетится. Нина Семёновна, белокурая женщина второй молодости, при виде Ивана Ильича ещё больше заторопилась и нечаянно из пластмассового кувшина, поливая цветы на подставке, плеснула на пиджак хозяина кабинета, который тот уже успел набросить на спинку кресла. Брызги достались также затылку и рубашке Ивана Ильича. Он мгновенно обернулся – и Нина Семёновна услышала такое, чего никак не ожидала. Она тотчас вспыхнула, но промолчала. Вода чистая, свежая, следов не оставит, в чрезмерно тёплом кабинете быстро высохнет. Оплошка стоит ли того, что она услышала? Конечно, надо было убрать с вечера. Изредка, лишь изредка Нина Семёновна оставляла работу на утро. Заболела внучка, вчера пришлось из садика забрать её пораньше, вести в поликлинику. Да потом бегала по аптекам, закупала выписанные лекарства, лечила внучку. Помощи ниоткуда. А судь-

ба шлёт и шлёт испытания. Год, как умер муж. Два года, как дочка развелась со своим пьянчужкой, зарплата у ней небольшая, договорилась на полторы смены, остается после работы, вот и легли на Нину Семёновну заботы о внучке. А у самой здоровье не ахти. Пенсия маленькая. Устроилась сюда техничкой. Опору Нина Семёновна находила в вере. После смерти мужа стала чаще ходить в церковь. Не зря Господь пытается нас, насылает испытания. Ежедневные уколы жизни – часть испытаний. Люди не ведают, что творят. Их неблагостными словами и поступками искушают злые силы. Вот и Иван Ильич – орудие искушения. Жалко его, молод ещё, но нервный.

...Когда Нина Семёновна бесконтрольно вспыхнула, этого мгновения хватило, чтобы переместиться в неё. Очень удачно всё начинается! Вчера только родилась и вселилась уже в третьего человека! Чем больше перемещений, тем я сильнее.

...Какая ошибка! Вот уже неделю я взаперти. Ужасно! С каждым днём силы тают.

...Теперь если она и озлится на кого, нет уже сил переместиться. Да она и не озлится. Нет выхода!

...Умираю.

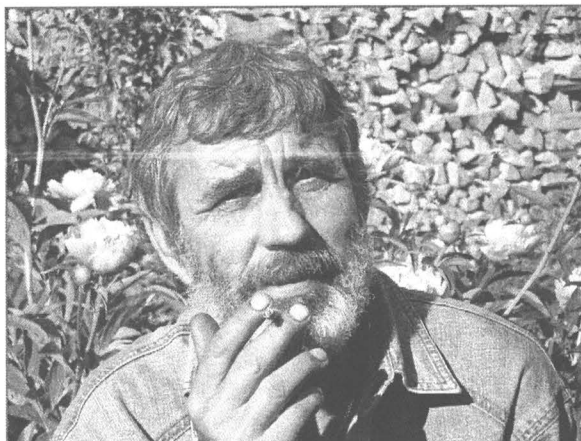
Литературная жизнь

Александр Ярошук представляет свою новую книгу «Панов, я и другие»

Сергей
ЧЕПРОВ

У БОЛИ ЕСТЬ РИФМА И РИТМ

Явившись в разгаре лета
На свет желторотым птенцом,
Я не был рождён поэтом,
Но пахарем или жнецом.

Своей не противясь сути,
Шагал по земле, не скользил,
Извечно по локоть в мазуте
И по колено в грязи.

Но как-то на мёртвом поле,
Заплавав, запев ли навзрыд,
Вдруг понял я: и у боли
Тоже есть рифма и ритм.

НА ПОБЫВКУ

Стол накроют впопыхах
Где-нибудь под сливою.
Дед зарубит петуха
Самого драчливого.

И пока кипит супец,
Петушишка варится,
Я одной ногой – в «сельпе»,
Водкой затовариться.

Буду крепко обнимать
Тётю Дусю с Клавою,
Всё их буду поправлять,
Что «хожу» – не плаваю.

79

Что мой белый пароход –
Не баржа смолёная.
И что море – не течёт,
А в нём вода – солёная.

Будем петь, потом плясать,
Слёзы лить счастливые...
С петухами ляжем спать,
Только без драчливого.

ЧЕМРОВКА

А над деревней всполохи
Встают за рядом ряд.
Во всех дворах подсолнухи
Аж золотом горят.

Так ладненько да ровненько
С восхода на закат
Глазищами огромными
За солнышком следят.

Средь них дома неброские,
Но всё же – не нужда.
Ведь жили все чемровские
От семечек всегда.

По улочкам, базарчикам
До хрипотцы звенит:
А семечки! А жарены!
А щёлкай! Не ленись!

ПАСХА

Погода изумительно весенняя!
Блин солнца – хоть сворачивай да ешь!
И в Светлое Христово Воскресение,
Как никогда, я нынче трезв и свеж.

Струится благодать изнутри ли, свыше ли,
И как бы ни был грешен человек,
Вдруг понял я: весною не надышишься,
Как жизнью не пресытишься вовек!

Принесу берёзовых полешек,
Истоплю печурку с утра.
Мы с женой настряпаем пельмешек,
А она наварит холодца.

Наносу воды, стряхну настилы,
Вычищу скопившуюся грязь,
А потом, чтоб к ночи не остыла,
Баньку истоплю не торопясь.

И пока моя курится банька,
Чуть поддымливая и урча,
Я к соседу сбегая за банкой
Злого, как собака, первача.

По фигу все беды и морозы!
Я в сугроб ныряю на бегу,
Оставляя легкий дух берёзы
На пушистом искристом снегу.

На столе пыхтит пельменей сопка,
За окном струится тихо снег...
– Ну, давай, любимая, по стопке.
Мы с тобой вступаем в новый век.

ДЯДЯ ВАНЯ

В полумраке клёны сутулятся.
И впервые, наверное, пьян,
Вышел дядя Ваня на улицу,
Вынес старенький свой баян.

И меха растянул устало,
Свёл и выдавил тихий стон.
Что болело, что вспоминалось,
Никому не расскажет он.

Он играл. Зажигались звёзды.
В сумрак ночи клёны ушли.

И катились, катились слёзы.
И вздыхали меха души.

Не высовывайтесь там, сверху,
Не орите, что первый час.
Дайте выплакаться человеку
Хоть единственный в жизни раз!..

Сам лично видел в телевизоре
Накал нешуточный патетики,
Как за народ несчастный слёзы лил
Отец российской энергетики.

Ах, Анатолий Борисыч, полноте!
Уж вам ли пребывать в прострации?
Скажите, что ещё не помните
Всеобщей той приватизации.

Не знаю, что вам причиталось...
По совести б – квадрат в Бутырке.
Нам, бедолагам, лишь досталось
Опять от бублика по дырке...

Ну, а народ – ему ж виднее,
В народе-то и посейчас:
Чем кот паскудней и вреднее,
Так обязательно – Чубайс.

СЕЛО ПИЛЬНО

Сюда я езжу много лет подряд.
Ничуть на диво времени не жалко.
Здесь есть такой волшебный водопад,
Где при луне купаются русалки.

Под солнцем здесь такие витражи –
Любой художник просто отдыхает!
Казалось, только здесь бы жить и жить,
Растить хлеба да баловать стихами.

Прекрасен вид. Да непригляден быт.
Пусты дворы. Порушены заборы.
Ещё домишко накрепко забит
Хозяевами, что сбежали в город.

Их увела нужда, а не мечта,
Из этих мест, словно забытых Богом.
И что без человека красота?
Как в никуда ведущая дорога.

*А мне привиделась недобрая весна,
Где все поля бурьяном зарастали.
И понял я: страна обречена,
Коль у земли хозяина не станет.*

*Ни арендатор и ни продавец,
Ни олигарх, что сотками владеет,
А нужен ей хозяин, наконец,
Который её вспашет и засеет.*

*Свой век в трудах воистину земных,
Не зная ни усталости, ни лени...
И грош цена правителям страны,
Где хлебопашца ставят на колени!*

БУДЕТ ДЕНЬ

*Холодную вертлявой змейкой,
Лишь только вышел за порог,
Уже заполз под телогрейку
Ко мне бродяга-ветерок.*

*И вроде бы совсем не ярко
На самом краешке земли,
Пока раскуривал сигарку,
Вдруг что-то вспыхнуло вдали.*

*То на своих верхушках сосны,
Как на натруженных руках,
Уже приподнимали солнце
Навстречу белым облакам.*

*И старый столб через дорогу
Длиннющую отбросил тень.
И отлегла с души тревога:
Ну, слава Богу, будет день!*

*Я горький сок осенней ягоды
С растрескавшихся губ слизну.
Что наша жизнь? – Сплошные тяготы
Да искус, что влечёт ко дну.*

*С рожденья и до погребения
Нам предназначено уже
Зализывать, храня терпение,
Рубцы на теле и в душе.*

*Уняв соблазны и желания,
Прозревшим сердцем вдруг пойму:
Через страданье – к состраданию.
От сострадания – к Нему.*

Марина
БРЮЗГИНА

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ
КАК НЕ ВСЕ

ВЕЧЕРОМ

В душе такая смута,
Распутица в душе.
И холодно, и люто
На нашем этаже.

Живу одна в квартире,
Скучаю у окна,
Во всём закатном мире
Я, может быть, одна.

И горестно без самых
Моих родных сердец,
Когда в больнице мама,
Когда ушёл отец...

Сестре Ане

Поэзия – игра,
В которую играешь
До самого утра
И отдыха не знаешь.

Ложишься на кровать,
Чужой и одинокий,
Чтоб только написать
Мучительные строки.

Но слов не подберёшь,
Над мыслями летаешь.

Играешь и живёшь,
Живёшь себе, играешь...

Смеётся, смеётся, смеётся
И носит меня на руках,
И речка заветная вьётся,
И меркнет звезда в облаках.

Мечтает... О чём он мечтает,
О счастье, одним на двоих?
Губами влюблёнными тает
В горячих ладонях моих.

Смеётся, смеётся, смеётся,
Шумит, как встревоженный лес,
И голос его раздаётся
У самых далёких небес.

Беречь себя нельзя,
Покуда бережёшь
Уже уйдут друзья,
Уже утихнет дождь.

Будь весел, будь влюблён.
Себя не берегли
Поэты всех времён,
А тоже ведь могли.

* * *

Сестре Ане

Дух в себе, напевный и старинный,
Мы храним от прочей чепухи,
Ты рисуешь чудные картины,
Я пишу наивные стихи.

В детстве нашем, грустном и весёлом,
Травы ярким золотом цвели,
И гудели бабушкины пчелы,
И родник бежал из-под земли.

Мы с тобой отчётливо похожи:
Выросли на папиных руках,
Обе стали взрослыми, и что же? —
До сих пор витаем в облаках.

* * *

Маму жалко. Папу жалко.
Сердце выжжено на треть.
Словно бледные фиалки,
Губы станут шелестеть.

Рифма болью отзовется.
Наточу карандаши.
На бумагу светит солнце,
Льётся горечь из души.

В прошлом — гномы и русалки,
В прошлом — плюшевый медведь.
Маму жалко. Папу жалко.
Больше некого жалеть.

* * *

Богатства не хочется вовсе,
Но хочется жить как не все:
Грибы собирать на откосе,
Ходить босиком по росе,
Стихи сочинять на природе,
Валяться в душистом стогу.
Душа так и рвётся к свободе,
А я не могу,
не могу.

* * *

Меня всегда жалеют
Поляны и леса,
Они со мной болеют
И верят в чудеса.

Тропинки и аллеи
В душе своей коплю.
А я кого жалею?
А я кого люблю?

Упасть бы в ноги маме,
Заплакать от тоски.
Заплачут вместе с нами
И травы, и пески...

* * *

Мечтаю о маленьком доме
В далёкой деревне глухой,
И чтобы мышата в соломе
Шуршали соломой сухой.

И чтоб золотым и лиловым
Мерцали созвездья в окне,
И слово, хорошее слово,
Рождалось тихонько во мне.

* * *

Василию Попку

«Не пиши стихотворений, —
Мне знакомый говорил. —
Пушкин был вселенский гений,
И Рубцов талантом был!

Для чего, ответь, ты пишешь?
Пушкин всё уж написал.
Душу бедную колышешь,
Словно тучку в небесах».

Я не знаю, что ответить,
Я не знаю, что сказать...
Для чего живём на свете?
Всё равно ведь умирать.

* * *

У моих попугаев
Треугольные уши.
Попугаи моргают,
Бьют всё время баклуши.

У моих попугаев
Лапки тоньше, чем спицы.
Никого не пугают
Эти бедные птицы.

* * *

Я всегда удивляюсь
Поэтам.
И поэтом являюсь
При этом.

* * *

Я работаю в библиотеке,
Я в Сибири живу, где снега.
Это вам не молочные реки,
Не кисельные берега.

Юлия
ЛАВРЯШИНА

ТЕМНОЕ ЭХО*

Роман

* Окончание, начало
в ОК № 5 за 2010 год

ГЛАВА 12

— Ты не спишь? Я уже звонил, тебя еще не было. Я уж думал, без меня ты и заночуешь в этой больнице! Ты — безумная мать.

— Я... — Маша запнулась и наспех решила, что Матвею не нужно знать о ее встрече с Аркадием. — Я навещала свой старый дом. Тот, в котором жила в детстве. Помнишь, я показывала тебе?

Пауза удивила ее.

— Алло! Ты здесь?

— Ничего себе совпадение! — наконец проговорил Матвей совсем тихо. — Не поверишь, но я ведь тоже перед тем, как уехать из города, пытался отыскать твой бывший дом.

— Нет, правда? Я не спрашиваю: зачем.

— Я и сам не знаю. Странно, да?

— Ничего странного. Движения душ вообще плохо поддаются объяснению.

— Какая ты умная, — насмешливо заметил он. — Ты — ночная птица-философ.

— Птица бывает только секретарем.

— Она выучилась, поумнела и стала философом. А как выглядит птица-секретарь?

Маша улыбнулась в полумрак:

— Тебе и это интересно? Надо спросить у Мишки. Он перечитал все энциклопедии.

— Я приеду завтра в полдень.

— В полдень? — она встрепенулась, и впрямь

напомнив себе птицу. — Но я еще буду в больнице! До часа, ты же знаешь.

— А ты не можешь сбежать пораньше? Ради меня!

У нее дрогнула трубка:

— Что?

— Я шучу, — быстро сказал Матвей. — Я сам заявлюсь туда. Я купил Мишке книжку про оригами и три набора бумаги, пусть мастерит в неприемные часы. Между прочим, я уже соорудил жирафа. Хочешь, привезу?

Ей стало страшновато:

— Ты приедешь к нему?

— А это запрещено? Аркадий издал указ? Я замаскируюсь под врача на случай, если он нагрянет. Или того хуже — появится Свирепый Стас.

— Не говори о них так, прошу тебя.

Он замолчал, обжегшись о ее холодность. Потом заговорил другим тоном:

— Ты сегодня другая. Стоило мне уехать...

— И что? Ничего не произошло. Просто это моя... — Маша едва не сказала «семья», но вовремя спохватилась и исключила Аркадия: — Мои дети. Я не хочу, чтоб ты над ними смеялся.

— Я не смеюсь. Это они будут ржать до икоты, когда я упакуюсь в белый халат и натяну шапочку до бровей. Включительно.

— Твое лицо невозможно не узнать...

Матвей охотно пошел на мировую:

ЛАВРЯШИНА Юлия Александровна родилась в 1965 году в Кемерове. Окончила Кемеровский институт культуры, затем работала в библиотеке КузПИ, в школе № 89. Автор многих книг прозы.

Член Союза писателей России. Живет в Королёве.

— Мою шишку вместо носа? Ее ни с чем не спутаешь... Так как на счет жирафа?

— Какого жирафа? — не поняла Маша.

Он обиделся:

— Я же три секунды назад говорил, что сделал жирафа из бумаги! Привезти?

— Вези! — она расхохоталась в трубку. — Пусть живет с нами. Только не знаю, чем его кормить.

Удивив ее непоследовательностью, Матвей вдруг вспомнил:

— Кстати, я сегодня подвозил Стаса. Он трясся на остановке, как бездомный щенок, а тут я, как Санта-Клаус, почти что на санях! Лучше! В санях-то, небось, не очень-то тепло...

— У Санты волшебные сани... Вы хоть разговаривали по дороге?

— Нет, песни пели! Время от времени твой сын пытался меня задушить, но я же скользкий тип, ты знаешь.

Маша наспех опровергла:

— Никакой ты не скользкий, не говори о себе так!

— Ты все время меня учишь! Я не вхожу в число твоих многочисленных детей, ты помнишь?

— Он грубил тебе? Ты не сердись на него.

— Думаешь, я сержусь? Если я на что и сержусь, так это на то, что у меня нет личного самолета, чтобы добраться до тебя за час. И взять тебя сонной, тепленькой, прямо в постели... Но придется выехать утром.

— Не торопись. Выспись, как следует.

— Не торопись?! Выспись? Ты издеваешься? Не хочешь меня видеть?

— Хочу. Хочу-хочу-хочу.

«Я хочу больше, чем могу получить», — это Маша сказала себе уже после того, как двадцать раз повторила «целую» и положила трубку. Вытянувшись на постели, она обвела взглядом гостиничный номер, не совсем такой, как в фильмах, но — люкс: «Этого мне не хватало?» Память, быстро тасуя, напредила лики тех «командировочных» номеров, где она останавливалась пять, десять лет назад. Они были хуже. Только тогда Маша этого не знала. И не страдала, это она точно помнила.

Но деньги Матвея не были ненужными. Они дали ей главное, чего всегда не хватало: время. Они освободили от обедов и стирки, от уборки и ожидания на вечно продуваемых остановках. Теперь Маша могла отдавать ненасытному телеви-

дению весь свой день, не страдая от того, что кто-то по ее вине останется голодным или не получит чистых носков. Только вот освободиться от этой тревоги как раз и не получилось...

Ее мыслям не было дела до расстояния между городами, и они суетливо металась туда-сюда: «У Стаса ведь сломался зонт, как он пойдет под таким дождем?! Осенью Мишку надо было показать стоматологу... Позвонить? Аркадий не вспомнит. А Мишка и не заикнется... Они хоть изредка купают Нюську?»

К ее удивлению, эти заботы стали еще обременительней оттого, что она не могла решить ни одну из тех проблем, которые оставила своей семье. Они висели на ее шее чугунным хомутом, и Маша чувствовала, что однажды рухнет под этим грузом, который никто на нее и не навешивал...

Ей опять вспомнилась сегодняшняя странная встреча со старшим сыном, которая, скорее, была не-встречей. Первым позывом было броситься за ним, догнать, прижать и выговориться. Рассказать все эти месяцы, каждый день облечь в слова и передать Стасу, чтобы он вошел в то время — без него — и удержал своим притяжением. Можно было опустить действия: проснулась, выпила кофе, приняла душ, поехала на работу... Кому это интересно?! Она поделилась бы с сыном своей тоской о нем, своем первенце, совсем взрослом, почти мужчине.

Ей не терпелось, чтобы Стас перерос ее, и они вместе прошли по родному городу, а их горделивые тени скользили бы по чужим домам, в которых живут не такие счастливые люди, по машинам, по лицам... Но это случилось без нее. За эти месяцы сын вымахал, будто тянулся за ней, и стал выше сантиметров на десять. Но Маша уже не мечтала не то, что пройтись с ним, но даже приблизиться к нему.

В переулке он метнулся от нее прочь, пригвоздив Машу взглядом, в котором она не увидела ничего, кроме отвращения. Будто ему встретилась прокаженная, и Стас бежал в ужасе, надеясь спастись. И Маша не бросилась следом, почувствовав, как неподдельно то, что погнало его прочь. Да и как она могла оправдаться, если б догнала? Все, что он думал о ней, в сущности, было правдой...

Вспомнив, как глупо, непозволительно откровенно расплакалась перед Аркадием, она застыла от стыда и, кутаясь, полезла под одеяло. Маше всегда было необходимо чуть ли не с го-

ловой укрыться тяжелым, иначе сон не находил ее, словно реагировал только на определенную температуру тела...

Мишке надо спать на спине или на животе, вспомнилось ей, но разве медсестры будут следить за ним ночью, как она просила? В этой больнице Маша столкнулась с бессилием денег перед равнодушием. В тайне от Аркадия она совала купюры, но требовать ничего не могла. От денег никто не отказался, но Мишка не мог вспомнить, чтобы кто-нибудь подходил к нему ночью или днем...

Только услышав шаги, Маша поняла, что уснула, и сквозь еще не рассеявшийся сон угадала – Матвей. Она знала, как он ходит: по бесконечным коридорам телецентра стремительно, здороваясь на лету, а по дому ступает так, будто с каждым шагом уходит в себя все глубже. Эти задумчивые звуки прокрались в ее сон, и когда Маша поняла их значение, тотчас проснулась.

– Матвей?

Рука уже нашла кнопку, и бра неярко засветилась желтым. Сев на постели, Маша, помаргивая, оглядела комнату. Потом, вскочив, заглянула в смежную, проверила ванную... Обрывки народных примет, всегда суливших недоброе, шурша, тянулись за ней, и хотя Маша понимала, что это шумит в ушах от обычного ночного волнения в одиночестве, ей все же стало страшно.

Взяв трубку, она быстро набрала длинный номер его мобильного: «Только бы... Только бы...» Ей не удавалось даже мысленно закончить фразу. Но Маша знала, о чем молилась, и этого было достаточно.

– Ты! Спишь? Прости! – бессвязно выкрикнула она, когда Матвей отозвался. – Мне просто почудилось что-то... Нехорошее.

Он уже проснулся:

– Что случилось?!

– Ничего. Да ничего, правда. Просто... Мне приснились твои шаги.

– А говоришь: ничего... Я шел к тебе, вот ты и услышала. Честно!

– Во сне шел?

– И постепенно перешел в твой сон. Легко! Разве так не бывает?

– Со мной еще не бывало. Может, я потихоньку схожу с ума?

– Ты просто впадаешь в мое сумасшествие.

– У тебя ничего не болит? К чему был этот сон? Ради Бога, не гони завтра, ладно?

– А может, мне выехать прямо сейчас? Все равно я уже проснулся.

Маша закричала:

– Даже не думай! Еще уснешь за рулем. Помнишь, как это было с Цоем?

– О! – печально отозвался Матвей. – Если я хотя бы умру, как Цой, и то уже, считай, прожил не зря.

– Перестань. Ты должен выспаться. Ты слышишь?

– Я даже вижу, как ты подпрыгиваешь на постели.

Она осела:

– Я не подпрыгиваю.

– Это сейчас. Я же все вижу!

– Признайся, это ты ходил по комнате, да? Ты ведь здесь? Прячешься где-то со своим мобильником, и врешь мне, что находишься за тридевять земель...

Раздался протяжный вздох:

– Угадала... Приготовься, я выхожу.

Маша понимала, что это всего лишь игра, и все же быстро пошарила взглядом по комнате.

– Видишь меня? – спросил Матвей.

– Я всегда вижу тебя.

– Почему же не веришь, что я вижу, как ты подпрыгиваешь?

– Я верю. Я тебе верю.

«Счастье только задумывается, но никогда не сбывается», – Маша без сна смотрела в то темное и зыбкое, что на самом деле было белым, твердым потолком. Вот этот разговор мог стать счастьем, если б не мальчишеские тени, которые всегда были рядом, даже если Маша оставалась в одиночестве. В свою очередь, они могли составить счастье всей ее жизни без остатка, если б Матвей не приехал на тот фестиваль...

Она решила, не жалея себя: «С Аркадием – вот было счастье. Никаких горьких теней, ничего тягостного. Жизнь была длиннющей нитью янтарных бус, в которой каждый день, как солнечная капля. Но разве я хоть когда-нибудь бредила звуком его шагов?»

Не так давно она услышала песню, название которой переводилось с английского как «Любовь – это катастрофа». И подумала, что это о ней, хотя весь текст перевести не успела. Некогда было вслушаться. Но боль, от которой голос певца подрагивал, осталась в ней, и еще несколько дней откликалась: катастрофа... После нее – руины и морщины. Что с ней будет,

если Матвей и в самом деле однажды исчезнет, как сулят ей взгляды всех знакомых и малознакомых?

Утреннее небо было хмурым. Это значило, что на улице тепло, но радостнее от этого не становилось. А на западе, куда выходило одно из окон, сливались светлые стрелы. Бирюзовая легко наслаивалась на стальную, а голубая раздваивалась, позволяя проникнуть в свою сердцевину.

«Завтра будет ясно, — подумала Маша. — Но будет ли по-другому? Мишка в больнице, Стас ненавидит меня, Аркадий крепится, чтобы не называть меня ничтожеством... А Матвей вообще неизвестно где!»

Ей было это известно, только тоска, нахлынув, легко меняет существующее положение вещей. Тяжелому небу не составит труда сплющить ростки радости в душе, особенно, если они так слабы.

«А какие вообще у меня радости? — Маша попятилась от окна, вздрогнув от острого желания рвануть раму и шагнуть — за. — Вот же дура! Девять из десяти женщин позавидуют мне. А та одна... Она поежится, посмотрит с состраданием: «Как же ты живешь без своих мальчиков?» Как? Как я живу?!»

Забыв о завтраке, она выскочила из гостиницы и погнала подвернувшееся такси к больнице. Город бросал ей подробности прошлого: «Помнишь? Помнишь?» Маша закрыла глаза. На высокое крыльцо больницы она взбежала с девчачьей прытью. Прыгая то на одной, то на другой ноге, переобулась на лестнице и побежала наверх. Знакомые лица врачей, медсестер подавали сигнал: «Надо поздороваться!»

Маша бросала приветствия, как монеты для подкупа: «Пропустите! Только пропустите!» Еще не было положенных десяти часов, и кто-нибудь действительно мог задержать ее, бывают такие тупые формалисты. Но Маше повезло: это утро было свободно от них.

Она ворвалась в Мишкину палату и остолбенела, увидев Стаса. Маша даже не вспомнила, что каникулы закончились и теперь он мог приходить в больницу только по утрам, потому что учился во вторую смену. Его взгляд исподлобья был острым: «Ну? Что скажешь?»

Выдергивая ноги из мгновенно возникшего страха, Маша подошла к сыновьям и решительно взяла за руки обоих:

— Мальчишки мои... Я так соскучилась. Так соскучилась...

Мишкина ладошка была теплой и мягкой, а Стас, видно, только пришел. Резко отняв руку, он процедил:

— Что это вдруг?

— Не вдруг. Почему — вдруг?

Она услышала свой беспомощный голос и поняла, что навсегда останется для них парией, которой можно отвечать грубостью или не разговаривать вовсе. Если до сих пор Мишка не понял этого, то уж сейчас...

— Садись, мам, — Мишка приподнял голову, отыскивая взглядом стул, и Маша опять засуетилась:

— Лежи, лежи!

«Мне тошно себя слышать!» Она посмотрела Стасу в глаза, готовая обжечься о злорадство, и содрогнулась. Ей показалось: это Аркадий смотрит на нее печально и всепрощающе, как только он один и умел.

Она просительно улыбнулась Стасу, чтобы тому добром, что было в нем от отца, стало легче прорваться наружу. Но сын отвернулся. Маша подумала: «Вот это мое. Это я отвернулась бы...»

57

ГЛАВА 13

Фанерная Снегурочка иступленно билась головой о раму, но этого никто не замечал, ведь она делала это тихо, мелко: сбивчивая дробь, рожденная ошалелым ветром, проникающим даже через окно. Стас следил за этой плоской девушкой, принципиально не глядя на сцену. Его угнетали такие сборища в актовом зале, когда все обязаны были веселиться по команде, и аплодировать, и делать радостные лица, потому что за этим строго следили. Когда они изучали историю СССР, ему вспоминалось обязательное веселье школьных праздников.

Стасу же было тошно сегодня и не хотелось притворяться даже ради юбилея школы, с которым как раз сейчас ее, то есть самих себя, поздравляли первоклассники. Один за другим, как будто это было подготовлено, они забывали свои слова, ойкали, выпучив глаза, шарили по лицам, потом лезли в карман за смятыми бумажками. И это было по-настоящему смешно, поэтому Стас и не смотрел на сцену, чтобы не выйти из того состояния тяжелой угрюмости, которое, как ему казалось, только и могло выродить какое-нибудь решение.

Стас понимал, что слегка запоздал с ним, ведь семья-то уже распалась, надо было раньше искать ту волшебную нить, которая могла залатать уродливую прореху. Но тогда он растерялся. «Маленькие мои, я должна вам что-то сказать... Я уезжаю, вы будете жить с папой». Это можно понять? Внезапность парализовала его волю, и все, на что он был способен в те дни, это извиваться от боли, будучи припиленным ею, как иглой.

Еще и на следующий день, и через неделю Стас никак не мог поверить, что это случилось. Что она и вправду уехала. Не в командировку, как бывало. И не вернется с какой-нибудь мелочью, ерундой — шоколадкой, игрушкой, которая почему-то всегда радовала. Только то, что отец отводил глаза, словно это он подвел их, вынуждало Стаса поверить в то, что все всерьез.

Тогда его испугало то, что Мишка не плачет. У него мгновенно краснели глаза, стоило только крикнуть громче обычного или послать его подальше, если пристаёт со своими играми. А тут он даже ни разу не скуксился, но как-то затих и возился со своими роботами и гоблинами молча. Из его комнаты не доносилось ни звука, и Стасу начинало казаться, что малыш только делает вид, что играет, чтобы к нему не лезли, а сам просто сидит, оцепенев в своем горе, и смотрит в одну точку. В ту самую, в которой можно разглядеть целую жизнь. Но когда Стас подкрадывался, Мишка уже успевал повернуться к дверному проему, спрятав свою тайну за внимательным взглядом.

«Я должен вернуть ее ради него, — думал Стас, упорно не хлопая первоклассникам, уже сбежавшим со сцены, толкая друг друга. — И ради отца. Он тоже не может без нее... А мне она на фиг не нужна! Почему они оба так тоскуют по ней? Она врала им, делала вид, что любит...»

— Ты придешь сегодня на дискотеку? Здесь будет.

Стас едва зубами не скрипнул: какая еще дискотека?! Не обернувшись, потому что отлично знал этот шепот, он ответил с язвительной вежливостью:

— Нет, Нина, я не приду на дискотеку. Разве я не говорил тебе полтора миллиона раз, что у меня отсутствует чувство ритма?

Ее торопливый шепот обжег ему ухо:

— Я узнавала, его можно выработать.

От изумления Стас даже оглянулся. Эта девочка, о которой его мать когда-то сказала, что у

нее лицо еще не выросшей Весны Боттичелли, вращалась на его орбите чуть ли не с первого класса. Школьные годы были потрачены Ниной Савельевой не только на то, чтобы выковать золотую медаль, которая была практически готова, но и на то, чтобы укрепить свою младенческую привязанность к Стасу Кольцову до прочности стального каната.

Сам он считал, что не поощряет ее вообще никак, и обвинить в том, что он «приручил» ее, невозможно. Все-таки было бы неприятно услышать в свой адрес, что он, якобы, подал девочке надежду, а потом обманул ее. Это значило бы, что он идет тропой своей матери. Стасу было противно даже думать об этом.

«А ведь она красивая, — бесстрастно признал он, рассматривая сияющее свежестью лицо Нины. — Интересно, такой удалось бы соблазнить Матвея? Хорошо бы! Хотя это так избито... Да и подрезанные тормоза тоже. Я понятия не имею, где они находятся... А если начну выяснять, это обязательно всплывет потом. Такие мелочи всегда и портят все дело».

— Это если хочешь выработать, — ответил он Нине насчет чувства ритма, и с удовлетворением отметил, что ее сияние несколько померкло.

Отвернувшись, он забыл о ней сразу же. Темная, нетерпеливая жажда поглотить Матвея, заставить его исчезнуть, не оставляла Стаса в покое с той самой минуты, как Мишка совершил свой катастрофический прыжок. И продемонстрировал всему миру, как ему нужна эта женщина, которую Стас уже мысленно проклял.

Его ненависть, от которой начинало время от времени шуметь в голове, была обращена к ней, и Матвея касалась лишь косвенно. Беда была в том, что пока существовал этот Матвей, брат с отцом не могли быть счастливы. А Стас больше не мог видеть, как они тихо тают, пожираемые изнутри болью.

Первоклассников уже сменил седьмой «А», посуливший, что их спектакль погрузит зрителей в пучину Средневековья, и тут же зазвучал вальс, написанный веке в девятнадцатом. Усмехнувшись, Стас еще раз подумал о мелочах, которые нарушают целостность картины.

На своем небольшом веку он посмотрел уже сотню фильмов с детективным сюжетом, но ему не подходил ни один. У Стаса не было ни пистолета с глушителем, ни даже без него, ни яда, ни денег, чтобы нанять киллера. И он сильно сом-

невался, что решится собственноручно всадить нож Матвею в спину.

И вообще ему не хотелось его убивать. Хотя само по себе убийство не вызывало у него ужаса: «Это же сплошь да рядом!» Но после того, как Матвей подвез его, спасая от обморожения, Стас уже не находил в себе сил желать ему смерти.

«Посадить его? — гадал он, рассеянно всматриваясь во вдохновенно пылающее лицо маленькой Жанны д'Арк, появившейся на сцене. — Но как? Я его дел не знаю. Наркотики подбросить? А где их взять? На какие шиши? И потом, где гарантия, что мать не вобьет себе в голову, что должна дожидаться его из тюрьмы? Наркотики любая простит... Нужно что-то, чтоб ее стошнило от него... Изнасилование! Мальчика. Или малолетней. Вот тогда она очнулась бы! Где только взять эту малолетнюю? Проститутку подговорить, так ей тоже платить надо... — Стас еще раз взгляделся в лицо семиклассницы. — Вот такую бы. Фанатичку. Чтоб на суде у нее глаза горели праведным гневом».

Прыснув, он в первый раз похлопал девочке, с таким не детским достоинством отвечавшей инквизиции. За его спиной тотчас усилились и зачистили аплодисменты. Стас оглянулся. И быстро отвернулся, чтобы Нина не заметила, как у него вспыхнуло лицо.

«Она? Не такая маленькая, конечно, но тоже ведь — несовершеннолетняя. И тоже играет в школьном театре, значит, может изобразить праведный гнев... Нет, это уж слишком! — осадил он себя. — Хотя почему? Сводить ее к Мишке, рассказать все со слезами на глазах, надавить на жалость... Мерзко. Она тоже скажет, что это мерзко».

Стас живо вообразил лицо брата на серовой больничной простыне — подушка не разрешалась: «Нет, увидит Мишку, не скажет. Если я смогу убедить ее, что это ложь во спасение. Слезинка ребенка и так далее... Достоевского она любит. А как с «Анной Карениной»? Что она там говорила на уроке? Я не слушал ее, как всегда... Еще вообразит, что это будет преступление против любви. Так надо убедить ее, что во имя! Ради меня. Потерплю ее до конца года, если потребуется. А там уж как-нибудь...»

Еще не веря до конца, что решился на это, Стас опять повернул голову, встретил золотистый Нинин взгляд и улыбнулся. У нее дрогнуло лицо. Это была первая обращенная к ней

улыбка за все десять лет. Нет, он, конечно, смеялся над анекдотами, если она рассказывала. Или иронично кривил губы, когда они цитировали некоторых полуграмотных учителей. Но вот так, без видимой причины, Стас ей еще не улыбался.

Ему показалось, что его лопатки улавливают пульсацию: так у Нины заколотилось сердце. Стас, конечно, не слышал его, хотя ей самой казалось, что оно грохочет на весь зал. Но в маленьком пространстве между ними возникло что-то новое, заволновалось, завошкалось, толкая в спину, и Стасу уже требовалось усилие, чтобы не оглянуться вновь. Он задумался о дискотеке, но его отвращение к танцам не могло пересилить даже маниакальное желание осчастливить отца с Мишкой.

«Лучше погулять... В мороз-то? Пойти в кафе? Попросить у отца денег: «Пап, я тут решил упечь Матвея в тюрьму. Проспонсируешь?» Может, позвать ее к нам? Или заявиться к ней? И чем заниматься? Нельзя ведь сразу все ей выложить. Нужно... приручить ее», — его так и перекосило оттого, что он все же решился на то, в чем до сих пор считал себя не замаранным.

Стас подумал, что, наверное, Нина воображает его совсем не таким, каким он знает себя, все принимая в себе и ничему не ужасаясь. Она потратила на его портрет десять лет, прорисовывая те черточки, которых на самом деле и не было. Но ей так хотелось, чтоб они были... Ему представилось, как Нина стирает с его лица неверные мазки, подобно тому, как женщины дышат на зеркало, протирая его тряпкой. И ему внезапно стало жаль этого чистого лица, который он собирался осквернить...

Их одиннадцатые тоже выступили, поздравили школу, и Нина, вся светясь от ожидания радости еще большей, чем уже случилась, преподнесла директору что-то, упакованное в блестящую бумагу.

«А что купили-то?» — Стас лишь сейчас сообразил, что выпал из школьных дел и даже не знает, на каком подарке остановились, хотя сдал на него, как все, двадцать рублей. Это было немного, но он испытал неловкость, обращаясь к отцу даже за такой малостью.

Ведь еще нужно было платить за подготовительные курсы, если он действительно собирался поступать на архитектурно-строительный, как говорил об этом последние два года. И еще на выпускной... А времени заработать самому не

хватало, особенно теперь, когда нужно было бежать к Мишке в больницу. Не то, чтобы нужно... Хотелось. Стас тосковал по брату, которого столько раз выставлял из своей комнаты, когда тот был дома.

Он ухватился за Мишку, как за соломинку. Слегка надтреснутую («Нет, компрессия — это сжатие!»), но все еще способную удержать на плаву в такую минуту, как эта, когда Нина осталась рядом, хотя все понеслись в гардероб. Тогда Стас и сказал, глянув на часы:

— Черт! Уже опоздал...

Она немедленно откликнулась, обратив к нему свое сияние:

— Куда?

— Брат в больнице, — ответил он как бы нехотя. — Позвоночник сломал.

— Мишка? — ужаснулась Нина. — Да он же...

— Да-да-да! Спокойный, разумный мальчик. Он просто голову дома забыл в тот день. А ты разве не слышала? Это перед самым Новым годом было. Здесь, в школе.

И, еще не договорив, вспомнил, что Нины не было в тот день, она свалилась то ли с ангиной, то ли с гриппом. Чтобы она не успела испытать разочарование оттого, что он даже не помнит, Стас быстро сказал:

— Тебе не рассказывали? Тогда вся школа 60 сбежалась, врачи со «Скорой» еле протолкнулись.

— Ко мне никто и не приходил, — спокойно пояснила Нина и улыбнулась, чтоб он не подумал, будто ей обидно. — Я ведь живу почти у моста, кто туда пойдет в такой морозище? А телефон мы никак не соберемся поставить. Сейчас это дорого очень.

Решив, что она уклоняется от темы «Слезинка ребенка», Стас опять посмотрел на часы, наспех усомнившись, что играет достоверно.

— Ладно, с утра схожу...

Но Нина попала на крючок быстрее, чем можно было ожидать. Вернее, он ожидал именно этого, но сейчас как-то обмяк от разочарования.

— Можно со мной, — безразлично отозвался он, опасаясь спугнуть ее неоправданной расположенностью, которой никогда не проявлял.

И это опять сработало.

Он выскочил из дома в восемь утра, чтобы все успеть до положенных десяти, когда разрешали посещения больных. Отцу Стас не очень

убедительно («Библиотеки-то еще закрыты!») соврал про доклад, на который нужно уйму времени, и тот поверил. Как верил всегда и всем.

Сменив два автобуса, Стас добрался до той гостиницы, где уже побывал, только на этот раз поднялся на пятый этаж. «Номер «люкс»! Пожалуйста!» — его разбирал смех и душила злоба. Одновременно справляться и с тем, и с другим было не так-то просто. Но к тому моменту, как открылась дверь номера, он успел натянуть на лицо индейскую маску. И вспомнил, что Мишка уже не играет в индейцев...

Матвей протянул, даже не попытавшись прикинуться не удивленным:

— Привет! Проходи.

— Не разбудил? — вежливо поинтересовался Стас. А внутри уже вскипело ликование: «Не разбудил! Они одеты, значит, все убрано... Значит...»

Проглотив ставшее привычным «она», Стас поинтересовался:

— А мама? Еще здесь?

— Маша! — крикнул Матвей вместо ответа. — Иди сюда. Утренний птиц прилетел.

«Хоть не сказал «незванный гость», — отметил Стас и попытался улыбнуться матери.

Она выскочила из смежной комнаты, на ходу поправляя тонкий свитер, просияла и сама испугалась этого, вспомнив, что вчера в больнице эта радость дорого ей обошлась. Стасу стало весело: «Она боится меня!» Но по дороге сюда он вспомнил, каким строптивым в прежние времена был ее характер, и заговорил достаточно мягко, чтобы ей не захотелось протестовать.

— Я хотел тебя попросить... Ты можешь сегодня прийти к Мишке после одиннадцати?

— Конечно, — не задумавшись, согласилась Маша, потом опомнилась: — А почему?

Стас вдруг и вправду покраснел, и обрадовался, почувствовав это, потому что сыграть так не смог бы:

— Я... Я приду к нему с одной девчонкой. Если ты будешь там... В общем, она ничего не знает. Что ты уехала, и вообще. Мы же не сможем вести себя так, будто ничего не случилось!

Поочередно поглядев на обоих, Матвей сокрушенно подтвердил:

— Не сможете.

— Ну, вот. Лучше нам не встречаться там... До одиннадцати я ее уведу. Тебе хватит времени до часа.

По глазам матери он понял, что времени ей не хватит, сколько бы его ни было, но она улыбнулась:

— Я ее знаю?

— Какая разница? — холодно проронил Стас. В этой сцене тоже важно было не переиграть, эти двое — не дураки.

На миг опустив голову, Маша согласилась:

— Ладно, я приду в одиннадцать. Если увижу вас на лестнице... или на улице... Я сверну куда-нибудь, ты не беспокойся.

Уже усевшийся в большое синее кресло, Матвей радостно воскликнул:

— Авантюрное кино! Я просто пищу!

Обернувшись, Стас посмотрел в точку, где сходились его широко расставленные ноги, и мысленно ответил: «Что вы! Кино еще только начинается».

Ему опять вспомнился Мишка, совсем маленький, четырехлетний, еще не умеющий читать. Он любил тогда сказку про Муху-Цокотуху, потому что в ней были меч и храбрость, сражение и любовь, — настоящая рыцарская легенда из жизни насекомых. Мишка помнил всю историю наизусть и по вечерам принимался рассказывать ее вслух, радостно улыбаясь живым картинкам своего воображения. Когда дело доходило до истязания мухи пауком, Мишка останавливался, делал «страшные» глаза и заворожено произносил:

— Ой, сейчас такой узас будет!

«Будет вам ужас, — мрачно подумал Стас. — Неужели она не помнит того Мишку? Она ведь и от него тоже ушла. А этот теперешний Мишка... Такой классный пацан! Как она могла...»

Он церемонно спросил:

— Я могу воспользоваться вашими удобствами?

— Ну, что ты спрашиваешь! — улыбка у матери вышла болезненной, будто она лишь сейчас поняла, что в этих интимных делах больше не «своя» для сына.

Он язвительно спросил на ходу:

— Унитаз не с программным управлением? А то еще зависнет от ввода незнакомого продукта!

Матвей расхохотался ему вслед. У Стаса тягуче заняло сердце: «Неужели я уже делаю это с ним? Мишка. Только ради Мишки».

Запершись в ванной, он извлек из кармана джинсов (в куртку не стал прятать на случай, если уговорят раздеться) прозрачную перчатку и пакетик. Прислушавшись к голосам в комнате,

Стас натянул перчатку, потом набрал воздуха, чтобы подольше не дышать, и, открыв ведро возле унитаза, перевернул бумажки. И нашел то, что надеялся найти.

Встряхнув пакетик, он опустил в него обнаруженный презерватив: «Не вылилась бы... Хотя все равно для анализа сгодится. Его отпечатки тут точно есть. Все же лучше, чем ничего. Сперма-то уж наверняка его».

Презерватива могло и не оказаться. Не в эту ночь. Или они могли пользоваться другими средствами, Стас же не знал наверняка. Ему просто повезло. Спрятав свою находку в карман куртки, он подумал, что сперму лучше хранить в холоде, хотя и в этом тоже не был уверен. В другой пакетик он положил использованную перчатку, побоявшись оставить ее здесь: «Никаких улик!» Переведя дух, он спустил воду и вышел.

В тот самый момент Матвей крикнул его матери:

— Слушай! Название — «Скоморошка-холдинг»! Просто класс. На здоровую голову не придумаешь!

«Он находит над чем повеселиться», — отметил Стас и ощутил болезненное сожаление о том, что придется прервать это веселье. Но ведь иначе не получалось.

ГЛАВА 14

Теперь у Мишки появилась новая забота: рассказывать мальчишкам о Нине Савельевой, которую он и сам-то еле знал. Так, видел в школе... Ее трудно уж совсем не заметить. То, что она пришла к нему вместе с братом, так поразило Мишку, что от смущения он вел себя, как дурак, и мысленно клялся отомстить Стасу. Так опозорить его... Продемонстрировать первой красавице школы, как он лежит бревно бревном, а под кроватью — «утка» и пластиковая бутылка. Может, Нина, конечно, и не догадалась, для чего она...

Мишка изнемогал от бессильной жажды мести еще долго после их ухода, а самый маленький в палате семилетний Степа в это время писал Нине письмо, почти целиком состоящее из повторающегося слова «люблю» и восклицательных знаков. Он разрешил Мишке прочесть его, чтобы тот с высоты своего возраста смог оценить и, конечно же, передать через Стаса. На случай, на тот несчастный случай, если Нина не придет больше... Какую роль играл при ней Стас, интересовало их меньше всего.

Сам Мишка мог сейчас всерьез думать лишь о том, как бы поскорее вернуться домой. Хотя было уже не так невыносимо, как в первый день, когда от него отвернулся весь мир, отторг его, заключил в эту ободранную палату, где всегда был спертый воздух. Постепенно Мишка привык и к этому запаху, и к пошлым, несмешным анекдотам, над которыми все почему-то хохотали, и к ночным «мужским» разговорам, из которых он узнал много неожиданного. Один из мальчишек, например, поделился, что мама берет его с собой в ванну, и там укладывает на себя, и целует по-настоящему, и гладит всего-всего...

Мишка не поверил, чересчур уж это было отвратительно. Хотя именно теперь он понял, как любит свою маму, и все его тело окатывало холодом, стоило только подумать о том, что вскоре она опять уедет. Еще не сейчас. Обещала: через полгода. Но ведь это не так уж и много...

Мишка понял, что ничего не умеет скрывать, когда Стас, наклонившись, спросил перед уходом:

— Мамочку не можешь дождаться? Только на дверь и смотришь!

В этот момент Нина уже вышла из палаты, а брат задержался, как бы попрощаться. Хотя чего было стесняться, они же не целовались, расставаясь... Когда брат спросил о матери, Мишка растерялся, от него ведь Стас не скрывал, что больше не считает ее... Никем вообще. Мишка виновато улыбнулся и перевел взгляд на потолок, ожидая обычных упреков в бесхребетности (теперь это звучало издевкой!) и мягкотелости. Но Стас почему-то лишь усмехнулся. И произнес загадочно, как Золотая Рыбка:

— Будет тебе мамочка.

И она действительно пришла, он прождал совсем немного. Стремительно, как всегда, приблизилась к кровати, сжала теплыми (в машине ехала!) ладонями его щеки, несколько раз быстро поцеловала:

— Привет, солнышко! Как ты?

«Уже хорошо, — блаженно улыбаясь, ответил он про себя. — Уже совсем хорошо...»

— Ты придешь в следующий вторник к девяти? — спросил Мишка с беспокойством. — Прямо к девяти, попроси! Я посчитал, мне в этот день разрешат встать.

Она вскрикнула от радости:

— Правда? Я уточню у врача. Ваш Дмитрий Петрович все еще на больничном?

— Ты напомни этому, который заменяет... Он вечно всех нас путает! Ты скажи ему, что я точно

посчитал. Знаешь, мальчишки говорят, тут один «позвоночный» встал, а ходить не может. Представляешь? Ноги разучились.

Она потрогала его голую икру:

— Ты сможешь. Ты ведь все упражнения делаешь! Мы будем учиться потихоньку, я тебя поддержу для начала.

— Тапки надо! — спохватился мальчик. — Я же здесь без тапок!

Ее взгляд ускользнул:

— Это ты папе скажи.

Мишка все вспомнил:

— Ну да...

— Или хочешь, я тебе новые куплю? Какого цвета хочешь?

— Не знаю. Да зачем мне новые? У меня еще те ничего, я же дома босиком хожу. Только из ванной дойти... А ты правда останешься еще на полгода? А как я буду уроки делать, если сидеть нельзя будет?

— Лежа, — удивилась она. — Мы же сейчас играем в «слова» и кроссворды отгадываем. Так же на животе и будешь писать.

Мишку скривило:

— У меня и так с почерком... А если лежа писать, вообще ни один учитель не прочтает.

— Прочитают! Я им объясню, как тебе придется писать. Неужели не поймут?

— Думаешь, их волнует, как я пишу? — с сомнением заметил Мишка. — Им ведь только чтоб красиво было!

— Да перестань! Что ж они, совсем звери?

— Ты, мам, давно в школе не училась...

Ему самому уже надоело говорить об этом, и немного поколебавшись, он рассказал ей, что Стас приходил к нему с девочкой из их школы.

— Красивая? — она опять, едва прикасаясь, провела пальцами по его щеке. Она часто так делала.

— Ничего, — небрежно отозвался Мишка. — Золотистая. Вроде бы, даже не дура.

Мама рассмеялась:

— Разве Стас выбрал бы дуру?

— Ой, можно подумать он очень умный! — Мишку всегда задевало, что Стас, не задумываясь, решает задачи, над которыми он бьется целыми вечерами.

— Он действительно умный, — строго сказала она и задумалась так глубоко, что мальчику показалось: она опять забыла о нем.

Сидевшее на оконной раме солнце сделало ее волосы похожими на рыжеватые цветочные

усики. Мишка подумал, что если приблизить к ним лицо, можно уловить живой аромат, такой же тонкий и загадочный, но вместе с тем и естественный, как у цветов. Только Мишка был уже слишком взрослым, чтобы жаться к матери на глазах у мальчишек. Вот если она не обманет, останется после его выписки, и они опять будут дома вдвоем, как часто случалось раньше...

Мишка вздохнул:

— Классно я провел каникулы! Пацаны говорят, что мы будем весь год болеть, раз встретили его в больнице. Примета такая.

Говоря это, он ожидал, что его тут же разубедят, и она действительно горячо возразила:

— Глупости какие! Прошлый год мы встречали...

И не договорила. «Дома. Все вместе», — закончил Мишка за нее. У него так заныло в груди, будто он только что бежал к пушистой елке в разноцветных шарах, пускающих звездные искры, и уже видел подарки, заманчиво мерцающие упаковками, как вдруг понял, что все это — декорация, муляж... Нет никакой радости.

Он изо всех сил стиснул углы пододеяльника, потому что ему захотелось крикнуть на всю палату: «Почему ты ушла от нас?!» И ударить эту смуглую руку, опять потянувшуюся к его щеке. И может, если б они были одни, Мишка не удержался бы... А сейчас он только дернул головой, увернувшись, и острее, чем за все эти три недели, ощутил свою беспомощность: она все равно сможет погладить его, если захочет. Ему ведь ни вскочить, ни убежать...

— Еще несколько лет, и у вас будет своя жизнь, — проговорила она с беспомощным видом, не сразу убрав зависшую руку.

Мишку это не тронуло:

— Ну, и что?

— Вы ушли бы. Уехали. А я осталась бы с вашим папой. Но я... не люблю его больше, понимаешь?

Маша сама услышала, как неубедительны эти слова о любви и нелюбви, как ничтожны они в сравнении с горем ребенка, лишившегося мира, в котором был счастлив. Он разбился, этот мир, разлетелся на сотню бесполезных осколков... Ей хотелось вскрикнуть: «Что я надела?!» Но этим сожалением, высказанным вслух, она предала бы Матвея. И это тоже было неправильно. Невозможно. Все было неправильно.

Убежать бы от этих несчастных глаз ребенка, покалечившегося из-за нее... Она сломала ему

не только позвоночник. Разве от этого можно сбежать? Разве эти глаза отпустят? До того, как разорвется сердце...

— Не плачь, — испуганно зашептал Мишка, скосив глаза на соседа с загипсованной до плеча рукой.

Бесшумно втянув воздух, она загнала слезы назад:

— Все-все...

— Раз ты не можешь жить с нами... Ладно...

— Не с вами! — Маша припала к сыну, опять забыв о мальчишке на соседней койке. — Я без Матвея не могу. И без вас не могу! Поедем со мной, солнышко мое! Ну, пожалуйста! И будем вместе. Всегда-всегда!

Мишка отстранился и посмотрел ей в глаза:

— А папа?

— Да. Папа. А я?

— У тебя же есть Матвей, — теперь взгляд у него стал жестким, как у мужчины, не желающего ломать себя из-за женщины.

Она покорно кивнула:

— Да... Но, Мишка...

— Ты ведь уже уехала.

В этих словах, как под присягой, не было ничего, кроме правды, но Маше они показались безжалостными. Ей вдруг пришло в голову, что сегодня Мишка так холоден с ней из-за девочки, которую привел Стас, продемонстрировав, что заполнил брешь, оставленную матерью. И у Мишки теперь оставался один отец, который слишком занят и слишком несчастен, чтобы вернуть в его жизнь солнце...

— С папой остался бы Стас, — Маша попробовала шагнуть чуть-чуть назад.

И следом ужаснулась тому, что, оказывается, способна сделать этот невозможный выбор между двумя сыновьями. Да что там... Она им обоим предпочла другого мальчика, сумевшего разведать тропинку в мир, свободный от кухни и стирки. Может, она и рванулась за ним только из лени. И еще, чтобы убежать от шепота, становившегося все различимей: «Ты стареешь... стареешь...»

Сын посмотрел на нее с упреком, который Маша поняла: «Ты хочешь отобрать у меня еще и брата?» Ей показалось, будто он думает: нет никакой уверенности, что при таком обмене ему достанется мать. Ведь Матвей оставался при любом раскладе, а она уже сделала выбор...

Они обменялись взглядами, и Мишка отвел глаза. У нее покраснели веки, и кончик носа, как

у клоуна. Если кто-нибудь зайдет, сразу увидит, что она плакала. Было неловко, что он довел ее до слез, но под этой неловкостью всю барахталась постыдная радость: наконец-то и она плачет! Не могла же она не понимать, что они плакали, когда остались без нее...

Размягченный ее слезами Мишка спросил:

– Ты можешь купить мне подарок взаймы?

Она несколько раз шмыгнула:

– Как это взаймы?

– Для Стаса. Я накопил ему на подарок, но деньги же дома. И потом, как я смогу купить? Я еще здесь буду. А я тебе верну потом! Купи что-нибудь на тридцать рублей, ладно?

«Милый ты мой, что можно купить на тридцать рублей?» – она согласно улыбнулась:

– Конечно. А что он хочет, не знаешь?

– Стас в жизни не скажет, что хочет! Может, он ничего не хочет? Но что-то ведь надо подарить.

– Я посмотрю, – пообещала Маша. – Выберу что-нибудь. Книгу? Или перчатки? Он ходит в старых, они уже ни на что не похожи.

Мишка с подозрением уточнил:

– А на это хватит тридцати рублей?

– Да! Конечно, хватит.

– Ну, тогда ладно.

– Он собирается отмечать день рождения?

В голосе мальчика послышалось страдание:

– Он сказал, что пойдет с этой девчонкой в «Фаст-фуд». Я уже выпишусь, но меня он все равно не возьмет.

Маша догадалась:

– А хочешь, я принесу тебе пиццу?

– Она ведь дорогая, – у него ожили глаза.

– Это ты – мой дорогой. Хочешь, я прямо сейчас сбегаю? И не будешь есть то, что принесут на обед.

– А ты успеешь?

Ему уже не верилось, что так хотелось ударить ее по руке и довести до слез. Зачем все это, если она так хорошо понимает то, что он чувствует? Всегда понимала...

И когда она уже встала: «Сейчас, я мигом!», Мишка едва удержался, чтоб не вцепиться в ее руку.

ГЛАВА 15

Теперь уже у Стаса, кажется, впервые в жизни, сердце колотилось так, что Нина не могла не ощутить его толчки. Ведь они прижимались тесней некуда, и между ними не было ни клочка

одежды, способного создать хоть микроскопическое, но расстояние.

Его изумленный взгляд уже обжегся о кровь, вытекшую на простынку из раны, которую нанесла Нине та оглушающая, ослепляющая страсть, которой Стас и не подозревал в себе. Как это случилось? Прорвалось – откуда? Значит, все это время он хранил в себе некий тайник и не догадывался об этом...

– Я этого так ждала, – прошептала девочка и совершенно женским, не раз виденным им в кино жестом, прижала его голову.

Почти не дыша, Стас прислушивался к тому, как все его тело заполняется смесью благодарности и стыда. Он ведь знал, что причинил ей боль, успел заметить гримасу почти детской обиды: «За что?!» Так морщился, кривя губы, Мишка, когда он толчком выпроваживал его из комнаты. И то, что в этот момент Нина в сознании Стаса слилась с братом и растворилась в той любви, которая была направлена на Мишку, внезапно сделало ее родной, необходимой настолько, что нужно было цепляться за нее обеими руками. А боль она забыла сразу же, хотя и пяти минут не прошло...

Стыд был связан с другим. Этой девочке удавалось держаться так (природа подсказывала?), что все, чего Стас боялся и по чему так томился, сложилось естественно и хорошо. И каждую секунду он чувствовал, что поступает правильно, что это никому не во вред. Но где-то позади всего, на расстоянии, все же маячила еле различимая мысль о грехе и обмане, которых он уже не хотел знать. И Нина помогала ему: эти опасения мельчали и мельчали, точно крошились от ее мягких прикосновений.

Он только спросил, опасаясь вполне предсказуемых последствий:

– А если ты...

В ее улыбке проступило что-то взрослое, недоступное Стасу:

– Тебе ни за что не придется отвечать. Я ведь сама хотела этого... Но я думаю, что сегодня – не опасно.

И эта мнимая безопасность, ощущение безнаказанности окрылили его. Теперь Стас помнил, что его ждет лишь хорошее, и беспокоиться, а значит, лишая себя уверенности, так нужной сейчас, не о чем. Он, конечно, слышал о парнях, которые попадались на эту удочку безмятежного удовольствия, а потом оказывались в ЗАГСе или в тюрьме, но Стас знал Нину не первый день,

даже не первый год, и не помнил за ней ни одной подлости, каких уже целый воз был за плечами других отличниц.

Теперь ему было не совсем понятно, чему он сопротивлялся столько лет, если эта нежность, эти мягкость и тепло всегда были в Нине и могли войти в его жизнь гораздо раньше. И вместе с тем, что-то подсказывало Стасу, что если б он поторопился, шагнул навстречу Нине до того, как все в нем до боли оголилось от желания вернуться в мир счастливых людей, то сейчас не испытал бы такого состояния переполненности тем радостным и живым, что, наверное, и называется любовью.

Впервые за последние месяцы Стас не обнаруживал в себе той озлобленности, что уже стала привычной, и он стал считать ее главной в своем характере. Только вот стыд никуда не ушел... Крошечным осколком он блуждал по венам, то и дело напоминая о себе острой болью. Как ни старался, Стас не мог забыть того плана, который заставил его привести Нину в свою комнату, где поджидало то, о чем боязно было и думать всерьез.

Разве он мог представить, что в Нинином теле отыщется столько такого, ради чего он уже готов был отказаться от всех планов на свете? Больше всего Стасу хотелось добежать до холодильника и выбросить к чертям то, что он, полагаясь на рассеянность отца, замаскировал, положив в баночку и обернув газетой. То самое, украденное у Матвея.

И он уже совсем собрался это сделать, когда раздался звонок. Они подскочили и уставились друг на друга круглыми кошачьими глазами, хотя оба уже успели одеться, и пугаться-то было нечего. Громко, неудачно сглотив, отчего заболело в горле, Стас просипел:

— Посиди здесь...

Пятнадцать шагов на аутотренинг: «Я спокоен. Я абсолютно спокоен. Ничего не произошло». Стас открыл дверь и рот одновременно. Матвей широко улыбнулся, сразу же заметив его замешательство:

— Не ждали? Картина Репина.

Это была не смешная шутка времен его школьной юности, Стас не мог ее знать. Матвей был без шапки, в одной флисовой куртке, ясно, что только из машины. Еще никогда он не казался Стасу таким красивым...

— Ты сегодня записался в прогульщики?

Стас быстро взглянул на часы в коридоре: шел уже второй урок их второй смены. Интерес-

но, как они смогут объяснить, почему не пришли в школу? Забежали после больницы погреться и вдруг всей кожей ощутили то, что называется «наедине». И тут же возникло притяжение, от которого заволновалось во всем теле. И руки сами протянулись, он не планировал этого, а навстречу уже тянулись еще чужие, но уже необходимые. Сейчас, в эту секунду, или навсегда? Об этом Стас не задумывался.

Да если б и успел подумать, разве существует ответ, который безоговорочно можно признать верным? Силу желания, помноженную на время, называют любовью только в том случае, если второй из множителей исчисляется годами. Но в тот, первый, момент как определить? Ведь время еще равно нулю...

— У нас в школе бомбу ищут, — соврал Стас наспех, хотя и не был обязан оправдываться перед Матвеем. Да тот и спрашивал не всерьез.

— Новая народная игра: найди бомбу? Слышал, слышал... Ты меняпустишь или как?

подавив желание спросить: «А что вам здесь надо?», Стас нехотя отступил:

— Проходите.

— Вот спасибо! — насмешливо отозвался Матвей и с порога задержал крупным носом: — Ты не один?

«Как это он унюхал? Чем пахнет?» — испугался Стас. Небрежно, как ему показалось, он заметил:

— Да мы тут целой толпой ко мне зашли. Не все еще разбежались.

Рот Матвея смешливо искривился, но Стас сделал вид, что не заметил этого. Иначе нужно было как-то отреагировать, запретить ему эту усмешку, а сейчас Стас не находил в себе ничего жесткого, хлесткого.

До него внезапно дошла комичность ситуации: он еще только собирался подстроить Матвею ловушку, а тот уже явился. И если сейчас Нина выйдет к ним, не усидит в одиночестве...

«Она же такая красивая! — Стаса почему-то бросило в жар, и пришлось отступить, чтобы Матвей не ощутил его. — А если он и вправду... Да я не пушу ее к нему!»

— Что вы хотели? — резко спросил он.

Едва наметившееся соперничество разом оживило способность к драке. Стас уже переминался, с трудом сдерживая желание вытолкнуть гостя за дверь. Кто знает, может, от злости он с ним и справился бы...

— Маша... Твоя мама сказала, что в Мишкиной комнате нужно сделать ремонт, — заговорил Матвей уже другим, деловым тоном. — Я забежал прикинуть, во сколько это обойдется. Что-то подсказало мне, что я застану тебя дома... Судьба?

Стас зло прищурился:

— Я не понял, а вам-то какое дело до того, во сколько нам обойдется ремонт?

— Я могу найти хорошую бригаду, они сделают все за пару дней.

В голове жарко зашумело: «Ах ты сволочь! Да как он смеет!» Та мимолетная симпатия к Матвею и слабенькая жалость, которая заставляла Стаса сомневаться в выполнимости его плана, мгновенно расплавились в этой горячей ненависти. Если б Нина так неожиданно не перестала быть для него чужим человеком, он, пожалуй, смог бы довести дело до конца.

— Мы с отцом сами в состоянии сделать ремонт, — в своем голосе он услышал скрежет, который вряд ли мог напугать Матвея. Скорее, насмешить.

— Когда? Аркадий же работает целые дни. Вы перестанете ходить в больницу?

— У нас еще вечера есть!

— О да! А ты держишь в памяти, что Мишку скоро выписывают? Вы просто-напросто не успеете.

— Я могу помочь!

Прыжком обернувшись на Нинин голос, Стас едва не закричал: «Уйди! Спрячься! Он не должен тебя видеть. Таковую...» Какую? Что-то изменилось в ней, это было заметно даже в полутемном коридоре. Какое-то загадочное сияние в ней было всегда, но сейчас она вся просто светилась, излучая свое счастье и охотно делясь им. И своей красотой, и юностью, и любовью к этому миру, создавшему Стаса...

Он уже приготовился услышать от Матвея что-нибудь язвительное на счет бомбы и остатков компании, но тот почему-то молчал.

— Здравствуйте, — сказала Нина, которая, конечно, понятия не имела, кто это пришел.

— Я не вовремя, — удивив, растерянно произнес Матвей, и отступил к двери.

— Мне вообще-то пора, — она вопросительно взглянула на Стаса.

Наверное, следовало удержать ее, придумать невинный предлог, но ему вдруг захотелось остаться одному. При ней ведь не удастся погрузиться в те, едва отошедшие в прошлое, полча-

са, когда он узнал так много, что, похоже, потребуются годы, чтобы вспомнить и прочувствовать заново все детали. Насладиться памятью о них, которая умеет так ярко обострять уже пережитую радость, хотя это кажется невозможным.

— Ладно, — вяло согласился Стас. — Давай.

Его слегка разозлило, что Нина выбрала для прощания этот момент, когда Матвей здесь, и нет возможности даже поцеловать ее. Она быстро натянула меховые ботинки и накинула куртку, даже шапку не надела, и уже шагнула к двери, точно бежала, и боялась, что ее остановят. Стас шагнул следом. Но что можно было сказать при этом человеку, не просто чужом, а враждебном всему, что раньше и сейчас составляло мир этого дома?

— Пока?

Рыжеватые волосы рассыпались по светлой куртке и лучились теплом. «Волосы не могут быть теплыми», — Стас пошевелил пальцами:

— Ну, пока!

Он не ожидал, что Матвей выйдет за ней следом, ведь их разговор на счет ремонта был едва начат. Зачем же он тогда приходил? Или уже отступился? Он тоже способен менять свои планы на ходу?

Растерянно скользнув взглядом по светлому огню волос, уже улетающему вниз, Стас запер дверь и осел прямо в коридоре. Сполз по стенке и застыл на корточках. «Ушла, как будто ничего и не было. «Пока!» Что это значит? Но я ведь... Я ведь первый у нее...» — в его перегруженной всякой всячиной памяти промелькнуло что-то неприятное, подзабытый слух об операциях, восстанавливающих девственность. А вдруг?

«Да нет! — Стас поднялся, опять пробороздив лопатками по стене. — Зачем ей это? Да и денег у них вечно не бывает. Телефон и тот не могут поставить. Да и у родителей разве попросишь на такое?»

Не подозревая, что пробирается извечным мужским путем подозрений и оправданий, Стас промучился так до прихода отца. Он то падал на тот самый диван, казавшийся еще теплым, то порывался бежать за Ниной следом, не сомневаясь, что найдет, чтобы схватить ее за плечи, притиснуть к стене, пачкая куртку, и криком, угрозами вырвать из нее признание. В чем? Не важно... Почему она вдруг ушла? Как она могла уйти?!

Он уже не помнил, что сам хотел этого, и не задумывался над тем, что, может быть, Нине

тоже хотелось поскорей уединиться с тем драгоценным, долгожданным, что она обрела так неожиданно, что страшно было потерять. Испортить одной минутой, оказавшейся лишней... Уже начиная одеваться, Стас приходил в себя, обескуражено смотрел в зеркало шкафа: «Что это со мной творится?» И медленно стягивал одежду, пытаясь отделаться от ощущения, что попал не в свою жизнь, ведь с ним никогда ничего похожего не происходило...

Лишь когда вернулся отец, Стас вспомнил, что собирался насладиться этим временем одиночества, выжимая толику наслаждения из каждого оставшегося в памяти движения Нины, вздоха, бормотания... Он упустил все это, а теперь уже надо было думать о другом: говорить или нет отцу о непонятном визите Матвея. И решил, что лучше не стоит, не то отец заведет с Матвеем разговор об этом, а тот еще сболтнет о Нине, и начнется следствие...

«Хотя, что я не могу привести девчонку? — Стас спорил с собой так яростно, будто его уже обвиняли бог знает в чем. — Это же еще не значит, что мы с ней... Ну да, школу мы прогуляли. А ты сам никогда не прогуливал?»

— Что это ты ходишь кругами? — отец вдруг заметил его. — Пару схлопотал?

— Человека могут волновать не только оценки, — гордо отозвался Стас, и подумал: «Знал бы ты!»

У отца весело заблестели глаза:

— Безусловно. И чем же этот человек озабочен?

— Созданием ядерной бомбы нового поколения, — огрызнулся Стас.

Его раздражало, когда отец начинал тоном намекать на его незрелый возраст. Потом Стас вспомнил, что эта пресловутая бомба всплывает второй раз за день, и чуть не рассмеялся. Но смех этот пришлось бы объяснять, придумывать ложь, а этого сейчас не хотелось.

Выверенным движением Аркадий вывалил макароны в дуршлаг, и отшатнулся от взметнувшегося пара. Затем невозмутимо спросил:

— И кого же ты собираешься взорвать?

— Все человечество!

— Мелочным тебя не назовешь... Мишка сказал, что ты приходил к нему утром с какой-то красавицей.

— Я так и знал, что он проболтается!

Вообще-то Стас не разозлился. Ему даже стало приятно, что отец узнал об этом со сторо-

ны, как настоящую историю такого рода, которая передается из уст в уста. И рассказывают их только о взрослых.

Продолжая встряхивать макароны, отец посмотрел на него через плечо. Глаза его смеялись уже вовсю.

— Мишка просто не понял, что это настоящая военная тайна, — сказал он. — Вы ведь с ней бомбу изобретаете, верно? Представляю, что будет, когда она рванет...

ГЛАВА 16

Песок был преувеличенно-желтым, как в голливудском клипе какой-нибудь жизнерадостной песенки. Он заставлял щуриться, и Матвей брел почти вслепую, различая слева шум волн, который не приближался и не удалялся. Значит, он шел по прямой.

На самом деле моря не было, его скрывала непрозрачная пелена, восходившая от кромки воды. Недвижная красота песка ревниво отгораживалась от изменчивой красоты стихии, и это наводило на мысль, что необходимо выбирать одну из них. И служить ей. Служить, пока хватит сил вдыхать этот раскаленный воздух.

— Золото, чистое золото, — бормотал он, пересыпая ускользящие струйки из ладони в ладонь.

Кожа стала сухой, казалось, вот-вот она пойдет трещинами, как та земля, которую покрывал сияющий песок, скрывая уродство.

— Уродство...

Матвей повторил это вслух, думая уже не о земле, погибшей от несбывшегося желания. Вернее, не только о ней. Но о земле тоже, ведь и она принадлежала его миру, который как раз и был — сплошное уродство. Только потому, что Красота, которую Матвей внезапно открыл для себя, существовала вне этого мира.

Огонь и кротость, юность и женственность, та самая Вечная, принести на алтарь которой свою жизнь — счастье. «Я увидел ее», — его слезы просачивались в ту реальность, что ждала за пределами сна, но сейчас Матвей еще не осознал этого, и плакал так горестно, как не доводилось с детства.

Он увидел Ее, но Она не вошла в его мир. Только мельком осветила его убогость, его заурядность, его обделенность божественным светом.

— Божественное лицо, — шептал он, все еще пребывая в своем жарком, изнуряющем сне. —

Рафаэль... Боттичелли... Лучше! Это сияние... эта стыдливость... Ремедиос Прекрасная. Лучше! Никаких слов не хватит, красок таких не бывает...

Он не ощущал в себе суетливо копошащегося Гумберта, ведь эта девочка была почти взрослой: несколько месяцев – и уже студентка. Никто не осудит за любовь к студентке... Каникулы затягивают жаром зыбучих песков... Они тонут вместе, погружаясь так медленно, что проходит вечность, но не гибнут. Он припадет к этому несравненному телу и вытянет его на поверхность силой своего желания. Нет ничего более могучего и непобедимого, это он чувствует даже сквозь сон. Он спасет ее. Это сияющее лицо взойдет над его миром!

– Что-то случилось?

Маша лежала рядом, поддерживая голову согнутой рукой, и смотрела на него без улыбки. Так они еще не просыпались – без улыбки.

– А что могло случиться? – Матвей выдавил из себя безмятежность, и всем телом, каждой клеточкой мозга ощутил: вот оно – уродство. Эта ложь, эта привычка изворачиваться... Они и составляют сейчас его жизнь. Такую не жаль похоронить в песке.

– У тебя слезы лились. Я еще не видела, чтобы спящий человек так плакал, – она говорила отстраненно, будто уже наверняка знала, что его ночное горе не имеет к ней отношения.

Он напомнил:

– Как же? А в том рассказе Казакова, который ты так любишь? Забыла?

– Там плакал ребенок. Он прощался с бессознательной порой детства.

«Она все время что-то объясняет мне, – он едва не поморщился. – Таким... учительским языком. Но вчера утром меня это не раздражало... Или уже?»

– А ты с чем прощался?

Маша смотрела на него в упор. Оттого, что она лежала спиной к окну, ее глаза казались почти черными, они держали, и не было возможности увернуться.

Но оставались еще слова.

– Наверное, с жизнью, – сказал Матвей. – Мне снилась пустыня с бесконечными песками. Они затягивали. Я знал, что мне не выбраться.

Это было правдой. Не полной, и все же он мог считать, что не обманул Машу.

Но ее глаза не приняли эту правду.

– Было страшно? – спокойно спросила она.

– А ты как думаешь, раз я плакал?!

– От страха не плачут. Когда гибнут, не плачут, а пытаются выбраться.

– Ты все знаешь! Ты гибла, что ли?

– Да, – только и сказала она.

В другой день Матвей тут же почувствовал бы ее боль, и прижал Машу к себе, чтобы оттянуть хоть часть. Но сейчас он был слишком напуган и зол, чтобы заботиться еще о ком-то, кроме себя. Он произнес непростительно резко, надеясь слегка напугать ее:

– Что еще за допрос с утра пораньше? Ты как будто в чем-то обвиняешь меня!

– Тебя выдали.

Слабость разлилась вниз от сердца. Матвею почудилось, будто у него отнялись ноги.

– Кто? – глухо спросил он, выдав себя еще больше и сразу поняв это.

– Глаза.

– Что?!

– У тебя другие глаза. Со вчерашнего дня. Что произошло? Только не ври мне. Врут тому, кого считают неспособным к прощению. Ты так думаешь обо мне?

Он вскочил, отбросив одеяло на нее:

– Маша, ради Бога! Что ты придумываешь?

Сев на постели, она выпрямилась и молча ждала, и Матвей неожиданно смешался перед этой требовательной тишиной. И пробормотал так неуверенно, что самому сделалось неловко:

– Да ничего не произошло...

Она ждала. Так и не сумев улыбнуться, Матвей предположил:

– Наверное, это оскорбленное самолюбие жжется. Твой Стас вчера выставил меня из дома. Я сунулся к нему с этим ремонтом, о котором ты говорила, а он чуть ли не послал меня.

Ее веки несколько раз быстро сошлись, а когда глаза снова распахнулись, сомнения в них уже не было. У Матвея дрогнуло под коленями: «Поверила...» И следом спросил себя: зачем ему это, вера ее? Если то, божественное, все еще в нем...

– Прости меня, – сказала Маша и начала кутаться в одеяло. – Я ведь давала себе слово, чтоб никогда даже никаких намеков на ревность! Я знала, что она хуже кислоты – разъедает все мгновенно. Как же это получилось? Сама не понимаю.

Вот такую – беспомощную, не способную напасть, – Матвей мог пожалеть. По-мальчишески

забравшись коленями на смятое одеяло, он прижал ее голову и поцеловал волосы, запах которых так любил. Конечно, любил.

Чтобы отобрать эту женщину, он разрушил до основания весь ее мир. Матвей помнил, что собирался создать для нее другой, выстроить из миллиона мелочей: из тех, что стремился узнать о ней, и тех, которые готов был придумать сам. Как получилось, что один шаг в сторону открыл ему, что этот грядущий мир – всего лишь маленькая муравьиная куча в сравнении с тем огромным, что существует за его пределами? Там жили люди.

– Тебе сейчас нелегко приходится, – прошептал он. – Столько больных мужиков вокруг... В основном, на голову...

– Потрясающе! Значит, у меня единственная светлая голова в этой компании? В этой противостественной компании: здравомыслящая женщина, ее номинально действующий, а фактически бывший муж, ее сыновья, ее любовник... Теперь добавилась еще девочка Стаса.

У Матвея пересохла гортань.

– Кто? – спросил он не сразу.

– Пухленькая рыженькая девочка. Нина Савельева. Помнишь, он говорил, что придет с ней к Мишке?

– Пухленькая?

– По крайней мере, в седьмом классе она была в теле... Больше я ее не видела.

– Я видел, – сознался Матвей, рассудив, что это все равно может всплыть. – Я не называл бы ее пухленькой. Если это, конечно, она.

У Маши задрожали брови:

– Ты? Где ты ее видел?

– Она была у Стаса, когда я заходил.

– А-а, – неопределенно отозвалась Маша. – Хотела бы я знать, как далеко у них зашло?

Матвей замер: «Этот щенок посмел вонзить свой жалкий кинжал в Мадонну?!»

– Ты думаешь... – начал он и не договорил. Как говорить об этом?!

Машины слова показались ему верхом обывательского бесстыдства:

– Надеюсь, он предохраняется. Никогда не угадаешь, что за плечами у этих нынешних девчонек...

Он едва не оттолкнул ее: «Да как ты смеешь?!»

– Надеюсь, до этого вообще не дошло, – через силу выдавил Матвей и спокойно подумал: «Кажется, я схожу с ума... Какое мне дело до

этих детских игр? Никакого. Но если Маша скажет еще одно дурное слово...»

Из него как-то само вылилось тоскливое:

– Давай уедем...

Он-то сам услышал: «Спаси меня! Ты же можешь... Только ты и можешь». Но Маша посмотрела на него слепым взглядом:

– Куда? О чем ты говоришь? Тебе скучно? Но здесь ведь тоже можно найти развлечения...

– Да при чем здесь – скучно?!

– Мне пора собираться в больницу, – озабоченно проговорила она и скрылась в ванной, оставив его на постели, как сброшенное ночное наваждение.

Матвей впервые почувствовал себя именно таким – бестелесным, не имеющим права рассчитывать на поддержку человека только потому, что существуют они в разных мирах. Как в него проникнуть, даже если хочешь помочь? Ее, Машин, мир здесь обрел реальность, дающую явственное ощущение жизни, которая всегда одолеет мечту, какой бы притягательной не была она еще вчера. Он стал этим вчерашним днем, воспоминанием, которое еще остается в сердце, но не мешает жить дальше. Если б они не приехали сюда, этого не случилось бы... Ничего не случилось бы.

69

С вечера он неутолимо искал успокоения в Машином теле, все еще волновавшем, как в первые дни, но уже знакомом. Не способном потрясти, но способном вернуть к той реальности, которая ускользнула, когда перед ним вспыхнула золотая дымка волос. Потом Матвей снял пару этих тончайших нитей с сиденья...

...Девочка села в его машину без малейшего страха и уговоров. «Вас подвезти?» – только спросил он.

«А вы поедете через старый мост?» – и уже взялась за ручку дверцы.

Такое явное отсутствие какого бы то ни было смущения должно было насторожить: так свободно не чувствуют себя с людьми, которые волнуют. Только он сам был слишком взволнован, чтобы отметить это.

Одним взглядом Матвей вобрал ее всю: по-детски неухоженные руки в зимних цыпках, трещинку на губе, белое пятнышко на черных брючках... Без этих маленьких земных примет Нина не могла быть настоящей, и он жадно искал все новые и запоминал, чтобы она осталась в его памяти не картонной красавицей, а...

«Господи! — взмолился Матвей. — Зачем мне нужно все это?!»

Между ними проскакивали заряды, укусы которых чувствовал, похоже, только он. Чуть отвернувшись к окну, Нина улыбалась чему-то — Матвею был виден самый краешек этой улыбки. Ему хотелось спросить: «Что ты видишь сейчас? Скажи мне, ты хоть замечаешь, что я рядом?»

Но эти вопросы были невозможными, и он спросил что-то о городе, что-то незначительное настолько, что забыл об этом мгновенно. Но голос ее слушал с жадностью, отслеживая построение фраз: «Неужели она еще и неглупа?» В его жизни уже была умная и красивая женщина, но в тот момент Матвей о ней не помнил...

«Вы хорошо знаете свой город... Вам он нравится?»

Она улыбнулась без сожаления: «Вы не верите, но я нигде еще не была. Как родилась здесь, так и живу. Это совсем даже не плохо!»

«Я и не говорю, что плохо!»

«Зато я хорошо знаю его, вы сами заметили. Это ведь здорово, когда человек хорошо знает хотя бы что-то одно, правда?»

Он подумал о себе: «А что я знаю хорошо? Все по верхам...»

Но горевать о себе было не время, ведь Нина продолжала говорить с той же неназойливой веселостью, которая казалась ему солнечной. И Матвей заслушался, погрузился в эти ласкающие звуки.

«А вы — родственник Стаса?» — она заставила его вынырнуть из пучин своего голоса.

Матвей смешался: «Да... Можно сказать и так. А ты... вы не знакомы с его родственниками?»

Ее ответ относился бы сразу ко всем вопросам: насколько они близки? Как давно вместе? И вместе ли вообще? Или вся эта нелепая фантазмагория с бомбой — чистая правда? В сегодняшней жизни и не такие нелепицы случаются...

«Нет, я знаю только его родителей, — не заподозрив подводных камней, ответила Нина. — Другие родственники ведь не ходят в школу».

«А у них дома? Ты... Вы...»

«Можно на «ты»! Ничего особенного».

«Да? Так ты не знакомилась с другими у Стаса дома?» — это уже походило на вопрос, но Матвею необходимо было все выяснить.

Чуть опустив голову, она улыбнулась, как ему показалось, со значением и ответила совсем тихо: «Я сегодня впервые у него дома».

Матвей подумал, что должен бы испытать облегчение, но его не было. Как-то уж очень внушительно произнесла Нина эти слова. Ему было страшно думать, что в них гораздо больше того, что лежит на поверхности.

«Всё, я приехала. Спасибо!» — встрепелась она.

У Матвея сжалось сердце, когда Нина показала дом, в котором живет: черный бревенчатый сруб совсем просел в землю, безжизненный огородик вокруг чем-то напоминал погост... Ее почти библейская неприхотливость и радостное приятие этого нищего мира, которого она ничуть не стеснялась, потрясли его.

Он едва успел крикнуть, опустив стекло: «А хотите... хочешь пообедать?»

Уже перебежав дорогу, Нина весело отозвалась: «Я как раз и собираюсь готовить. Мне на всех нужно».

Перекошенная калитка пробороzdила по снегу... Несколько шагов по мокрым доскам... Девочка неслышно потопала на крыльце, стряхнув снег, нашла глазами его джип и помахала. Губы ее шевельнулись... Спасибо? Прощайте?

...У той девочки губы шевелились так же беззвучно, он так никогда и не услышал ее голоса. И не узнал имени. Она была вся — фантазия его четырнадцати лет, рыжеволосый отблеск того детства, которое истаяло тем летом, когда, приехав в спортивный лагерь, Матвей в первый же вечер на озере увидел девочку, катавшуюся на лодке с мужчиной. Кем был тот человек? Тогда мальчик был уверен, что это ее отец. Теперь Матвей допускал, что могло быть иначе...

Эта похожая на видение пара на лодке появлялась каждый вечер, но никто из лагерных так и не познакомился с ними, даже не приблизился. Это казалось невозможным. Разве удавалось кому-то поймать мираж? Говорили, что это — дачники, и в этом слове Матвею слышался отзвук другой жизни, не имеющей ничего общего с той, которую вел он. Изю дня в день он следил за той девочкой сквозь мокрые ресницы, и в них вспыхивали, растягивались гирляндами капли, окрашенные цветом ее волос.

Та его любовь была сплошной иллюзией, но сколько в ней было жизни! Он пережил с той девочкой такое, чего потом никогда не случилось в реальности. Даже похожего... Может, потому что уже не хотелось с другой... Самые трепетные признания, первые и последние стихи, конечно, ужасные, самые мучительные и сладкие

ночи остались на берегу того озера, название которого он забыл. А поворот ее головы помнил...

— Сокровище, — прошептал Матвей, не находя сил покинуть постель, над которой еще витали жаркие, солнечные сны. — Я не могу упустить ее во второй раз.

Его вдруг осенило: сейчас Нина должна быть дома, занятия в школе во вторую смену! И бодрость сразу подбросила его тело, он забегал, одеваясь на ходу, что-то затапливая в рот, разыскивая ключи от машины, которые всегда бросал где попало. Прорвавшись после Маши в ванную («Кто она такая?» — на миг возникла нелепая мысль), Матвей окунул лицо в пригоршню ледяной воды. Посмотрел в зеркало: «Остынь. Выдашь себя в два счета. Уже почти выдал».

— Ты не зайдешь со мной к Мишке? — Машин взгляд опять показался ему настороженным.

Матвей тут же нашелся:

— Нет уж! А вдруг там Стас. Я дважды не наступаю на одни и те же грабли.

— Я поговорю с ним...

— Не надо. О чем? «Надо любить Матвея, потому что я его люблю»?

Его самого обожгло, будто это открылось лишь сейчас: «Любит. Всю свою жизнь бросила к моим ногам. Так обычно говорят про мужчин, только я-то как раз ничем не пожертвовал...»

Эта разрушенная, переломанная при его же участии жизнь так весомо навалилась на него, что Матвей опять сел на неубранную кровать. В пятнадцати минутах езды отсюда, на другой кровати, железной, с панцирной сеткой, на которую был положен деревянный щит («Спина должна быть прямой!»), лежал Машин ребенок, тоже искалечившийся из-за них, если быть честными. У него таяли мышцы и падало зрение от того, что он читал лежа. А если не читать, то можно ведь озвереть за месяц...

Глубокие Мишкины глаза глянули изнутри его самого, и Матвей непроизвольно мотнул головой: нет, этот не озверееет. Такой мальчишка... Весь в отца — благословит и отпустит. Сам скрючится от боли, задохнется, но отпустит, не заставит страдать.

«А если б Аркадий был другим, ушла бы? — он безотчетно проследил за Машей, собиравшей сумку с «передаткой». — Если б знала, что получит не пряник, а кнут? Я знаю, что тогда было бы, на той конференции: она только посмотрела

бы на меня чуть дольше, чем на других, и уехала бы домой. Всё. И сейчас я был бы свободен».

— А знаешь, что я вчера видел? — вспомнил Матвей без видимой связи. — Набор всяких волшебных причиндалов Гарри Поттера. Давай купим Мишке? Он его любит? Почему я сразу не взял? Там есть даже музыкальная волшебная палочка...

Маша улыбнулась, держа в руке три мандаринки, будто собиралась жонглировать ими.

— Настоящая? — спросила она.

— Поиграй с ним. Хочешь, чтоб позвонки стали здоровыми? Легко! Наколдую. А ноги сразу начнут ходить. И вообще, пусть все будет классно!

— Все? — отозвалась Маша с сомнением и погрузилась. Потом взяла себя в руки: — Почему бы тебе самому не наколдовать? У тебя лучше получится.

— В том смысле, что я сам еще ребенок?

— А разве нет? Шучу. Ты лучше входишь в образ. Хоть и не артист... Или артист?

Он постарался перевести разговор:

— Мне к Мишке не прорваться. С утра там Стас, вечером Аркадий. Что тот, что другой будет просто счастлив меня видеть!

Заметив мандарины, Маша наклонилась над сумкой, и голос ее прозвучал сдавленно:

— Не знаю. По-моему, Аркадию уже безразлично все, что касается меня. Он перегорел.

— Ты, — Матвей запнулся, — ты хочешь, чтобы я переубедил тебя?

Она посмотрела тем долгим взглядом, какой он только что представлял, вспоминая конференцию. Зачем-то встряхнув сумку, Маша распорядилась:

— Поехали за волшебной палочкой. Где она? В тридесятном царстве?

Только высадив ее возле больницы, Матвей позволил золотистому облаку просочиться сквозь стекло и вновь опуститься на переднее сиденье. В нем уже начали проступать детали: крошечные дырочки в мочках ушей, а серег нету («Холодно? Или продали в голодный год?»); набухший порез на пальце; крошечная капля на оттаявших ресницах, темных безо всякой туши. А глаза светятся: «У нас красивый район, правда? В центре его считают захолустьем, а мне нравится. Вы в нашем бору еще не были? Там сейчас столько снега, он волнами лежит, сходите!»

Он заговорил о том, что было ближе ему: «Не хочешь работать на телевидении? У тебя потрясающие внешние данные. Сейчас много молодежных программ, я мог бы договориться».

Нина отозвалась без восторга: «Нет, спасибо! Я хочу стать врачом. Педиатром. Я люблю маленьких... В институт я сразу вряд ли поступлю, хоть и с медалью, пойду сначала в училище».

«Зачем же в училище? — опешил Матвей. — Уйму времени терять! Это неразумно, что ты!»

Это ее задело: «Почему же — терять? Там ведь азам учат, это все пригодится».

«Ну да, да», — согласился он с неохотой. Учеба как бы откладывала ее взросление.

Нина рассудительно заметила: «Все говорят, что в институт без денег не поступишь. Стас тоже боится не попасть».

Пропустив мимо ушей то, что касалось Стаса, он едва не выкрикнул: «Я дам тебе денег! Я дам тебе все, что захочешь! Только не лишай меня того, что я искал всю жизнь — своей чистоты, красоты своей...»

Но что-то удержало его.

Теперь он пытался найти в себе прошлом, в том, каким был еще позавчера, подтверждение тому, что действительно искал это. Или такая уверенность тоже может возникнуть сходу и мгновенно налиться прочностью всех узанных лет?

Значит, нет в мире ничего постоянного, если все может настолько измениться в одну минуту, отвергнув вчерашнюю жизнь, вчерашнюю любовь, как сдувшийся шарик, который невозможно вновь накачать красотой?

Он с тоской думал о Маше, не мог не думать, ведь из памяти не стерлось то, как он желал ее и не боялся вступить в бой ради этой женщины, с которой теперь было связано одно лишь тягостное чувство вины. Матвей думал найти в ней радость, а обрел уныние. И ему не терпелось избавиться от него...

Перелетев через старый, но подлатанный мост, Матвей поднялся на гору, поросшую соснами, и остановился возле знакомого дома, похожего на убогую, лишенную блеска раковину, в которой таилась настоящая жемчужина. И подумал, что если Нина оказалась в этот момент вблизи от окна, то уже увидела его. Теперь вопрос в том, откроет ли она дверь...

Не совсем понимая, зачем идет к ней, Матвей запер машину и перепрыгнул через канаву, заваленную грязным придорожным снегом. Калитка скребком расчистила дугу. Матвей протис-

нулся в образовавшуюся щель и взбежал на крыльцо. Ему даже не пришлось ждать, Нина открыла сразу. И он так же сразу увидел, что в глазах у нее не вспыхнул даже отсвет радости.

— Здравствуйте, — устремив на него пытливый взгляд, произнесла она с вежливой настороженностью. В коротеньком свободном платице лимонного цвета она была похожа на июньскую бабочку. Ее волосы как будто искрились душистой пылью.

— Можно войти? — спросил Матвей, не представляя, что еще может сказать.

Нина оглянулась, и на лице ее возникло выражение пугливой беспомощности.

— У нас... — она оборвала себя и решительно закончила: — Ладно, проходите.

Посмотрев на серый половичок, лежавший у порога комнаты, Матвей с трудом заставил себя разуться. Перед ним возникли синие тапки.

— Они новые, — сказала Нина. — Я купила папе на день рождения, а он не дожил. Вы не суеверны?

Матвей посмотрел на ее гладкие коленки, которые были совсем близко, и губами ощутил их мягкость. Через силу отведя взгляд, он попытался заговорить, но голос постыдно сел, и пришлось откашляться.

72

— Когда как. Кошек черных обхожу... А что случилось с твоим отцом?

— В шахте завалило. Вы не слышали? Хотя, конечно... Весной был взрыв метана. Это часто бывает.

Выпрямившись, он спросил с опаской:

— А твоя мама?

— Думаете, она тоже шахтер? — Нина усмехнулась. — Она воспитателем работает, в садике. Тут, рядом...

Она первой вошла в комнату, сделав ему неуверенный жест. Матвей шагнул следом и чуть не наступил на валявшегося на полу Бэтмена.

— У тебя есть брат? — он поднял игрушку.

— И сестра, — добавила Нина. — Они оба в первую смену учатся.

— Ты — старшая? Говорят, старшие дети более самостоятельные. Потом, во взрослой жизни.

— Посмотрим, — ее взгляд все еще был настороженным, она ждала, когда Матвей объяснится.

Он подавил вздох: «Вблизи от такого солнца мозг плавится». Одним взглядом Матвей осмотрел комнату: такие сервант и кровати, такой стол

он видел в старых советских фильмах. Если б не игрушки, сваленные у комода, можно было подумать, что время здесь остановилось.

Очнувшись, он спросил:

— Вчера ты отказалась со мной пообедать, а как сегодня? Давай съездим куда-нибудь?

Ее влажные губы дрогнули. «Ее не волнует, что я здесь? — подумал он со страхом. — Если б волновалась, губы пересохли бы». Он не знал наверняка, так ли это, но уже подумалось, и теперь ему трудно было избавиться от этой мысли.

— Я вам кажусь изголодавшейся? Почему вам так хочется меня накормить?

— Не накормить, — свой голос он уже слышал, как через вату. — Побывать с тобой. Поговорить.

К ее лицу прихлынула кровь. Нина отступила, но Матвей подался к ней:

— Не бойся! Зла я тебе не причиню... Не знаю, поймешь ли ты... Ты можешь представить, что чувствует человек, когда вдруг сбывается его мечта?

Ему опять подумалось, что он лукавит. Не было у него такой мечты. Ничего похожего... Он убедил себя, что она была, только вчера.

Нина почему-то покраснела еще больше:

— Да. Могу.

— Я увидел тебя и понял, что всю жизнь пытался найти такую красоту, — заговорил он, приблизившись к действительности. — Ты необыкновенно красивая, ты знаешь об этом?

— Я...

— И жизнь у тебя должна быть необыкновенная! Не здесь, — он с отвращением оглядел мертвую комнату, где Нина казалась плененной царевной.

Теперь ее голос стал сердитым:

— Вам не кажется, что это не очень-то вежливо: приходить к кому-то в гости и ругать его дом? Я здесь выросла. Я каждую вещь тут люблю. Она с чем-то связана. Разве этого мало?

— Да-да, я понимаю... Конечно, любишь. Но ты не обязана здесь жить!

— Не обязана. Я просто хочу этого! Я же вчера говорила вам о городе, это то же самое...

Лицо ее все горело, и Матвея уже ломало от этого ощутимого жара. Почти не видя, он протянул руку к теплу, прижал его к себе, впился губами... Острая боль прорезала наслаждение, которое еще только начало нарастать. Он вскрикнул и скорчился, отпустив Нину. Отскочив, она выкрикнула:

— Уходите отсюда! Как вы можете? Я ведь знаю, что вы живете с матерью Стаса. Вы их семью разрушили, это так... отвратительно! А теперь хотите и мне все испортить? Ничего у вас не выйдет!

— Что испортить? — пробормотал Матвей и с трудом выпрямился. В мыслях у него почему-то мелькнуло: «Муравей способен понять человека?» — Что я могу испортить? У тебя ведь нет ни мужа, ни детей.

— У меня есть Стас, — теперь она глядела на него уже с жалостью.

— Стас, — бессмысленно повторил он сочетание звуков. — Ну что — Стас?

Она произнесла с той твердостью, которая способна убить:

— Стас мне как муж.

— Что?! — Матвей задохнулся и пошел на нее, как в бреду. — Что ты сказала? Он... Он посмел? Тронул тебя?

Обогнув круглый стол, покрытый зеленой шелковой скатертью, Нина тихо напомнила:

— Вы говорили о мечте, которая вдруг сбывается. Стас и есть моя мечта. Был и остается. Я с первого класса о нем мечтала! Потом уже о том, чтобы мы стали близки. Поэтому и скрывать не собираюсь. И я никогда от него не отступлюсь, слышите? Даже если он... он сам...

— Когда он... ты... давно? — выдохнул Матвей и сел на деревянный стул с кожаным, ободраным по краям сиденьем.

И она улыбнулась так, как виделось ему во сне:

— Вчера. Вы появились как раз после этого...

ГЛАВА 17.

— Давай знаешь что? Да выключи ты телевизор, у них все в порядке и без нас! Слушай меня. Хочешь снова набросить на Стаса аркан? Легко!

— Что ты имеешь в виду под арканом?

Отложив пульт, Маша повернулась к нему. К вечеру ее лицо становилось будто прозрачным, и накопившаяся за день усталость проступала морщинками. Матвей впервые отстраненно подумал: «Через несколько лет всем будет бросаться в глаза, что она старше». Раньше, когда он пытался представить это, ему не было неприятно. Ему даже нравилось ее теплое покровительство, оно не было унижительным, ведь деньги-то были его!

Матвей вовсе не был начисто лишен в детстве материнской ласки, как предполагал бы любой психоаналитик. Правда, и теплым человеком его мать не была. Слишком уж много в ней было страдания от разлуки с его отцом, на любовь просто не оставалось места. И он достаточно рано перестал ждать от нее этого, как не вынуждают спеть серенаду человека без музыкального слуха. Какая от этого может быть радость?

Самому Матвею казалось правдоподобным другое объяснение того, почему он нуждался в Маше: он слишком привык распоряжаться всеми и всем. Ему понравилось, что кто-то взялся поучать его. Он не ожидал, что это приедается так быстро...

— Я имею в виду такую невидимую веревку, которую ты накинешь своему мальчику на шею и притянешь к себе. Ее можно сплести из подарков и сюрпризов. Такие веревки оказываются особенно крепкими.

— Оказывается, ты — циник. Ты предлагаешь мне подкуп? — она смотрела хмуро и говорила низким, ничего не выражающим голосом.

Оттого, что Маша сидела на кровати, по-турецки скрестив ноги и сгорбившись, она показалась Матвею маленькой горбуньей, поработенной каким-то злым циркачом, поэтому на ней такой пестрый лилово-желтый наряд.

Ему помнилась совсем другая желтизна — светлая, с легкой горчинкой, если так можно сказать о цвете. Под ней струилось тело, совсем не похожее на это... Оно было, как луч, — легким, длинным, светлым. Луч, который нельзя взять руками, но можно ловить его тепло.

Он весело сказал:

— Я предлагаю вот что: заштопать вашу духовную связь.

— Что-что?

— Давай затащим его в ресторан! Мальчишки обожают такие заведения. Дети ведь по кабакам не ходят... Пусть возьмет свою девочку, я всех прокормлю. Сам же он ее в жизни не сводит! От хорошей еды быстро язык развязывается. Может, и винца им уже можно... Поболтаете с ним ни о чем, потом легче будет серьезные разговоры разговаривать. Я не буду мешать, еще и девочку его отвлеку, чтоб не лезла...

Маша беспокойно завозилась на постели. Ее короткие взгляды навели на мысль о хищнике, который собирается напасть исподтишка и не хочет спугнуть жертву раньше времени. И вдруг

стало стыдно этой мысли до того, что сами собой заломились пальцы. Это ведь он был хищником, уже разорившим гнездо и теперь собиравшимся добить всех поодиночке.

«Добить? — кольнуло в виске и отдалось в затылке. Матвей выпрямился, осторожно покачал головой. — Если только себя самого... Никто из них и не подозревает того, что творится во мне».

Но вдогонку уже неслось: девочка знает! Светлая, чистая струя несет в себе знание. И может оросить им тех, кто окажется поблизости. Неосторожно с его стороны сводить их вместе — Машу и Нину. Меньше всего он думал про Стаса. Осквернитель святыни не может рассчитывать на сострадание... В мыслях Матвея этот мальчишка, который внезапно стал отвратителен ему, проскакивал похотливым, скользким самцом и вновь оказывался в темноте безразличия.

— Я не уверена, что Стас согласится пойти с нами, — не сразу ответила Маша.

Запустив руку в короткие волосы, она перебирала пальцами, возможно, вонзала ногти в кожу, пытаясь оживить мозг, а со стороны Матвею показалось, будто Маша выскребает перхотистые корочки, и это показалось ему мерзким. Только позднее он понял, что это была первая за их жизнь минута отвращения. И ею эта самая жизнь заканчивалась...

Он перевел взгляд на безжизненный экран телевизора — идола, поработившего их обоих. Главному делу их жизни мог положить конец любой дурак, просто нажав кнопку на пульте... И что после этого оставалось? Ничего. Темная пустота плоской поверхности. Это совсем не то, что лечить детей...

— Можно пригласить и Аркадия, — он понял, что готов на все, лишь бы затянуть в свою несостоявшуюся жизнь летний свет. Теперь Матвей даже не помнил того, что всегда считал, будто его жизни можно позавидовать.

У Маши надломились брови:

— Аркадия? Ты всерьез? Странная будет компания, тебе не кажется?

— Многие бывшие супруги встречаются и обедают вместе, — Матвея уже не могло остановить то, что она явно поняла: он лжет, он вовсе не считает это правильным, сам даже не звонит бывшей жене...

Но Машу позабавило другое:

— Обедают вместе? У тебя несколько искаженные представления о России. Кто это у нас

обедает в ресторане? До тебя я не бывала там лет двадцать. Ну, может, пятнадцать...

— Я все оплачу, естественно, — он достал сигарету и выждал: иногда Маша просила не курить в номере. На этот раз она промолчала.

Матвей подумал, что его настойчивость уже становится подозрительной, но необходимо было дожать... Убедить сперва Машу, затем остальных. Он почти не сомневался, что сумеет это сделать. После того, как отец поживился нефтью, ему всегда удавалось добиться своего.

— Ладно, — проронила Маша с безразличным видом, мгновенно остудив его охотничий пыл. — Я позвоню Стасу. Если он захочет, чтобы пошел и отец, значит, так тому и быть. А девочку брать не обязательно, она еще не член семьи.

Матвей подавился дымом. Не возмущение схватило его за горло, а смех. Плеснув воду из тонкого стеклянного графина, он выпил залпом и перевел дыхание. Отведя сигарету, Матвей проговорил с укоризной, как ему самому показалось, плохо сыгранной.

— Эх, мать! Не знаешь ты пацановской психологии. Думаешь, только ради нас с тобой Стас согласится пойти? Это же тысяча ежей, а не ребенок! А девочке ему, конечно, захочется пустить пыль в глаза.

«Это тебе хочется», — подумал он равнодушно, уже смирившись с тем, что не может справиться с непобедимым мальчишеством, что так и бурлило в нем. Оно заставляло выпячиваться грудь: «Да я! Да у меня!», оттопыривало нежно шелестящий карман и все рвалось сцепиться с другим мальчишкой, нахально покусившимся на облюбованный им плод.

Маша проговорила с тем хорошо знакомым Матвею оттенком презрения, которое слышали ее провинившиеся сотрудники:

— Я вообще удивлена, что Нина Савельева как-то проявилась в его жизни. Насколько я помню, она обхаживала Стаса чуть ли не с пеленок. У них это называется «бегала за ним».

— У нас это называлось так же. Не помнишь? Бегала, ухлестывала, сохла... Нет, «сохла» мы уже не говорили, это наши родители сохли...

Она обратила к нему тот пристальный, проникающий в душу взгляд, который всегда пугал Матвея. В такие минуты он чувствовал себя безродным шутом, которого ради смеха заставили раздеться перед королевой, и прикрыться уже нечем.

— Да ты провел целое лингвистическое исследование... Волнующая тема?

— Ты же знаешь, — начал он, хотя ничего такого она знать не могла, — иногда я зацикливаюсь на какой-нибудь чепухе и обсасываю ее.

Матвею показалось, что ее глаза подтвердили: «Я даже знаю, на чем ты зациклился сейчас».

Он вспомнил эти слова по дороге в ресторан, когда они, захватив Стаса (Аркадий, конечно, отказался пойти), заехали в ту самую, погибающую от времени часть района, где Матвей уже бывал. У него едва не вырвалось: «Я знаю», — когда Стас, как всегда недовольным тоном, будто таксисту, сказал, где остановиться. И сделалось ясно, что ему ничего не стало известно от Нины, и от этого Матвей ощутил прилив той легкости, что позволяет на всех смотреть свысока. Просто потому, что ты приподнимаешься на дыхании своего счастья.

«У нас появился общий секрет! Это ведь уже много, — возликовал он, и, уловив сумасшедшие удары сердца, подумал с удивлением: — А я действительно зациклился на ней...»

И понял, что не столько красота этой девочки полонила его, как дикого янычара, сколько ее неподатливость, не наигранное равнодушие, нежелание сделать навстречу ни шага. Ей не приходилось бороться с собой, Матвей просто не интересовал ее. Вот только ему трудно было признать, что кого-то он может и не заинтересовать.

Долгие годы (еще и до брака, а после — в особенностях) он прожил в уверенности, что ни одна женщина не откажется от возможности хоть в чем-то облегчить себе жизнь. Разве Машу в свое время не привлекла перспектива освободиться от тяготы домашних хлопот? Нина же не хотела даже этого. Не просто говорила, что не хочет, чтоб завести его, а действительно не хотела, Матвей видел это по ее глазам. В ее взгляде прочитывался звучащий внутри вздох: «Опять он! Как от него отделаться?»

Два дня подряд Матвей дожидался ее у школы, уже выяснив, что они со Стасом выходят по отдельности, неумело оберегая от насмешек то, к чему и сами-то не успели привыкнуть, и предлагал подвезти. Нина отказывалась с той легкой вежливостью, которая особенно обидна оттого, что подчеркивает, насколько незначительна и предлагаемая услуга, и человек, способный ока-

зять ее. Не сдаваясь, Матвей ехал за ней вдоль тротуара, но на остановке Нина вспрыгивала в автобус, как назло, ходивший по расписанию, которое она хорошо знала, и ему оставалось недоуменно чертыхаться.

«Что за идиотское упрямство!» — рычал он, понимая, насколько это не точно. Упрямство предполагает возможность сдачи... Она не упрямилась.

Выскочив из машины, угрюмо промолчавший всю дорогу Стас подбежал к крыльцу старого дома, но не успел даже подняться, как Нина уже выскочила к нему. У Матвея заняло в груди: «Не хочет терять ни секунды». На какой-то миг эти двое застыли, вбирая друг друга взглядами: она — наверху, он — внизу. И эта случайно разыгранная сцена — Джульетта на балконе — отозвалась в Матвее еще большей тоской: «Неужели это то самое? Неужели мне действительно нечего тут делать?»

Он отвернулся и опять встретил испытующий Машин взгляд.

— Первая любовь, — сказал он, попытавшись подпустить в голос ностальгическую грустинку.

— Не думаю, — с легкой гримаской отвращения отозвалась Маша.

— Чем тебе так не нравится эта девочка?

Ребята уже перебежали дорогу, обмениваясь неслышными словами, и Маша ответила наспех:

— Навязчива слишком. Не люблю таких.

«Навязчива! — едва не застонал Матвей. — Да знала бы ты...»

— Здравствуйте! — Нина уже забралась на заднее сиденье, и Маша улыбнулась ей через плечо.

«Сплюнула улыбку», — подумал Матвей.

Он смотрел в маленькое зеркало заднего вида на восходящее за спиной сияние, и в нем нарастала не столько тоска художника, осознавшего, что ему никогда не создать Джоконду, сколько мучительная неудовлетворенность коллекционера, которого равнодушная к его жажде жизнь заставляет смириться с тем, что есть красота, которую, оказывается, невозможно приобрести за деньги. Он не хотел мириться с этим...

— Мы едем в «Багамы», — по его сведениям, это было самое стоящее заведение в этом городе.

— А почему не на Багамы? — съехидничал Стас.

Матвей взглянул в зеркало:

— Хотите на Багамы? Легко!

Но лицо Нины все время было обращено к нему профилем, ее взгляд не отрывался от Стаса.

— Давайте пока ограничимся рестораном, — предложила Маша, даже не пытаясь поймать взгляд сына.

Матвей злорадно подумал о нем: «Купился все-таки... Захотелось повыпендриваться перед девочкой. На что же может купиться она?»

Продолжая вычислять это «что-то», он, то и дело упуская нить, подхватывал бессвязный дорожный разговор, искал парковку, придерживал дверь ресторана... Искусственная зелень лезла в глаза, плоды из папье-маше дразнили, искушая попробовать настоящих экзотических фруктов. Матвей заказал всего побольше, чтобы девочка упилась нездешней сладостью. Его подкосило, что Нина сразу отказалась от вина, на помощь которого он очень рассчитывал.

— Почему? — допытывался Матвей, наливая остальным. — Это очень хорошее вино, поверь мне.

— Я верю, — она все так же светло улыбалась и отказывалась. От всего отказывалась.

— Ты впервые в таком ресторане? — он надеялся, что Нина угадает подтекст: «Не забудь, что это я подарил тебе этот вечер!»

— Не только в таком, — отозвалась Нина без восторженного придыхания. — Я вообще не была раньше в ресторане.

В это было трудно поверить, ведь она поглядывала по сторонам без любопытства.

— Бедненькая! — воскликнул Матвей как бы в шутку.

Нина отозвалась с тем равнодушием, от которого у него уже все коченело внутри:

— Да я как-то не страдаю от этого.

— А от чего ты страдаешь?

Это прозвучало слишком в открытую, и быстрый Машин взгляд прошелся по нему пунктиром, выделяющим фразу. Но Матвею так нужно было это знать, что он пошел напролом.

Нина отшвырнула его:

— Теперь я уже ни от чего не страдаю.

Они оба посмотрели на Стаса: она с нежностью, Матвей — с трудом скрывая бешенство. Тонкое, похожее на материнское, лицо мальчика выражало явное удовольствие. Он тоже понял, о чем говорила Нина.

Матвей наклонился к Маше:

— Я предоставлю тебе уникальную возможность пообщаться с сыном наедине.

Она улыбнулась в ответ, но как-то не слишком радостно. Матвей легко уговорил себя думать, что она просто побаивается своего старшенького...

«Дрянной оркестр!» — отметил он, прислушавшись, но выбирать было не из чего — это ведь лучшее, что можно найти в этой дыре... Его раздражало, что плохая музыка звучит слишком громко, и не слышно, о чем говорит Нина. Она и обращалась не к нему, но что с того?

Машин голос тоже прозвучал недовольно:

— Нужно было сесть подальше, мы совсем не слышим друг друга.

— Легко! — Матвей вскочил. — Узнаю, нет ли отдельного кабинета...

Обходя Нину, он как бы невзначай взялся за ее узкое плечо. Оно дернулось в его ладони и стало твердым. Матвей внезапно задохнулся желанием сжать это ее, неподатливое, так, чтобы кость надломилась от боли, раскрошилась совсем...

Убрав руку, он отыскал взглядом метрдотеля и пошел к нему, с каждым шагом все явственнее ощущая, как в голове нарастает шум жаркого моря. «Багамы, — пустая мысль пульсировала, обжигая глаза. — Багамы...»

Внезапно Матвей понял, что нужно сделать: сгрести эту девчонку в охапку, затолкать в машину, домчаться до аэропорта... Обнаженная роскошь невиданных островов обольстит ее, разнежит, заставит раскрыться. Она истечет сладким соком... И он будет рядом, когда это произойдет. Он напьется ею...

Забыв, куда направлялся, Матвей повернул назад, слепо ведомый медленным танцем, и склонил перед Ниной, все такой же не ждущей, голову:

— Разрешите?

Она взглянула на него с досадой: «Вечно он мешает!», потом посмотрела на Стаса. Тот лишь дернул плечом, а Маша бесстрастно заметила:

— Удачная мысль. Идите потанцуйте.

«Ей лишь бы остаться с ним, за это она и мной готова пожертвовать», — Матвей поймал себя на том, что это первая мысль о Маше за все полчаса. Она тут же провалилась куда-то... Заметно подавив вздох, Нина подала руку. Тонкую, обветренную ручку с неумело накрашенными ногтями. Матвей подхватил ее, беспомощную, жжал, и повел Нину к тому обетованному месту,

где можно было обняться, никого не оскорбив. Он припал к ней так жадно, что девочка уперлась руками ему в грудь.

— Тише, тише, — зашептал он, дуря от запаха ее светло-рыжих волос, от теплой мягкости живота, к которому прижался. — Не отталкивай меня. Это же только танец. Это ничего не значит, все так танцуют. Позволь мне хотя бы это...

— Зачем вы это делаете? — на этот раз жалобно спросила она, слегка ослабив усилие, с которым пыталась высвободиться.

Он почти судорожно схватился за эту, едва наметившуюся, слабость:

— Чтобы сделать тебя счастливой. Только для этого. И мне это под силу! Я подарю тебе мир, хочешь? Это не громкие слова. Он, — Матвей кивнул в сторону их столика, — не сделает этого для тебя. Багамы, Париж, Лондон, Лас-Вегас... — откуда-то опять непрошено возник образ копошащейся муравьиной кучи. — Что хочешь?

Нина произнесла отчетливо, но не зло, будто бы даже соболезнуя ему:

— Я хочу Стаса. Почему вы не хотите поговорить, я ведь уже сто раз говорила? Неужели вы сами никого так не любили? Хотя бы, когда вам было шестнадцать... Я не знаю, может, взрослые так уже не любят? Хотя мои родители... — у нее дернулось горло, к которому Матвею хотелось то прижаться щекой, то впитаться зубами. — Знаете... Стас — вот мой мир. Всегда так было, всю мою жизнь, честное слово! Я даже и не помню другого. Разве ваши деньги могут это изменить? Любые деньги... Мне никогда особенно не хотелось ни в Париж, ни в Лас-Вегас, даже в Москву. Если бы вы пригласили сюда меня одну, я не пошла бы.

— А если б я утащил тебя за руку? — отчаяние сделало его голос жестким.

Она отклонилась, в лице ее проступило совсем взрослое высокомерие:

— Что?! Вы хотите сказать, могли бы заставить меня? Неужели вам это было бы в радость? Нет! Вы же не можете быть... таким... если она вас выбрала...

Матвей пробормотал:

— Многим женщинам... может, всем... нравится небольшое насилие.

— Что значит — небольшое насилие?

Ее тело скользило в его руках, дразня и возбуждая до такой степени, когда мысли растворялись. С усилием стянув остатки, Матвей прошептал:

— Не знаешь? Хочешь попробовать?

— По-моему, вы — сумасшедший, — шепнула Нина, даже не испугавшись. И посмотрела на оставленный ими столик: — Ее вы хлещете плеткой? Она для этого ушла к вам от них? Не может быть...

— А ты знаешь о плетках?

— Видела в каком-то фильме, — серьезно ответила она, рассмешив его.

Удержав улыбку, Матвей спросил:

— Боишься плетки?

Теперь она рассмеялась:

— Это какой-то бред — все, что вы говорите. Это не из моей жизни.

— Из твоей. Уже из твоей, — выдохнул Матвей, едва удержавшись, чтобы не укунить ее в шею. — Ты еще просто не знаешь себя. Никто не раскрыл тебя.

Нина поморщилась, отклонившись. Его это напугало: «Неужели от меня дурно пахнет?»

— Вам хочется найти во мне плохое? Конечно, оно есть. Во всех есть, — она добавила, как бы оправдываясь: — Я люблю Достоевского... Только разве человек не должен бороться с этим?

— Зачем? Зачем же бороться? Иногда плохое... Нет, не плохое, но немножко грешное добавляет жизни остроты. Или тебе нравится безвкусная жизнь?

— Мне нравится человеческая жизнь, — сухо отозвалась Нина. — Как у моих родителей. Они всегда улыбались, когда видели друг друга. Всегда.

— На ее лице улыбки не было. Матвею захотелось добиться хотя бы гримасы, раз уж от другого ее губы отказываются. Теперь ему хотелось причинить Нине боль. Настоящую, проникающую вглубь, до самого нутра. И остающуюся там навсегда. Чтобы запомнила...

Он начинал думать, что у него нет другого выхода.

ГЛАВА 18

Раньше она и вообразить не могла, что можно чувствовать себя настолько счастливой оттого, что тебя позвали клеить обои. Размашисто водя кистью, Маша намазывала полосы клеем и выносила их в коридор, чтобы полежали и хорошенько пропитались. И подавала Аркадию уже подоспевшие.

— Низ держи, — напоминал он. — Прилипнет раньше времени... Теперь прижимай.

Маша осторожно надавливала тряпкой на кораблики с солнечными парусами и думала, что Аркадий выбрал хороший рисунок: пусть детство побудет с Мишкой подольше, пусть его отзвучивые к ветру паруса не обвиснут. Это случается, когда у человека истощается способность мечтать...

— О чем он мечтает сейчас? — она снизу заглянула мужу в лицо.

За последние недели оно отяжелело усталостью, а непокой в душе серой пылью проступил на коже. Когда она уезжала, Аркадий выглядел моложе... Но почему-то именно сейчас Маше мучительно хотелось прижать это лицо к груди, погладить колючую щеку, вытянуть рукой то страдание, о котором Аркадий никогда не скажет, но глаза его так и кричат о нем...

— Мишка? — он быстро взглянул на нее и снова прищурился на стык между обоями. — Сейчас, по-моему, только об одном... Неси следующую.

Сбежав в коридор, Маша подала липкое полотно и уже хотела спросить: «О чем же? О чем?», но Аркадий договорил сам:

— Ему сейчас ничего не хочется, кроме того, чтобы ты вернулась. Мне, конечно, неприятно это признавать... Да и тебе знать ни к чему, но раз уж ты спросила...

— Ты... — начала она и не смогла продолжить.

— Ничего, он уже большой мальчик, пора ему узнать, что мечты, как правило, не сбываются.

— Некоторые сбываются...

Обида искрой сверкнула в его глазах:

— Так ты всегда мечтала о молодом зеленоглазом блондине? Я не знал.

— Нет, что ты! — растерялась Маша. — Я вовсе не это имела в виду.

— Ты мечтаешь еще о ком-то? — съязвил Аркадий.

— Да нет же!

— Тогда о чем ты говоришь? Чья мечта сбылась? Приведи хоть один пример.

Маша выпалила первое, что пришло ей в голову. Это было несвойственно ей, привыкшей профессионально взвешивать каждое слово.

— А Нина Савельева?

— Нина? — он не притворялся, он действительно не мог вспомнить, кто это такая.

Ее на миг захлестнула гордость: «А от меня Стас не утаил!» И следом вспомнились остеклевшие от злобы глаза сына, следившего за Матвеем, уводившим девочку танцевать.

— А ты и не знал, что вся школьная жизнь Нины Савельевой прошла под девизом: «Стас Кольцов — единственно возможная мечта!» — Маша начала насмешничать, чтобы заглушить возникшее тоскливое беспокойство.

— Неужели? — равнодушно отозвался Аркадий.

— И она добила своего. Ее мечта сбылась, вот тебе пример.

— В каком смысле добила?

Замерев с тряпкой в руке, Аркадий изумленно взирал сверху, похожий на простодушного Гулливера, открывшего для себя, что маленькие человечки внизу тоже подвержены большим страстям.

— Они встречаются, — уклончиво ответила Маша.

Наверняка она и сама еще не знала, как можно назвать эти отношения, но некоторые детали: то, как они смело прижимались, разговаривая, как смотрели друг на друга, — наводили на мысль, что близость уже состоялась. Машу и пугало это, и волновало. Поговорить об этом она могла только с Аркадием.

Он вдруг рассмеялся:

— Даже их классный руководитель не говорит: встречаются. Тот с той, а та с этим. Все упростилось до невозможности...

— Неправда, — Маше опять увиделось перекошенное лицо сына. — Все как всегда мучительно и сложно.

— Ты недолго мучилась, — отвернувшись, Аркадий сошел с табурета. — Перекур. Кофе хочешь? Или ты теперь не пьешь растворимый?

— Что значит твое «недолго мучилась»?

— То и значит... Пойдем на кухню. Ты быстро все решила, разве не так?

— А нужно было тянуть эту двусмыслицу годами? А как же тогда «жить не по лжи»?

— Эти слова не об этом, — холодно напомнил он. — И не говори, что тебя твоя правдивость подвигла...

Маша перетерпела желание ответить ему порезче. В конце концов, Аркадий имел право на эту маленькую словесную месть...

— Давай не будем сейчас выяснять отношения, — предложила она миролюбиво. — Это может кончиться тем, что обои останутся не наклеенными.

Включив чайник, Аркадий сел к столу и посмотрел на нее тем понимающим взглядом, который всегда заставлял Машу извиняться от стыда.

— Он не обижает тебя?

— Матвей? Нет, что ты!

Она ответила мгновенно, чтобы не поддаться желанию поделиться с ним тоской последних вечеров. Они были заполнены прислушиванием к шагам в коридоре, выстраиванием следственных версий и боязнью задать хоть один из тех вопросов, которых к возвращению Матвея накапливался целый пуд.

Он больше не видел ее. Говорил ласково и любил ночью, даже как-то особенно жадно. Но не видел. Внезапная слепота должна была иметь причину, только Маше не удавалось ее найти. Вернее, находила-то она множество причин, но не хотела принять ни одну.

— Ты выглядишь не слишком счастливой, — заметил Аркадий на правах старого друга, который может позволить себе бестактность.

«У меня земля уходит из-под ног! — хотелось крикнуть Маше. — Я бросила свой мир, а он уже расхотел создать для меня новый. Ему ведь хотелось этого, я знаю! Что же случилось? Что-то ведь случилось... Другой темп жизни? Он уже пережил все, что мог чувствовать ко мне? И что же теперь?»

— Мишка в больнице, как я могу чувствовать себя счастливой? — ответила она тем, что тоже было правдой.

Аркадий поднялся выключить чайник.

— Ты ведь могла и не узнать об этом...

— Что? — Маша замерла, потянувшись за чашками. — Ты мог не сообщить мне?

— Зачем? Ты от них отказалась... Не официально, конечно, но фактически...

— Я от них не отказывалась! — все же закричала она, потому что эта боль была не менее сильной. — Ты сам настоял, чтобы мальчики не трогались с места!

— Поставь чашки, — сказал Аркадий. — Разобьешь.

Она задыхалась:

— Как ты можешь быть таким...

И поняла, что не может назвать его ни жестоким, ни безжалостным. Это она была таковой, если позволила себе наполовину осиротить своих детей ради другого ребенка, который только кажется взрослым, а сам лишь тем и занимается, что потакает своим капризам и меняет одну игрушку на другую.

«Да что это со мной?! — ужаснулась она. — Это же Матвей! Мой зеленоглазый принц... Разве я смогу жить без этого изумрудного света? Чем вообще жить, если воздух любви заражен

равнодушием? Чем живет он?» Маша будто заново увидела мужа — человека, научившегося существовать в безвоздушном пространстве.

— Как ты... — начала она с того же, хотя уже забыла, какие слова только что собиралась бросить ему в лицо. — Как ты... вообще? Справляешься?

Его усмешка обозначила горькие полукружья.

— Стадию сосисок мы уже прошли. Потихоньку учусь готовить. Если ты об этом...

— Я не об этом.

— В остальном все нормально, — Аркадий насыпал в чашки кофе и залил кипятком. — Не у них, у меня.

Он посмотрел в чашку и с сожалением пробормотал:

— Надо было наоборот сделать, сначала кипятком... Так вкуснее. Ты заболтала меня.

Осторожно шагнув к нему, Маша напомнила:

— Раньше ты учил меня, что нужно уметь прощать. Я не желала, чтоб меня учили, поэтому и не умела не держать зла. А у тебя всегда получалось... Помнишь?

— Разве похоже, что я до сих пор не простил тебя? Сахара добавить?

— Конечно, — она разочарованно отодвинулась. — Как всегда.

— Вкусы меняются. Стоит лишь взглянуть на меня и на Матвея, как убедишься в этом.

Маша сделала еще шаг назад:

— Ты не хочешь иметь с ним ничего общего?

Покопавшись в ящике, Аркадий извлек ложку и тогда обернулся:

— А что у нас общего? Я ведь не оспариваю никаких прав на тебя.

— А почему? — выкрикнула Маша, вцепившись в край стола. — Почему ты даже не захотел бороться за меня?!

Собрав в ладонь просыпавшийся сахар, он стряхнул его в раковину, и сполоснул руки.

— Мне кажется это унижительным, — ответил он как-то задумчиво.

Машин гнев сразу сменился горечью:

— Твоя гордость управляет тобой.

У него вырвался едкий смешок:

— Не хочу даже намекать, что в таком случае управляет тобой. Пей свой кофе, он остывает, пока ты кипятишься.

Маша послушно сделала несколько глотков, коротко взглянув на него поверх чашки. Проведив за ней, Аркадий спросил:

— К чему этот разговор? У меня такое недоброе предчувствие, будто ты готовишь очередную операцию вторжения. Теперь уже в нашу семью.

Она ахнула:

— В вашу?! А я к ней не имею отношения?

— А разве имеешь? Он теперь твоя семья.

Машу на мгновение отбросило во времени. В тот самый день перед Новым годом, когда они с Матвеем еще только ехали сюда. Тогда она произнесла те же слова: «Ты теперь моя семья». И услышала в них потайную фальшь.

— Ты непустишь меня назад, я знаю. Даже если я буду просить тебя...

Вцепившись в чашку, Маша ждала: послышится ли в его ответе хоть отзвук надежды для нее? Но Аркадий проговорил почти безразлично и по-простецки, будто и не женщина была перед ним, поскреб подбородок:

— Чего уж скрывать, были ночи, когда я твердил, как умалишенный: «Вернись ко мне! Вернись же...» Если б ты появилась тогда... Тебе даже просить не нужно было бы. А потом... Усталость накопилась, что ли. Работы много было, и дома с непривычки долго возился. В общем, я стал засыпать мгновенно. Одеяло не успевал натянуть. И стало как-то все равно, понимаешь? Как принято говорить, жизнь пошла своим чередом. А тебе, конечно, хотелось, чтобы я страдал вечно?

— Я вообще не хотела, чтобы ты страдал, — Маша устремила взгляд в чашку с коричневыми подтеками, чтобы он не уловил, как все в ней застонало: «Да я хотела этого! Конечно, хотела. Какой женщине этого не хочется?»

Он улыбнулся:

— Тогда ты должна быть довольна.

— Это ужасно! — вырвалось у нее. — То, как мы сейчас разговариваем.

— Что же в этом ужасного? Вот если б мы орали друг на друга...

— Это было бы лучше! А так мы словно чужие.

Аркадий спокойно заметил:

— А мы и есть чужие. Если ты надеялась завести мужской гарем...

«Конечно! Именно на это я втайне и надеялась!»

— ...то тебе это не удалось.

Маша толкнула чашку. Тяжело скользнув по столу, та замерла далеко от края.

— Разобьешь еще и ее...

— Я ничего не хотела разбивать! Я влюбилась, ты можешь это понять?

— Могу, — сказал он. — Понять могу. Но помочь тебе в этом — нет. Да ты и сама не знаешь, чего ты хочешь.

Не слушая его, Маша заговорила взахлеб, одновременно стараясь давить едкие слезы, которые могли оскорбить Аркадия:

— Но мне так и не удалось создать другой мир. Новый дом. У меня нет дома! Семьи нет. То есть другой нет, кроме тебя, Мишки, Стаса...

— Маша! — произнес он громко, точно призывая жену очнуться.

— Ну, что? Что?

— Пошли работать.

Глаза у Аркадия потускнели так, что ей стало не по себе. Маше показалось, что его еще составил этот разговор.

ГЛАВА 19

— Ничего, ничего, пусть поспит! Мы виделись утром, он не слишком расстроится, что прозевал меня.

— Ты еще ни разу не приходила вечером...

Аркадий выжидал, и ей пришлось ответить:

— Мне, знаешь, как-то некуда деть себя. Больше некуда. Ты не против, если я побуду с вами? У Матвея все время какие-то дела... Какие могут быть дела — здесь?

Это прозвучало так, словно Маша пыталась его разжалобить, и ей самой не понравился свой тоненький, совсем чужой голос. Но Аркадий ничем не выдал недовольства, если оно вообще было в нем. Иногда Машу начинало не на шутку беспокоить подозрение: а что, если он сам однажды пережил подобное тихое умирание без кого-то, отсюда в нем эта готовность понять ее. Она ничего не знала об этом, ведь если его сердце и разрывалось, он не издал ни звука.

«Почему бы не поговорить об этом теперь?» — думала Маша, сидя рядом с мужем у Мишкиной постели. Из-под одеяла высунулась голая нога спящего сына, и Машу вдруг поразило, какими крупными стали его пальцы: «Он стал совсем большим... Скоро он перестанет нуждаться во мне. Как Стас».

Ее охватил страх, от которого стало жарко: что, если решив выгадать пять лет молодости с Матвеем, она потеряла последние пять лет счастья? Его мог дать ей этот ребенок. Уже почти выросший...

Где оно, это пресловутое счастье, за которым она погналась? Где ощущение молодости? Каждое юное лицо беззвучно кричит ей: «Старуха!» и заставляет трястись от ревности, ведь Матвей тоже видит его. И, возможно, слышит этот оскорбительный крик.

А ведь каких-то полгода назад она действительно чувствовала себя молодой. Была ею. Потому что выступала в своей возрастной категории и выглядела здесь лучше многих...

Когда Матвей тащил ее в ночной клуб или в пивной бар, где собирались подростки, Маша кожей ощущала недоуменные взгляды и понимала, что она для них — чудаковатая тетка, которая притащилась сюда, чтобы народ смешить. Конечно, ей и в голову не приходило сказать об этом Матвею, чтобы и он увидел за ее плечами призрак старости. Но иногда у нее вырывалось, когда он слишком откровенно маялся бездельем: «Ну, иди поиграй!» Маша имела в виду казино или что-нибудь подобное, а он на днях взорвался:

— Не смей говорить со мной, как с ребенком! Я тебе не заменитель сыновей!

В тот момент Маша даже не смогла ответить ему, так точно он угадал то, о чем она боялась думать.

— Скажи, у тебя был с кем-нибудь роман, пока мы жили вместе? — спросила она шепотом, пытаясь отделаться от мыслей, налипающих новыми морщинами.

Оторвавшись от детектива Акунина, Аркадий посмотрел на нее без удивления:

— Тебе станет легче? Хорошо. Был.

«Почему так больно? — оцепенев, Маша прислушалась, как тупо ударило в сердце это «был». — Разве сейчас это может что-то значить? Разве от уязвленного самолюбия болит так сильно?»

— Скорее, не роман, — раздумывая, добавил Аркадий. — Прелюдия к нему. Настроение. А действия не было.

— Из-за нее или из-за тебя?

— Из-за тебя, — он улыбнулся ей, как ребенку.

Продолжая прислушиваться к себе, Маша уловила: «А теперь с чего вдруг все так радостно вострепелось? Инстинкт собственности и только? Неужели я так примитивна?»

— Знаешь, я рада это слышать, — призналась она и поглядела на его руки — тяжелые, спокойные. Мальчишки всегда хорошо засыпали у него

на руках. На указательном пальце сейчас был несвежий лейкопластырь. — Ты где порезался?

Аркадий спрятал палец под черно-белую книгу:

— Да так, ерунда. Вчера мы со Стаськой жалюзи крепили в Мишкиной комнате, — он прислушался к дыханию сына. — Ты знала, что ему не нравится, что его комната просматривается из чужих окон? Кому это понравится?

— Какого они цвета? — Маша напонила себе ослика Иа-иа, лишившегося лучших подарков, и не поняла, к чему ее больше тянет: рассмеяться или заплакать.

— Они полосатые, — он улыбнулся, представив. — Одна полоска белая, другая кремовая. Или светло-кофейная, не знаю, как точней.

— А потолок? Надо плитки на потолок!

У него сморщился лоб:

— Надо, я сам уже думал, только не купил пока.

«Денег нет», — сообразила Маша. Ее охватила совсем забытая радость созидания. Она возбужденно зашептала, подавшись к нему:

— Давай после больницы зайдем в хозяйственный магазин, посмотрим! Тут в двух шагах. Мы успеем, они до восьми работают.

Аркадий удивился:

— Откуда ты знаешь?

— Я помню, — теперь ей действительно хотелось плакать. — Я ведь все помню.

Помолчав немного, Аркадий спросил, разглядывая сдержанную обложку книги:

— Что-то все же не клеится?

На секунду Маша затаила дыхание: говорить с ним о Матвее, это ведь жестоко. Бестактно. И хотя она уже не раз делала это, чувство неловкости не оставляло. С другой стороны, Аркадий сам спросил, значит, хочет знать, значит...

— В нем появилось что-то новое, — проговорила она, рассматривая пушинку, прилипшую к ее брюкам, и не догадываясь снять ее. — Агрессивное что-то... Я пыталась понять, и не могу. Думала, что он бесится от безделья, он ведь очень деятельный человек.

— Ты говорила, — спокойно напомнил Аркадий.

— Да? Да. Я предлагала ему вернуться домой, к делам... Но уезжать он тоже не хочет. А чего хочет, совершенно не понятно. Я даже не знаю, чем он занимается целыми днями... Раньше он ждал моего возвращения из больницы, а теперь я прихожу — его нет. До позднего вечера. Мне уже в го-

лову лезет всякий бред! — Маша судорожно втянула воздух. — Ты видел вчера фейерверк где-то возле моста? А ведь не было никакого праздника... Почему-то первое, что пришло мне в голову: это Матвей придумал! Это похоже на него... И он может себе позволить. Но когда он вернулся, то был таким мрачным, что я даже спросить не осмелилась. Понимаешь, он взглядом пресекает все расспросы. Значит, есть что скрывать?

Она не могла рассказать Аркадию еще и о том, что пугало ее сильнее всего: больше не было ночей любви, случались лишь короткие нападения, похожие на изнасилования. А когда Маша спрашивала: «Почему — так?», Матвей выкрикивал: «Чем ты еще недовольна? Скажи «спасибо» и за это!» И отворачивался.

Маше оставалось полночи смотреть в темноту, прислушиваясь к тому, как ноет растерзанное тело, и к странным вскрикам и стонам Матвея. Что-то настигало его во сне, какие-то свои демоны, которые были опасны для них обоих. Маша предполагала, что он пытается избавиться от этого, нападая на нее, возможно, ошибочно подозревая, что оно — в ней. Но они оба уже поняли, что эти истязания ее плоти не помогают, ведь кошмары продолжали преследовать Матвея из ночи в ночь. И Маша уже не представляла, что может сделать для него...

— Я лишь понаслышке знаю тот круг, в котором он вращается, — сказал Аркадий. — Но, судя по всему, законы там волчьи... Может, кто-то давит на него? Ну, я не знаю! Выводительство, шантаж...

— Почему же он мне не скажет?

Аркадий напомнил, не пожалевав ее:

— Разница в возрасте. Возможно, он боится, что ты сочтешь его сопляком, мальчишкой, не умеющим самостоятельно справляться с проблемами. Что-то в этом роде...

У Маши вырвалось:

— Я думала, что с ним я почувствую себя гораздо моложе... А теперь вот вынуждена нянчиться с ним и терпеть его бесконечные капризы. А он еще и скрывает от меня все! Все!

Она едва не зажала себе рот, ужаснувшись этим признаниям, которыми предавала Матвея. И тому, что за ними, особенно не скрываясь, маячила мольба, обращенная к бывшему мужу: «Когда ты нянчился со мной, было куда лучше...»

— Я старше тебя, он моложе. Но разве в этом дело?

Маша тускло согласилась:

— Скорее всего, не в этом. А в чем?

Потрогав лейкопластырь на пальце, Аркадий заметил:

— Кажется, это называют «кризисом середины жизни». Или «кризисом сорокалетних». Ты знаешь об этом не хуже меня. Возникает страх, что не будет уже ничего нового. Что все твои мечты, казавшиеся перелетными, осели на берегу и вросли в него...

Маша подалась к нему, жадно вглядываясь в знакомое мягкое лицо:

— Ты тоже прошел через это? И каково это? Почему я ничего не знала?

— Тебе это еще только предстояло. Зачем было заставлять тебя страдать дважды?

— Напрасно. Может, я сумела бы подготовить-ся через тебя...

— Это вряд ли, — бесстрастно заметил Аркадий. — У нас это протекало по-разному: мне хотелось повеситься, тебе — убежать. Ты это сделала, я — нет.

Она воскликнула шепотом:

— И слава Богу!

— Если б я повесился тогда, тебе не пришлось бы разрываться полгода назад, — он улыбнулся, но Маше не показалось, что это шутка.

Ее шепот немногим уступал крику:

— Не смей так говорить! Мне и так тошно, а *еще* ты пытаешься еще и оскорбить меня?

Аркадий сделал удивленные глаза:

— Тебе тошно? Ладно, извини.

— Как ты можешь? — у нее беспомощно затряслись губы. — Ладно, он... Но ты! Ты же все понимаешь!

— Мама?

Маша подавилась своим горьким гневом и уставилась на Мишку:

— Ты уже проснулся?

— Вы что — ругаетесь?

— Как раз нет, — заверил Аркадий и похлопал по одеялу, сразу отложив книгу. — У нас тут маленький диспут о смысле жизни.

Мишка заинтересовался:

— О чем?

— Это такая штука, вроде Атлантиды. Может, когда-то она и существовала, но давно уже исчезла. А все зачем-то пытаются ее отыскать.

— Чтобы выяснить, станут ли они счастливее с этим знанием, — пояснила Маша.

То ли плохо соображая со сна, то ли мгновенно пропитавшись родительской нервозностью, мальчик опять заспорил:

— А зачем становиться счастливее? Разве плохо — так?

Она поняла, что хотел сказать сын: вот так, как сейчас, когда вы оба рядом, — разве не замечательно? Что может быть лучше? Об этом она спросила уже себя и с ненавистью бросила себе же: «Сволочь бессердечная! Чего ты добилась? Сделала несчастными троих самых лучших людей ради того, чтоб сравняться в положении со стареющей шлюхой, которая обязана стерпеть что угодно, потому что все оплачено... На месте Аркадия выкинула бы себя отсюда! Из их жизни вообще...»

— Так — хорошо, — сказала Маша, взяв горячую после сна руку сына. — Только иногда это поздно понимаешь.

— Маша, тебе не пора? Ты ведь, кажется, топились куда-то?

Этот оклик Аркадия обжег ее. Она обернулась в изумлении и увидела в его обычно спокойных глазах холодную ярость: «Ты что делаешь? Ты ведь даешь ему надежду на то, что вернешься. Но ведь ты не вернешься... Ты бросаешь его сейчас во второй раз».

У Маши в горле так и вскипело: «А ты при-мешь меня назад?!»

Аркадий отвел глаза.

— Мне действительно пора, — проговорила она потерянно. — Я еще хотела...

Мишка забеспокоился:

— А ты что, утром не придешь? Завтра же вторник, ты помнишь?

— Конечно, приду! — Маша мужественно продолжила: — Я хотела бы приходить и вечером... Если папа не против, конечно.

— Да меня ведь выпишут скоро! Может, уже послезавтра. Если ходить получится... А давайте в слова сыграем! — мальчик попытался приподняться, но родители разом прижали его к кровати.

У Маши мелькнуло: «Мы снова сыграли в четыре руки...» Сын цепко схватил ее:

— Или ты торопишься?

Она с легкостью открестилась от не до конца придуманной причины:

— Никуда я не тороплюсь! Это не обязательно сегодня. Это вообще — необязательно.

Ловко перевернувшись на живот, Мишка полез в тумбочку:

— Где-то у меня тут листочки...

Не говоря ни слова, Маша умоляюще посмотрела на Аркадия: «Можно я останусь?» Не ответив, он дернул «молнию» на сумке:

— Две ручки у меня есть. Где твой карандаш?

«Стас и раньше не всегда играл с нами... А так, будто мы и не расставались», — она вдруг заметила, что у нее дрожит рука, и подумала, что уход от страсти к покою — такому вот, желанному, как никогда, — тоже может волновать.

У Мишки светились глаза:

— Какое слово возьмем?

«Телевизионщик», — ее мозг обожгла эта неуместная здесь тень Матвея, и она с ужасом подумала, что он всегда будет возникать в ее мыслях в самый неподходящий момент и, как сейчас, лишать сил.

— Электрокардиограмма, — предложил Аркадий.

Наморщив лоб, Мишка быстро нашел изъяс:

— «Н» нету. Ну, и ладно! Давайте!

Маша потянулась к его листку, как делала всегда:

— Давай напишу тебе слово...

— Зачем? — остановил ее Аркадий. — Он давно уже научился делать это сам.

— Давно? — машинально переспросила она и подумала: «Он не пустит меня в их жизнь. Ни за что не пустит. Он больше не верит мне».

Но, быстро записывая столбцами коротенькие слова, вычлененные из длинного, Маша вновь почувствовала успокоение, которое обволакивало ее теплом. Как будто именно сейчас та страшная драма, в которую все они были втянуты, могла, наконец, закончиться. И они, как выдохшиеся после спектакля актеры, отправились бы домой. Только все вместе и в один дом.

«Почему — нельзя?» — ныло в ней. Но тут опять надвинулся Матвей с его непонятной, пугающей бедой, уже озлобившей его до того предела, когда он переставал быть собой. Он больше не смеялся и ничего не придумывал... Если только тот фейерверк... Но наверняка Маша не знала и об этом. Ей опять стало холодно: как можно бросить его в таком состоянии?

Спохватившись, она перестала записывать новые слова, чтобы Мишка не проиграл, ведь Аркадий наверняка придумает больше. Если меньше слов окажется у него, сын заподозрит неладное, ведь такого еще не бывало. А Маша действительно иногда проигрывала. Особенно в те месяцы, когда в мыслях у нее был Матвей, только Матвей и ничего, кроме Матвея...

«Тогда я точно знала, что умру без него, — вспомнилось ей. — А сейчас уже готова оставить

его умирать в одиночку. Великая любовь длиной в полгода! Но ведь не из-за меня же! Из-за кого-то или чего-то, мне даже не известного... Или известного?»

Когда они вместе вышли из больницы, немного стесняясь этого, как школьники, Аркадий заметил первым:

— А вот и он. Его джипище... Не беспокойся, я в состоянии выбрать плитки для потолка. Тем более...

Не договорив, он быстро пошел вперед, вскинув голову и даже не кивнув в сторону машины, ведь Матвей тоже не вышел к ним. Маша закончила за мужа: «Тем более, ты все равно не увидишь этот потолок. Потому что я на порог тебя больше не пушу!»

Конечно, она пережала с категоричностью, так Аркадий не сказал бы. Но ей нужна была инъекция злости перед разговором с Матвеем, от которого Маша уже не ждала ничего хорошего.

Но она не представляла, что может быть настолько плохо. Его колотило до того, что зубы стучали. «Наркотики?» — подумала она с ужасом. Ей захотелось выскочить из машины в темноту, догнать Аркадия, вцепиться в его локоть, упрямая взять с собой... Но Маша тут же решила, что не могла не заметить следы от уколов. Их не было. Его тело она хорошо знала.

Руки Матвея то хватались за руль, то соскальзывали на колени. Маша ясно увидела спокойные руки Аркадия, и опять захотелось, чтобы он избавил ее от того страшного, к чему она опять вернулась.

— Что происходит? Ты можешь объяснить? — спросила Маша, стараясь говорить мягко, чтобы не вывести Матвея из себя. Еще месяц назад ей и представить было трудно, чтобы он кричал на нее.

— Почему ты ушла из гостиницы? Ты же никогда не ходила в больницу по вечерам!

Он задыхался, но это была не злость. Маше показалось, что его душит хорошо знакомый ей ужас.

— Не ходила. Но тебя ведь тоже не было. Я не обязана сидеть в номере целыми днями.

— Почему ты ушла?! — взвыл Матвей, запрокинув голову. — Ничего не случилось бы, если бы ты не ушла! Ты должна была быть со мной!

У нее остановилось сердце:

— А что случилось?

Его швырнуло вперед, потом снова отбросило.

— Если б ты была там... Я остался бы с тобой, слышишь?! Как ты могла уйти?

— Я же не знала, когда ты вернешься! Что ты натворил?

— Да замолчи ты! — заорал он.

Удар пришелся Маше в солнечное сплетение. Сдавленно охнув, она скрючилась, хватая воздух, а в мыслях мелькнуло: «Вот оно! Дождь...» Темнота выпустила фиолетово-оранжевые круги, они нанизывались на шею, не давали продохнуть.

Не обращая на нее внимания, Матвей процедил:

— Я уезжаю. Прямо сейчас. Я мог бы уехать сразу, но я не смог... не увидеть тебя. Я ведь любил тебя! — голос у него сорвался от ненависти. — Но я выпал из твоего мира! Ты только сделала вид, что перешла в мой... — Матвей вдруг подавился смехом, который пугал еще больше ненависти, — муравейник... Копошились бы себе, карьеру делали... Но тебя потянуло назад! К людям... Так страшно тянет к людям, с этим не справиться! Я и не знал... А те, другие из этой кучи... Они скажут, что этого и следовало ожидать. Что они, мол, именно это и предсказывали... Я совпал со всеми возможными муравьиными стереотипами... Чушь! Всего этого могло и не быть.

Она смогла спросить, про себя удивившись: «О каких муравьях он бормочет? Что это за навязчивый образ?»

— Ты кого-то убил?

— Нет, — отрезал он. Помолчал и добавил: — Но я был близок к этому. Потому что ничего не помогает. Ничего. Я сошел бы с ума, если б не... О-о... — его ладони вжались в лицо, мяли его, словно пытаясь слепить заново. — Что я сделал... Что мне делать теперь?!

— Ты уезжаешь... от меня?

Маша прислушалась к себе, но отчаяния не было. Если б Матвей сказал это хотя бы неделю назад, она взвыла бы еще громче него...

Подергивающееся лицо с прилипшими ко лбу серыми волосами надвинулось, обдав Машу все той же ненавистью, кроме которой в нем, казалось, ничего не осталось:

— Я ото всех уезжаю. А ты можешь оставаться здесь, тебе же этого хочется! Погуляла на воле, пора в норку, к детенышам.

«Не возражай! — приказала Маша себе. — А то он и тебя... А что, если он и вправду кого-то убил? Готова ли я была хоть когда-то умереть с ним вместе?»

Она решила спросить:

— Почему все так изменилось?

— Почему? — смех Матвея показался ей страшным. — Твое проклятое чувство вины задушило нас обоих! Если б ты не стала рваться домой, я тоже не крутился бы возле вашей норы, и тогда я не...

Он опять успел поймать какие-то слова. Самые важные.

— Тебя будут искать? Что я должна говорить? Меня ведь спросят, если это... Это преступление?

Маша была вынуждена тыкаться вслепую, не понимая, по-настоящему ли страшно то, что происходит. И если речь о прощении, то разве так в последний раз говорят люди, еще несколько дней назад составлявшие друг для друга целый мир? Ведь это же было... Никогда еще жизнь не демонстрировала свою скоротечность с такой беспощадностью.

Матвей угрюмо сказал:

— Меня не найдут.

— Понятно. Значит, я тоже могу не искать?

— Ты? — у него опять затряслось все лицо. —

Ты не станешь меня искать. Завтра... Да, наверное, уже завтра ты будешь думать обо мне с отвращением. Кривиться будешь: «Фи! Как я могла спать с этим животным!»

У нее вспыхнуло лицо, и хотя он не мог этого разглядеть, Маша прижала руки к щекам:

— Зачем ты так говоришь?

Потянувшись через нее, Матвей открыл дверцу и лишь тогда переспросил:

— Зачем? Да потому что так оно и есть... Ты ведь и влюбилась в молодое сильное животное. Умный и человечный у тебя уже был.

ГЛАВА 20

— Сначала вставай на колени, а потом сползай, — Маша следила за собой, чтобы не слишком впиваться в руку сына, но пальцы сжимались сами собой.

Им предстояло сделать первые шаги, и сейчас было куда страшнее, чем когда они проходили через это в одиннадцать месяцев. Но Мишка решил показать характер: оторвавшись от материнской руки, он сразу пошел к двери, и Маша поняла, как не терпится ему хоть ненадолго вырваться из больничного заключения.

Она рванулась за ним следом, с болью следя за тем, с каким мучительным усилием сын передвигает ноги, точно больной ДЦП. За пять минут до этого врач заверил, что дня за три мышцы оживут и перестанут болеть. Он был слишком молодым, этот доктор... Считанные дни обернулись двумя неделями, но сейчас они еще не знали об этом.

У Маши пронзительно щемило в груди, ведь это только казалось, что сын уходит от нее. На самом деле Мишка шел к ней, к той их жизни, которую они чуть не потеряли... Сейчас необъяснимое бегство Матвея, из-за которого она промучилась всю ночь, уже казалось Маше избавлением. Не столько от него, сколько от того неужданным в ней самой, что взбунтовалось с его появлением. Теперь оно казалось Маше темным и разрушительным, и было странно, что раньше, совсем недавно, она воспринимала то же самое, как прорыв к свободе. Путь к свету.

Потихоньку прошаркав по коридору, они выбрались в полутемный прохладный холл, в котором ничто не располагало к свиданиям. Не было ни скамеек, ни лимонов или пальм в горшках, которыми гордились другие больницы. Хотя в этой лежали дети, которым в радость было бы увидеть зелень...

— Мишка... Идет... — прошептала Маша, бережно баюкая в себе это новое чудо.

— Давай спустимся вниз! — его умоляющие глаза могли уговорить кого угодно.

Но спуститься они не успели.

Оттого, что Аркадий не просто бежал по лестнице к ним навстречу, а словно ломился сквозь воздушную стену, всем корпусом устремившись вперед, у Маши сразу упало сердце: «Что еще?!» Ей как-то удалось пережить сегодняшнюю ночь, такую черную, что не верилось в существование утра. Но Аркадий нес в себе черноту еще большую, она почуяла это, как звери чуют приближение катастрофы.

— Папа! — завопил Мишка, всем своим существом ликуя оттого, что отец видит его на ногах, уже снова — равного среди равных.

Маша едва не крикнула: «Обрадуйся! Потом... Потом ты перевалишь на меня свою ношу. Я приму ее. Но сейчас — обрадуйся!»

Однако Аркадия не нужно было учить быть отцом. Мгновенно отрешившись от всего, с чем бежал сюда, он победно вскинул руки и потряс сжатыми кулаками, как постаревший, но все еще сильный вождь племени:

— Мы победили!

Боясь тряхнуть сына, он только прижал его заросшую голову и припал губами к макушке. Он еще не оторвался от мальчика, но уже поднял глаза на Машу, и она попятилась под этим мрачным взглядом.

— Не устал? — он улыбнулся Мишке. — Вот молодчина какой! Я знал, что ты сразу сможешь ходить. У кого-то не получилось, а ты сможешь!

«Чуть-чуть переигрывает, — заметила Маша. — Но сейчас такой момент... Фонтан эмоций. Можно и пережить немножко».

Ей вдруг захотелось броситься по лестнице вниз, убежать от того страшного, чем Аркадий еще не поделился с ней, а значит, ничего этого как бы и не было. Но Маша только незаметно придвинулась к сыну, прячась за его слабеньким телом.

— Я хочу сходить на первый этаж! — счастливо сияя глазами, заявил Мишка. — Не берите меня за руки, я сам, ладно? Я за перила возьмусь.

Смирившись с необходимостью удерживать все в себе еще на четверть часа, Аркадий пристроился рядом с сыном. Маше пришлось спускаться позади, сравнивая их затылки и плечи. Ей хотелось, чтобы в Мишке было побольше отцовского...

Иногда Аркадий оборачивался, и взгляд его не сулил ничего хорошего.

«Не со Стасом, — уговаривала она себя. — Это он не смог бы скрывать так долго. С мамой? С отцом? Телеграмма? Нет, из-за них он так не мчался бы... Да они и не написали бы мне по старому адресу. Они знают».

Ее кольнула вспомнившаяся строчка из отцовского письма: «Вот уж не думал, что вырастил вертихвостку. Ты, дочь, еще сама не понимаешь, что потеряла. Локотки кусать будешь». Она и не рассчитывала особенно, что родителей обрадуют перемены в ее жизни, но такая злорадная холодность расстроила Машу. Чтобы ответить им, она собиралась с духом несколько недель...

На площадке второго этажа Мишка остановился и, быстро взглянув на отца, виновато вздохнул:

— Я, наверное, рано обрадовался...

— Что? Больно? — всполошилась Маша.

Аркадий заслонил сына:

— Давай отнесу тебя назад.

— Ну, вот еще! — от возмущения Мишкины щеки стали багровыми. — Я сам поднимусь.

Просто до первого этажа уже не дойдем сегодня.

Дотащив непослушные ноги до своей кровати, мальчик вытянулся на животе, совсем по-детски скрестив обутые в носочки ступни. Маше захотелось подержаться за пяточку, как она делала десять лет назад, но Мишка смертельно обиделся бы, если б она так опозорила его перед мальчишками.

Аркадий провел ладонью по его спине:

– Отдохни пока... Теперь самое страшное позади, теперь ходить будем. А сейчас полежи, нам с твоей мамой поговорить надо.

«Надо?» – жалобно пискнуло у нее внутри, но послушаться Маша не посмела.

Не взглянув на нее, Аркадий вышел из палаты, уверенный, что она последует за ним. У нее заколотилось сердце и ослабели ноги, но Маше хватило сил подмигнуть сыну и выйти в коридор. Едва не прищемив ее юбку, Аркадий резко закрыл дверь в палату. Лицо у него перекошилось от ярости, которую больше не нужно было сдерживать. Таким Маша видела его только в тот день перед Новым годом, когда упал Мишка. Из-за нее.

– Что случилось? – выдохнула она, погружаясь в холодную дрожь.

– А ты не знаешь? Действительно, не знаешь? Похоже, что нет... Он изнасиловал эту девочку. Нину... Как ее? Да ты помнишь!

– Стас?! – вскрикнула она и ударилась спиной о стену, оказавшуюся совсем близко.

Аркадий прошипел:

– С ума сошла?! Стас... Твой Матвей это сделал. Где эта сволочь?

– Он... уехал, – Маша плохо понимала, что говорит. – Вчера. Господи... Подожди, я что-то...

Большие пальцы вдавились в виски. Вот оно что. Вот от чего он бежал... Не вчера. Столько дней пытался убежать... Не удалось. Нина? Господи... Как же это случилось?

Не пытаясь помочь ей, Аркадий резко бросил:

– Она в больнице. Он сам довез ее до больницы, представляешь? Как это назвать? Отрезвление? Или дьявольская хладнокровность? Изнасилование может сочетаться с хладнокровностью? Избил ведь до этого... Я не видел ее, но, говорят, изуродовал. Бедная девочка... Почему она? Из-за Стаса? Не до конца еще уничтожил нашу семью? Стас с ума сходит, – он тоже устало привалился к стене. – Почему-то он все

кричал: «Но я ведь только подумал! Только подумал!» Что это значит? Шок?

Маша опустила руки. Внутри было пусто... Выжжено до черноты...

– Я не пустил его к тебе, – угрюмо заметил Аркадий. – Он мог бы тоже натворить что-нибудь...

– Что? – безразлично спросила она.

– Не знаю. Ударить тебя мог.

– Меня?

– А кого же еще? Он считает именно тебя виновной во всем. И в том, что случилось с Мишкой. И что с Ниной – тоже... Ты притащила сюда это...

Кажется, он хотел сказать «чудовище», но у Маши уже вырвалось:

– Животное. Молодое, сильное животное. Он сам так сказал о себе. Вчера.

У Аркадия опять дернулось лицо:

– Знаешь, меня как-то не трогает, что он это понимает...

– Он ненавидит себя.

Маше было все труднее говорить, рыдания уже душили спазмами, но их приходилось сдерживать. Она вытолкнула из горла:

– Мне уехать?

– А Мишка? – зло бросил Аркадий. – Ты уже так влюбила его в себя! Страшно и представить, что с ним будет, когда ты уедешь...

– Что же...

– Делать? Откуда мне знать? Стас не простит тебе этого. Не скоро.

Она уцепилась неприятно влажными ладонями за крашеную стену:

– А ты?

Откинув голову, Аркадий прижался затылком к плакату: «Осторожно, грипп!» Зловещего вида зеленый вирус с выпученными глазами тянулся к его виску. Маше захотелось закрыть его рукой, чтобы не тронул.

– Я не знаю, как быть, – признался он. – Чтобы не уподобляться тебе и думать в первую очередь не о себе самом, я должен бы сказать: «Оставайся!» Ты действительно нужна Мишке. Но я сейчас не чувствую ничего, кроме... отвращения. И к тебе, уж извини, и ко всей этой истории в целом. Может быть, это пройдет. Может, мы перестанем этим...

– Как гриппом, – тупо глядя на буквы поверх его головы, подсказала Маша.

– Так? Ну, может быть. Грипп тоже не подарок. Ломает всего. Тебя не ломает?

– Я уже сломалась...

– Еще нет, – заверил Аркадий. – Сейчас у тебя есть за кого держаться. Мишка – святое существо. Ему и в голову не приходит, что это по твоей милости он провалялся здесь целый месяц.

– Ты думаешь, он не понимает?

– Ладно, не будем об этом, – Аркадий вяло махнул рукой. – Оставайся с ним, а я поеду к Стасу. А он, оказывается, настоящий мужик, не отшатнулся... Он с ней сейчас. Тоже в больнице. На другом конце города. Весело мы встретили Новый год...

Маше зачем-то вспомнилось:

– Лошади.

– Что? Ну да... Очень какая-то буйная лошадь. Бешеная просто. Ох, – он провел рукой по лицу, словно пытался стереть наваждение. – Это все – правда?

Она промолчала. Ей еще предстояло поверить в то, что произошло. Сейчас были потрясение, боль, но настоящая чернота еще только подкрадывалась...

– А ведь он не показался мне зверем, – задумчиво сказал Аркадий. – Он устроил мальчишкам праздник... Я, конечно, бесился, когда видел его...

– Ты? Бесился?

– Но на это были причины, правда?

Нужно было хотя бы кивнуть. Хотя как-то подтвердить, что она расслышала последние слова. Но Машу все сильнее сковывало неживое оцепенение, будто это она умирала оттого, что надругались над ее телом.

«Над душой», – она подумала об этом с той отстраненностью, которая свойственна тяжело-больным и не понятна всем остальным.

Аркадий заглянул ей в лицо:

– Ты жива?

– Я жива, – ответила она.

– Придется жить, жена, – он попытался усмехнуться, потом мотнул головой. – Мерзко все. Кроме одного... Я найду, поговорю с ним, побудь пока здесь. А потом останешься с ним.

– Навсегда? – спросила она шепотом, но Аркадий уже не услышал.

Когда он вошел в палату, Маша обнаружила, что осталась одна в полутемном, слишком мрачном для детского отделения коридоре. Не было видно ни больных, ни медсестер. Это значило, что наступило время «тихого часа», а ей подумалось: пришла пора длинного туннеля. В конце которого не каждого ждет свет... Но как будет с тобой, никогда не знаешь заранее.

Поздравляем Юлию Лавряшину!

*14 октября в г. Екатеринбурге она стала Лауреатом
Международной детской литературной премии им. В. П. Крапивина
за повесть «Улитка в тарелке».*

**Валентина
ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ**

**ОКУРИВАЙ,
ЧЕРЁМУХА, ВЛАДЕЙ!**

* * *

Памяти Аркадия Кутилова

Молчи, звезда, не накликай беды,
Твой свет дошёл, а ты давно остыла.
Крыло метели, словно белый дым,
Дома, и лужи, и мосты накрыло.
Тревожна ночь в мерцании твоём.
Кружатся сны, окутанные белым.
Глядит луна задумчиво в проём,
А там, за этим рамочным пределом,
Распахнут мир полёту и мечте, —
С метельной песней есть желание слиться,
Надеждой вспыхнуть — молодой звезде,
Зажечь свечу и Богу помолиться.

НЕ ДОЖДЛИВОЕ НАСТРОЕНИЕ

Отряхнусь от лета знойной лени,
Юно оголив свои колени,
Ловко через лужу перепрыгнув,
Встречного прохожего обрызгав,
Извинюсь. Но все же, дождик, лей!

Может, мне смешинка в рот попала,
Может, под дождем моложе стала,
Только, подставляя струям руки,
Очень ясно различаю звуки
Музыки, что с каплями упала.

89

ЗА ЧАЕМ

За рюмкой чая собрались поэты.
Вели весьма приватный разговор —
кем пишутся верлибры, кем сонеты...
Подогревался «чаем» вечный спор —
о глубине величий и познаний,
нужна ли современная строка...
...а за столом незримо были с нами,
кого не позабыли мы пока:
Кутилов, Ляпин, Дронников, Шипилов,
Никола Дмитриев и Юрий Кузнецов...

Так дай нам Бог,
чтоб памяти хватило
под этим небом и земным светилом
их — каждого —
не позабыть лицо!

* * *

Нине Ягодинцевой

Речи просторны, как в зареве таянье дня,
Умные речи. Оттеночным тембром звучанья —
Фразы, что сильно волнуют меня,
Дарят загадочный смысл твоего мирозданья.
Нет однозначных ни жестов, ни мимик, ни слов —
Бьются слова о морозные окна и люстру.

ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ Валентина Юрьевна родилась в Омске в 1961 году. Окончила Омский техникум советской торговли, Московский коммерческий институт. Печаталась в альманахе «Иртыш», журналах «Литературный Омск», «Сибирские огни», коллективных сборниках. Автор трех поэтических книг: «Многообразие» (Омск, 1996), «Потепление» (Омск, 1997), «Сударыня» (Омск, 2001). Председатель Омской областной организации Союза писателей России. Живёт в Омске.

Господи Боже! Я знаю, что мне повезло:
Слушать стихи, что водой родниковою льются.
Крепким морозцем дворы и людей припекло.
Брызнул фонарь – поручитель вечернего света.
Крепкий румянец разлился в окне на стекло.
Отсветом мягким ложится на щёки поэта.

Ура! Пальто сменили на плащи.
Затрепетали, распушились дали.
Не зазевайся и мечты ищи –
Они повсюду.
Явь предупреждает
О том, что без осадков будет день:
По Иртышу игривый ветер мчится,
А в небе ярком – солнечная звень,
И радостно весну встречают птицы.
Глаза мои улыбки с утра,
И настроенье нежится на солнце.
Окно я раскрываю, как тетрадь,
Страница улиц лужами смеётся.
Сменю причёску и помады тон
Чуть-чуть сочнее станет, чем обычно.
Как сердце бьётся часто!
И притом
Глаза предательски
Кричат о самом личном.

Два голубя, усевшись на карниз,
Воркуют и совсем не смотрят вниз,
Кругом весна – большая, как планета.
Смурной прохожий, солнцу улыбнись,
Наполни и глаза, и сердце светом!

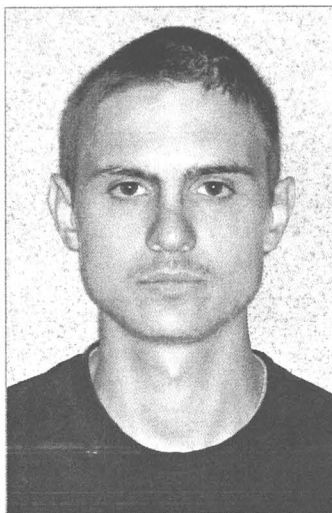
Звенит капель и закипает жизнь,
Проснувшись, зелень трепетно дрожит.
Смурной прохожий, посмотри на это.
Свою улыбку встречным покажи,
Ополосни лицо и душу ветром.

Окуривай, черёмуха,
Владей,
Коснись дымком
Всех уголков заветных.
Пусть в мареве твоём
Растает день...
Черёмух дым –
Запреты и ответы,
Причём всегда
Под майский холодок.
Прислушайся,
Тебе нашепчут ветры,
Летящие за сотни
Километров,
Как восхваляет сакуру
Восток.
Но нет нежнее запаха,
Чем этот,
Что наполняет души
Ясным светом,
Любой российский
Дальний уголок!
Окуривай, черёмуха!
Иных –
Томи желаньем
Несоизмеримым...
Ни у Парижа нет,
И ни у Рима
Летящих дней, –
Как облако, паримых,
Черёмухово-белых
И хмельных.

**Федор
ЩЕРБАКОВ**
ПОЛЁТ ДУШИ

Рассказ

1

Где-то зима, где-то весна, лето, а здесь, в этом месте дальнем, — осень распространилась...

Нынче один из тех теплых дней, в которые бывает необыкновенно мягко, тихо и светло. Все звуки приглушены, прижаты плотно к земле, цвета, потерявшие свою насыщенность, блекнут и затухают. Воздух окутывает свежей плотной пеленой. Именно такие дни, пролетающие быстрыми птицами, ворошат человеческую душу, поднимают в ней чувства мятущиеся, чувства неоконченные: то ли тоску, то ли тревогу, тянут ее, манят, а куда — неизвестно.

Бабу Марфу похоронили утром. Три дня ее маленькое тело лежало в незамысловатом гробу прямо в комнате, а сегодня с утра собрались сердобольные соседки за столами, накрытыми прямо на дворе, и помянули ее на свой лад, без причитаний, без надрывного плача — просто, тихо, мирно... Как сама умершая и как жизнь её прошедшая, тихая и мирная.

Теплый и звонкий день окутал деревянный дом, старый, но крепкий, с садиком вокруг, который вслед за бабушкой умирал своей невольной и красивой осенью. Кругом было разноцветно, сухо, синий воздух наполнял собой простран-

ство вокруг людей, как вода, наполняющая любые объемы.

Внутри дома тихо. Размеренно качается маятник, разграничивая короткое утреннее время на секунды. Слушаешь и понимаешь, что эта разбежавшаяся и взлетевшая когда-то давно птица не прекратит свой полет ради человеческой смерти.

На кровати лежит длинный худой парень, уставший от душевной ноющей боли, с которой свикся, которую хорошо узнал. Его глаза закрыты, мысли собраны, заняты, они выют веревочку из беспорядочных нитей прошлых событий и воспоминаний.

Николай хочет воссоздать, вспомнить, каким был, где бегал, слушался ли, капризничал. Свое детское изображение он мог увидеть лишь на единственной истрепанной, помятой фотокарточке, которая хранила на поверхности непонятные точки: то ли чай, то ли краску. Николай знает, что мать очень любила эту фотографию. Бывало, она подолгу смотрела на нее, потом вдруг говорила: «Похож сильно на меня, глаза у тебя мои и нос такой же», вытирала ее тряпочкой и бережно ставила в уголок стеклянной дверцы старинного серванта.

Сейчас фотография рядом. В сотый раз смотрит Николай на маленького, застывшего в неизъяснимо-детском порыве мальчишку, и берет его за горло тоска, оседает там вязкий ком, потому что странная эта фотография, неизъяс-

нимая: смотришь вроде на себя, а видится грустное лицо матери и осенняя улыбка на ее губах. Что тут поделаться с собой, какими цепями сковать, сжать горячий ком внутри, чтоб не начал он в бессилии трепыхаться?

Четыре месяца назад у Николая не стало матери, осталась она в начале пыльного лета, которое и забрала с собой. Потеряли тепло три зеленых месяца, перестали иметь смысл еще недавно любимые Николаем летние радости.

Мать была всегда тиха, красива и печальна. Лишь через плотную муть времени помнил Николай непринужденный, радостный смех ее, звонкий, красивый. Мать тогда засветилась вся, радостно вспыхнула. Это было при разговоре с отцом. Через некоторое время он умер, не успев особенно запечатлеть себя в сердце Николая. Он остался теперь общей родной и близкой силой, соединившись с ушедшей матерью и бабой Марфой. Помнил Николай лишь то, как отец любил подбрасывать его вверх, приговаривая: «Полетели, полетели!». Потом он погиб на заводе, как-то очень нелепо, «неубедительно». «Как же, да как же, — твердили некоторые. — Да быть не может. Вчера еще жил, да нет, да как!..» Только доводы доводами, восклицания в безоблачное небо улетают, а отец лежит себе мирно в гробу и слова никакого не молвит. С момента его гибели и перестала существовать в матери неведомая никому, в глазах неприметная радость. Впитала она в себя красивую осень и печаль...

А три дня назад прекратила свой жизненный полет и Марфа — бабка Николая по отцу. Нос крючковатый у нее был, от старости лицо потихоньку перенимало форму черепа, глаза — ясные. Смотрела она не на человека, а вроде как в него.

С этих пор остался у Николая на Земле единственный родной человек — племянница его Настенька, озорная, смышленная, живых живее. Соседка, не совсем старая, добрая женщина, решила Николаю в горе его помочь чем может и забрала к себе девочку три дня назад, чтобы та не смотрела лишний раз на гроб и лежащую в нем Марфу. Соседка сказала, что если хочет Николай, то девочка может у нее навсегда остаться, что будут они ее поить, кормить, одевать и всячески заботиться о ней, потому как давно знают они семью его, любят всех их: что отца, что мать, что его, Николая, что Настеньку. Нико-

лай выслушал ее тогда, стоял и не знал, что делать от подступившей горечи: это как же так, это зачем же так, думал. Понимал, что оно так и лучше, конечно, будет, правильнее, и не знал, как не потерять ее. Соседка увидела, что с Николаем что-то стряслось, что-то душу ему гложет, поняла и сказала, что будет ходить каждодневно, его и Настеньку навещать и никуда она девочку не заберет... Лишь эти три дня малая поживет у них: нечего ей на мертвую смотреть.

А Настенька, на удивление всем, не любопытствовала: что, да как, да почему. Тиха была, серьезна, как будто со всей ясностью поняла происшедшее: что старая умерла, что больше не пошепчется Настя с ней, не услышит от нее дивных сказок, что, наконец, не увидит ее больше никогда на Земле.

Утро разгорается, жужжит надоевшими, вяло умирающими мухами, шелестит опавшими листьями. Капает вода из умывальника, подточенного временем. Николай встает, крестится, кланяется. Одно окно слева от икон, другое справа, почти под ними стоит то ли лавка, то ли кровать, на которой спала Николина бабка. В другой светлой и опрятной комнатке на самодельной кровати почивала обычно Настенька. Посмотрел Николай, подумал о них двоих, родных, и невольно начали копошиться в нем воспоминания, свежие, не успевшие еще выветриться.

...Настена со старухой были — не разлей вода, не зарости трава и солнце не сожги. Они с утра до вечера сосуществовали друг с дружкой, переговаривались как-то диковинно, такими способами, которые специально не придумаешь, которые прорастают откуда-то из души и навечно сплетаются: без слов, даже без перемигиваний. Это не передашь, это видеть надо. И странное дело, ведь одна только начинала жизнь видеть, другая — свою всю увидела, первая с одного края в мир забегала, вторая к другому потихоньку доковыливалась. Чудно! Все равно, что на пне старом появился свежий росток. Часто в длинные вечера у печки сидели старая и малая друг возле дружки, слушали, как в трубе гудит мощная сила огня, и жили своей, ни в ком не нуждающейся жизнью, настолько уходили в себя, что, казалось, их и нет рядом, а то — две прошлые тени, или, наоборот, — он, Николай, незаметной тенью стоит, на них смотрит...

2

Вслед за этими потянулись другие прошлые события и переживания, более далекие, но не менее родные.

Детство и дед Петр для Николая – неразрывные понятия. Все те короткие, бесконечно родные секунды-фрагменты, оставшиеся в памяти от детства – все внутри таят деда Петра, его теплые широкие руки, светлые глаза, длинные седые волосы...

«Что такое, что, в самом деле?» – собирает-ся Николай доискаться, дознаться, почему дед ввел седым пятном ему в душу, почему, когда он по матери грустит-тоскует, то незаметно и будто успокаивая его, шевелятся внутри потерявшие свой смысл дедовские фразы. Они, как слабые листья, в осеннем воздухе падающие, кружатся, тихо и ласково Коле на рану приземляются.

Николай зажмурился...

...Вот она, эта светлая широкая комната, ароматная от свежей березовой лавки, посреди стол, на нем старый закопченный самовар.

Тикает время.

Вокруг еле уловимая жизнь вещей в их удивительном, строгом порядке. В кастрюле поднимается тесто, и Николька прекрасно знает, что оно живое, дышит и его видит.

...В высокую стеклянную дверь, ведущую, как кажется Коле, в сад, вбегает запыхавшаяся девушка. Николай не помнит, кто она, откуда, не помнит черт ее лица. Но знает, что она «своя», «домашняя». Она пробегает и говорит, еле сдерживая: «Дед Петр идет». Вот тут Колька и чувствует, как ему на месте не стоит, ни о чем другом не думается...

...Стоит мама, вот она, высокая, худая, грустная, вытирает тряпкой руки, умело и как-то поженски – в два коротких маха – хоп, хоп – нежно смахивает с себя пыль муки... Входит дед, широкий и радостный, каждого обнимает, целует в лоб... Николька ждет, не смеет первым лезть...

«О-о-о-о, богатырь наш, а?» Колька уж онемел, восторг перехлестывает. Сам смотрит на деда, а видит действительно богатыря какого-то сказочного, нарочно для него из далекой земли сюда переметнувшегося. Маленький Николай уверен, что дед Петр выйдет сейчас, оземь ударится, превратится в какого-нибудь журавля и улетит в неведомое царство. А дед

его подхватывает и – бах – внутри все переворачивается – вверх подбрасывает. Кольке и кричать хочется, да не может. Так и запомнилось ему: когда кричать хочется, а не можешь – значит летишь...

3

Небо стало уже бездонно-осенним, хрупким, прозрачным до самых звезд. Медленно ползли ватные, застывшие необычными формами облака, как корабли ползут по утренней тихой воде.

В последние осенние дни, заросшие разными заботами, Николай сильно похудел, совсем замкнулся, внешне стал чем-то походить на бабу: так же точно ввалились глаза, из-за худобы лицо принимало очертания черепа. Крутился, вертелся Николай, делами себя все время нагружал, продыху не давал, а толку от этого не много, все одно – мучает душу печаль-тоска, вцепилась зубами как в кусок свежего хлеба. Везде он мать видит, во всех звуках голос ее мерещится: куда ни посмотри, все памятно, везде они с ней в детстве поперебывали, все вместе попересмотрели... Не стало матери – и в сердце Николая тоже не стало какой-то части, отмерла она и исчезла. Всегда мать тихо и незаметно делала что-то, никогда внимания к себе не требовала и никаким образом не привлекала. За это и тянуло к ней со страшной силой, поэтому и хотелось частенько рядом с ней посидеть, не слушая ничего, просто восполнить отданный ей кусочек сердца ее образом.

Николаю семнадцать лет, расцвет юных сил и начало определяющих человека интересов. В семнадцать – у некоторых мечется душа в разные стороны, потому что не установилась пока, не вошла в предназначенную ей колею, у других – уже идет по своей единственной и неповторимой дорожке.

Николаю семнадцать, а в глазах еле различимый осадок тяжелого поворота, глаза уже придавлены печалью.

...Рано еще было, солнце последними усилиями тепло подавало. Капала вода тоскливыми одинокими каплями, кот, вернувшийся с улицы, пузо грел в солнечном теплом пятне. Николай спал один в доме, Настю в эту ночь соседка забрала.

Так Николаю снилось...

Баба Марфа поднялась давно, ходила, по мелочи что-то делала. Николай встал и вытаращился на нее: мертвая же вроде.

— Николушка, седня ведь в храм Божий сходить надо, воскресенье ведь.

Вот те нате! Как травинка засохшая заново жить начала, или, например, белый одуванчик опять пожелтел. Как так?! Почему так?! Родные слова сказала Марфа, и внутри у Николы что-то произошло, точнее сказать, встрепенулось. Родные по той причине, что они в его сердце заполнили пустое пространство.

И точно: так же мамка ему в детстве говорила, один в один, разве что в другом наряде стояла да моложе была. Николай от такого дива-дивного даже и не понял сразу, слов бабкиных не разобрал:

— Что говоришь-то, не понял?

— Да в храм бы сходить надо.

— Дак я, это, маленькую толкну, а?

И сил у него из ниоткуда, и бодрости, и всего на свете вдруг поприбавилось... Душу-то, душу-то захватило как радостью непонятной: как же, мол, так, будто мамка говорит, и, вместе с тем, видит, что старая баба Марфа ходит.

Идут. Ногам холодно, сыро, а голову солнце греет. Проворно двигается Марфа, не думал Николай никогда, что она может еще так ходить. Он вроде догнать ее пытается, да не может, до плеча дотронуться, да не достает.

Вот храм высится белой неприступной крепостью. Заходят они туда, а там все знакомые да родные какие-то собрались, ждут: вот-вот богослужение начнется. Николай тихо за бабкой своей встал, дышит громко, сердце сильно колотится, и кажется ему, что он этим стуком всех отвлекает. Священник в белой праздничной ризе негромко говорит о полете душ в земли дальние, нам здесь недоступные, причем так рассказывает, как говорят о полете птиц в жаркие страны: трудно будет, опасно будет, тут это их может подстерегать, там — другое...

Видит Николай: дед Петр поклоны кладет. Потом оборачивается, идет прямо к ним.

Как так?! Что такое?! Ведь это он, как живой, как из детства выскочил: глаза светлые, волосы длинные седые. Подходит, обнимает их крепко, говорит: «Ну, пойдем быстрее с нами, пойдем. А то не поспеешь к службе-то, начнет-ся скоро!». Ничего уже Николай не понимает, ничего уже объяснить не в силах он. Выходят: впереди хромой дед двигается, все приговаривает: «Быстрее, быстрее бы...», да Марфа кашляет потихоньку. У Николая вопрос крутится, мол: «Куда опаздываем-то, куда пошли?». Только спросить думает, а дед Петр причудливо так, как маленький, запрыгал попеременно на ногах: прыг-скок, будто разгоняется. Николай крикнуть хочет: «Так ты ж хромой, дед Петр?!» А тот вдруг костыль в сторону и руками замаяхал, как птица огромная: раз-два, от земли отрываться стал. И слышно от него: «Ну вот, успели, смотри, Николька, летят!». Глядь Николай — а там, высоко, и впрямь длинным клином — будто большие птицы — люди летят. Марфа говорит: «Полетели, Николай, не забывай». Звон тут раздался, в колокола зазвонили невдалеке... Ветер осенний разом, как волна свежая, нахлынул... Николай ринулся было за ними, подскакивает, подпрыгивает, руками машет, так же взлететь пытается, да не может никак: сил у него не хватает. Комок проклятуший горло забивает, а бежать не перестает, бежит...

Звон все стоит в воздухе, не прекращается...

Открывает Николай глаза. Потолок, стены, что и всегда. За окнами звон: в храме, совсем от дома рядышком — богослужение началось. Вскрикивает Николай, туда-сюда мечется, прийти в себя до конца не может. Слезы у него наворачиваются, комок и вправду сидит в горле, не поймешь от чего: то ли от печали, то ли от радости. Тут понял, что надо в храм бежать. Выбежал из дома — навстречу Настёнка: «Быстреей давай, — говорит, — быстреей, полетели ведь уже...».

**Эдуард
БАЛАШОВ**

СЕМЬ СЛОВ

ТРУДНО

*Трудно роднику приветам.
Трудно нравиться камням.
Трудно голосу поэта
Прятать зависть к журавлям.*

*Посреди белья чужого
Трудно мысли содержать.
Поругателей святого
Трудно сердцем провожать.*

*Как терпению не лопнуть
На мышиную грызню?
Или просто дверью хлопнуть
И предать свой дом огню?*

*Наконец, взмахнуть крылами –
Ах, юдоль моя гореть! –
Вслед за частыми звездами
Из могилы улететь!*

ЧЕЛО

*О чём кричит юдоль земная
В кругу внимательных светил?
Зачем душа, куда не зная,
От отчих пятится могил?*

*Зачем, зачем, уставясь в просинь,
Телесный отряхая прах,
Чело благословенья просит,
О дальних просяив мирах?*

*Когда воронье беспокойство
Оставит поминальный стан
И похоронного устройства
Умолкнет скорбный барабан,*

*Воспрянет воинство живое
И примет нового жильца
В своё сиянье круговое
Под своды вечного лица.*

95

БАЛАШОВ Эдуард Владимирович родился 25 июня 1938 года в Мариуполе, в годы войны с семьей был эвакуирован в Сталинабад, учился в Ташкентском суворовском училище, окончил МВТУ имени Баумана и Высшие литературные курсы Литературного института имени А. М. Горького. С 1979 года и по сей день – преподаватель Литературного института имени А. М. Горького, профессор.

Автор многих книг и более двадцати книг стихотворных переводов с английского, хинди, фарси, японского, китайского, финского, удмуртского, чувашского, грузинского и других языков народов СССР.

Поэт, переводчик, профессор кафедры литературного мастерства Литературного института имени А. М. Горького, Президент Российской ассоциации «Мир через культуру», Председатель общества друзей Тибета, Председатель Литературного клуба имени Н. К. Рериха, профессор Православной Русской Академии. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

НЕВЕДОМОЕ

Перед порогом абсолютной тьмы
 Не медлю я с последним в жизни шагом.
 Неведомое – сенокос зимы
 И летний снег, в ночи забытый магом.

Пустые за спиною голоса.
 И сердцу жутко от грозы безмолвной.
 И бледные пред сущим чудеса –
 Как лепестки опавшей розы молний.

Вослед лучу, что ярче тысяч солнц,
 Вослед Христу, поверх былых мистерий,
 Я смертные срываю с петель двери.
 Не чудеса – чудесной жизни сон!

ДОЗВОЛЬ

В пути застигнутый грозой,
 Спешу под деревом укрыться.
 Гремит, сверкает надо мной,
 Но сердце не боится.

Грохочет надо мной обвал.
 Успеть бы под скалой укрыться!
 Дрожат от страха спины скал,
 Но сердце не боится!

Владыка, мир – как лист сухой,
 Мяётся, крошится, кружится.
 Дозволь же под твоей рукой
 Всем сердцем утвердиться!

СКОЛЬКО

Сколько заспанных сердец,
 Досыта упитанных?
 Сколько любящих сердец,
 На разрыв испытанных?

Сколько искр от оселка
 По застенкам холода?
 Сколько крох из узелка
 По дорогам голода?

Сколько страждущих сердец
 У гробницы Сергия?
 Сколько с неба, наконец,
 Льётся милосердия!

О КРАСОТЕ

Вся красота земная от небес.
 Земное должен ты оставить.
 С собою труд возмёшь и мастерство –
 Всё то, что возжигает пламень сердца.
 Не отдавай былому красоте!
 Земля преждёт, а красота –
 Твоя непреходящая обитель.
 Когда она в тебе, тогда
 И только тогда ты – в ней.
 И где она, там прелести нет места,
 И роскошь там сгорает от стыда.
 Лишь красотой стяжаешь красоту.
 Спасенье в осознание этой мысли.

ДУША

Что может быть, то есть уже.
 Всё состоялось, что настанет
 И отразится на душе –
 Не в зеркале: стекло обманет.

Душа вольна бывать в былом.
 Ничто не минуло. Всё длится,
 Летит и емлет нас крылом
 И наземь не садится.

Она – и близь и далина.
 Давно была всем тем, что будет.
 Ещё мгновением грешна,
 А вечностью себя уж судит.

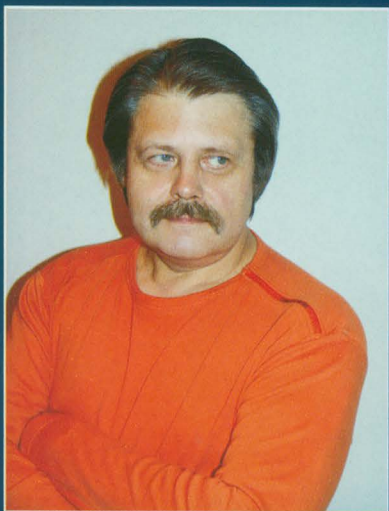
СЕМЬ СЛОВ

Земное закрытое ухо
 До звука небесного глухо.
 Ближайшее небо над нами
 Семью громыхает громами.

Земное закрытое око
 Не видит того, что глубоко.
 А радуга прямо над нами
 Семью полыхает цветами.

Земное закрытое сердце
 Забыло небесное детство.
 А сердце, распятое нами,
 Семью нас прощает словами.

ХУДОЖНИК ГЕОРГИЙ КИЧИГИН

Как автор проекта «Созвездие региона», представляющего в Кемерово наиболее ярких художников Сибири, я не могла пройти мимо Георгия Кичигина — омского живописца, заслуженного деятеля искусств РФ, заслуженного художника РФ. Он один из немногих, кто разрушает представление о том, что большое

искусство возникает и развивается только в столицах. Произведения сибиряка находятся в собрании Государственного Русского музея (Санкт-Петербург), Государственной Третьяковской галереи (Москва), более того — в постоянной экспозиции этих музеев.

Творческий путь Г. П. Кичигина длится более тридцати лет. В 1974 году он окончил художественно-графический факультет Омского педагогического института. В 1981 году вступил в Союз художников СССР. Неоднократно выезжал на творческие дачи, чаще всего — на Сенеж, которая в советские годы слыла не иначе как «творческой вольницей». Именно там сложилась его иллюзорная манера письма, которая служила в советские годы своеобразной ширмой, прикрывающей критический взгляд на мир, далекий от гармонии и умиротворенности.

Острая социальная проблематика и стилистика фотореализма определяют искусство мастера и сегодня — в этом убеждает настоящая выставка, названная «Окрест». Кичигинский мир впечатляет и завораживает, он фантастичен и полон жутковатой тревоги, в нем переплетаются реальность и сновидение, прошлое и настоящее. Некоторые искусствоведы определяют авторский стиль художника как сюрреализм, тогда как сам он считает себя реалистом: «Наблюдая нашу житуху, я вдруг однажды понял, что никакой сюрреализм, придуманный в одной голове, не потянет по весу с тем, что придумало наше общество. Сальвадору Дали приходилось искать какие-то особые формы, чтобы показать свихнувшееся время, он распалял душу безудержной фантазией. А меня можно назвать реалистом, невыдуманный мир на моих картинах абсурден сам по себе, здесь не надо мозговых выкрутасов...».

Марина ЧЕРТОВА

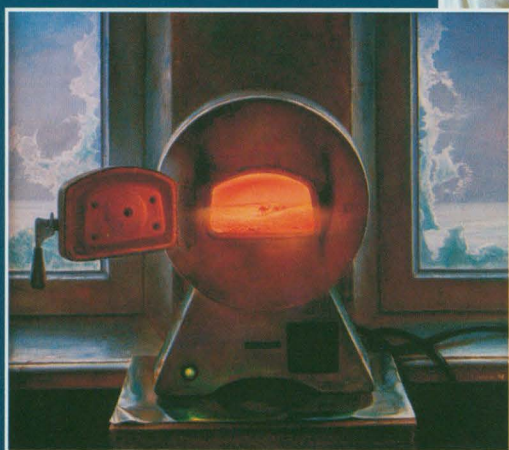
Работы художника на четырех страницах вклейки.

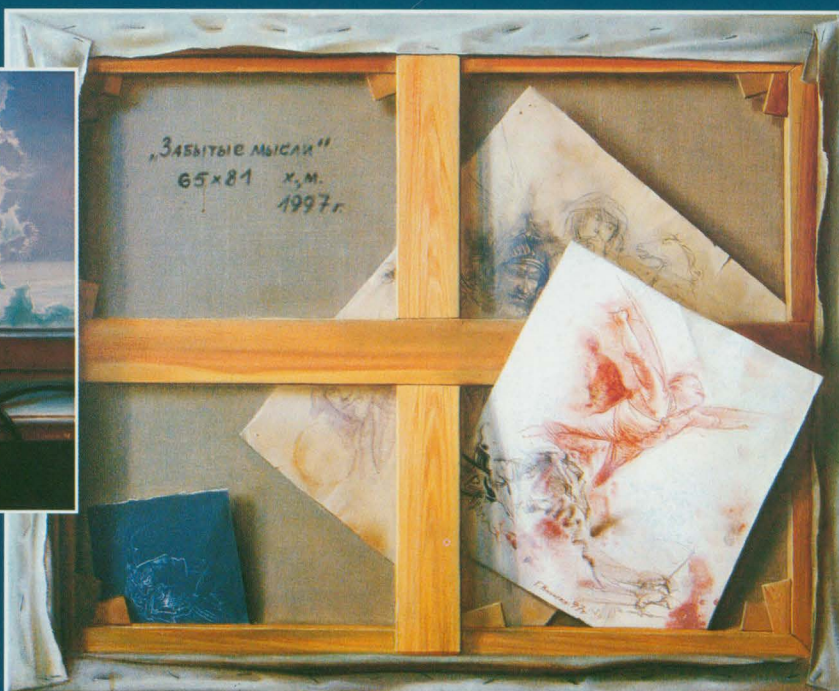
Малая родина. 1996. х., м., 60×130

М. А. Врубель. 2006, х., м., 114×146

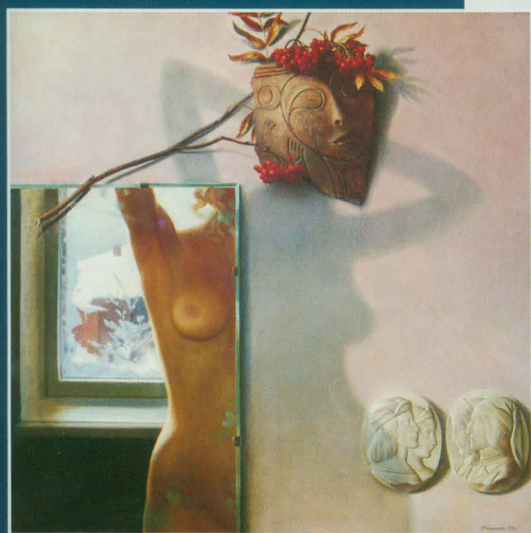
Дыхание. 1994. х., м., 70×80

Забытые мысли. 1997, х., м., 65×81

Диптих. *Дождь на Любинском. День.* 2005, х., м, 114×146

Сибирская Нефертити.
2007, х., м, 90×90.

По лучам памяти. 2007, х., м., 114×146

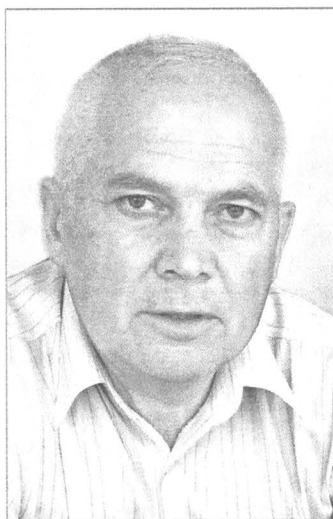
Автопортрет. Несение мольберта. 2009, х., м., 120×100

На исходе дня. 1989, х., м., 100×120

Николай
ЕРЁМИН

РАССКАЗЫ

ЧУЧЕЛО ЧЕЛОВЕКА

Позвонил киллер и сказал:

— Завтра буду вас убивать. Для этого вы должны быть в 14 часов на Копыловском мосту. Об остальном я позабочусь.

Сердце моё учащённо забилося... Как! Завтра? Так быстро? Неужели срок настал?

Я позвонил ректору медицинского института, главному врачу скорой медицинской помощи и Виталию Огаркову, художнику-таксидермисту.

Они были уже в курсе.

Всю ночь я не спал.

В окно светила полная луна, чётко освещая мои мысли. Да, прошло ровно 15 лет с того момента, когда я продал душу Дьяволу.

В 1991 году рухнул в стране тоталитарный коммунистический режим, распалась империя СССР — Союз Советских Социалистических Республик, радиозавод, работавший «на оборонку», закрыли, и я остался безработным инженером, никому не нужным, нищим и потому несчастным.

Жена тут же от меня ушла, заявив, что я был, есть и буду неудачником.

Приватизированную квартиру пришлось продать, разделить деньги пополам. И стал я человеком без определённого места жительства.

ЕРЁМИН Николай Николаевич родился в 1943 году в городе Свободном Амурской области. Окончил медицинский институт в Красноярске и Литературный институт имени А. М. Горького в Москве.

Автор книг прозы: «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири» и поэтических, изданных недавно: «Идея фикс», «Лунная ночь», «Поэт в законе», «Гусляр», «О тебе и обо мне», «На склоне лет». Автор проектов и редактор нескольких серий литературных альманахов и антологий, изданных в Красноярске. Среди них: «Поэты Енисея», «Поэтессы Енисея», «День поэзии Красноярского края-2004». Член редакционного совета альманаха «Русло». Член Союза писателей СССР с 1981 года и Союза российских писателей с 1991 года. Живёт в Красноярске.

БОМЖ. И когда правительство неожиданно объявило дефолт, и деньги обесценились, оказался я у церкви, на паперти, на Бога уповающий.

Стою, прошу подавание. И тут ко мне подходит мой старый школьный друг Виталий Огарков в образе Дьявола и говорит:

— Степан! Какая встреча! Давно не виделись! Что ты здесь делаешь?

— Да вот, христарадничаю.

— Кончай это гнусное дело! Пойдём ко мне в мастерскую. Это недалеко.

— Так ты мастер?

— Мастер! И ещё какой! Художник-таксидермист. Чучельник, если по-русски. Делаю чучела зверей и птиц — орлов, ворон, чаек, волков, рысей, медведей... И Москва, и граница просто в восторге. В общем, процветаю. Хочешь, твоё чучело сделаю? — засмеялся Виталий. — Ну, не прямо сей момент, а через пятнадцать лет.

— Шутишь?

— Какие могут быть шутки в наше непростое и трудное время? Соглашайся, богатым человеком станешь.

Посидели мы с ним в мастерской среди неподвижных зверей и птиц, водочки попили. Захмелел я с голодухи и согласился.

И составили мы договор, по которому я через 15 лет отдаю своё сердце спонсору, скелет — медицинскому институту, а мышцы и кожу — ему, Виталию-таксидермисту.

Подписал договор — и зажил припеваючи.

Вселился в новую квартиру.

Женился на новой молодой жене.

Зарегистрировал свой бизнес по ремонту и продаже сотовых телефонов...

И забыл, счастливый, о времени, в котором живу.

И пролетели пятнадцать лет как пятнадцать минут.

Луна передвигалась по тёмному безоблачному небу, освещая мои мысли.

Жена, ничего не подозревающая, лопотала что-то детское во сне.

А я слушал биение своего уже не принадлежащего мне сердца и повторял:

— Как же так? Как же так? Как же так?

— Что-то ты сегодня бледный какой-то? — спросила жена утром. — И не поел ничего.

— Да не хочется, — сказал я, — пойду, пройдуся по свежему воздуху, может, аппетит и появится.

— Когда вернёшься? — спросила она.

— Не знаю, — сказал я.

И до 14 часов гулял по городу, пока не оказался на Копыловском мосту. Высоко! Посмотришь вниз, на мчащиеся автомобили, — голова кругом идёт.

Стою, держась за перила, гляжу, а ко мне Виталий Огарков с каким-то квадратным мэном направляется и говорит, улыбаясь:

— Без паники! Знакомся, Степан, это твой киллер.

И спустились мы вдвоем с моста, я в центре, они по бокам, на проезжую часть улицы, и вынул киллер из-за пазухи пистолет с глушителем, и приставил к моему правому лёгкому, и беззвучно выстрелил...

Откуда ни возьмись, подъехала вдруг машина скорой помощи, и меня, истекающего кровью, привезли в БСМП — Больницу скорой медицинской помощи.

Операционная. Два стола. Две бригады хирургов. И на одном столе ждёт уже меня мой незнакомый благодетель, мой спонсор.

Рассекли хирурги лазерными скальпелями его грудь и мою грудь, и вынули из грудной клет-

ки его старое дряблое сердце, и пересадили ему моё молодое, здоровое...

И покинула душа моя, Дьяволу проданная, земную оболочку...

И сделал Виталий Огарков из меня чучело, а скелет мой, скреплённый до мельчайших косточек железными скобками, отдал в медицинский институт, чтобы, как и было договорено, изучали по нему студенты строение человека.

И стал жить спонсор с моим сердцем в коттедже на берегу Средиземного моря.

А перед входом в коттедж, под стеклянным колпаком, поставил моё чучело.

— Кто это? — спрашивают его крутые высокопоставленные гости.

— Это? Это мой донор, — отвечает хозяин, радуясь гостям и мягкому средиземноморскому солнечному дню.

А жена моя молодая, вдова соломенная, спиритизмом увлечённая, вызывает каждой ночью меня, без вести пропавшего, сама с собой разговаривает. Узнать всё про меня хочет.

Вот и пришлось мне составить рассказ этот для сеансов столоверчения.

Пусть прочтёт и успокоится, и может, не будет тревожить после этого душу мою грешную.

98

АМНЕЗИЯ

— Дорогие читатели и почитатели таланта нашего всеми любимого поэта и писателя Сергея Михайловича Халаявина! — воскликнула директор литературного музея Маргарита Веселкова. — Мы собрались здесь сегодня, чтобы отметить восемьдесят лет со дня рождения юбиляра и выход в свет книги «Амнезия», приуроченной к юбилею.

Книга содержит 500 чистых страниц и лишь одну фразу «Ничего не помню!», повторённую 500 раз вверху над каждой страницей. В этом, как сейчас принято говорить, её прикол.

Писатель пережил тяжёлую психотравму в связи с революционной ситуацией 1991 года и наступившими переменами в нашей стране и этой фразой как бы обозначает свою нынешнюю гражданскую позицию.

Но мы-то всё помним!

И на сегодняшнем юбилейном вечере устами выступающих попытаемся воскресить славный жизненный путь нашего любимца, лауреата Сталинской премии, полученной за роман «Широка страна моя!», когда автору было всего лишь 25 лет.

Он — кавалер Золотого знака «Почётный член КПСС», многих орденов и медалей, а также Почётный житель нашего прекрасного сибирского города Абаканска, дай Бог ему долгих лет!

Давайте же поучаствуем в акте коллективного творчества!

Дело в том, что недавно наш музей получил в подарок от мэрии самую современную электронную издательскую систему, позволяющую всё, что вы скажете в микрофон, пропустить через компьютер, отпечатать и сброшюровать.

Так что к концу нашего литературного вечера каждый из присутствующих получит на память альтернативную «Амнезии» книгу под чудесным названием «Как сейчас помню».

В уютном зале Литературного музея собралось человек 50 пожилых и очень пожилых людей.

Картины абаканских художников по стенам.

На сцене — старинный инкрустированный столик с гнутыми ножками. Справа — бархатное малиновое кресло, в котором расположился виновато улыбающийся юбиляр.

Тросточка. Очки с толстыми линзами. Слуховой аппарат над левым ухом. В хрустальной вазе — красная гвоздика. Слева — рояль.

Я зашёл в музей случайно, проходил мимо — и зашёл от нечего делать, прочитав объявление, в котором было написано: «Приглашаются все желающие».

Два часа длилось мероприятие.

И действительно, в самом конце, когда все участники высказались и в соседнем фуршетном зале пили чаю и коньяку, вкусно закусив праздничным бисквитным тортом, я, как и было обещано, получил шикарно изданный томик под названием «Как сейчас помню». Тираж 50 экземпляров. Библиографическая редкость, которую я всегда спокойно могу перелистать и прочитать самые интересные места.

— Как сейчас помню, — сказал какой-то маленький старичок в мышиного цвета костюме. — Строили мы с Серёжей Халявиным величайшую тогда в мире Абаканскую гидроэлектростанцию. Я был плотником. Он — бетонщиком. Я сколачивал опалубку, а он заливал внутрь бетон и вибратором, вибратором, вручную распределял его равномерно, чтобы не было воздушных ракушек, чтобы стояла плотина века и чтобы светили нам её огни, зажженные нашим всенародным трудом, кстати, незаконно приватизированным сейчас и отданным в частные руки. А тогда...

Романтичное было время! Романтики съезжались на стройку по комсомольским путёвкам. Получали на благоустройство по 700 рублей. Жили в палатках и пели песню, сочинённую Сергеем, мелодия народная:

*Ах ты, сука-романтика,
Абаканская ГЭС!
Я приехала с бантиком,
А уехала — без...*

К сожалению, многие не выдерживали трудового напора и энтузиазма и, проев или пропив 700 рублей, позорно бежали со стройки... Не такие были мы с Сергеем!

— Не помню, — сказал юбиляр.

— А я помню, помню, как впервые прочитала, а потом перечитывала книгу Сергея Халявина, — сказала какая-то старушка в серой вязаной длинной кофте. — Книга называлась «И пошёл бетон!».

Восторгу моему не было предела. Я как бы почувствовала себя членом бригады бетонщиков и всю тяжесть бетона, и всю радость созидательного труда!

А работала я тогда завлитом в Театре юного зрителя.

И предложила главному режиссёру сделать постановку по этой замечательной книге.

Как он тогда загорелся! Как вдохновились моим предложением молодые артисты! С каким триумфом прошла премьера! Как радовались зрители, сопереживая показанному на сцене трудовому порыву!

К сожалению, пьесу вскоре запретил идеологический отдел Абаканского обкома за то, что в ней якобы недостаточно освещена руководящая роль партии в созидательном строительстве.

Зато как там ярко и неповторимо была показана любовь передовика-бетонщика Антона Поддубного и крановщицы Алёны Берёзкиной! Как страстно целовались они над плотиной, перекрывающей могучие сибирские речные просторы!

— Не помню, — сказал юбиляр.

— А я хочу сказать, какой Сергей Михайлович был общественник, активист и жизнелюб.

Много лет возглавлял он нашу Абаканскую писательскую организацию. Соберёмся мы, бывало, группой, три-четыре писателя и поэта, — и едем в писательском микроавтобусе по области, по городам и сёлам, по клубам и дворцам культуры, пропагандируем своё творчество, стихи

читаем, рассказы, байки травим, с народом общаемся, о его проблемах узнаём, чтобы, значит, потом достойно в своих новых нетленных произведениях отразить.

Хорошо жил народ! Как говорится, в нищете да не в обиде. В равенстве и братстве, особенно это было видно в застольях после выступлений. Все были рады пообщаться с живыми писателями. Почему-то сочетание «живые писатели» у всех вызывало неподдельный восторг.

Ох уж и крепок был Сергей Михайлович! Живее всех живых! На спор мог выпить десять бутылок водки за один вечер!

А уж как женщины его любили, как любили! И так, и за произведения, конечно. Не в одном теперь городе и селе вспоминают о нем его талантливые наследники. Русский корень. Сибирский характер!

А сейчас что?

Вырождается русская нация, падают демографические показатели. И нет таких богатырей, как Сергей, способных возродить Россию!

После этих слов пылкого оратора в зале произошло некоторое замешательство. Поднялась взволнованная старушка в сером, накинутом на голову платке, и сказала:

– Неправда! Сережа всегда был примерным семьянином и однолюбом. Это я могу подтвердить как его законная жена, которая верой и правдой, бок о бок, душа в душу, много лет...

А если кто сейчас и хочет записаться в его наследники, то ничего у него не получится! Пусть так и знают! Ведь правда, Серёженька?

– Не помню, – сказал юбиляр.

– Но гимн прекрасного сибирского города Абаканска, который мы с тобой сочинили, стихи твои, музыка моя, ты не можешь не помнить! – сказал старичок в сером, выдавшем виды фраке и в серой манишке, галстук-бабочка на шее. – Ведь за него, собственно, тебе и мне, композитору, было присуждено звание «Почетный житель Абаканска».

Композитор сел за рояль, взмахнул морщинистыми пальцами, покрытыми коричневыми пигментными пятнышками, и запел:

*Абаканск, до чего ж ты красивый!
И дома, и мосты над рекой...
Лучший город земли и России,
Я люблю Абаканск мой родной!*

И вдруг старички и старушки как по команде встали и подхватили припев:

*Я люблю, я люблю, я люблю,
Я люблю Абаканск мой родной!*

У всех на глазах мерцали слёзы радости и восторга.

Юбиляр молчал. Он не помнил слов когда-то сочинённого им по заказу гимна.

Убаюканный пением, он закрыл глаза и словно дремал...

Когда же все захлопали в ладоши, он вздрогнул, приподнялся в полупоклоне с бархатного малинового кресла, опёрся на тросточку, поправил слуховой аппарат и произнёс:

– Я ничего не помню, но сказать могу.

Мне очень симпатичен портрет человека, который вы нарисовали в своих речах. Неужели это я?

– Ты! Ты! – дружно закричали старички и старушки.

– В таком случае приглашаю всех выпить за моё здоровье!

И гости быстренько перешли в фуршетный залчик, где посреди стола возвышался праздничный бисквитный торт – чудо кулинарного искусства в виде головы юбиляра в натуральную величину.

Полное портретное сходство.

И директор Литературного музея Маргарита Веселкова, обратившись к юбиляру, сказала:

– Дорогой Сергей Михайлович! Вам предоставляется право самому угостить нас этим чудесным тортом!

И юбиляр взял поданный ему длинный нож и разрезал дрожащей рукой свою голову пополам под громкие продолжительные аплодисменты.

БОРЬБА С АЛКОГОЛИЗМОМ

Когда в мае 1985 года Генеральный секретарь коммунистической партии (чуть было не написал – гениальный) Михаил Сергеевич Горбачёв издал указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом в Советском Союзе, к нам в прекрасный сибирский город Абаканск приехал представитель из Москвы, чтобы держать ситуацию под контролем.

И началось!

Водки и вина, в изобилии стоявшие в магазинах, исчезли, будто их никогда и не было.

Горожане стали тайно варить самогон.

Алкоголики перешли на тройной одеколон, лосьон, политуру, тормозную и другие спиртосодержащие жидкости.

Газета «Абаканский комсомолец», которую я читал, работая курьером в книжном издательстве, начала публиковать из номера в номер повесть молодого, подающего надежды писателя Бориса Синельникова «Мёртвая вода». Люди пили в ней водку, мёртвую воду то есть, и становились живыми трупами.

Повесть была написана явно по заказу и не отвечала внутреннему состоянию автора, которого я не раз видел пьяненьким в редакционно-издательских коридорах, изрекающего фразу: «Проклятое время! Думаешь одно, говоришь другое, а делаешь третье...»

Москвич Степан Викторович Худоногов, работник идеологического отдела ЦК КПСС, появился в издательстве неожиданно.

Наш директор тут же собрал всех сотрудников и, представив идеолога, сказал:

— С завтрашнего дня работники нашего издательства, как и весь советский народ, воодушевлённый Указом, должны включиться в борьбу с пьянством и алкоголизмом! Каждый из вас должен стать добровольно членом общества трезвости и по этому случаю сейчас же внести вступительные взносы в размере один рубль пятьдесят копеек!

Когда взносы были собраны, представитель ЦК сказал:

— Не случайно приехал я в ваш прекрасный город. Не случайно партия и правительство обеспокоились здоровьем нации. А то что же получается? Вся страна пьёт! Пьёт и дома, и на работе. Из дня в день, из месяца в месяц, из года в год, из века в век!

Так дальше дело не пойдёт.

Строитель светлого коммунистического общества должен быть трезвым и днём, и ночью, и дома, и на работе!

И Абаканское, государственное, кстати, издательство должно помогать партии и правительству проводить эту политику.

А то что же получается? Вы составили и выпускаете в свет справочник «Как стать здоровым» и там помещаете целую главу «Квас и домашние вина. Популярные рецепты». Изготовляй! Пей — и будешь здоровым! Так не пойдёт, дорогие товарищи.

К сожалению, тираж уже отпечатан. Поэтому завтра вы все как один берёте в руки бритвочки, ножницы, ножи, спускаетесь в типографию и вырезаете, вырезаете, вырезаете эту позорную главу!

— Будет сделано, — сказал директор. — Завтра начнём, а пока что давайте-ка по такому случаю устроим вечеринку и всё подробно за чашкой чая и обговорим!

И написал он записку в буфет при обкомовской столовой, и послал меня с огромным списком ликероводочных изделий... Едва уместился заказ в абалаковском рюкзаке. За что расплатился я членскими взносами только что созданного общества.

Хорошо посидели!

Славная была вечеринка!

До часу ночи звучали тосты «За трезвый образ жизни!».

Степан Викторович Худоногов, да простится мне каламбур, был со всеми на короткой ноге, рассказывал столичные анекдоты, делился свежими новостями, давал ценные указания.

А наутро — с больной головой, не выспавшийся, сидел я в типографии за широким метранпажным столом и вырезал злосчастную главу...

Один экземпляр вырезки сохранился у меня как бы случайно, так что если кто не верит моему рассказу, могу показать.

А через несколько лет Ельцин сверг Горбачёва — и началась гласность, свобода слова, перестройка... На каждом углу стали открываться частные типографии и издательства — и наше, государственное, тут же обанкротилось по причине прекращения финансирования из центра. Работники поувольнялись и перебежали в коммерческие структуры.

Наш директор, махнув на всё рукой, уплыл на севера за длинным рублём, но очень быстро там спился и превратился в типичного бомжа и бича, внешне удивительно похожего на коренного жителя севера цветом кожи и узкими глазами.

Я же не растерялся.

Гласность и свобода слова подули в мои паруса!

Зарегистрировал я частное издательство «Фортуна», взял кредит в «Крутойр-банке» и издал миллионным тиражом «Кама-сутру», один экземпляр которой вывез из Индии, побывав там в туристической поездке, мой друг поэт Михаил Злобин.

Он же её и перевёл на русский язык.

Тираж с цветными картинками разошёлся мгновенно. И стал я миллионером, крутым мэном.

Предчувствуя инфляцию и девальвацию рубля, быстро купил американские доллары, прива-

тизировал Абаканский винный завод, образовав при нем общество с ограниченной ответственностью «Кедровка».

Михаил Злобин написал по моей просьбе книгу стихов «Кутежи», и стал я в каждый ящик «Кедровки» вкладывать по экземпляру. Пускай читают, как сначала хорошо быть пьяным, а потом плохо!

Инициатива имела потрясающий успех.

«Кедровка» – водка, настоящая на кедровых орешках, стала пользоваться популярностью не только в Абаканске, но и в Москве, где на международном ярмарке была отмечена Золотой медалью, дипломом за первое место и платиновой Кедровой шишкой.

Шишка досталась поэту Михаилу Злобину. Золотая медаль – мне.

И вручал их нам, кто бы вы думали? Степан Викторович Худоногов! Борец с алкоголизмом, бывший работник идеологического отдела Центрального Комитета Коммунистической партии Советского, почившего в бозе, Союза. Идеолог, публично сжегший на Красной площади свой партийный билет. Но до этого волнующего момента он, к вашему сведению, наряду с другими работниками ЦК получил солидный счёт в банке, круглую печать и возглавил свой бизнес под логотипом «Русский квас», а ныне стал президентом Алкогольно-патриотической корпорации. Одноимённый журнал, который подарил мне С. В. Худоногов, пропагандировал народные рецепты приготовления кваса, вина и самогонки в домашних условиях, а также фирменную водку «Худоногов».

Вечер мы провели вместе.

Степан Викторович, изрядно выпив и мало-мало закусив, рассказывал мне свежие столичные анекдоты и вспоминал свою давнишнюю поездку в Абаканск, то и дело восклицая: «Славное было времечко! Славное! Думай одно, говори другое, а делай третье!»

И, уже окончательно захмелев, запел песню:

*Не повторяется, не повторяется,
Не повторяется такое никогда.*

ЛАНДШАФТНЫЙ ДИЗАЙН

На последнем курсе универа влюбился я в студентку филфака поэтессу Веронику Петрову, или просто Нику. И стали мы жить в гражданском браке, сначала тайком, а потом и с вынужденного благословения её папы и моей мамы.

Папа Вероники Иван Иванович, крутой перец, держал контрольный пакет акций всей лиководочной промышленности прекрасного нашего, любящего выпить сибирского города Абаканска, был любвеобильным и богатым многожёнцем.

Мой папа бросил меня и маму, когда мне не было и годика, поэтому я его не помню.

Мама моя заведовала департаментом образования в областной администрации.

Естественно, рос я маменькиным сыночком, точно связанный с нею неразрезанной пуповиной. Она дышала надо мной и надышаться не могла. Мечтала, чтобы стал я ландшафтным дизайнером, и сделала меня им, потому что все дороги для меня к высшему образованию были открыты. И в конце концов я получил диплом с отличием.

По этому случаю решили мы с Никой и с моим приятелем Максом пойти потанцевать в ночной клуб «Планета Абаканск».

Я надел модные джинсы и свитер, Макс обрядился во фрак. Наряд Ники представлял нечто воздушно-поэтическое. Муза во плоти. Так что на неё оглядывались, когда мы шли к «Планете» от машины.

Охранники при входе расшаркались перед Максом и Никой, а меня остановили со словами: «Вам нельзя!»

– Почему? – возмутился я.

– Сходите переоденьтесь, как ваш друг, тогда будет можно.

– Да у меня самый модный прикид в Абаканске! Даже в Москве меня в нём везде пропускали!

– В Москве пропускали, а здесь нужно выглядеть прилично.

Охранник загородил рукой проход, я откинул его руку, рука охранника изогнулась и, скользнув по моей груди, обвилась вокруг шеи.

Я начал вырываться, извиваться. Подбежал Максим. Завязалась потасовка, перешедшая в драку.

Приём. Контрприём. Удар. Ещё удар.

Ника визжит. Толпа вокруг улюлюкает.

Из глаз у меня летят искры, из носа льётся кровь...

Как нас развели – не помню.

На следующий день мама, осмотрев меня, ужаснулась и сказала:

– Едем в судмедэкспертизу составлять акт! Они ответят за каждый твой синяк, за каждую ссадину!

Папа Ники, посмотрев на меня, сказал:

— Молодец! Боевое крещение принял. Никуда ходить не надо. Никому ничего не докажешь. А с охранниками я сам разберусь.

Готовьтесь лучше с Никой к переезду в Москву. Куплю вам квартиру, подучишься в аспирантуре, а потом и к бизнесу моему подтянешься. Идёт?

И я согласился, как ни плакала моя мама, как ни возражала.

И вот в один прекрасный вечер заснули мы с Никой в самолёте в Абаканске, а проснулись в Москве, на Калининском проспекте, в шикарной двухкомнатной квартире после евроремонта, на 12-м этаже.

Красота! Вся Москва — как на ладони!

И стали мы вести московский богемный образ жизни.

Я учился в аспирантуре, повышал свою квалификацию и писал диссертацию на тему «Ландшафтный дизайн и современные коттеджи».

Ника сочиняла стихи и ходила по значным местам.

Она была не только поэтессой, но и красавицей, и очень скоро покорила все гламурные круги столицы.

Её фотография появилась на обложке журнала «Караван».

Пьеса в стихах «Танатос и эрос» вдруг пошла на малой сцене театра «Колизей», а сама она стала сниматься в бесконечном телесериале «Ник и Ника», изображая молодую продвинутую бизнесменку, патриотку, страстно мечтающую о возрождении России и о собственном ребенке.

От серии к серии кинематографическая мечта ее героини сбывалась.

А в жизни, сколько я ни предлагал Нике, все время получал отказ. — Давай поживем для себя! — возражала она. — Мы же еще молодые, а ребёнок, он от нас никуда не убежит!

Убежал. И счастье семейное, о котором мы мечтали, убежало, как вода из-под крана между пальцев.

Я и не заметил, как Ника увлеклась сначала алкоголем, потом курением всяких травок, а потом и одноразовыми шприцами, наполненными какой-то очень дорогой дурью.

Вечеринки, которые она устраивала на нашей квартире, я было пытался запретить, но безуспешно. Через салон «У Ники» прошел весь сочиняющий и играющий на гитарах авангард и андеграунд...

И когда Иван Иванович, Никин папа, крутой перец, навестил нас через год, вместо сверкающей чистотой после евроремонта квартиры обнаружил он ободранные, разрисованные губной помадой стены и горы немытой посуды на кухне и на балконе.

— Да, не справился ты, дорогой мой зять, с поставленной перед тобой задачей, — грустно сказал Иван Иванович. — А поэтому срочно все трое мы садимся в машину и возвращаемся в Абаканск, на свежий сибирский воздух, мозги ваши от столичного угара проветрить.

Услышав эти слова, Ника закатила истерику.

— Никуда я не поеду! Мне и здесь хорошо! Видала я в гробу ваш прекрасный Абаканск!

Но делать было нечего. Папа, я и шофер скрутили её по рукам и ногам, посадили на заднее сиденье джипа и поехали восвояси на дикой скорости.

Прощай, столица! Прощай, аспирантура! Прощай, богемная жизнь!

Мчались мы день, мчались мы ночь, а наутро, где-то под Омском, возник вдруг перед нами КамАЗ, груженный гравием, помигал фарами да и выехал на нашу полосу движения... И врезался в наш прекрасный лимузин, только железки и кости затрещали...

Как потом мне сказали, шофер наш погиб на месте. А нас спасатели МЧС вырезали из разбитого автомобиля автогенном...

Ивана Ивановича, живого, но сильно покалеченного, транспортировали сначала в Омск, потом на самолете в Москву, а потом — в Лондон, где его буквально сшили по частям и вернули с Того света.

После лечения в травматологии Нику по приказанию папы увезли в Италию, где она проходит курс реабилитации и лечения от наркотической зависимости.

Я, слава Богу, отделался несколькими царапинами и легким испугом и живу сейчас в Абаканске с мамой, как маменькин сынок, связанный с нею неразрезанной пуповиной.

Она буквально ни на шаг не отпускает меня от себя, так как предполагает, что столкновение с КамАЗом не случайно, и советует мне порвать всяческие отношения с Никой и ее папой. «Добром это не кончится», — сокрушаясь, говорит она.

Иногда ко мне заходит Макс, и я откладываю работу над диссертацией: жалуюсь ему на судьбу и говорю, что мечтаю о встрече с Никой, пото-

му что, несмотря ни на что, очень-очень-очень её люблю и хочу, чтобы у нас родился маленький мальчик или дочурка, мне без разницы, лишь бы она захотела. А уж я-то никогда не брошу ни ее, ни своих детей.

ЧЁРНЫЙ ПОЯС, ПЕРВЫЙ ДАН

Чтобы получить Чёрный пояс, первый дан, нужно сначала поносить Красный, Оранжевый, Жёлтый, Зелёный, два Синих, три Коричневых, и только тогда – Чёрный пояс, первый дан.

В посёлке шестнадцати борцов под Абаканском жили два брата, Степан и Иван.

Степан с отличием окончил школу, офицерское училище и стал командиром воинской части, которая располагалась рядом с посёлком. Днём он командовал частью, выполняя секретную боевую задачу, а по ночам писал стихи о любви к жене, к сибирской земле и Родине, которая его воспитала. И всё у него было – и государственная четырёхкомнатная квартира, и дети, а потом и внуки.

У Ивана же ничего не было.

Жил он на краю посёлка в избушке на курьих ножках об одном окошке, печка посередине, кровать, стул, стол да старенькая пишущая машинка, на которой он днём и ночью печатал стихи, так как тоже был поэтом.

Родился Иван на два года позже Степана, рос болезненным, и все мальчишки обижали его ни за что ни про что... Одна ножка была у него короче другой, поэтому был он признан врачами инвалидом с детства и получал пенсию. Окончил всего четыре класса и, занимаясь самообразованием, кроме как пастухом, нигде и никем не работал.

И вот, когда ему исполнилось шестнадцать лет, поклонился он отцу и матери и отправился путешествовать в Китай и Японию, чтобы научиться там искусству рукопашного боя и стать в посёлке семнадцатым борцом.

Десять лет не было его дома, а когда вернулся к родителям и брату, был на нём Чёрный пояс, первый дан.

– Никто теперь не сможет обидеть меня! – сказал он.

Так и оказалось.

Устроил старший брат показательные соревнования среди военнослужащих – и все, как один, оказались на лопатках.

Зауважали Ивана в посёлке шестнадцати борцов, погибших когда-то во время граждан-

ской войны между белыми и красными. Потянулись к нему в избушку на курьих ножках парни из посёлка и близлежащих деревень: научи да научи, покажи да покажи приёмы, сейчас, мол, время такое, за себя постоять уметь нужно.

И собрал он команду из 16 человек и стал обучать, возрождая, так сказать, историческую традицию.

А те и рады стараться. Днём учатся, а вечером – за бутылкой в магазин бегут.

Воздерживался Иван от употребления спиртных напитков. Но когда неожиданно, в один день, умерли его престарелые родители, напился на поминках – и понеслось, и пошло, и поехало...

А тут ещё влюбился нежданно-негаданно.

Приехал как-то в районный центр Балобаново и зашёл в редакцию районной газеты стихи свои показать.

Встретила его редактор газеты Маргарита Семёнова, разведённая красавица, похвалила стихи и напечатала целую полосу под рубрикой «Рождение таланта». И зачистил к ней Иван. А вскоре стал не только признанным семнадцатым борцом, но и поэтом районного масштаба. Гитару купил шестиструнную и запел:

*Маргарита ты моя, Маргарита,
Для тебя моя душа вся открыта!
И поэтому, когда захочу,
Горы с нашего пути сворочу!*

Но когда предложил он Маргарите пожениться, заупрямилась она и ответила отказом. «Хватит, – сказала, – побывала я уже в цепях Ги-меня, едва освободилась. Свободная жизнь дороже. Чего тебе? Мы друг друга любим, никто нам не мешает. Ты приходишь и уходишь, когда хочешь. Я зову тебя, когда хочу...»

Расстроился Иван, уединился в своей избушке и запил по-чёрному. Никто его утешить не может. Ни брат, который «Возьмись за ум!» говорит, ни 16 учеников, которые без присмотра остались.

А Иван как напьётся, так и куражится над ними. Я, говорит, если будете учить меня, как жить, руки-ноги вам переломаяю.

И действительно, поломал-таки одному – руку, другому – ногу, когда разбуянился, а они скрутить его попытались.

И остался в одиночестве. Все его покинули в одночасье.

И вот однажды просыпается он утром с тяжкого похмелья, а встать не может. Паралич. Кондратий разбил, как говорят в народе.

— И до чего же ты, Ваня, себя довёл! — Степан его упрекает. — Главное, почему? Зачем?

А Иван ответить не может: язык у него во рту не поворачивается.

Что тут поделаешь?

Нанял старший брат медсестру пожилую, опытную за весьма приличное вознаграждение.

Кое-как та Ивана выходила. Лишь через полтора года стал он подниматься с постели, по избушке передвигаться, за пишущую машинку садиться.

И мне, автору этих строк, письмо однажды напечатал. Хочу, мол, книгу стихов издать да с книгой этой предстать перед Маргаритой, пусть прочтёт и поймёт, какого поэта отвергла, какого богатыря сгубила ни за что ни про что.

А к письму огромную пачку стихов приложил.

Отобрал я лучшие и под названием «Мечты поэта» издал. Триста экземпляров. Твёрдый переплёт. На века!

И приехал ко мне старший его брат Степан за тиражом, и привезли мы книгу в избушку на курьих ножках. Обрадовался Иван. Ходит по избушке, левую ногу волочит, на костыль опирается, Чёрный пояс и книжку стихов к груди прижимает. А у самого из глаз две скупые мужские слезинки катятся...

ПРИЗРАК КОММУНИЗМА

— Это скорая помощь? Срочно приезжайте! У меня белая горячка! — чуть не плача закричал художник Степан Симоненко, прижимая к щеке сотовый телефон.

И всю дорогу до психбольницы тревожно оглядывался, приговаривая:

— Доктор, спасите! Доктор, помогите!

— Да успокойтесь вы, Степан Тимофеевич! — сказал дежурный врач приёмного покоя. — Вам уже ничто не грозит. Расскажите, что с вами случилось.

— Представляете, доктор, — сказал Степан Симоненко. — Сажу я у себя в мастерской, смотрю в окно на прохожих с высоты двенадцатого этажа, коньячок попиваю, а створки окна вдруг как распахнутся — и в мастерскую Ленин влетает! Да, Владимир Ильич, вождь мирового пролетариата — весь в белых одеждах и крылышки ангельские за спиной.

Влетает и говорит:

— Можно я с вами, дорогой господин-товарищ, рядышком на диванчике присяду?

— Садитесь, Владимир Ильич, — говорю, — только вы ведь умерли давно и в Москве в Мавзолее на Красной площади лежите!

— Да не умер я, не умер! Я до сих пор живее всех живых! И специально к вам телепортировался, в ваш прекрасный сибирский город Абаканск, чтобы с вами, Степан, на диванчике посидеть. Для меня это большая честь, ведь вы мне, можно сказать, неоценимую услугу оказали. Ну, наливайте, а не то улечу!

Только мы по стопочке опрокинули, а в дверь — тук-тук:

— Можно войти? — И входит Надежда Константиновна Крупская.

— Здравствуй, Володенька! Здравствуйте, Степан Тимофеевич! Можно я у вас тут немножко на столе приберу, поухаживаю, а потом и полы заодно помою?

— Приберись, Наденька! — Владимир Ильич отвечает. — А мы тут пока бутылочку до конца уговорим, за наше здоровье...

Испугался я, доктор, понял, что у меня крыша поехала, и по «03» позвонил.

— И правильно сделали! У вас, без сомнения, белая горячка, «делириум тременс», если по-научному, по латыни. Но ничего, назначу я вам курс дезинтоксикационной терапии, галоперидол, седуксен — и через три дня вы будете, ну, как огурчик, и сможете опять заниматься вашим любимым делом. Да нет, не коньячком, а творчеством!

И действительно, через три дня и три ночи художник Симоненко почувствовал себя совершенно здоровым и стал проситься на приём к заведующему отделением, чтобы решить вопрос о выписке домой.

— Ну, расскажите ещё раз, что с вами случилось? И мы решим, что с вами делать, — попросил его заведующий.

— Ах, доктор, поверьте мне, я совершенно здоров! Всё позади! И не попал бы я к вам никогда, если бы не Ленин и не угрызания совести.

— То есть?

— Знаете, была у меня вместе с художником Иваном Бондарчуком одна мастерская на двоих. Друзья мы со времён художественного училища. Вместе в Союз художников вступили. Вместе звания заслуженных получили. И всегда у нас всё было пополам.

Но вот стали мы популярными и преуспевающими — и стало нам тесновато вместе. И купил я

себе новую мастерскую. Помещение большое, типа мансарды между двенадцатым этажом и крышей в новом доме, в новом микрорайоне.

Погрузил я в машину свои картины, мольберты, краски, холсты и всякую мелочь да со своими полотнами случайно картину «Ленин в Октябре» прихватил.

Ничего особенного, картина как картина. Ильич в кепочке, пальто распахнуто. Идёт он против ветра над Невой, вдоль гранитного парапета, на фоне Петропавловской крепости. Она – за спиной, а впереди, значит, великие свершения.

Много таких картин во времена застойного социализма по заказу Худфонда было написано по всему СССР.

Давным-давно Иван забрёл как-то в красный уголок вагонного депо станции Абаканск, и партийный секретарь предложил ему картину реставрировать. А потом позабыл про неё. А после вообще не до того стало. Идеи Ленина обесценились, империя СССР развалилась и пошла по стране перестройка. Много лет пылилась картина в нашей общей мастерской, пока случайно не оказалась у меня.

– Ваня, забери Ильича! – не раз напоминал я своему другу.

– Да пускай у тебя ещё побудет. Что, тебе места мало?

И вот читаю я в газете «Вечерний Абаканск» за 1 апреля текущего 2007 года объявление: «Скупаю картины ленинской тематики по одной тысяче за полотно». И телефон.

Что это, думаю, шутка, не шутка?

Позвонил.

И приходит ко мне в мастерскую, кто бы мог подумать, настоящий американец! Смотрит на «Ленина в Октябре», «Гуд! Вери гуд!» – улыбается и сотенными купюрами отсчитывает за картину тысячу долларов...

Таким образом я неожиданно-негаданно обогатился.

А вечером звонит Иван и ту же заметку из газеты зачитывает. И спрашивает, можно ли Ильича приехать забрать?

Вот тут-то меня, каюсь, бес и попутал, жаба жадности задавила.

– Да я давно эту мазню на свалку выкинул, ещё когда ремонт делал, вместе со строительным мусором.

Соврал, а через некоторое время подумал: зачем?

Но слово – не воробей, вылетит – не поймашь.

И чтобы хоть как-то загладить свою вину, купил я на всю тысячу долларов коньяку и пригласил Ивана и других близких мне художников по духу. И устроил вечеринку. И как начал квасить с тех пор! Сначала – чтобы заглушить угрызения совести, а потом по инерции...

Квасил, пока не увидел Ленина, влетевшего ко мне в окно в виде ангела в белых одеждах.

Влетел он, присел рядышком на диванчик и говорит:

– Спасибо тебе, Степан Тимофеевич!

– За что? – спрашиваю.

– Как за что? За то, что картина с моим изображением висит теперь в Америке, в актовом зале библиотеки Конгресса и напоминает всем её посетителям обо мне и об Октябрьском перевороте в России.

Выпил он со мною коньяку и прощаться начал. Пора, дескать, мне и в другие города лететь, другие картины из небытия выручать, пока не захоронили в землю согласно моему письменному желанию.

«Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» – это ведь про меня было сказано. Пророческие слова! Жаль, говорит, не удалось установить Рай на земле, то есть воплотить мечту всего человечества. А ведь как славно всё началось!

106

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ

1. Автопортрет

Художник написал портрет своего дедушки – и через месяц дедушка умер.

– Это я виноват! – сказал художник своей жене. – Я свел его в могилу своим портретом.

– Что за чушь? – сказала жена. – Дедушка просто был стареньким, и ему пришло время помирать.

Но если ты так считаешь, не пиши больше портреты, пиши пейзажи.

Художник написал пейзаж. Чудесная березовая роща на краю деревни, где у него была дача. За рощей – речка.

Через месяц рощу вырубili, и на ее месте новый русский стал строить себе дачу из красного кирпича.

Его примеру последовали знакомые. И через год по обеим сторонам речки один за другим были выстроены коттеджи – до самого горизонта.

— Это я виноват! — сказал художник своей жене. — Мой пейзаж привлек внимание к этим местам. И зачем я только тебя послушался?

— Что за чушь! — сказала жена. — Просто время наступило такое. У людей появились деньги, вот они и стали строиться рядом с нами: и от города не далеко, и природа рядом!

Загрустил художник. Поглядел в зеркало, вздохнул — и нарисовал от нечего делать автопортрет.

А через месяц умер.

И организовала жена выставку, посвященную памяти художника. Но в день открытия выставки в городе давала концерт Алла Пугачева, и никто на выставку не пришел. Все были на концерте.

2. Сапропель

Модест Шендерович, кандидат медицинских наук, встретил развал империи СССР и начало перестройки с воодушевлением.

Едва объявили о начале приватизации, решил он приватизировать озеро Н. в трех часах езды от прекрасного нашего сибирского города Абаканска. Озеро было богато сапропелем, то есть донным илом, который обладал целебными свойствами и, по мнению Модеста, мог излечить жителей Абаканска от всех болезней, а главное — от вредного воздействия завода РТ-2, на котором перерабатывались ядерные отходы, привозимые из всех западных стран. Это воздействие вызывало импотенцию у мужчин и фригидность у женщин. Что это такое, никому, я думаю, объяснять не надо.

Модест Шендерович подал заявку на приватизацию и стал оформлять документы. А пока ездил на собственном «Москвиче» на озеро, черпал со дна сапропель, фасовал в баночки из под майонеза и продавал по договорной цене желающим.

Продажа сапропеля шла успешно, а вот оформление документов — очень и очень медленно. Папка с документами набухла, а необходимого результата все не было.

Чиновники намекали, что им нужна материальная поддержка, тогда все подписи появятся — и называли очень большие суммы, да не в рублях, а в долларах.

Поэтому деньги, вырученные от излечившихся пациентов, уходили в карманы чиновников. А тут еще появились конкуренты, которые сначала, заинтересовавшись его проектом,

предлагали войти в долю, а потом стали угрожать и требовать, чтобы он оставил свою идею по приватизации.

Но не такой был Модест Шендерович. Он наконец собрал необходимую (очень большую) сумму для самого ответственного чиновника и уже предвкушал радость победы. Документы — в папке. Деньги — в портфеле.

Перед ответственным визитом он решил отоспаться, приехал к себе на дачу, накормил любимого дога мясной вырезкой, выпил коньяку и лег спать, крепко заперев окна и двери.

А ночью кто-то облил его дачу с четырех сторон бензином и поджег.

Дача горела минут тридцать. И когда приехали из города пожарные машины, тушить уже было нечего.

3. Соседка

К моей жене пришла соседка и сказала:

— Ой, Маша, посоветуй, что делать, что делать?

Моя жена провела ее на кухню, я заварил свежего чая, и соседка рассказала, что ее сын Ваня встретил на танцах в ночном клубе «Нирвана» девушку Таню и влюбился.

Таня сказала, что она искусствовед и приехала из Москвы, чтобы написать статью о молодых абаканских художниках для престижного московского журнала «Аполлон».

Ваня проводил Таню до общежития художников, да там и переночевал.

— Представляете ситуацию? Мой сын влюбился! Да не в кого-нибудь, а в девушку из высшего общества! Папа у нее в Москве миллионер, дядя в Германии. У них там с папой общий бизнес.

Сняла я молодым квартиру на Предмостной площади, пусть поживут, что им по общежитиям мотаться? Сыну работу в своем бизнесе предложила. А Танечка: «Что вы, — говорит, — какая работа? Мы скоро в Москву переедем, а потом в Германию».

И звонит каждый раз при мне по мобильному телефону сына, разговаривает с папой.

«Папа очень рад, что я нашла в Абаканске свою половину! Он высылает в подарок «Мерседес» — Ване и «Тойоту» — мне».

«Зачем, — говорю, — вам две машины? Пусть лучше квартиру вам купит, вы и водить-то не умеете».

«Научимся! — отвечает. — Не проблема».

Потом звонит, говорит, папин брат из Германии прилетает, чтобы на нас посмотреть и деньги на переезд передать. Папа, мол, сам бы прилетел, но он попал в ДТП и сейчас лежит в больнице Склифосовского с тяжелыми травмами.

Полгода прошло в ожидании машин и приезда дяди. Я уже извелась вся. А вчера, представляете, разговаривает Танечка с папой в присутствии меня и Вани: «Когда же ты, папочка, сам к нам приедешь?» Поговорила, а Ванечка мой возьми да и посмотри по мобильнику, скоро ли деньги кончатся, а там, на счете, как было 300 рублей, которые он по карточке экспресс-оплаты загнал, так и есть.

«Что это значит? – спрашивает мой Ванечка, удивленный. – Выходит, ты никуда не звонила?

Выходит, никакого папы-миллионера в Москве и дяди в Германии у тебя нет? Выходит, ты нас дурачила и разговаривала сама с собою?» – спрашивает мой Ванечка, а губы у него трясутся, вот-вот заплачет. Я-то знаю, что у него с детства была мечта уехать и жить за границей, и встречу с Танечкой он рассматривал, как перст судьбы.

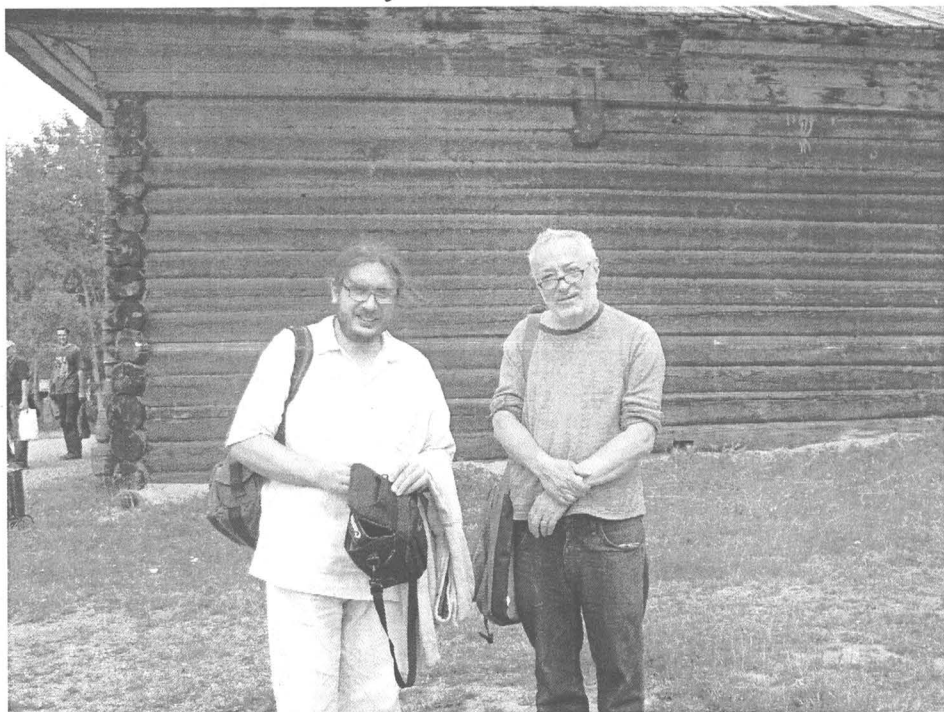
– И что мне, точнее, нам с Ванечкой, делать? – спросила соседка мою жену. – Ума не приложу, ведь совсем она не из Москвы, а из Миндерлы какой-то, и ничего у нее нет, кроме снимка УЗИ, который она вчера нам показала. Беременность двадцать недель!

– Успокойся, – сказала моя жена, – выпей чаю, все образуется. У нее ничего нет, зато у вас теперь все есть.

Каждый по-своему с ума сходит.

Литературная жизнь

Поэты Дмитрий Мурзин и Бахыт Кенжеев. Музей «Тальцы»

Сергей
ЧЕРНОПЯТОВ

ДОЛГОЖДАННОГО
МАРТА АВАНС

Что случилось сегодня с рассветом
За проснувшимся дачным окном,
Иероглиф березовых веток
Намекнул мне прозрачно о чем?

Да о том, чтобы из дому вышел,
На крыльце удивился теплу...
Что же я, как на паперти нищий,
Протянул только руку к стеклу?

Не поймет, кто не солнцепоклонник,
Как обрадовал сердце и глаз
Вдруг упавший на мой подоконник
Долгожданного марта аванс.

Кто-то пусть пристраивать привык
Брошенных собачек и котов.
Болен я судьбой бродячих книг,
Мерзнущих у мусорных бачков.

С детства нет надежнее друзей,
Как спешил сквозь сонные дома
Кипы пожелтевших новостей
Сдать за вечно юного Дюма.

Помнятся походы по дворам
За печатным топливом печным.

109

Двадцать возжеленных килограмм –
В пять часов утра был сто вторым.

Кто-то ищет крышу для котят,
Я же объявление крою:
«Нужен дом, в котором приютят
Молодость бумажную мою».

На задворках унылой деревни
За сугробами стынет изба.
Нету тропок ни справа, ни слева,
На истопку ушла городьба.

Этот дом словно вышел на паперть,
Только что ему можно подать?
Там стаканам граненым насмерть
С недопитой бражкой стоять.

По коверу из оконных осколков
По-хозяйски гуляет метель,
Пожелтевшие виды Нью-Йорка
Закрывают мне бревнами щель.

Двери хлопают, с ветром играя,
Взгляд печи обжигаете пуст.
На продавленной койке вздыхает
Вековая российская грусть.

Урок к звонку катил на тормозах,
Доска висела неприлично чистой.
Седой учитель с горечью в глазах
Рассказывал, как воевал танкистом.

Такую боль он вкладывал в рассказ,
Войны отдернув розовую штору,
Что слышались и гусеницы лязг,
И с матерком рычание мотора.

И нет уже ни класса, ни доски,
Ни нас еще пока на этом свете.
Есть только в русском танке пареньки,
Пылающие летом в сорок третьем.

Под Курском битву оборвал звонок,
Восторгом заглушая канонаду.
И хмурит брови старый педагог,
Что тему задавать придется на дом.

Я о березах им,
Они мне о вине,
О водке, бабах,
О зарплате.

Я им о розовом
Весеннем скакуне,
Они: «Не врал бы,
Розовых нет, батя».

Ты нам не детский
Лучше спой куплет.
Баркова сбациай.
Ну уж, дудки!

В огнях Советский
Вспомнился проспект.
Как Чацкий я... —
Маршрутку мне,
маршрутку!

Он был после стопки отчаянно грозен,
Сквозь зубы цедил у порога:
«Не тронь Севастополь, там горе и слёзы»!
Никто Севастополь не трогал.

Исконный волжанин, он море не видел,
А я его грудь — без тельняшки.
Как будто он дрался на землях Тавриды
В бушлате морпеха отважно.

Он город-герой брал с собой на работу,
На праздники песнями славил.
И эту любовь к Черноморскому флоту
Отец мне в наследство оставил.

И вот уже я, старый тельник заштопав,
Готов за Малахов в атаку.
Кричу самолёту: «Не тронь Севастополь...»
Хотя и летит он к Ираку.

Средь рощи берёз поседелых
За стенами зданий старинных
Я знал, что отыщется дело
По сердцу для блудного сына.

Причудливы жизни маршруты.
Пройдя путь длиною в полвека,
В детсад я вернулся, как будто
Трёхлетним опять человеком.

Не балованным, а послушным
(Ведь сторож таким быть и должен).
И в комнате, полной игрушек,
Я каждую чувствую кожей.

Об этом в былом не мечтал бы,
Машинки любой я водитель,
И толпам скучающих барби
Единственный телохранитель.

Сквозь годы, что скрылись куда-то,
По новой я в детстве воскреснул,
И девочка с розовым бантом
Мне дарит на утренник песню.

Борис
БУРМИСТРОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК – КРЕПЬ РОССИИ

Какая благородная, благодатная тема – заниматься сбережением родного русского языка. Сколько великих мыслителей, философов, святых людей занимались этим. Сколько уже сказано с радостью и болью о нашем родном языке. Но снова и снова приходится возвращаться к возникающим проблемам. И все потому, что наш родной русский язык дан такой стране, как Россия, которую М. Лермонтов называл «теплой заступницей мира холодного». Вот поэтому время от времени и пытаются охладить то главное, что составляет душу России, а язык – это душа, душа первозданная. «Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело (Апостол Иак. 3. 2).

Есть книга «Тайна русского языка», написанная нерусским человеком, азербайджанцем Фазилом Ирзабековым (в крещении Василий). Эта книга должна стать настольной для всех, изучающих русский язык и говорящих на нём. Многие прекрасные выдержки из этой книги я не мог не взять для своих размышлений о родном языке.

Мы, как зеницу ока, должны беречь родное слово. Слово дано для стремления к истине. Судьба наша – в словах, нами произносимых. А ведь мы порой не задумываемся, что слова нашего языка творили святые. «Мы обязаны знать, – пишет профессор, доктор филологических наук В. Ю. Троицкий, – одухотворенный русский язык – душа России, ее святость, предметное воплощение высших духовных ценностей, нерушимое духовное состояние, без которого человек (и народ) теряет свое лицо, при погружении которого народ испытывает ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, отесняется, становится нравственно уязвимым и духов-

но бессильным». Не это ли мы сегодня наблюдаем в нашей жизни.

*Загляделся в прозрачный ручей –
И над жизнью задумался снова.
Отдохнуть бы от мутных речей
В ожидании светлого слова.
Как прекрасен родимый язык,
Как он в строки, созвучья ложится,
Словно к чистой водице приник –
До конца моих дней не напиться.*

Давайте сегодня поговорим:

о чистоте русского языка,
о школе с ее необдуманными экспериментами,
о средствах массовой информации,
о литературе, несущей как красоту слова, так и опошляющей его.

Вспомним, какие нечистоты загрязняют русский язык: это брань, хула, злоречие, это заимствование необязательных иностранных слов, это слова-паразиты, используемые в речи, это неправильное произношение слов. Случилось то, что и должно было случиться! Мы и не заметили, как словечки, производимые с подчеркнутой иронией, весь этот мусор: «чисто», «конкретно», «в натуре», «ваще», «типа того», «короче» – тихой сапой вошли в нашу речь, вытеснив из нее нормальные русские слова. Как тот же пресловутый «блин», не сходящий с уст малышей, перестал восприниматься как переименованная, но все же брань. Как и все эти «на фига», «до фига», «по фигу». Для непосвященных поясним, что «фига» означает именно ту часть тела, которую прикрывали на древнегреческих статуях. И вообще-то мат – явление нерусское. Великорусский язык есть выражение Божественной сути чувств, явлений, мыслей человека. Многие завоеватели, не сумевшие покорить душу русского человека, стали покушаться на небесную чистоту языка своими погаными устами.

«Закономерно поэтому, что ругань называется еще и inferнальной лексикой, ведь *инферно* по-латыни означает *ад*». Массовым (неужели так много межеумков в России?) стало использование иностранных слов, совершенно необязательных. Таким образом, мы теряем навсегда наши исконные слова, приучая людей с трудом выговаривать названия учреждений, мест общественного пользования и многое другое. «Экофлет» (квартира), «тан-хаусы» (городские особняки) или вместо чайных, кофеен, блинных, шашлычных, столовых и т. д. – бизнес-ланчи, кофе-хаусы, кебаб-хаусы и даже блин-хаусы. Но вояз и в названиях магазинов, вернее, не магазинов,

а гипермаркетов и мегамоделей: «Ромстор», «Икса», «Монмартр», «Вэй-Парк», «Ашан» и др. А у обслуживающего персонала на спине написано «Мерчендайзер» (что это, кто это?). В школах предлагают ввести «дресс-код». А это просто школьная форма, так нет, надо же «круче» – «дресс-код». Как тут не услышать слова А. С. Шишкова, обращенные сквозь время к нам: «Полезно ли славянский превращать в греко-татаро-латино-французско-немецко-русский язык? А без чистоты и разума языка может ли процветать словесность?»

Разумные заимствования могут только обогатить русский язык. Но чем же обогатился наш язык в последние десятилетия: бабки (деньги), байк (мотоцикл), башлять, шейпинг, хавальник, ништяк, пиарить, ксивник, китчмен, гей-клуб, татуаж, бодипирсинг, бойфренд, рэппер, прикид, пофигист и т. д., и т. д., а ведь этими «словами» считают приличным пользоваться и некоторые писатели, и политики, и ученые (!)

Не лишне еще раз задуматься над известной истиной: «Каков язык – таков и народ». Все вопросы русского языка и рассматриваемые нами связаны одной нитью: это просвещение в школах, в вузах, это наши СМИ, это литература, это, в конце концов, политика государства: «Граница языка есть в то же время и граница духовного мира человека». Примитивизм мышления, тупость – все от бедности и незнания языка родного: журналистика, литература, ищущие сегодня в трясине человеческих страстей только плотское, пошлостное, наносят непоправимый вред русскому языку, а значит – духовной сути человека, тем самым увеличивая количество Эллочелюдоедок. Задумаемся вместе, в чем духовный мир человека, отчего он у одних богаче, у других бедней. У Пушкина и Лермонтова объем лексики составляет 300 тысяч слов. Какой еще пример нужен?

Сегодня наше просвещение находится в постоянных экспериментах, необдуманных, без основательной базы для этого, без законодательной инициативы. Министерство образования как бы задалось целью разрушить все позитивное, что десятилетиями (столетиями) было наработано в России. Компьютеризация общества, наверное, дело нужное, но заметьте, как много мы потеряли без живого общения друг с другом, с книгой, с искусством. Компьютер – это все-таки от лукавого. Заметьте, при наборе компьютер подчеркивает чаще всего слова уменьшительно-ласкательные (машина не понимает чувственных оборотов речи). Такие слова, как «любезнейший» и другие вообще исчезли из лексикона.

Прекрасные русские обращения «сударь», «сударыня», «сударушка» заменили одним словом «господа». Сегодня мы наконец начинаем приходить к пониманию того, что «продвинутость» не должна означать забвение всего хорошего, доброго в прошлом. Сегодня, когда разговор идет на уровне государственном о модернизации экономики, науки и духовной сферы, как бы вскользь упоминается о консерватизме, и это обнадеживает, ведь консерватизм – в том числе сбережение всего лучшего, что создано человеком. И сбережение русского языка – главная забота не только деятелей культуры и просвещения, но и государства. Поэтому надо принимать законы и строго требовать выполнения их. Кто-то увидит в этом опять пресловутую, надуманную проблему «ограничения свободы». Нет и еще раз нет – свобода беспредельная, неограниченная только в добродетели и добролюбии. В остальном свобода – нравственный беспредел. Нужно возвращать в школы больше уроков русского языка и литературы, нужно учить детей правильности написания и произношения русских слов, вернуть детей к творчеству, к живому обращению со словом. Изучать литературу в таком объеме и такую, которая несет слова и мысли созидательные. Вернуть сочинения в школы. А для этого и учителя должны быть знающие и любящие родной язык и литературу. Из огромного потока современной литературы нужно уметь отбирать то, что для сердца и ума – благо. Разве можно уравнивать писателей, несущих в своих произведениях позитивное, нравственное, и тех, которые разрушают нормальные, порядочные представления о жизни. В. Ерофеев и В. Личутин: произведения одного пропитаны недобрым смыслом, бранью, пошлостью, другого – чистотой человеческих отношений, беспредельной творческой возможностью русского языка.

Нам сегодня надобно помнить, что, позволяя погнать свой родной язык и эту брань и пошлость распространять – мы тем самым разрушаем основы нравственности народа. Идет неприкрытая война на уровне духовном. Я уже говорил, что язык для нас – это душа. Разрушая язык, разрушаем душу. На творение злого, пошлого – должен быть запрет. Добролюбие, добродетель – основа русского языка. Ведь добрых, ласковых слов в нашем языке гораздо больше. «Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни» (К. Успенский). Один из православных священников, живущий за пределами России, так говорил о происхождении русских слов: «Вы, рус-

ские, очень счастливые люди. Слово вашего языка творили святые». И в этом, я думаю, таинственная, созидаящая, Божественная суть Слова. «Быть языком-посредником в государстве, населенном множеством разноязыких народов, – великая, многотрудная и, как видим, далеко не всегда благодарная служба. Эта особая историческая судьба державостроительного языка, языка-собиателя» (Ю. Лошиц). А вот как говорил И. Бунин еще в 1925 году: «Нынешнему падению России... задолго предшествовал упадок литературы». И это неопровержимые исторические факты, заставляющие нас думать о том, что сбережение языка в чистоте и ясности есть залог сбережения России как государства, как великого духовного пространства в мире. На это должна быть направлена и политика государства, и общественная мысль. Оттого, каким языком мы будем говорить, на каком языке будем создавать нашу литературу, зависит будущее. Мировоззрение молодого поколения формирует не только школа. Для этого нужна законодательная база, не позволяющая разрушать наш родной русский язык. Не пора ли всем вместе ополчиться на тех, кто вот уже два десятилетия глумится над русским народом и его будущим – над детьми?! Потоки ядовитой заразы льются в неокрепшие души малышей с экранов телевизоров (этих, по чьему-то меткому выражению, икон дьявола), со страниц лживых учебников, искажающих историю нации, посредством разного рода программ в детские головы подспудно вдалбливаются блудливые мысли и чувства. И добились-таки некоторых успехов. Даже единичные средние общеобразовательные заведения, в которых представители коренной национальности страны хотели бы воспитать своих детей в национальном духе, стыдливо называются школами с русским этнокультурным компонентом. Вместо краткого и емкого – русская школа. Прекрасные мысли из книги «Слово святой Руси»: «Скоро немного, что нам останется из всего русского, будут наш русский язык и наша русская словесность... Поэтому не будем пренебрегать этими доставшимися нам сокровищами. Если заветы русского слова найдут живой отклик в душе юного человека и послужат ему в качестве жизненного образца, то он сумеет остаться истинным русским – умным, справедливым, милосердным, стойким; он сумеет

постоять за свое Отечество и сохранит верность Святой православной вере».

Что сегодня происходит с изданием книг в России и у нас в области? Издаётся журнал «Огни Кузбасса». Начиная с 2010 года журнал стал Всероссийским. В 2009 году журнал был признан лучшим сибирским журналом. На юбилейных Шукшинских чтениях журналу присудили Всероссийскую премию. Идеи человеколюбия, милосердия – вот главные темы художественных произведений журнала.

Издаются в Кузбассе прекрасные художественные книги прозы и поэзии, но все это мизерным тиражом, и очень трудно писателям пробиваться к душам наших сограждан, к душам молодого поколения – сквозь лукавые сети беллетристической пошлости. Сегодня «самиздат», не тот, конечно, который запрещали по идеологическим соображениям в XX веке (там хоть были одаренные писатели), а нынешний (были бы деньги), вседозволенный, «самиздат» ничего общего с литературой не имеет, более того, вредит русскому родному языку. Конечно, не дело возвращаться к идеологической цензуре, но общественные творческие, художественные, экспертные советы, состоящие из авторитетных профессионалов, необходимы! Особенно это важно для молодых начинающих авторов. Ведь дожили до чего (из-за этого непонятного «нельзя запрещать»): начиная от Москвы и до самых окраин разрешено все – от пошлости до матерщины. Все публикуется! В газете «Литературная Россия» № 6 от 12.02.2010 г. опубликована статья «Детишки пошалили», где говорится о том, как правительство Калининградской области профинансировало отборный мат молодых «писарчуков» (это несмотря на то, что в Законе Калининградской области в ст. 57 четко прописан запрет на вульгарные, бранные и грубо уничижительные слова и выражения). И таких примеров достаточно: Красноярск – премия В. П. Астафьева уже второй раз присуждается молодым авторам, в произведениях которых каждая страница загажена ненормативной лексикой. К чему идем, нет ли в этом целенаправленного разрушения языка нашего, а значит, души нашей?! Проблемы, проблемы... Если государство не желает видеть их, нужно нам на региональном уровне с участием общественности эти проблемы показывать и решать.

г. Кемерово

Александр ГЗОГЯН,

член правления Кемеровской
региональной общественной организации
«Центр славянской культуры «ЛАД»

ДРУГ МОЙ, А НЕ ВРАГ

Нечто невообразимое происходит с русским языком последние два десятилетия. Государственные и общественные деятели, представители средств массовой информации и прочие представители публичных профессий в своих устных и письменных выступлениях с усердием выталкивают, вытесняют из обихода русского литературного языка исконно русские слова, гордо и беззастенчиво заменяя их иноязычными, создавая тем самым неприемлемую языковую ситуацию.

Трудно однозначно ответить на вопрос, ведают ли, что творят эти наши доморожденные горе-реформаторы русского языка. Если допустить, что они являются частью нашей интеллектуальной элиты, составляющей основу интеллектуального потенциала, то на поставленный вопрос напрашивается положительный ответ. Именно это и вызывает закономерную тревогу. Ведь язык и мышление представляют тесно связанные субстанции. Ещё около 150 лет тому назад выдающийся русский языковед и основатель Московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатов доказал издревле идущую связь между языком и мышлением общества.

Связь языка и мышления нередко трактуется как параллелизм речевых и мыслительных процессов. Подобно тому, как категория «содержание», будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных характеристик элементов объекта, а категория «форма» выступает как способ существования и выражения «содержания», можно, по-видимому, «язык» уподобить «форме», а «мышление» – «содержанию». Ведь мы о содержании человека, то есть о его значимости как личности, о его достоинствах судим по совокупности его интеллек-

туальных, нравственных, психологических и поведенческих характеристик, где язык выступает в роли способа отражения существования и выражения этих характеристических особенностей, создавая тем самым общую зримую картину единого целого.

Язык, в речевом варианте, отражает характер и особенности нашего мыслительного процесса. А потому ущербному мыслительному процессу соответствует ущербный язык, ущербному национальному языку соответствует ущербное общественное мышление.

Язык, будучи предназначен для выполнения коммуникативных функций, в то же время организует знания человека об окружающем нас мире, расчленяет их и закрепляет в человеческом сознании, выполняя тем самым функцию отражения объективной реальности. Иначе говоря, язык формирует категории мысли и сознания.

На этом, однако, роль и значимость языка не заканчиваются в жизни общества, он также выполняет большую консолидирующую функцию в тех или иных ситуациях. Это известно издревле. Например, в начальной стадии нашего летоисчисления передовые мыслители древнего армянского этноса считали, что для сохранения своей этнической идентичности и целостности армянской государственности необходимо наличие единства, по крайней мере, двух начал: духовного и культурного. Поэтому в 301 году впервые в мире на государственном уровне армянским этносом было принято христианство, а в 405 году была создана армянская письменность – важнейшая часть культуры армянского народа.

Роль языка в вопросе консолидации общества важна не только с точки зрения защитной функции общества, но и несёт на себе значительную политическую нагрузку, и будет носить до тех пор, пока из мира межгосударственных взаимоотношений не исчезнет ныне существующая тенденция агрессивных великодержавных устремлений, направленных на навязывание своей воли народам других государств, стремящихся учить, как им следует жить, какому богу молиться или кого иметь во главе национального государства. Принцип «разделяй и властвуй» не теряет свою актуальность, о чём говорят многочисленные примеры процессов давно минувших, вчерашних, и даже сегодняшних дней.

Не следует забывать и о той неопределимой роли, которую сыграли русский язык, литература и культура в целом, повлияв на культуру и язык других народов-сателлитов, а также народов, которые, минув промежуточные стадии развития, по существу из

феодалного уклада жизни общества перескочили на современный уровень. И, как мне кажется, это благотворное и благодатное воздействие продолжается и ныне.

Считаю необходимым отметить ещё один существенный момент. Это преемственность. Язык, письменность – если не единственные, то главные средства, через которые реализуется преемственность поколений и исторических эпох. История каждого языка неотделима от истории народа, владеющего им.

Я говорю, возможно, о банальных вещах, известных всем, но, быть может, неизвестных нашим горе-реформаторам русского литературного языка. Полагаю также, что в какой-то мере я отхожу от норм элементарной дипломатии. Но, как мне представляется, при обсуждении архиважной проблемы засоренности русского языка не до церемоний. Почему мы, например, допускаем выражение «аудитория русскоязычного твиттер» (твиттер – от английского щебет, щебетать, щебетание; чирикать, чирикание), и не находит ли русскоязычный гражданин России некоторое неуважительное, я бы сказал, даже пренебрежительное отношение к своей личности и к стране, которую он представляет? А с другой стороны, разве это не засорение, направленное на перевод языка с уровня понятийного на более низкий – бытовой уровень, с урезанной и искажённой смысловой нагрузкой, о чём беспокоится наш соотечественник кузбасский писатель Михаил Анохин, опубликовавший в декабре 2007 года в областной газете блестящую статью, посвящённую русскому языку?

Можно привести множество примеров неуважительного отношения к языку. Остановлюсь на одном. В 2007 году в Кемерове был выпущен буклет под названием «Социальные услуги населению через партнёрство НКО и власти», в редакционную коллегия которого были вовлечены учёные в областях филологии и филологии и другие личности. Со слов авторов, проводился опрос населения по репрезентативной выборке с использованием метода уличного и личного (face-to-face) опроса. Создаётся впечатление, что авторы решили оригинальничать, проявляя неуважение к читателям, далеко не каждый из последних знаком со словом репрезентация (англ. representation). С другой стороны, применяемый авторами буклета «супер-оригинальный» метод face-to-face, означающий «лицом к лицу», «слаборазвитому» российскому читателю намекает о взаимной позиционной ориентированности сторон процесса интервьюирования и в то же время даёт понять о на-

личии другого метода под названием «back-to-back», означающего «спина к спине», но несколько иного позиционно-ориентированного толка. Усматривается не только издевательство над чувствами русскоязычного читателя и самим русским языком, но и наличие упадка и нищеты нрава. Ведь это не только беззастенчивое захламление самого языка и инфицирование мыслительного процесса его носителя, но и оскудение разума...

Авторы вышеупомянутого буклета общественную организацию «Кузбасский центр «Инициатива» считают своеобразным брендом (с. 43). Кстати, слова бренд, бонус, тренд и другие употребляются многими говорящими и пишущими, в том числе первыми лицами федерального уровня. Русский язык засоряют как политики, так и чиновники всех мастей, народные избранники, представители рекламных и развлекательных структур, теле- и радио-ведущие, спортивные комментаторы, корреспонденты средств массовой информации и другие, забывая, что отношение к языку является показателем нравственного уровня человека, его нравственных ориентиров. Общество, переставая быть нравственным, перестаёт быть обществом.

Во второй половине 2009 года в связи с разговорами о повышении размеров пенсий для пенсионеров, имеющих трудовой стаж со времён советской власти, из какого-то глухо упакованного языкового пласта кем-то из чиновников, не языковедом, было извлечено слово «валоризация». Это слово нельзя найти ни в одном из словарей русского языка и в энциклопедических словарях. Единственное место, где оно нашло себе пристанище – «Орфографический словарь русского языка» (1986, с. 36), но без всяких пояснений. В англо-русском словаре можно встретиться со словом *valorize*, означающим «устанавливать и поддерживать определённые цены путём государственных мероприятий» (например, покупкам по завышенным ценам, займам и т. п.). Читателю, вооружённому этими сведениями, представляется возможность пофантазировать о целесообразности внедрения английского языка в обиход русского литературного языка. У меня возникает вопрос: неужели лингвистическими проблемами тоже поручено заниматься когорте высшего эшелона власти, людям, подобным Чубайсу, обоблававшему своей афористической «ваучеризацией» законопослушный русский народ? Вот уж точно подмечено И. Гёте, что из всех воров самые вредные те, которые крадут одномоментно и наше время, и наше настроение.

Чем же не привлекателен русский литературный язык «реформаторам»? Если подвергнуть сравнительному анализу сферы разных языковых культур, можно не сомневаться, что наш язык окажется самым совершенным или одним из самых совершенных классических языков цивилизованного мира. Русская литература славится проникновенностью, глубиной и оригинальностью лиризма, она способна передавать самые тончайшие оттенки чувственного мира человека, его переживаний, творческой фантазии и полёта мысли.

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...*

Только истинный представитель русской культуры и языка, русской словесности способен так метко, лаконично, изящно и лирично выразить свои мысли, свои чувства, любовь к народу своего Отечества. Смею утверждать, что гениальность А. С. Пушкина не проявилась бы так ярко, если бы он был представителем иной национальной культуры, к примеру, эфиопской. Вспомним вечные строки романа «Евгений Онегин»:

*Когда благому просвещенью
Отдвиним более границ,
Со временем (по исчисленью
Философических таблиц,
Лет через пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно...*

С большим удовольствием я слушаю выступления Патриарха Русской православной церкви Кирилла. Его речь насыщена истинной мудростью и глубоко содержательными, с точки зрения нравственных и иных ценностей, словами. Используемый им огромный словесный фонд, язык, отточенный до предела лаконичностью и изяществом выражений, буквально завораживает слушателя и наполняет его душу любовью к родному языку.

Литературный русский язык является уникальным явлением русской, славянской, европейской и мировой цивилизации, а потому к нему следует относиться бережно, адекватно его значимости в формировании этой части общей культуры человечества. Замена без особой надобности составных слов русского языка иноязычными ведёт к его засоренности, захламлённости, коррозии, переводу с верхнего состояния своего развития на нижний, бытовой, уровень в худшем варианте последнего.

В то же время выхолащивает душу языка, а стало быть, и его носителя, этноса в целом, ведёт к броуновскому хаосу процесса самоидентификации.

Русский язык, так же как и другие языки цивилизованного мира, не является мертворождённым образованием с раз и навсегда очерченными непроницаемыми границами, он живой и находится в постоянном развитии. Языки характеризуются динамизмом и наделены свойством расширения границ. В этом плане у всех языков процесс развития, как мне кажется, подчинён одной и той же философии, одним и тем же законам. Действительно, все языки буквально напичканы латинскими и греческими словами, делающими их, то есть языки, частично похожими, играющими как бы роль связующих звеньев между ними. В то же время расширение языковых границ идёт непосредственно вслед за развитием науки и техники. Пытливый ум человеческого гения, внедряясь в глубинные процессы материального мира, открывает новый пласт законов природы, которым подчиняется ход протекающих процессов, с одной стороны, и которые для описания требуют применения новых терминов, слов и названий – с другой. Кроме того, развитие науки открывает новые горизонты совершенствования техники, которая, в свою очередь, способствует движению науки вперёд. Такой ход событий естественен и универсален, он даёт новый толчок расширению языковых границ. В этом плане, к примеру, вполне оправданно вошли в русский язык слова «ноутбук», «файл», «сайт», «сервер», «Интернет», «пин-код», «сим-карта», «портал» и другие. Думается, что учёные разных областей науки, в том числе и гуманитарных, приведут множество примеров аналогичного характера.

Так и только таким образом происходит развитие литературного языка, если, разумеется, рост словарного фонда языка (или, иначе, расширение границ языка) принимать за развитие последнего.

О носителе высоких идей, не гибридизированных с глупыми поступками, судят по тому, носили эти идеи заряд прогресса, положительной морали и нравственного совершенства или отрицательный заряд злостной и пагубной направленности. Отношение к языку, повторюсь, – показатель нравственного уровня человека, его нравственных ориентиров. Так не пора ли вам, искажители языка, задуматься над этим? Ведь чувства не должны превалировать над разумом. Свобода выбора слов для выражения своих чувств не должна быть оторвана от адекватно уважительного и бережного отношения к собственной культуре, литературному языку, к своим корням, к национальному наследию. В противном случае мы превращаемся в злостных предателей,

осознанно внедряющих болезнетворные разлагающие вирусы, уничтожающие национальное самосознание, национальную целостность.

Что же собой представляет литературный язык? Чёткий ответ находим в разделе «Язык» Большой Советской Энциклопедии (1978, т. 30, с. 466): «Литературный язык имеет ряд признаков: обработанность, нормированность, широта общественного функционирования, общеобязательность для всех членов коллектива, развитость функционально-стилистической системы. Полнота проявления этих признаков достигается в период формирования нации, когда литературный язык сам становится важным фактором национальной консолидации...». И здесь же другое предложение: «Будучи связан с мышлением и психологией человека, его жизнью и общественным сознанием, историей народов и их обычаями, отражая национальную специфику и культуру народов, являясь формой выражения для литературы и фольклора как вида искусства, будучи основным источником знаний о внутреннем мире людей, обладая определённой чувственно воспри-

нимаемой формой, язык является источником получения косвенных данных для гуманитарных и естественных наук...».

Думается, что комментарии излишни. В этих двух ёмких предложениях, как в зеркале, отражена колоссальная роль языка не только в общественной жизни человека, но и косвенно-колоссальная ответственность каждого из нас, каждого члена общества перед собственным языком. В этих вопросах не следует быть всеядным; следует твёрдо и непоколебимо стоять на нравственных, духовных и национальных ценностях и ориентирах. А иначе чем мы выделяемся из животного мира? Неужели мы теряем всё то лучшее, оставленное нашими предками нам в наследство?

Вышеизложенное не является нравоучением и не преследует цель воспитательного воздействия на читателя. Скорее, это крик души рядового гражданина и потребителя русского языка, беспокоящегося за сегодняшнее состояние турбулентности не только самого общества, но и его языковой сферы, вызванное иноязычным ураганом.

г. Кемерово

Литературная дружба

Ханты-Мансийск. Геннадий Скарлыгин, Валентина Ерофеева-Тверская, Николай Герцен и Борис Бурмистров

Геннадий
ТЕПЛОУХОВ

ПОРА БИТЬ В КОЛОКОЛА

О ДУХОВНОСТИ ОБЩЕСТВА

Исторически так сложилось, что государства, люди которых обладают духовной общностью, выживают в самых экстремальных условиях и успешно развиваются. Но для этого нужны идеи, верования, понятные для каждого человека этого общества и принятые как простым народом, так и руководителями.

В России на заре становления государства такой идеей была христианская вера, которая объединяла народ и правителей. Вера помогала объединиться и выжить под владычеством Золотой Орды, угрозой литовского и польского завоеваний. Единство веры объединило разрозненные княжества Древней Руси и помогло освободиться от татаро-монгольского ига как раз благодаря отсутствию этого фактора у чингизидов. Христианская идея удерживала народ в рамках морали вплоть до XX века.

После революции 1917 года российское общество хотя и сменило идеологию, но объединяющую идею не потеряло. Коммунисты хорошо понимали, что только единство веры склеивает общество. Поэтому все другие постулаты веры, за исключением коммунистической, они подавили. Объединённая коммунистической идеологией (вопрос о её правомерности здесь не обсуждается) страна выстояла в борьбе с фашизмом.

Народ, сплочённый верой, нельзя победить и даже просто повалить. Все правители государства и все институты государственной власти за период тысячекратной истории это крепко помнили и укрепляли.

В новейшей истории России в конце XX века у руководителей государства исчезло понятие значи-

мости объединяющей идеологии. В результате в стране начался хаос, распад. Люди перестали видеть маяки, к которым необходимо было стремиться. Началась деградация общества, страны, народов, кризис нации. Здесь как никогда уместно определение, что кризис не в экономике, а в умах.

Под предлогом борьбы с цензурой идёт идеологическое наступление на моральные устои общества. Пропагандируется насилие, проституция, наркомания. Если раньше важнейшим средством воспитания у нас было кино, то сейчас телевидение. По всем программам в нём доминируют телесериалы про секс, убийство, насилие. Промежутки между сериалами заполняются шоу-программами, зачастую сомнительного содержания, программами типа «Пусть говорят», «Федеральный судья», «Суд идёт» и другими, может, и поучительными, но не дающими отдохнуть психике. На каждом углу забегаловки, где можно практически в любое время напиться, игровые залы с компьютерными играми, обучающими преступлению. Создаётся впечатление, что общество состоит из тех, кто совершает преступление и кто их ловит, судит и охраняет. А тем, кто работает, живёт нормальной семейной жизнью, нет места ни в обществе, ни средствах массовой информации. Идёт **массовое наступление на психическое и моральное здоровье общества.**

А что происходит с нашим образованием? Дипломы и аттестаты продаются и покупаются. Молодёжь в нашей стране имеет такие знания, что «Вторую мировую уже немного путает с Троянской». Результаты проводимых опросов по любой теме приводят в ужас. Про новое поколение уместно определение, что это «Иваны, не помнящие родства».

Писатель Анатолий Иванов ещё в доперестроечный период предсказал сценарий морального и нравственного разложения российского общества, который нам постарались навязать. Словами отрицательного героя в своём романе он описал это так: «Будем вырывать эти духовные корни большевизма, оползая и уничтожать главные основы народной нравственности. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Посеяв хаос в мозгах людей, мы немедленно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Мы найдём своих сторонников в самой России, мы их воспитаем. И вот тогда со всех сторон – снаружи и изнутри – мы и приступим к разложению. Мы как черви разъедем этот монолит. Общими силами мы

низведем все ваши исторические авторитеты, ваших философов, учёных, писателей, художников – всех духовных и нравственных идолов, которыми когда-то гордился народ, которым преклонялся... Всю историю России, историю народа мы будем трактовать как бездуховную... Постепенно, шаг за шагом мы вытравим историческую память у всех людей. А с народом, лишенным такой памяти, можно сделать что угодно. Народ, переставший гордиться прошлым, забывший прошлое, не будет понимать настоящее. Он станет равнодушен ко всему, отупеет и в конце концов превратится в стадо скотов».

Такое состояние общества необходимо исправлять немедленно и решительно. На данный момент это может сделать церковь как основа нравственности. За отсутствием иной идеологии в настоящее время необходимо вернуться к христианской в качестве основополагающей, с привлечением законодательных и исполнительных органов страны, оставляя главное направление в этой борьбе за духовенством по типу периода XIV века, во времена патриарха Алексия.

Пришло время ввести общественную цензуру на средства массовой информации, особенно кино, телевидение, гуманитарную науку, цензуру не политическую, а нравственную. В общественную комиссию по цензуре должны входить представители духовенства, гуманитарной науки, культуры, политические деятели. Необходимо противостоять агрессии на нравственные устои общества. И не надо стыдливо и пугливо оглядываться, что подумает за граница. Мы же применяем оружие для защиты, хотя оно и убивает людей. Не исключено, что следующим этапом нам могут внушать, что защищаться безнравственно, и такие попытки наблюдаются.

Я уверен, что наступило время, когда церкви необходимо бить в набат об идеологической агрессии. Другой силы, кроме христианской морали, на данный момент не существует. Иначе нас ждёт участь Золотой Орды, даже не Римской империи. Ибо нам не позволят остаться в таких же рамках, как маленькая Италия, нас просто распылят.

УРОКИ ДОБРОТЫ

Мне исполнилось девять лет, когда родители переехали из деревни, что в Кемеровской области, в рабочий посёлок Алтайского края. С Первой мировой войны отец вернулся инвалидом и в Великую Отечественную на фронте не был. В деревне же занимал «хлебные» должности, сперва работал лесником, что давало право иметь расширенное хозяй-

ство. Мы держали двух коров, несколько овец, свинью, лошадь, несколько пчелиных ульев, огород. Хотя работали много, но жили сытно. После переезда в Алтайский край отец простудился и вскоре умер, а это был год переезда. Мы с матерью остались вдвоём в незнакомом месте без родственников, друзей и даже знакомых. Мать нигде не работала. Беда, как говорится, не приходит одна, и после смерти отца нас обокрали. Воров нашли, они прятались у соседей на этой же улице, однако вещи не вернули. Остались мы практически без средств к существованию, с одной коровой в голодный 1947 год. Хотя Алтайский край являлся сельскохозяйственным районом, но люди всегда жили там впроголодь. Государственные поставки съедали всё: известно, сапожник без сапог. До сих пор удивляюсь, как нам удалось выжить.

В это время я учился во втором классе и, несмотря на голод и нищету, у меня сохранились светлые воспоминания о том периоде. В школу мы ходили с соседской девочкой, такой же голодной и неимущей и даже более, так как её мать тоже не работала, а на руках было двое детей. Помню, перед тем как идти в школу, мы всё-таки что-то хлебали, и однажды вместо портфелей взяли чашки и с ними отправились на учёбу. Я уже на пенсии, но в жизни у меня не было времени смешливее и счастливее. По-видимому, родители старались оберегать нас от горечи жизни.

В то время люди поддерживали друг друга. У отца был товарищ, перенесший Ленинградскую блокаду, после чего страдал эпилепсией, как тогда говорили, падучей. Он часто бывал у нас ещё в бытность отца, помогал по хозяйству. Хорошо запомнилось: пришёл к нам в воскресенье, мы копали картошку, и он уговаривал отца отдохнуть, так как тот недомогал. «Максим, – говорил он – отдохни в воскресенье, а то сейчас работаешь, а через три дня умрёшь». И как в воду глядел, на третий день отец умер. Помогал он нашей семье и после смерти отца и, наверное, мог бы стать мне отчимом, но я его не принял из-за его болезни, а для мамы я был, по-видимому, важнее.

В начальной школе нас учила молоденькая учительница Галина Николаевна, как я сейчас представляю, лет восемнадцати. Несмотря на свой ещё юный возраст, она нас любила и заботилась о своих учениках. Особенно выделяла нас, неимущих и голодных. После уроков нередко двух-трёх учеников зазывала к себе и чем-нибудь подкармливала, хотя ей это было не просто. Её муж, здоровый парень ростом и комплекцией, работал помощником машиниста на паровозе. Приходил домой уставший и не

очень довольный нашим присутствием, она сильно смущалась и спешила нас проводить из дома, обычно под предлогом собирать ранетки. Мы забирались на дерево и больше поедали плодов, чем собирали. Это было не только едой, но и лакомством. По окончании учебного года наша учительница самых голодных не аттестовала, то есть неставляла отметки по какому-либо предмету, мне по арифметике, и заставляла нас навещать её для дополнительных занятий, а на самом деле, чтобы нас подкормить. Я этого не понимал и было очень обидно: я же видел, что мои знания по предмету были не хуже, чем у других в классе. Сейчас-то я понимаю, что таким образом избежал дистрофии. Я преклоняю колени перед своей первой учительницей Черемисиной Галиной Николаевной.

С седьмого класса мы перешли учиться в другую школу. К тому времени моя мать уже сильно болела и часто по два-три месяца лежала в больнице. Я в эти периоды практически жил один и выживал благодаря помощи соседей по улице. Осталось в памяти: мама просила принести ей в больницу картофельных пельменей (вареников). Я их готовил и пока нёс, половину съедал сам – был голодный.

Потом мы стали пускать квартирантов. Одно время у нас жили муж с женой, освобождённые из лагеря и нигде не работавшие, по вечерам они ходили что-то воровать. Сделали попытку к этому ремеслу приспособить и меня, но так как я сильно боялся, да и вообще чувствовал себя при этом очень не комфортно, они отступились. В скором времени им пришлось бежать.

Если кое-как мы с мамой кормились с огорода, то с одеждой была сильная «напряжёнка». В восьмом классе у нас был учитель Виктор Иванович, человек, прошедший войну, и, как сейчас помню, никогда я его не видел выпившим, раздражённым, неопрят-

ным. Что удивляло, в посёлке тротуары отсутствовали, он в любую грязь умудрялся приходить в школу в чистой обуви. Одно время мне нечего было надеть в школу. Тогда Виктор Иванович отдал свою рубашу, хотя и поношенную, но целую и, как я сейчас думаю, не предназначенную на выброс. Сделано это было в тактичной форме, через мою мать.

Жили мы в то время в избушке с земляной крышей. Избушка состояла из маленькой кухни и комнаты. Кухня и комнатка разделялись тряпкой. Избушку нам отдал хозяин за «спасибо». Был он заслуженный красный командир (так говорили). Ему власти помогли привезти лес и поставить домик. Я прожил в своей избушке до семнадцати лет, то есть до смерти матери. От той поры осталось до сих пор одно сожаление: я не смог поставить столб, чтобы мне провели электричество и радио. Тогда радио было в виде тарелки. Мать умирала у меня на руках в прямом смысле. Она была в сознании. Перед смертью всё думала обо мне и наказывала ехать к её сёстрам, моим тёткам. Я отказывался, говоря, что проживу самостоятельно. У неё уже плохо ворочался язык, и она жестом попросила её поднять с постели, подёргала за чуб и умерла.

Я уехал к тётке в Сталинск, вернее, в семью её дочери, так как она сама жила у неё на иждивении. Меня приняли хорошо, дали окончить девятый класс, хотя у двоюродной сестры были на воспитании двое малолетних детей. Достаток небольшой. Сестра работала учительницей младших классов, муж – машинистом крана, да и квартира – с соседями: для нас две смежные комнаты. В семнадцать лет, после окончания девяти классов, я пошёл работать на металлургический комбинат.

Эти уроки доброты, преподанные мне в детстве, юности и ранней молодости, светят и радуют всю мою жизнь, надеюсь, до самой смерти.

г. Новокузнецк

Мария ШАМОВА,

старший научный сотрудник Новокузнецкого
литературно-мемориального музея
Ф. М. Достоевского

ЕДИНЕНИЕ БЛАГОДАРЯ ДОСТОЕВСКОМУ

(О III Международном
симпозиуме «Русская словесность
в мировом культурном контексте»)

Столичная пресса все чаще отмечает, что в последнее время, после двух десятилетий культурного сумбура, Россия становится настоящим мировым культурным центром. Происходит это прежде всего благодаря недюжинным усилиям просвещенных личностей и обществ людей, понимающих важность сохранения русского культурного наследия и чувствующих ответственность за него. Примером такой работы может послужить Фонд Достоевского, объединивший огромное количество культурных представителей во всем мире. По инициативе фонда в России уже несколько лет проводятся масштабные форумы. В декабре ушедшего года в Москве состоялся III Международный симпозиум, обозначивший свою тему очень широко: «Русская словесность в мировом культурном контексте». На него были приглашены ученые (филологи, лингвисты, историки, философы, культурологи и т. д.), писатели, переводчики, издатели из России, стран СНГ и дальнего зарубежья.

В конгрессе участвовали более трехсот ученых-русистов и литераторов из разных городов России, Украины, Белоруссии, Казахстана, стран Балтики, Молдовы, Германии, Франции, США, Японии и Китая. И это не полный список государств, делегаты которых съехались на симпозиум, потрясающий своей масштабностью и географией. Как оказалось, заявок на участие в форуме на этот раз было прислано в два с половиной раза больше отведенной квоты, поэтому организаторам симпозиума пришлось немало потрудиться при отборе кандидатов.

Проходил конгресс в подмосковном пансионате «Покровское» на заповедной Звенигородской земле

с её лесами и родниками, в свое время воспетой Пушкиным и Фетом, Чеховым, Буниным и Куприным. Сегодня «Покровское» – это целый комплекс больших уютных гостиниц (пятиэтажных корпусов, коттеджей и таун-хаузов), расположенных среди живописного соснового леса. Гостиницы оснащены оборудованными конференц-залами, малыми аудиториями, большим современным кинозалом. У каждого зала свое замечательное имя – «Летний сад», «Конгрессный», аудитории «Историческая», «Литературная», «Философская» и др.

Основной целью симпозиума было осмысление русской литературы трех последних столетий как мирового духовного феномена: ее художественного и нравственного опыта, взаимодействие с литературами других стран, а также обобщение некоторых итогов развития самой филологической науки. Поэтому задано было несколько направлений в работе: Достоевский и Толстой в мировом художественном сознании, современная русская литература и литературный авангард, русский язык как средство мировой коммуникации, проблемы литературного перевода и ведущих издательств, Россия – Запад – Восток в диалоге культур и др.

127

Игорь Волгин – президент Фонда Достоевского, известный в России и за рубежом исследователь Достоевского, писатель, профессор Литературного института им. А. Горького, указывая на объединительную роль Ф. М. Достоевского, открыл форум следующими словами: «Наряду с Пушкиным и Толстым Достоевский относится к числу тех русских писателей, чьи биографии стали частью национальной истории. Но и все полутысячелетие существования рода, к которому принадлежит автор «Братьев Карамазовых», являет нам некое метафизическое единство, заключающее в себе еще не разгаданный смысл. Разумеется, Федор Достоевский – главное скрепляющее звено в этой генеалогической цепи. Его предки, обитавшие на территории Белоруссии, России и Украины, – часть той культурной и этнической общности, которая легла в основу общерусской ментальности». И еще, с присущей ему образностью Волгин пояснил цели мероприятия: «Данный форум – попытка впрячь в одну телегу коня и трепетную лань, то есть исследователей русской литературы и русских писателей».

На секциях, посвященных Л. Н. Толстому, выступающие говорили о возрастании роли духовного наследия писателя в перспективе XXI века, возможности переосмысления толстовских идей. Высказывалась и мысль о том, что востребованность Тол-

стого в новом столетии будет сопряжена с общим кризисом мировой цивилизации.

Довольно горячей была атмосфера круглого стола «Россия на постсоветском пространстве: социокультурный и лингвистический аспекты». Он был посвящен сохранению накопленного культурного наследия в изменившейся геополитической ситуации. Его участники, приехавшие из разных стран СНГ и Балтии, говорили о судьбах русской культуры и статусе русского языка на постсоветском пространстве. Дискуссия, касавшаяся этой больной темы, выявила большой разброс мнений и проходила подчас в весьма острой форме.

Новокузнецкий музей Достоевского принял участие в семинаре «Литературные музеи: реальность и перспективы» с докладом на тему: «Музей Ф. М. Достоевского в Новокузнецке: история, особенности, проблемы и перспективы». Здесь прозвучала история появления музея со всеми многолетними перипетиями, связанными с его открытием, были озвучены мотивы создания оригинальной символично-образной экспозиции, затронут вопрос неоднозначности ее восприятия наравне с существующей неоднозначностью отношения к кузнецкой истории Достоевского. Кроме того, нельзя было обойти проблему удаленности столь значительного музея от культурных центров, проблему недоступности, связанную с расположением в социально неблагополучном, пользующемся ныне дурной славой районе города, а в действительности – в его духовном и историческом сердце.

Особенно полезной стала попытка наметить пути развития и сотрудничества литературных музеев страны и зарубежья. Порадовал неподдельный интерес работников других музеев к нашему, Новокузнецкому музею Достоевского, его необычной тематике и нетрадиционной, яркой, образной экспозиции. С не меньшей, а то и большей заинтересованностью к кузнецкой истории писателя и месту, хранящему о ней память, отнеслись ученые-филологи из Киева, Кишинева, Петрозаводска, возникали диалоги с представителем духовенства из Петербурга, издателями крупного литературного альманаха в Таллине. Подобные встречи оказывают значительное влияние на преодоление той самой пресловутой дистанционности между культурными очагами городов и стран, помогают налаживать духовные связи как между собственно представителями интеллигентской среды, так и самыми различными социокультурными средами.

В рамках программы «Специальный показ» участникам конгресса были представлены две киноверсии произведений великих классиков: «Палата номер 6» режиссера Карена Шахназарова и «Анна Каренина» Сергея Соловьева. С. Соловьев представил свой фильм публике лично, поделился с ней собственными мотивами обращения к великому роману Льва Толстого, ответил на многочисленные вопросы.

Игорь Волгин и Сергей Соловьёв

Заключительным мероприятием форума стал поэтический вечер, посвященный 40-летию знаменитой литературной студии МГУ «Луч», существующей под руководством И. Волгина. Здесь выступили поэты-студийцы разных лет: Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков (США), Александр Кабанов (Киев), Мария Ватутина, Татьяна Полетаева и др.

Участники III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте» выразили благодарность за организацию этого большого мероприятия. Много хороших слов было адресовано Игорю Волгину – инициатору и главному организатору форума, ставшего событием в культурной жизни нашей страны.

Напомню в заключение, что вместе со следующим годом грядет юбилей Ф. М. Достоевского, поэтому так важно приложить должные усилия сегодня, чтобы знаменательная дата достойно была отмечена не только в столицах, но и в нашем городе, куда на протяжении довольно длительного времени были направлены все мысли и чувства великого писателя. Кузнецкая история Достоевского оказалась вне времени и несомненно является маяком, способным (в особенности сейчас!) указать путь к тому многому в нашем культурном самосознании, что еще не достигнуто.

**Елена
ЕЛИСТРАТОВА**

ЧАСТНЫЕ ЭПИЗОДЫ ВОЙНЫ

Моя бабушка, Антонина Леонтьевна Елистратова (Тася Попова), родилась в 1922 году. Как и большинство ребят и девчат этого поколения, в годы Великой Отечественной войны ушла защищать Родину от фашистов, прошагала в составе Отдельного батальона связи 1-го Украинского фронта через всю Украину и Польшу, дошла до Германии, выжила и вернулась домой. Бабушка и сейчас жива, часто вспоминает то время. Она замечательная рассказчица, и её военные истории знакомы мне с детства. В год 65-летия Великой Победы нашего народа над фашизмом мы с бабушкой решили записать некоторые, наиболее яркие из них, и предлагаем читателям взглянуть на Великую Отечественную глазами молодой девушки-радистки.

О НАШЕЙ ЮНОСТИ

Накануне войны я училась в 32-й школе г. Анжеро-Судженска. У нас был крепкий комсомольский актив, возглавлял который секретарь комсомольской организации Хромов Сергей. Часто вспоминаю замечательных учителей: директора школы Галину Петровну Романову, Екатерину Михайловну Перову,

123

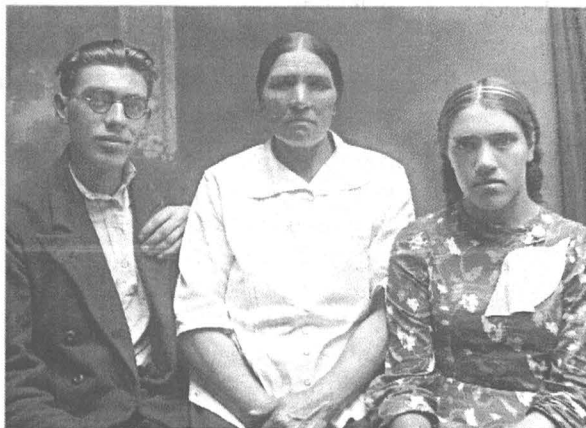
Ученицы 9-го класса: Шура Карпова, Оля Музыкантова, Тася Попова, Зина Молохова, Тася Галдаева, Нюся Чернова.
15 июля 1939 г.

Летом я поступила в Алма-Атинский юридический институт и чувствовала себя совершенно счастливой. Но через полгода объявили платное обучение. Очевидно, нашему правительству было крайне необходимо сделать такой шаг. Из-за материальных трудностей учёбу пришлось бросить. Я вернулась домой и пошла работать.

В июне 1941 года началась Великая Отечественная война.

Тася Попова.
18 октября 1941 г.
Анжеро-Судженск

С мамой и братом. 12 августа 1939 г. Анжеро-Судженск

В ДАЛЁКИЙ КРАЙ ТОВАРИЩ УЛЕТАЕТ

В мае 1942 года целую группу девушек из Анжеро-Судженска (в том числе и меня) призвали в армию. Женский эшелон был сформирован в Новосибирске за одну ночь и рано утром двинулся на фронт с песней «В далёкий край товарищ улетает...» Всех мучил вопрос: «Чем мы можем помочь Родине?» Медиков мало, большинство просто с общим средним образованием.

Ехали по военному времени очень быстро, иногда обгоняя эшелоны с мужским составом и техникой. Уже за Волгой, в Сызрани, почувствовали дыхание войны, когда впервые услышали команду: «Воздух!» Немцы бомбили железнодорожную станцию. Мы тогда, к счастью, не пострадали, только сильно испугались. Были повреждены железнодорожные пути и несколько человек железнодорожников получили осколочные ранения.

В середине июня 1942 года нас, 18–20-летних, ничего не знающих, не обученных, не принявших присяги, в разноцветных платицах и туфельках привезли под Харьков, в местечко Купянск. Там девушек ждали, и было приготовлено женское обмундирование, но при очередной бомбёжке всё оказалось уничтожено.

Разместили нас в небольшом вишнёвом садике. Несколько дней проводились индивидуальные собеседования: решали, куда кого определить. В радиороту отбирали с хорошим слухом, играющих на каком-либо музыкальном инструменте. Так я попала в радиороту Отдельного батальона связи № 618 с полевой почтой 11038Г 1-го Украинского фронта. Из-за отсутствия военной формы присягу принять мы не могли.

Примерно через 5–6 дней нас ночью подняли по тревоге и объявили, что на Харьковском направлении немецкие танки прорвали линию фронта. На всякий случай объяснили, как пользоваться бутылками с горючей смесью. В рядах построенных горесолдат слышались всхлипывания.

И вот мы яркой цветной группой почти бегом пустились вдоль Дона вместе с отступающей армией. Сначала шли днём и ночью. Спали на ходу, по очереди, поддерживая друг друга под руки справа и слева. Трудно поверить, но это давало силы двигаться дальше.

Не знаю, как удалось всё это пережить. Лето, жара, ни воды, ни еды, почти не прекращающиеся бомбёжки, обстрелы, всё кругом горит, и чуть ли не ежеминутная команда: «Воздух!», заставляющая падать и прижиматься к земле.

В один из таких налётов мы спрятались в колючем кустарнике, который тянулся вдоль песчаной дороги. Фашистский самолёт не бомбил, а, пролетая низко над дорогой, обстреливал её из пулемёта. Потом давал круг, возвращался, и снова – «тра-та-та-та» из пулемёта. Пули врезались в песок, поднимая маленькие жёлтые фонтанчики. Мне захотелось рассмотреть всё это поближе. Я подползла к дороге и уже хотела высунуть голову из кустарника, когда пожилой солдат схватил меня за шиворот со словами: «Куда ты лезешь, успеешь ещё!..» Сделав несколько кругов и отстреляв все патроны, самолёт улетел. Мы выползли из кустов и двинулись дальше.

Скоро днём отступать стало совсем невозможно из-за постоянных бомбёжек и обстрелов. Шли только ночью под покровом темноты туда, куда вели нас наши командиры.

Страшно вспомнить, что было: огромное скопление техники, солдат, брошенных автомашин с каким-то грузом, беженцев с детьми, узелками и тепляками...

Когда наша группа добралась до центральной переправы, всех охватил ужас. Все стремились как можно быстрее перебраться на другой берег Дона, чтобы не попасть в лапы фашистов, а немцы высадили туда десант и лупили по переправе из миномёта в лицо отступающим войскам. Началась паника. Командиры пытались навести порядок, стреляли в воздух, чтобы сдержать напивавших друг на друга людей. Но напрасно. Мы, очумевшие от крика, шума, стрельбы, сжались в одну пёструю кучку, когда к нашим командирам подбежал офицер высокого ранга и, не стесняясь в выражениях, размахивая оружием, приказал убираться поскорее с «этой пестротой» подальше от переправы, чтобы не нарушать маскировку.

Нам скомандовали: «Бегом!», и мы бросились вдоль Дона дальше. Обстрелы и бомбёжки не прекращались. Самолёты летали так низко, со страшным ревушим звуком, что мы ничего не могли сообщать.

Через Дон переправились на каком-то не то плотике, не то пароме, сколоченном из брёвен. Паром вмещал не много народу, и некоторые пожилые солдаты, не дожидаясь своей очереди, прыгали в воду, цеплялись за борта и так переплывали реку (благо, в том месте она была не такой широкой).

На другом берегу мы стали чаще отдыхать. В короткие минуты отдыха на поляне, в лесу и просто на дороге изучали азбуку Морзе, знакомились с профессией радиста. Где-то, кажется, в местечке Ка-

лач, нас кое-как обмундировали, и мы приняли присягу.

Отступали всё лето 1942 года, шагая под бомбёжками и обстрелами через всю Украину, через пожары, разбитые города, деревни и хутора.

Осенью наш Отдельный батальон связи наконец остановился в городе Новохопёрске Воронежской области. Временно разместились на бывшей мельнице, где текла река Хопёр. Помещение не отапливалось, ночи стояли холодные, приходилось спать, не раздеваясь, в шинелях. Но что особенно мучило нас – это здоровенные, откормленные крысы, которые по-хозяйски шныряли повсюду. Особенно много их было в тёмное время суток, так что мы боялись ложиться спать.

В Новохопёрске продолжали штудировать азбуку Морзе, немного занимались строевой подготовкой, изучали устав воинской службы, ходили в наряды – охраняли себя, имея на вооружении только карабины.

ПЕРВЫЙ НАРЯД

Недалеко от мельницы, в дубовом лесу, располагался автопарк, охрана которого была поручена нашему батальону. Ночь выдалась ненастная, тёмная. Разводящий привёл меня к дубу, на котором висел телефон. Задача моя состояла в том, чтобы себя не обнаруживать, но всё слышать и примечать и в случае опасности сообщить по телефону в штаб. Объяснив всё это, разводящий ушёл, оставив меня в темноте с карабином в руках. И я стала внимательно слушать. Пространство было наполнено звуками: шелестел ветер в кронах деревьев, поспевшие жёлуди с грохотом, похожим на выстрелы, падали в кузова грузовиков, плескалась рыба в реке Хопёр, с бульканьем шлёпались в воду всё те же вездесущие жёлуди. В довершение всего моросящий дождик отстукивал по воде и пустым кузовам машин барабанную дробь. Вскоре мне стало казаться, что началась перестрелка, враг пошёл в атаку, переходит реку вброд с единственной задачей: любой ценой захватить охраняемый мною автопарк. Ни жива ни мертва от страха, я прижалась спиной к дубу с телефоном, вцепилась в карабин и окаменела. Думаю, начнись в тот момент настоящие боевые действия, я не смогла бы сдвинуться с места и, тем более, сообщить об этом в штаб – язык мой онемел. В таком состоянии и застал меня разводящий, когда привёл смену.

Впоследствии мне приходилось ещё несколько раз ходить в наряды по охране объектов, например, охранять колодцы с водой в деревнях. Там я была

уже смелее, меня не пугала ни ночь, ни звуки. При приближении незнакомцев я бойко кричала: «Стой! Кто идёт? Переходи на другую сторону улицы!» И щёлкала затвором карабина.

В сентябре 1942 года под наблюдением командиров нас посадили за боевые радиостанции, и от нарядов по охране объектов мы были освобождены. А через пару недель мы уже работали самостоятельно сначала на радиостанциях малой мощности, а затем на всех радиостанциях, какие были на вооружении действующей армии.

ФРОНТОВОЙ БЫТ

Наша радиостанция, смонтированная на двух машинах, передвигалась за частями действующей армии, обеспечивая им бесперебойную связь. Останавливались обычно за пределами населённых пунктов, чтобы было меньше помех. Три с половиной года на колёсах... Поскольку мы не находились постоянно при своей части, питание нам выдавали сухим пайком: хлеб, консервы, крупы. Готовить чаще всего было негде. Так и ели продукты сухими, результатом чего явилась тяжелейшая анемия, ещё не раз дававшая о себе знать после войны. Но иногда, если обслуживаемая нами часть была где-то поблизости, ходили туда за горячим.

Помню один из таких случаев. Мы стояли за деревней и по тропинке через огороды бегали на полевою кухню, что располагалась в деревне. А через несколько дней по этой же тропинке прошла корова и подорвалась на mine. Оказалось, огороды заминированы. Просто корова была тяжелее...

* * *

В любом находящемся поблизости водоёмчике – ручье, болоте, колодце – старались помыться, постирать что-то, иногда без мыла (оно имелось не всегда), чтобы не зарастить грязью и не допустить появления вшей.

Но один раз за всю войну мы всё-таки сходили в баню. Случилось это в небольшом районном городке Украины, кажется, летом 1944 года. Старшина дал распоряжение:

- Сержант Попова! Поведёте отделение в баню!
- Есть! – козырнула я.

Как мы обрадовались! Взяли по кусочку мыла. Я построила девушек парами, и мы шатким строем отправились мыться.

Баня находилась в кирпичном здании. Служащая указала нам, где раздеться, где взять тазы, куда пройти. Мы разделись... В сыром и мрачном поме-

щении оказалось холоднее, чем на улице. Вода в кранах была теплее чая, если его не греть. А налитая в тазы, тут же остывала совсем. Что делать? Позвали служащую:

– Можно немного согреть воду?

– Да что вы, нет!

Подумали мы с девочками и решили мыться холодной: всё-таки чистая вода из-под крана.

* * *

Но больше всего в армии хотелось спать. В свободное от дежурства время стремились устроиться куда-нибудь и выспаться. Бывало, уставали так, что кроме сна уже ничего не интересовало. Отдыхали прямо в машине, иногда на ходу. Ни матрасов, ни подушек, ни одеял не было.

Однажды мы вошли в какой-то безлюдный населённый пункт. Кругом дома без дверей, с выбитыми окнами. Я заглянула в один дом – никого, а в углу сидит мёртвый дедушка. Я оттуда быстро выскочила. Заглянула в другой – по всей комнате летает пух из перин и подушек. Я собрала этот пух, сколько смогла поймать, набила его в рюкзак, а потом сделала себе маленькую подушечку. Она меня выручала. После войны я привезла эту подушечку домой и ещё долго ею пользовалась.

СОЖЖЁННЫЕ ДЕРЕВНИ

Пройдено немало городов, деревень, хуторов – разбитых, сожжённых, безжизненных. В памяти ярко запечатлелись два эпизода.

Зима 1942 года. Ночами передвигаться с горящими фарами было нельзя, и радиостанция остановилась возле какой-то деревни. Ни одного целого дома. Ни одной живой души. Только печные трубы. Мы замёрзли. Искали, где бы погреться. И вдруг увидели: из земли идёт какой-то дымок. Подошли ближе. Видим – нора. Дымок идёт из неё. Расхраб्रившись, решили спуститься и посмотреть. В землянке сидел старенький-престаренький дедушка. Как он выжил, чем питался, один Бог ведает. А у нас с собой даже хлеба не было...

В другой деревне, возле которой мы остановились на ночь, уцелел один дом на возвышении. А вокруг трубы, трубы... Откуда-то вернулись женщины с детьми, расположились в этом доме. Стало темнеть. Они разожгли во дворе костерок. Запахло чем-то съестным. Накормив и уложив детей, женщины собрались в кучку и запели. Красивыми, пронзительными голосами они выводили: «На в городе вирба рясна...» – так, что мороз пробирал по коже.

Мы замерли и слушали. А они всё пели, и песня лета над опустошённой землёй.

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

Зимой 1943 года нас перебросили в степь. В то время, видимо, в качестве гуманитарной помощи мы получили американские ламповые радиостанции. Отечественные тогда оснащались громоздкими электродвигателями, смонтированными на отдельной машине. А эти были поменьше и полегче. На такой малышке мы и работали, расчёт из трех радисток под началом командира радиостанции.

Тася Попова.
2 апреля 1943 г.

Я сразу невзлюбила эту иностранку. Мне казалось, что она шлёпает и квакает, как лягушка. Работали мы и на приём, и на передачу. Но слегка вкопанная в землю для маскировки, капризная аппаратура на передачу работать отказалась. Мы слышали всё, а нас не слышал никто. В ответ на отправленные радиogramмы приходили короткие шифровки: «ГУХР», что означало: «Вас не слышим!» Пришлось поднимать радиостанцию повыше, почти на крышу землянки, в которой мы жили. На работу карабкались по лестнице. Было очень неудобно, но нас стали немного слышать.

Однако поработать удалось недолго. Случилось так, что как раз во время моего дежурства сгорел весь комплект ламп. Подвела чужая техника. Конечно же, я сильно испугалась, что меня за это накажут. Но начальник радиостанции взял вину на себя. Его сразу же вызвали в часть. Я осталась за старшего.

Мы сидели без связи и ждали. Разыгралась непогода, подул сильный ветер, началась метель. А ветра в степи страшные... И тут меня по телефону вызвали на командный пункт, который мы обслуживали радиосвязью. Он находился метрах в пятистах от землянки. Я не одеваясь, лишь набросив на плечи шинель, выскочила на улицу. До командного пункта дошла, держась за протянутый провод. Но на обратном пути стоило только на мгновение выпустить его из руки, как меня тут же ветром отшибло в сторону, и я потеряла ориентир. Не видно было ничего вокруг. Я попыталась нащупать руками спасительный провод, но безрезультатно. Меня шара-

хало из стороны в сторону, я почувствовала, что замерзаю. Катившиеся из глаз слёзы превращались на щеках в льдинки. Стараясь держать направление, я ползла по снегу и думала о том, как несправедливо и нелепо будет замёрзнуть в степи, когда другие героически погибают в боях за Родину. Каким-то чудом я наткнулась на мачту своей радиостанции. От неё уже доползла до землянки. А там, конечно, вдоволь наревелась от обиды, что могла так глупо умереть.

Вскоре нам дали другую радиостанцию, назначили другого командира и перебросили на другую точку. Старшего лейтенанта, который выручил меня тогда, я больше не видела, и какова его дальнейшая судьба, не знаю. Но за комплект сожжённых ламп мне ничего не было.

* * *

В 1943 году началось наступление наших войск почти на всех фронтах.

И повели нас боевые дороги в составе 1-го Украинского фронта к долгожданной победе. Путь из Новохопёрска в Германию пролегал через города Борисоглебск, Воронеж, Курск, Сумы, Белополье, Конотоп, Нежин, Киев, Звенигородка, Черкассы, Житомир, Львов, Перемышль, Краков, Ченстохов...

ВОРОНЕЖ

Лето 1943 года. В освобождённый Воронеж войти сразу не удалось. Город был полностью заминирован. Мы разместились в палатках недалеко от Воронежа и ждали, когда сапёры закончат свою работу. Это продолжалось, наверное, целую неделю. Почти каждые 5 минут раздавались взрывы.

Возле нашего палаточного лагеря находилось колхозное поле с помидорами. Красные, спелые, блестящие, невероятно огромные, они лежали на земле, как поросята. Среди ярких тушек не видно было листьев. А собирать урожай некому... Мы тогда с девочками вдоволь наелись. Надо сказать, я видела помидоры впервые – у нас в Анжерке их никто не выращивал.

Наконец, Воронеж разминировали. Мы, радистки, отправились посмотреть, что там и как. В городе камня на камне не осталось. Лишь на какой-то площади у большого разрушенного административного здания уцелела молоденькая берёзка с нежными зелёными листиками. А неподалёку уже сидел человек с ящичком и двумя щётками и зазывал военных почистить сапоги. Мы тогда вспылили, обругали его – все воют, а он тут сидит...

Вообще, жизнь на освобождённых территориях быстро брала своё. Народ возвращался в селения и города. Откуда ни возьмись возникали базары, на которых женщины продавали или меняли тыквенные семечки, козье молоко и неизвестно из чего сделанные лепёшки. На улицах появлялись дети, куры и мелкий скот.

СМЕНИТЬ РАДИСТА

Летом 1943 года мне пришлось участвовать в боях под Курском. Нагрузка на радистов была огромная. Вели приём и передачу радиogramм. Не успеешь получить шифровку, её тут же выхватывают из рук шифровальщики и торопят: «Скорей, скорей!» Передавать приходилось большие радиogramмы: по 5 цифр в каждой группе, а их 300–500 групп... Иногда фашисты включали глушители, и тогда в эфире ничего не было слышно. А с тебя требуют: «Давай! Давай!» Я в одно из дежурств сорвала руку, работая на зуммере. Передаю радиogramму, в ответ дают «ЩЕМ», что значит – «сменить радиста»...

СМЕШАЛИ СОН И ЯВЬ ЕСЕНИНА СЛОВА

Когда советские войска взяли Курск, нас должны были перебросить в город. Радиостанции погрузили на железнодорожные платформы, мы сидели в поезде. Вдруг одна из радисток заскочила в вагон с криком: «С Зойкой плохо!» Я выбежала на перрон. Девушка лежала невменяемая, изо рта у неё шла пена. Выяснив, что Зойку собираются одну в кузове грузовой машины отправить в Курск, в госпиталь, я вызвалась её сопровождать. Девушку уложили ближе к кабине на шинель, я уселась рядом, и мы тронулись.

Вечерело. Становилось всё темнее. В небе светила большая полная луна. Мне было жутко. Я разговаривала с Зойкой, звала её по имени, а она не реагировала. Я боялась, что она умрёт. Тогда от страха и отчаяния я стала читать стихи Сергея Есенина, которого любила с детства и много знала наизусть.

Поэт в то время был в опале, и книги его не издавались, но мы, школьники, переписывали их друг у друга. Уходя в армию, я взяла с собой блокнот с любимыми строчками. Очень скоро об этом узнал наш политрук, и я была вызвана к нему на беседу.

- Вы любите Есенина?
- Да.
- Вы знаете, что он запрещён?
- Да, знаю.
- Что у вас есть?

Отпираться было бесполезно, и я рассказала про блокнот.

– Отдайте его мне.

Взамен политрук вручил мне томик Маяковского. Но где-то в бесконечных переездах я его потеряла. А стихи Есенина остались в моей голове.

И вот, трясаясь в кузове грузовичка по ночной дороге, я извлекала из памяти всё, что могла. На миг мне даже показалось, что взгляд Зойки стал более осмысленным и внимательным. Так мы ехали всю ночь. В Курске я определила свою подопечную в госпиталь и вернулась в часть.

Всё время я думала, что девушка ничего не слышала и ничего не запомнила. Однако после войны Зойка разыскала меня через военкомат и прислала письмо, в котором описывала свою жизнь. Она долго лечилась, получила группу инвалидности. Закончила письмо словами: «Я помню:

*Луна и ночь.
Курск далеко, не видно.
Смешали сон и явь
Есенина слова...»*

ТАК БЫЛО, ТАК БУДЕТ

Не помню, какой был год. Не помню название местности. Словно за ненадобностью, время стёрло из памяти эти подробности. Не помню даже, как мы оказались на маленькой разрушенной железнодорожной станции, по руинам которой гулял пронизывающий осенний ветер. Поблизости не было видно никакого жилья, и, казалось, кроме нас, трёх продрогших радисток, на станции нет ни единой живой души.

Некуда было прислониться, негде было укрыться от ветра. Чтобы не стоять на месте, мы пошли вдоль железнодорожных путей, на которых стоял товарный поезд с наглухо закрытыми вагонами. Внезапно дверь одного вагона отворилась, и оттуда выглянул мужчина средних лет, опрятно и чисто одетый, в гражданской одежде. Незнакомец производил приятное впечатление.

– Замёрзли, девушки?

– Конечно.

– Заходите, погрейтесь.

Мужчина выбросил нам лесенку, и мы, почему-то ни о чём не задумываясь, без всякого страха влезли в вагон.

Помещение, довольно чистое внутри, было разделено на две половины. В одной находилось что-то вроде склада (мужчина объяснил нам, что занимает

ся закупкой и поставкой продуктов), во второй стояла жарко натопленная буржуйка и несколько небольших стеллажей с книгами. Пока девчонки грелись у печки, я взялась рассматривать книги.

– Интересуетесь? – спросил хозяин.

– Да, я люблю литературу.

– О! Сейчас я вам дам книжечку. Прочтите хотя бы две страницы, а потом скажите, что вы поняли.

Мужчина подал мне маленькую брошюру. Времени было мало, и я, даже не посмотрев, что это за книга и кто её автор, открыла и стала читать: «В старинном-старинном городе стоят старые-старые часы. В одно и то же время часы бьют: «Так было, так будет. Так было, так будет». Пройдут столетия, тысячелетия... Так же в старинном городе часы в одно и то же время будут бить: «Так было, так будет». И всегда многомиллионная народная масса будет подчиняться воле одного человека».

Увидев, что я закрыла книгу, хозяин поинтересовался, что именно я поняла. Я объяснила, как могла.

Согревшись, мы с девчонками извинились и сказали, что нам пора. Мужчина спустил лесенку, и мы вновь очутились на промозглой пустынной станции.

Я так и не узнала, что это была за книжечка, и никогда больше она мне не попадалась.

ЗВЕНИГОРОДКА

Январь 1944 года. У нас приказ – прибыть в Звенигородку. В районе только что закончились сильные бои, танковое сражение.

Сначала ехали по заминированному полю. Машина двигалась очень медленно по проложенной колее. Наконец минное поле закончилось, и мы оказались на дороге, которую танками и снарядами размесило так, что наш «Шевролет», пройдя километра два, увяз по самым колёсам.

Ночь, темнота. Вытаскивать некому. Мы вышли и огляделись. Перед нами предстала жуткая картина: исковерканная земля, раскуроченная техника – наши и фашистские танки. Было довольно промозгло, сыро, шёл снег с дождём. Мы промокли и заочене-ли. В довершение всего у меня развалился сапог – отстала подошва. Видя такое положение, командир разрешил нам пойти на хутор, огоньки которого просматривались вдалеке.

Дошли до хутора вдвоём с одной радисткой (третья девушка решила остаться в машине). Стучим в одну хату:

– О! Нема места! Нема места!

Стучим в другую:

– Нема! Нема!

Оказалось, после боя многих наших солдат разместили по хатам.

В доме побольше увидели свет. Пошли туда. Хозяйка впустила нас. В большой комнате располагался накрытый стол, за которым сидели солдаты, ослабленные после боя, в расстёгнутых гимнастёрках, без ремней, полупьяные. Хозяйка сутилась, подавая им закуску и горилку.

– О! Девушки, заходите! – пригласили они нас к столу.

Поскольку идти больше было некуда, мы вежливо отказались от приглашения, объяснив, что сильно устали, замёрзли и хотим отдохнуть, и попросили хозяйку найти нам уголок. Женщина бросила возле печки недалеко от входной двери охапку сена и сразу ушла. Испуганные, мы затянули потуже ремни на брюках и улеглись, не раздеваясь.

Уснуть в эту ночь нам не удалось: дверь в комнату всё время хлопала, солдаты входили и выходили, отпущали в наш адрес всякие скабрёзности и гадости. Мы лежали не шевелясь, прижавшись друг к другу, и притворялись, будто спим, как мёртвые.

Утром, чуть рассвело, в хате стало тише. Зашла хозяйка с пучком соломы, чтобы растопить печь. Мы, не поблагодарив её за такой приём, выскочили на улицу. И всю дорогу до радиостанции проплакали...

Откуда-то появившийся маленький трактор вытащил наш «Шевролет» из грязи. Двигаться дальше по разбитой дороге было невозможно, и радиостанция вернулась в свою часть. До Звенигородки мы тогда так и не доехали.

Я ПО СВЕТУ НЕМАЛО ХАЖИВАЛ

Весной 1944 года мы вошли в только что освобождённые от фашистов Черкассы. Наши войска уже покинули город и двинулись дальше на Запад. Стояло раннее утро. Город был пуст. Поразила пол-

нейшая тишина – ни единой живой души вокруг. Не слышно было даже лая собаки.

До получения приказа и развёртывания радиостанции мы, расчёт из трёх радисток – Райка, Наташка и я, попросили у начальника разрешения посмотреть город. Выйдя на широкую улицу, все трое вдруг почувствовали удивительную свободу и лёгкость. Будто нет больше никого во всём мире. Не сговариваясь, мы запели во весь голос: «Я по свету немало хаживал, жил в землянке, в окопах, в тайге...»

На словах «Дорогая моя столица, золотая моя Москва» навстречу нам из переулка появился комендантский офицерский взвод. (Комендантские войска первыми входили в освобождённые города для наведения порядка.) Надеюсь, что на нас не обратят внимания, мы замолчали и, как ни в чём не бывало, продолжили свой путь. Тут ведущий офицер выскочил нам наперерез и громко скомандовал:

– А ну, бегом приветствовать строй офицеров!

Мы застыли на месте: ни увольнительных, ни документов на руках не было. Перспектива угодить в комендатуру не казалась нам заманчивой.

– А мы не умеем... – опустив руки, очень тихо хором пролепетали мы (голос сразу пропал куда-то).

Видимо, довольный произведённым впечатлени-

129

ем, офицер заулыбался и уже мягче спросил:

– Откуда вы, девушки?

– Из Сибири, – опять прошептали мы дружно.

– О! Сибирячки!..

Взвод тем временем ушёл уже довольно далеко, и, сказав ещё несколько слов и пожелав нам хорошей службы, офицер бросился его догонять. А мы, опомнившись, скорей зашагали на свою радиостанцию, радуясь, что легко отделались.

МАТРАСЫ

Осенью 1944 года мы стояли в Западной Украине, где-то подо Львовом. Меня как старшую по званию нашего боевого расчёта радисток вызвал командир роты и сказал:

– У старшины получите матрасы. А набить найдёте чем – кругом кукурузные поля.

Получили (за всю войну матрасы нам выдали впервые), рассмотрели – защитного цвета, новенькие. И пришла мне в голову такая выдумка:

– Давайте, девчонки, сошьём из них платья! Надоели юбки и гимнастёрки.

А недалеко от нашей части была плантация грецких орехов, и женщины как раз убрали урожай. Одна из них оказалась портнихой и согласилась по-

Рая, Тася, Наташа.
Декабрь, 1943 г. Прилуки

шить нам платья за сахар. И так хорошо пошила, такие красивые платья получились – загляденье: по фигурке, с рукавами, с карманами! Ну, прелесть прямо платья!

Узнал командир роты о том, что мы натворили, вызвал меня и начал отчитывать:

– Как вы могли до такого додуматься! Это казённое имущество!

Я стою по стойке «смирно» и думаю: «Ну, всё, попала я на гауптвахту». Тут в кабинет зашла жена командира, он заулыбался и, не глядя в мою сторону, бросил:

– Убирайтесь!

Я выскочила и заплакала (третий раз за всю войну). Получается, что если на мне военная форма, то я и не женщина вовсе и на меня можно кричать.

Позже командир роты, увидев, как преобразились три радистки в новеньких платьях, уже не делал нам замечаний по этому поводу и никого не наказывал.

Вернувшись из армии домой и обнаружив, что надеть нечего, так как все мои довоенные «наряды» сносила младшая сестра Саша, я ещё некоторое время ходила в платье из матраса (и в гимнастёрке с юбкой), пока через военкомат не получила американскую гуманитарную помощь – туфельки и красивое розовое платье.

НА ЗАПАД

Весной 1945 года разыгралась трепавшая меня каждый год малярия, и я оказалась в госпитале. При первом осмотре спросила у пожилого доброго до-

Сержант Попова.
12 марта 1945 г. Львов

ктора, сколько это может продолжаться.

– А откуда ты, хорошая моя?

– Из Сибири.

– Вот когда вернёшься в Сибирь, тогда и малярию забудешь.

И он дал мне шоколадку, предварительно напоив горькими порошками. Доктор оказался прав – вернувшись домой, о малярии я не вспоминала.

* * *

Во Львове в ночное время давали о себе знать бендеровцы. В город мы выходили мало и только днём. После того как застрелили часового, охраняв-

шего радиостанцию, на дежурство нас сопровождала охрана.

Покинув Львов, через Карпаты добрались до Польской границы.

Кажется, в апреле 1945 года через пограничный Перемышль переправились на польскую территорию. Запомнилось, что какая-то польская женщина угостила нас сладкими лепёшками из кукурузной муки.

Не развёртывая радиостанцию, доехали до Кракова. Война будто обошла этот город стороной – невысокие аккуратные здания с орнаментами, прогуливающиеся по тротуарам красивые пожилые дамы в шляпках с вуалью и с маленькими пушистыми собачками на цепочках. Нам было очень смешно: таких собачек в Сибири не было. У нас псы – так псы, и живут на улице!

* * *

Из Кракова почти сразу отправились в Ченстохов. По дороге остановились в маленьком городке. Там у нас была возможность готовить себе пищу на кухне в одном доме. Хозяйка, немного говорившая по-русски нарядная полячка, свысока смотрела на де-

130

1-й Украинский фронт. Январь 1945 г. Польша, г. Ченстохов

вушек в солдатской форме. Она выходила на кухню всегда в новом халате, меняя их по несколько раз в день: утром – один, в обед – другой, вечером – третий... Халаты были роскошные: то подбитые каким-то белым пухом, то лёгкие и воздушные, то яркие и блестящие. В одном из разговоров она сказала нам:

– Русские женщины не умеют одеваться. У вас нет хорошей одежды, хороших материалов...

– Если бы русские женщины умели хорошо одеваться, в вашем городе сейчас хозяйничали бы фашисты, – вступилась я за честь Родины.

Больше мы на эту тему не спорили.

* * *

Ченстохов также мало пострадал от фашистов. Была католическая Пасха. И мы втроём – девушки-радистки – пошли посмотреть костёл. Нас никто не выгнал, не делал нам никаких замечаний. Удивительной красоты фигуры Божьей матери и Иисуса Христа, сделанные в полный рост, как живые, торжественная служба произвели на нас огромное впечатление.

* * *

Польшу пересекли очень быстро. В конце апреля 1945 года, уже на немецкой земле, вышла из строя наша радиостанция. Дальнейшее передвижение с действующей армией оказалось невозможным. Командованию был ясен скорый конец войны, и ремонтировать радиостанцию вместе с радистами тем же путём оттянули в тыл, во Львов, где стоял 7-й корпус ПВО и располагался наш, теперь 265-й, Отдельный батальон связи.

9 мая 1945 года мы находились в дороге. Прибыли в свою часть уже после того, как отгрохотали салюты Победы.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Хоть война и закончилась, но отдельные банды бендеровцев не успокаивались. Как-то корпусного старшину попросили поехать в ближайшую деревню для заготовки продуктов. С ним напросилась жена нашего командира роты, чтобы купить что-нибудь подешевле для семьи. По дороге они выбрали старшего лейтенанта.

Машину остановили бендеровцы. Старшину, уже немолодого человека, который был на пороге демобилизации, изрезали ножами так, что невозможно было сосчитать количество ранений. Женщина тоже умерла от ран, оставив сиротой семилетнего сына.

Старшего лейтенанта сильно избили, и он попал в госпиталь с сотрясением мозга. Шофёра спасло то, что он успел выскочить из машины и незамеченным отползти в кусты.

Хоронили старшину всем корпусом. Был июнь 1945 года.

ДОМОЙ

Домой я вернулась в звании сержанта-радиста 2-го класса в конце августа 1945 года. Нас задержали с демобилизацией, чтобы подготовить новое пополнение радистов для мирного времени.

Ехали с фронта в пассажирских вагонах – целый поезд девушек. На каждой станции нас встречали с цветами и музыкой, говорили приветственные речи. Мне показалось, что дорога займёт целую вечность. А я всем сердцем рвалась домой, к маме и сестре. На одной из станций стоял товарняк с пожилыми солдатами и ранеными. Узнав, что поезд будет проходить через Новосибирск, я схватила свой рюкзак и забралась в один из вагонов. Поезд тронулся, и мы быстро домчались до Новосибирска, но уже без цветов и музыки.

На станции в Новосибирске радио приглашало всех демобилизованных отдохнуть, посетить столовую, места всяких развлечений. Но мне было не до этого. Я увидела скорый пассажирский поезд, идущий через Анжеро-Судженск. И хоть оказалось, что там он не остановится, а только замедлит ход, я, не раздумывая, залезла в тамбур. Так и доехала. Когда поезд замедлил ход на станции Анжеро-Судженск, мне удалось благополучно спрыгнуть с подножки.

Поскольку я не сообщала о своём приезде, никто меня не встречал.

Вечерело. Но солнце ещё светило. Я шла домой. Дорога лежала мимо кладбища, на котором был похоронен мой отец. Мне было и больно, и грустно. На минуту я присела на бугорок: «Вот, папа, я и вернулась». Никогда не думала, что придётся пережить такое.

Я встала и зашагала к дому, где меня ждали мама и сестра. Маму я увидела издали: она стояла на лесенке во дворе и что-то делала. Чтобы не напугать её, я замедлила шаги. Но меня заметила соседка и закричала:

– Ивановна! И кто идёт-то!..

Мама сползла с лестницы и побежала мне навстречу, но возле калитки ноги её подкосились, и она рухнула без сил. Я подхватила её:

– Мама! Мама! Ну что ты! Я жива! Я вернулась!..

г. Кемерово

Вера ЛАЩЕВСКАЯ,
Ольга БЕСПАЛОВА

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА: ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

*Сия библиотека строилась
для украшения Отечества.
Юношам – привлечение,
старцам – пособие,
праздным – зрелище,
занятым – забава,
учащимся – упражнение*

В пригласительном билете на торжественное открытие (1814 г.) первой в России Публичной императорской библиотеки (ныне – Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге), текст которого вынесен в эпитафию, наши предшественники определили миссию библиотеки на все времена.

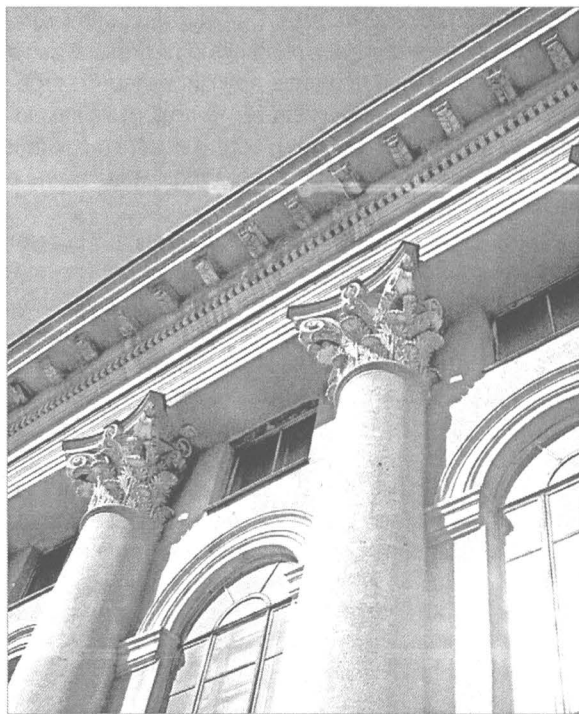
В современном меняющемся мире интерес к истории поддерживается тем, что человек и общество пытаются найти точку опоры и находят ее в культуре. Именно она свидетельствует о долговечности общества и его устоев. Осознание библиотекой своих корней помогает вписаться в новую реальность, утвердиться, показать, насколько значительна ее история, какие люди посвящали ей свои жизни.

Изучая историю, мы хотим понять, каким образом современные проблемы связаны с прошлым, найти пути решения того, что сегодня считаем главными задачами библиотек.

Собрания текстов, а позже – книг – на камне, папирусе и бересте, шелке и бумаге – древние, как сама цивилизация. Александрийскую библиотеку в Египте весь мир помнит как одно из чудес света.

Знание истории библиотек помогает людям понять простую истину – библиотеки существуют так давно, что нет необходимости на каждом витке нашей истории доказывать их необходимость и право на финансирование.

Кроме того, внимательный читатель не может не заметить, что ни одно учреждение так не связано с историей своей страны, как библиотека, живо реагирующая на все изменения политического, экономи-

ческого, философского характера, отражающая через свои фонды все многообразие жизни.

Суть библиотеки не меняется; во все времена она нужна и востребована как центр культуры и просвещения (добавим – информации). Следует, однако, помнить, что современная библиотека – наиболее сложное из всех учреждений культуры, и, чтобы ею эффективно пользоваться, необходимо овладеть определенными умениями и навыками.

Библиотека – хранилище земной мудрости, где каждый может осознать свое родство с миром человеческой культуры.

Библиотеки на практике подтверждают веру общества в образование как процесс самоусовершенствования, продолжающийся в течение всей жизни, и в ценность достижений человечества в области науки и культуры. Они предоставляют каждому равные возможности для получения образования, повышения квалификации и проведения досуга, снижая тем самым социальную напряженность в обществе и внося стабилизирующее начало.

Библиотека не решает социальных проблем, но может способствовать достижению более справедливого и разумного общества.

Через призму библиотеки общество раскрывается с неожиданных сторон, очень редких и выразительных. Надо только научиться смотреть.

Областная универсальная научная библиотека (ОУНБ) на площади Волкова областного центра согласно Закону РФ «О библиотечном деле» и Закону Кемеровской области «О библиотечном деле и обяза-

тельном экземпляре документов» – центральная библиотека области.

Светлое здание с колоннами и полукруглыми арками широких окон-витражей – одно из красивейших в небогатом на архитектурные излишества городе. Оно останавливает внимание в любое время года и дня – и в ясные солнечные дни, и долгими зимними вечерами, когда так уютны и привлекательны ее ярко светящиеся окна.

В связи с многочисленными административно-территориальными перемещениями Кузбасса (Томская губерния, Западно-Сибирский край, Новосибирская область) перед исследователями истории главной библиотеки области стоит трудная задача – «вылавливать» сведения о ней из различных источников, большинство которых вторичны, т. к. документы 1920–1937 гг. в архивах области и библиотеки отсутствуют. По этой причине авторы придерживаются направления «Время и Библиотека», что как нельзя лучше соответствует современной концепции российского исторического библиотековедения.

История переименований и изменения статуса библиотеки:

- 1920–1925 гг. – Щегловская городская библиотека;
- 1925–1932 гг. – Щегловская центральная городская библиотека им. Я. М. Свердлова;
- 1932 – июнь 1943 г. – Кемеровская городская центральная библиотека им. Я. М. Свердлова;
- июль 1943 г. – Кемеровская областная библиотека;
- с 1972 г. – научная;
- с июня 1987 г. носит имя русского поэта, уроженца Кемеровской области – Василия Дмитриевича Фёдорова.

Центральная библиотека Кузбасса основана в мае – июне 1920 г. как городская библиотека. Архивные документы свидетельствуют: 15 июня 1920 г. на общем собрании членов Щегловской (до 1932 г. город Кемерово носил имя Щегловск) организации РКП(б) (протокол № 26) принято решение о передаче беллетристики в общеобразовательную библиотеку. На 3-й уездной конференции в докладе секретаря Щегловской партийной организации К. Г. Чудинова сообщается, что подобрана и открыта библиотека. А на заседании коллегии Щегловского Уполитпросвета от 17 июля 1922 г. слушался вопрос об открытии и организации книжного магазина. В постановляющей части записано: «...открыть при Центральной библиотеке». В 1925 г. библиотеке придан статус центральной городской; к этому времени она носит имя Я. М. Свердлова.

В резолюции «О библиотечном деле» Первого Сибирского съезда по внешкольному образованию (5 мая 1920 г.) отмечено, что библиотеки края не могут в полной мере выполнять стоящие перед ними задачи. Причиной этого является полное отсутствие подготовленных, проникнутых духом социалистичес-

кого мирозерцания кадров, способных вести социально-политическую и социально-экономическую работу, пропаганду коммунистических идей. «Часть библиотекарей, – отмечалось в резолюции, – находится в плену старых представлений о библиотечной работе как аполитичной и беспартийной». Таким образом, на долгие годы первоочередными задачами библиотек стало участие в политических и хозяйственных кампаниях, пропаганда решений партийных и советских органов.

В конце 1919 – начале 1920 г. развитие Сибири вступило в новую фазу – период культурного строительства. Основными организационными центрами библиотечного строительства в городах являлись библиотечные секции внешкольных подотделов губернских отделов народного образования. При Щегловском отделе народного образования библиотечная секция была создана 13 апреля 1920 г. На эту должность назначается бывшая учительница Н. Уварова. В своей докладной записке она отмечает, что в «Щегловском уезде в прошлом существовало 3 библиотеки: при обществе потребителей в Щегловске, железнодорожная – на ст. Топки и на Кемеровском руднике. Библиотеки же принадлежали частным организациям, а земской была одна библиотека, присланная Губернским земством в 223 экз. – исключительно беллетристики». Далее, отчитываясь за сделанное в 1920 г., Н. Уварова отмечает: «получив такое бедное наследство, секция не могла сделать много: за все время существования отдела удалось организовать Центральную библиотеку в Щегловске с числом книг 1421 экз., 6 передвижных – с количеством книг от 125 до 139, по преимуществу политического характера; положено начало организации 6 районных библиотек. После переворота население повсеместно потянулось к свету знаний, отовсюду полились требования книг, литературы, открытия библиотек, но сделать почти ничего не удалось – нет квалифицированных кадров, работу чаще всего совмещают или поручают члену культпросвета. На все просьбы, требования, даже мольбы, прислать инструкторов и работников Губнаробраз отвечает отказом. В настоящее время в уезде 27 библиотек с числом книг 9491».

Центральная библиотека, созданная при участии Н. Уваровой, – ныне главная библиотека нашей области – областная научная им. В. Д. Федорова. В документах отмечено, что отношение к открытию библиотеки – сочувственное.

Мариинский уездный исполком направляет срочное циркулярное письмо в адрес волисполкомов, в котором требует «срочно прислать подходящих людей, даже, может быть, возвратившихся из Красной Армии, которые умеют бойко читать и по прочитанному рассказывать, и таких здесь, на курсах, могли бы подучить. Если нет таких, то присылайте и старых ваших библиотекарей, подходящих (не лодырей)».

Повсеместно органы народного образования проводили учёт и регистрацию всех частных библиотек

и библиотек различных обществ. Постановление Томского губернского отдела народного образования от 20.05.1920 г. указывает: «Взять на учёт всё книжное имущество, находящееся в распоряжении уездных наробразов и различных организаций». Порядок распределения национализированных изданий устанавливался Наркомпросом. В большинстве эти книжные собрания были национализированы и послужили основой фондов многих вновь открываемых библиотек.

Самая большая проблема – это приобретение литературы. Всего через Центропечать секцией получено 3528 экз. книг, 150 журналов; удалось приобрести у частных лиц 500 книг. В Щегловском уезде, где положение было особенно тяжёлым, книги жертвовались, подбирались оставленные колчаковскими войсками, приобретались в Томске на толкучке и т. д.

В докладной записке о положении народного образования в Щегловском уезде зав. уоно В. Бехтерев одной из причин, являвшихся тормозом в работе, называет «существующий взгляд, что дело народного образования, являясь весьма необходимым для республики вообще, в данный момент должно уступить место другим боевым задачам». Как современно это звучит! И далее он продолжает: «Чтобы хоть как-то направить работу, нужно: несколько опытных организаторов и руководителей по всем отраслям народного образования. Ввиду исключительно тяжелого положения уезда, снабдить Щегловск в значительно большем количестве, чем другие города Сибири, учебниками, пособиями, бумагой, литературой как руководящего, так и агитационно-просветительского характера, театральными принадлежностями».

В документах этого периода уже четко прослеживается установка на то, что библиотеки должны пополняться книгами, освещающими вопросы партийной программы, экономической программы и проведения ударных кампаний... Во всех библиотеках, избах-читальнях проходит чистка фондов от устаревшей и контрреволюционной литературы, проводятся курсы политпросветработников. Факты, почерпнутые из документального массива эпохи, говорят о большой тяге к книге, знанию. Документы тех лет свидетельствуют: в библиотеках наибольшим спросом пользуется классическая художественная литература, книги, дающие практические знания, и политическая литература.

Все дело внешкольного образования упиралось в большой процент неграмотности населения. На I губернском съезде политпросветработников, проходившем с 27 января 1921 г. в Томске, докладчик т. Некши отмечает по Кузнецкому уполитпросвету, что «неграмотность среди населения велика, точного учета нет, но в 4 из 19 волостей уезда неграмотных 65 000, в большинстве – инородцы». Грамотность городского населения можно охарактеризовать уровнем грамотности жителей Щегловска, где в 1917 г. на 3 с лишним тысячи населения было 869 грамотных.

С целью поднятия культурного уровня народа в 1921 г. в стране начинается кампания по ликвидации неграмотности.

Газета «Кузбасс» 20 февраля 1920 г. пишет: «Приучить рабочую массу к систематическому чтению и, главным образом, руководить этим чтением – задача библиотек. Всякая организация, подбирающая библиотечных работников, должна запомнить, что быть библиотекарем – не значит быть просто грамотным. Такой библиотекарь будет напоминать собой приказчика, работа которого сводится к механическому (в большинстве весьма скверному) обмену книг».

Самыми популярными формами работы являются громкие читки, кружки: ликвидации неграмотности, самообразования, политграмоты; для более подготовленной аудитории – выставки к дням праздников и революционных торжеств, вечера памяти вождей, юбилеи писателей, театральные постановки.

Развитие промышленного потенциала края обусловило необходимость формирования квалифицированных инженерно-технических кадров и рабочего класса. А это, безусловно, способствовало возникновению и развитию библиотек как очагов общественного пользования книгой.

Начальная стадия перехода к нэпу стала тяжким испытанием для библиотек: большинство из них зимой 1921–1922 гг. были сняты с государственного бюджета. Предполагалось перевести их из уездного на волостное финансирование; сеть была сокращена. Резолюция краевого совещания Главполитпросвета рекомендует до минимума сократить сеть библиотек, исходя из местных условий и наличия средств.

Власти делают попытку справиться с ситуацией, принимают решение о введении платы за некоторые услуги библиотеки, вводят штрафные санкции.

Резко сократилось количество читателей, а частая сменяемость кадров объяснялась систематической задержкой «этой минимальной зарплаты» (по 2 и 3 месяца). Как общее явление констатируется бегство библиотекарей в учреждения, обеспеченные пайком и зарплатой. Вопрос в дальнейшем разрешить не предвидится. Так что чехарда работников на местах едва ли прекратится. Такая ситуация, конечно же, отражалась на работе, которая «носит кустарный характер, состав работников ниже среднего, малограмотные».

В начале 1923 г. IV съезд сибирских губернских экономических совещаний записал в резолюции по работе Сибнаробраза: «Разрешить частичную платность в библиотеках и музеях». Губполитпросвету было дано право в конце каждого месяца устанавливать плату в зависимости от курса золотого рубля. 19 июня Сибревком принял постановление «О платности услуг библиотек», суть которого заключалась в том, чтобы «разрешить губисполкомам по представлению соответствующих губоно вводить платность в библиотеках, входящих в государственную

сеть». Центральная библиотека Щегловска устраивала платные мероприятия – лекции, театральные постановки, доход от которых шел на пополнение средств библиотеки. Были введены денежные залоги за взятую книгу, штрафные санкции. В это время массовое развитие получили платные лекции, юбилейные вечера, посвященные писателям, литературно-художественные кружки.

В 1925 г., когда библиотека стала центральной библиотекой города, фонд её составлял 3 тыс. экз.; 420 читателям выдано 11 760 экз.

Для решения методических вопросов, оказания помощи библиотекам в октябре 1926 г. создано городское объединение библиотечных работников. Деятельность по повышению квалификации приняла формы практикумов и семинаров на базе центральной библиотеки.

Город растёт: на 01.01.1926 г. его население – 12 061 человек, на 01.11.1926 г. – 15 530. Однако Щегловск остаётся деревней, имеющей статус города. «Кузбасс» сетует (10.03.1925 г.), что крестьяне не посещают библиотеку, т. к. книги выдаются членам различных организаций по поручительствам, а другим – под залог 3 руб. У крестьян таких денег нет. Из 494 читателей библиотеки крестьян – 10, рабочих – 13, служащих – 112; ими прочитано беллетристики – 638, детских книг – 408, научных – 68. В статье «Библиотека есть, а читателей нет» (25.03.1925 г.) газета видит одну из причин небольшого количества читателей в том, что библиотека открыта всего 6 часов – с 13 до 19.

К концу 20-х гг. библиотека продолжает наращивать свои фонды и расширять деятельность. Книги поступают из национализированных книжных складов, приобретаются у частных лиц. Для поддержания статуса ЦБ уездный отдел народного образования при получении литературы один экземпляр передаёт в библиотеку. Обеспечение литературой библиотек Кузбасса проводилось краевым коллектором, непосредственно из Москвы ОГИЗом, а позднее и Ленинским коллектором, который был открыт в 1932 г. по решению Запсибкрайкома для снабжения литературой угольных районов Кузбасса.

В плане мероприятий крайкома была предусмотрена организация курсов библиотекарей при Кемеровском педтехникуме, 2-месячные курсы библиотечных работников при Кемеровской крайпрофшколе.

Под девизом: «Книгу – в массы» центральная библиотека организовала работу передвижек и книгоношеских пунктов; с помощью актива читателей распространяла рекомендательные списки литературы, проводила в рабочих бараках и клубах читательские конференции, вечера, громкие читки. Особое внимание уделялось обслуживанию ударников труда. Посылая литературу через книгонош на квартиры ударников, сотрудники библиотеки вкладывали списки рекомендуемой для дальнейшего чтения литерату-

ры. Продвижению книг в массы способствовал энтузиазм самих рабочих-читателей.

На заседании президиума Щегловского горсовета даны рекомендации в адрес ЦБ: привлекать актив читателей, изъять негодные по содержанию книги, привлекать к работе библиотеки общественные организации города, открыть детское отделение, перевести центральную библиотеку во Дворец труда.

Постановление ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1928 г. «Об обслуживании книгой массового читателя» определило главной целью книжного дела и библиотеки добиваться, чтобы массовая литература была орудием мобилизации масс вокруг основных политических и хозяйственных задач.

Характерным явлением является приоритетное обслуживание рабочих-ударников, а затем – стахановцев. Так, в вопроснике по проверке работы избителен и библиотек, организованной Кемеровским горпрофсоветом в декабре 1935 г., несколько вопросов об обслуживании стахановцев:

1. Сколько стахановцев на предприятии, сколько читателей-стахановцев, что они читают?

2. Как продвигаются лучшие книги к стахановцам: рассылка писем, прикрепление книгонош, выход с книгами в цех, выставка книг для стахановцев, читки в квартирах стахановцев и др.

Спрос на литературу повысился. В связи с этим изменились формы пропаганды книги: вместо громких читок – литературные вечера и диспуты, читательские конференции и встречи.

135

На первом краевом совещании библиотечных работников, проходившем в 1934 г. в Новосибирске, принято решение организовать краевое соревнование-конкурс на лучшую библиотеку, активнее обслуживать население во время уборочной кампании путём создания передвижек, усилить работу по продвижению в массы лучших произведений классической и советской художественной литературы.

Совещание библиотечных работников, проходившее в марте 1935 г., отмечает, что центральная библиотека в Кемерове плохо ведет массовую работу: в течение года – ни одной конференции; и имеет мало квалифицированных работников, недостаточные фонды: при 500 читателей – 2 тыс. экз. художественной литературы (Кузбасс. 1935. 24 марта. С. 4). Эта ситуация объяснима сложным материальным положением библиотеки, поэтому Кемеровский горсовет 25 июля 1935 г. принимает постановление: «Считать нетерпимым дальнейшее пребывание центральной библиотеки в подвальном помещении, включить строительство помещения для нее и музея в контрольные цифры на 1936 год».

27 марта 1937 г. к этой проблеме обращается зав. районо Никульков. В докладной записке Председателю Кемеровского горсовета Токареву он пишет: «Районная (вероятно, руководители были не сильны в библиотечной терминологии) библиотека в Кемерове находится в очень плохих условиях. Помещает-

ся в полуподвальном этаже здания Дворца труда в 4 маленьких полутемных комнатах; через коридор находится врачебно-трудовая экспертная комиссия. Коридор, через который читатели попадают в библиотеку, занят пенсионерами и больными; такое расположение библиотеки не обеспечивает нормальных условий, а влияет в сторону уменьшения посещаемости читателей».

Основываясь на Постановлении ЦИК СССР о библиотеках от 27.03.1934 г., районо решительно настаивает на немедленном переводе библиотеки в другое помещение, обеспечивающее условия для ее работы с читателями.

Заместитель председателя горсовета г. Кемерово Герасимов отвечает: «В настоящее время помещения, более пригодного для библиотеки, совершенно нет, потому и перевод библиотеки в другое помещение невозможен».

В последний предвоенный год библиотеке по-прежнему не хватает помещений для размещения фонда, обслуживания читателей, поэтому большинство мероприятий перенесены в передвижки. Так, из 994 громких читок – 932 проведены в передвижках. Были прочитаны: биография В. И. Ленина и рассказы о нём, биография М. Горького (к 4-летию со дня смерти), «Поднятая целина» (к юбилею М. Шолохова), другие книги о славном прошлом и героях.

Во время уборочной в культбригаду выделен библиотекарь, выпущено 16 стенгазет.

Учены занимающиеся самообразованием – 15 чел., заочников – 5, изучающих историю ВКП(б) – 42 чел. Для них организован «Справочный стол», принимаются индивидуальные заявки на литературу по МБА из Новосибирской и Свердловской областных библиотек. С последней договор заключён в 1938 г. Всего получено по МБА 246 экз.; из Свердловска и Новосибирска – 99 экз.

Штат библиотеки – 6 сотрудников, из них одна сотрудница имеет образование 5 классов, четверо (в т. ч. директор) – 7 классов и одна – среднее образование.

События Великой Отечественной войны серьёзно отразились на процессе развития библиотечного дела Кузбасса. Так, из 494 библиотек, имевшихся на территории будущей области в 1940 г., к 1945 г. осталось 160; из 22 районных библиотек 17 находились в непригодных помещениях. В три раза сократились фонды. Сократились площади: Центральная библиотека была переведена из Дворца труда в другое помещение, а на её месте разместились цеха эвакуированного завода «Карболит». Не хватало топлива, электроэнергии, испытывался недостаток в кадрах. В сентябре 1941 г. Наркомпрос РСФСР принял специальные постановления «О работе политико-просветительных учреждений в военное время» и «О работе массовых библиотек в военное время». В них рекомендовано активизировать все формы работы для

наиболее полного использования фонда. В результате чётких действий библиотечного сектора облоно, центральной библиотеки была достигнута оперативность в переходе на работу в военных условиях. Началось обслуживание призывных пунктов, семей военнослужащих, госпиталей. Активизация всех форм работы позволила библиотеке в сложных условиях военного времени не только не сократить объёмы работы, но и добиться увеличения показателей.

Материалы отчётов библиотеки показывают преобладание нестационарных форм обслуживания: 43 передвижки, в т. ч. 10 – сельских, 5 – заводских, 5 – в ремесленных и фабрично-заводских училищах, 14 – городских, которые позволяют решать целый ряд проблем обслуживания. Введение нестационарных форм позволило распределить влияние библиотеки на те категории населения, которые не имели возможности посещать библиотеку: раненые, рабочие оборонных предприятий, колхозники. Читателей на передвижках в 1943 г. – 2 540; выдано 14 705 экз. В условиях дефицита литературы нестационарные формы пропаганды книги позволяли более эффективно использовать имеющиеся книжные фонды.

Согласно сохранившимся архивным документам, библиотека получила статус областной в июле 1943 г. В Государственном архиве Кемеровской области имеется решение Кемеровского исполкома от 12 марта 1943 г. об утверждении свода бюджетов области со сведениями о выделении на организацию областной библиотеки 100 тыс. руб. Распоряжением СНК СССР от 11.11.1943 г. библиотека с 15 ноября включена в перечень на получение платного обязательного экземпляра.

Структура вновь образованной областной библиотеки включает читальный зал, МБА, абонемент, отдел обработки и передвижной фонд. Штат – 7 сотрудников (согласно штатному расписанию должно быть 18 чел.), не соответствует задачам областной библиотеки. В течение 1943 г. организована 81 выставка, 31 монтаж по темам: о пяти красных маршалах, к дням рождения, юбилеям И. Сталина, К. Маркса, Дню памяти В. Ленина; «Наши великие предки: Суворов, Кутузов, Ледовое побоище»; «О великих людях русского народа: Пушкин, Горький, Салтыков, Чайковский»; «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы» и др. Проведено 377 громких читок, 8 лекций и докладов: «О международном положении», «На фронтах Великой Отечественной войны»; проведён День школьника в городском саду. Систематически ведётся работа в помощь изучающим книгу И. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Оперативно пополняется доска «Последние известия» сводками Совинформбюро. Приходят рабочие, служащие, школьники, чтобы прочесть последние сводки, получить ответы. Всего массовыми мероприятиями обслужено 14 197 человек.

Для поднятия политико-культурной и производственной квалификации работников библиотек в кон-

це 1943 г. в городе создано библиотечное объединение; совместно с горкомом ВКП(б) проведено городское совещание работников библиотек об участии их в пропаганде книги И. Сталина, составлено методическое письмо районным библиотекам «Детская библиотека в дни Великой Отечественной войны»; совместно с облоно проводятся непрерывные пятидневные практические семинары библиотечных работников города и района.

В «Заключении по отчету Кемеровской областной библиотеки за 1-ое полугодие 1943 г.», подписанном зам. начальника Управления библиотек Наркомпроса Кавтасьевой и старшим инспектором К. Пановой, читаем: «Кемеровская областная библиотека реорганизована из центральной городской библиотеки им. Свердлова. Вследствие напряженного положения в г. Кемерово с помещением библиотека занимает на окраине города маленький деревянный домик, состоящий из трех небольших комнат, соответствующих объему районной библиотеки. Областная библиотека не имеет основных отделов: методического кабинета и библиографического. Совершенно недостаточно проводится работа по МБА и в читальном зале. Книжные фонды используются недостаточно; оборот книги низкий – 1,8. Количество читателей для областной библиотеки также мало. Значительно тормозит работу неуккомплектованность кадрами – всего 18 чел., утвержденных по штатной ведомости, работают 10 чел. Для улучшения и развертывания работы библиотека предлагает провести следующие мероприятия: в течение первого квартала полностью укомплектовать штат библиотеки руководящими кадрами (зав. методкабинетом, зав. библиографическим отделом) и организовать работу этих отделов в соответствии с задачами...».

В аналогичном документе от 8.05.1944 г. отмечено «...работа библиотеки во втором полугодии улучшилась. Хорошо пополнился книжный фонд – 11 053 экз. Организовала (библиотека) систематическую работу по повышению квалификации библиотечных работников районных и сельских библиотек (практикумы при областной и некоторых районных библиотеках). Проведена значительная работа с читателями по изучению и пропаганде книги товарища Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Провела значительную массовую работу: 112 книжных выставок, монтажей – 113, лекций, докладов, литературных вечеров – 23, громких читок – 377. Большая неуккомплектованность библиотекарей приводит к ежедневной переработке сотрудников, т. к. в течение 12 часов (библиотека работает с 11.00 до 23.00) ведётся обслуживание. Вся внутренняя работа – за счёт переработок».

На пожелтевших страницах отчетов о работе библиотеки, приказов директора – будничная работа: комплектование, обслуживание, информирование читателей, выставки. По заявкам научных работников, докладчиков, специалистов, лекторов библио-

текари подбирают литературу. Инвалиды войны обслуживаются лучшей литературой на дому. В адрес читателей, которые не могут посещать библиотеку, отправляются посылки с необходимыми книгами, их посещают на дому книгоноши. Так, инвалиду тов. Крумбергу – молодому поэту из Яи – выслано за год 6 посылок с книгами, кроме того, заведующая абонементом помогает комплектовать его личную библиотеку. Молодые рабочие учитываются отдельно, с ними на абонементе проводятся индивидуальные беседы о прочитанном, выясняется, всё ли понято и не требуется ли консультация специалиста. Для учащихся 8–10-х классов организована «комната школьника».

И здесь же – трудная жизнь военного времени: ко Дню 8 Марта за хорошую работу – благодарность, ордер на платье или юбку плюс хлебная надбавка. А рядом – в 1943 г. библиотекой получено литературы 11 058 экз., в т. ч. по обязательному экземпляру – 421. И теперь, в мирное время, когда нам приходится убеждать в необходимости достаточного и оперативного комплектования хотя бы крупнейшей библиотеки – областной, мы приводим этот пример. Когда было труднее?

Другое открытие: как мало меняется суть библиотеки! В воюющей стране она, как и сейчас, – информационное, культурное, образовательное учреждение для читателей; методический, консультационный центр для библиотек области.

С 1943 г. по май 1951 г. в штате библиотеки 18 единиц. И только 24 апреля 1951 г. решением Государственной штатной комиссии при Совете Министров СССР штат библиотеки увеличен на 6 единиц.

В августе 1944 г. библиотека переведена в здание школы № 4 (р-н Соцгорода, ул. Октябрьская, 48). Здание школы каменное, отопление центральное. Помещение светлое, теплое, но не приспособленное для библиотеки. Большим неудобством для работы являются маленькие комнатки в 20–30 кв. м, из 8 комнат только один читальный зал имеет 118 кв. м. Общая площадь библиотеки – 320 кв. м. Книжный фонд библиотеки – 34 761 экз., приобретено 7 843 экз.; читателей – 4 232, посещений – 53 375, выдано – 87 812 экз.

«Счастливым сочетанием в улучшении массовой работы с читателями и широкими массами избирателей» считает директор библиотеки организацию в 1945 г. при библиотеке Центрального избирательного участка по выборам в Верховный Совет и местные Советы. В ходе подготовки к выборам проведена работа по обслуживанию агитаторов и избирателей, организованы выставки, сделано 203 подборки литературы, проведено 12 читок. Для лучшего обслуживания организована система очередных заявок на книги: принято 1 273, удовлетворено 1 006 заявок. Большим спросом пользуется краеведческая литература.

Поражает число активистов библиотеки: чтецов – 42 чел., проведено ими 336 групповых читок, обслуж-

жено 7 746 чел. – в общежитиях, цехах заводов, ФЗО, госпиталях. Читали «Чайку» Н. Бирюкова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Пётр I» А. Толстого, «Войну и мир» и, конечно, сводки Совинформбюро и газеты. Классические произведения перечитываются всегда и пользуются любовью.

В стенах библиотеки «под личной ответственностью заведующих отделами» прошли трёхдневный семинар-практикум работников городских и районных библиотек; ежемесячно проводятся методические семинары для библиотек города.

В Книге приказов 1945 г. список сотрудников, представленных к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»: Гайдук Е. Я. – заведующая абонементом; Подонина О. Я. – библиотекарь абонемента, работает в библиотеке 7 лет; Целуйко Н. В. – заведующая читальным залом, в библиотеке – 9 лет, выросла от «технической единицы» до должности заведующей читальным залом; Гроссман Л. А. – с 1 февраля 1920 г. заведующая отделом обработки Николаевской детской библиотеки на Украине, в областной библиотеке с 1 июля 1943 г.

К сожалению, в различных документах иногда указаны разные показатели обслуживания; в «Отчёте о работе за 1940 г. приписка: «Учёт обслуживания проводился неточно и не везде записывался».

В послевоенные годы работа библиотеки не претерпела значительных изменений. По-прежнему, среди главных задач – помощь трудящимся в изучении основ учения Маркса – Ленина, Сталина, участие в подготовке и проведении выборов; систематическое повышение идейно-политического уровня и деловой квалификации; широкая пропаганда и изучение программы восстановления и развития народного хозяйства и работа по повышению производственно-технических знаний молодых рабочих кадров. Не забыты борьба за увеличение и закрепление читателей, доведение книги до каждой семьи, улучшение дифференцированного обслуживания читателей, сохранность и лучшее использование книжного фонда библиотеки... Облплан наконец выделил пишущую машинку, и таким образом разрешён вопрос размножения методических материалов.

В первые послевоенные годы была проведена большая работа по восстановлению и воссозданию библиотечной сети области. В 1951 г. составлен единый план библиотечного обслуживания сельского населения, установлен порядок открытия библиотек. За пять послевоенных лет сеть библиотек области значительно выросла: 1947 г. – 217 библиотек, 1951 г. – 777. В 1951 г. открыто свыше 100 библиотек, каждая из которых получила средства на покупку 1 тыс. книг.

В целях удовлетворения спроса на книги в 1946 г. было открыто Кемеровское книжное издательство.

Основным каналом поступления литературы являлась система КОГИЗа. Каждое поступление новой партии технической литературы в магазины и библи-

отеки области отражалось в прессе. Областная библиотека пополнялась литературой наиболее интенсивно. В июне 1946 г. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР выделил для ОНБ 2 тыс. экз. политической, естественнонаучной, художественной и другой литературы (Кузбасс. 1946. 8 июня). В сентябре того же года из Москвы поступило 20 тыс. экз. технической, художественной литературы, в т. ч. на иностранных языках.

Ещё острее встал вопрос о площадях для библиотеки. Так, газета «Кузбасс» в статье с красноречивым названием «Книжное кладбище» (1946. 20 окт. С. 3) пишет: «Книгохранилище библиотеки представляет собой настоящее книжное кладбище. На имеющихся полках стоит около 25 тыс. книг. «Навалом» на полу лежат 30 тыс. уже наполовину обработанных томов. В нераспакованных тюках находится около 20 тыс. книг. Они получены месяц назад из Госфонда. Сейчас в Ленинграде библиограф отбирает новых 22 тыс. томов. Ждать в течение 2 лет каких-то полок и допустить, чтобы 50 тыс. томов лежали под спудом – это вовсе не значит по-большевистски заботиться о культурных запросах трудящихся. Необходимо разрешить вопрос о помещении для растущего библиотечного фонда».

В Справке о работе библиотеки, направленной 22 декабря 1950 г. члену бригады ЦК ВКП(б) С. С. Брыкину, директор библиотеки П. К. Савицкий пишет: «Помещение настолько мало, что нет возможности разместить имеющийся книжный фонд: книги сложены штабелями. Небольшой читальный зал (87 кв. м) ограничивает массовую работу. Существующий штат в 11 библиотекарей не позволяет обеспечить нормальную работу. Исполком областного Совета депутатов трудящихся на протяжении 1946–1950 гг. несколько раз выступал с ходатайством перед Гос. штатной комиссией об увеличении штатов. Ответственных работников партийных, советских и комсомольских организаций очень мало интересует работа областной библиотеки... Не доходят руки до областной библиотеки и у работников отдела пропаганды и агитации ОК ВКП(б), и у облисполкома. Чем ещё можно объяснить тот неоспоримый факт, что за время существования областной библиотеки ни разу не слушался отчёт о её работе?»

И вот перед нами долгожданное решение Исполкома Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся № 293 от. 4.07.1951 г. «Об отводе земельного участка Кемеровской областной библиотеке для проектирования и строительства библиотеки». Исполком решает «Отвести Кемеровской областной научной библиотеке земельный участок площадью в 5 588 кв. м для проектирования и строительства здания Областной библиотеки на 500 тыс. томов по ул. Ворошилова, 11». Проектное задание составлено и подписано в июне 1952 г. Площадь застройки определена в 1 510 кв. м, площадь здания – 3 858,5 кв. м.

Автор проекта – главный архитектор города – В. А. Суриков.

Здание ставится на красной линии ул. Ворошилова, главным фасадом в сторону площади. С противоположной стороны – здание Горного института. В центре площади газон, в газоне по оси площади монумент первооткрывателю недр Кузбасса – М. Волкову. Проектировалось не отдельно стоящее здание, а весь комплекс застройки площади, бывшей тогда заболоченным пустырем.

Пятидесятые годы в истории библиотеки – время становления и утверждения в статусе областной: библиотека со штатной численностью в 10–13 библиотечных работников, одним методистом, по сути, являлась городской, единственной массовой в центре города; центральная городская к этому времени не была образована.

5 февраля 1950 г. прошла отчётная читательская конференция, на которой присутствовали 60 человек. Она констатирует рост популярности библиотеки, избирает Совет, куда входят представители партийных и советских органов, работники радио, преподаватели вузов. Конференция призывает исполкомы областного и городского Советов выделить библиотеке помещение, средства на оборудование, «проявить большевистскую оперативность» в разрешении этих вопросов. По рекомендации конференции библиотека открывает в городском саду филиал – библиотеку-читальню, переносит выходной день на среду с тем, чтобы освободить его для проведения в библиотеке лекций, вечеров, читательских конференций.

Воистину – по истории библиотеки можно изучать историю страны!

Библиотека всегда живет в меняющемся мире и чутко реагирует на новации: пропагандирует литературу о великих стройках коммунизма и освоении целины, преимуществах кукурузы на полях Кузбасса; приветствует Стокгольмское воззвание сторонников мира и собирает подписи, проводит читательские конференции совместно с библиотекой КЭМЗ «Скоростное и силовое резание металлов» и цикл мероприятий в помощь экономическому образованию трудящихся. «Подобные конференции ценны тем, что они теоретически вооружают рабочего, знакомят с новыми передовыми методами труда и дают возможность применить непосредственно у себя на заводе – таков один из откликов на работу библиотеки. Кузбасс бурно развивается, растёт спрос на краеведческую литературу: в 1959 г. библиотека приступила к изданию текущих рекомендательных указателей «Литература о Кемеровской области», серии указателей совместно с Домом техники. Чтобы закрепить знания и использовать их в работе, для коллектива организуются лекции «Об автоматизации и механизации производства», экскурсии на заводы, обзоры литературы о производстве пластмасс и технологии полиграфического производства. Выезжаю-

щие в сельские библиотеки знакомятся с памяткой о раздельной уборке урожая. Преподаватели горного института дают в читальном зале библиотеки консультации. Библиотека проводит большую работу по пропаганде литературы по вопросам конкретной экономики. Составлен и разослан в библиотеки области рекомендательный список литературы «Пути снижения себестоимости продукции на шахтах Кузбасса». Большое внимание уделяется пропаганде литературы в помощь массовым профессиям. Книговыдача технической литературы растёт.

В 1953 г. библиотека получила помещение для обслуживания читателей в жилом доме по ул. Весенняя, 6; в 1956 г. – в доме № 7, где были размещены городской и межбиблиотечный абонементы, частично – отдел музыкально-нотной литературы, позднее (28.03.1958 г.) – отдел иностранной литературы; создан сектор патентов и стандартов литературы. 17 декабря 1954 г. организован библиографический сектор в методическом отделе.

Переезд в центр оказался плодотворно: число читателей значительно выросло. Но по-прежнему книжные фонды хранятся в подвальных помещениях по четырём адресам.

Строительство здания библиотеки начато в 1958 г. Первый колышек вбит 3 марта. Пройдёт ещё 5 лет – и библиотека впервые получит собственный, для неё построенный дом. Но зато какой! Как поэму, читаешь этот проект и удивляешься настойчивости и целеустремлённости наших предшественников – если и иметь, то дворец: «Главный фасад решён в виде восьмиколонного портика коринфского ордера, ограниченного двумя пилонами с общим венчающим карнизом и общим цоколем. В целях придания фасаду большей пластичности и выразительности колонны выступают за пределы стены на «толщины». Соответствует фасаду и внутренний дворик с фонтаном, и внутренняя архитектура и отделка помещений. 2 октября 1963 г. библиотека открылась. В новом здании 400 читательских мест, 11 специализированных залов и отделов, лингафонный кабинет, зал для чтения микрофильмов, отдел искусства с фонотекой.

В 1958 г. начат эксперимент по внедрению открытого доступа к фондам: к 1960 г. внедрен в 46 библиотеках, частично – в 117.

На длительное время задачи и характер работы библиотек определило Постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране», наметившего широкий круг мероприятий.

В 1959 г. введена единая запись (13 501 читатель).

В 1960 г. внедрены открытый доступ к фондам и единый читательский билет. К этому времени фонд библиотеки достиг 378 тыс. томов, число читателей – 18 тыс. чел., книговыдача – 384 тыс. экз.

В 1961 г. для улучшения методического руководства в районах созданы опорные и зональные библиотеки; в городах – методические объединения. Составляются единые планы методической работы.

Высокий уровень работы библиотеки, ее авторитет – достижение всех тех, кто преданно и самоотверженно работал в библиотеке в период её рождения, становления и развития. Исследование истории главной библиотеки области не закончено, и мы надеемся, что имена первых руководителей, сотрудников и читателей не канули в лету. Первый директор, о которой у нас есть достаточно достоверные сведения, – Маслова Екатерина Николаевна (1938–1948 гг.). Директором Кемеровской центральной библиотеки назначена в 1938 г.; до этого времени работала в библиотеке клуба Химстроя, образование – 7 классов и спецкурсы библиотекарей.

Савицкий Пётр Константинович (1948–1955 гг.) – фронтовик, инвалид войны. Те, кто помнят его, говорят о поистине рыцарском служении Библиотеке. Отчёты о работе библиотеки, публикации в газетах, в т. ч. и цитируемые авторами, подтверждают: директор областной библиотеки «стучится во все двери», защищая интересы её читателей. Благодаря его настойчивости и преданности проблема строительства здания библиотеки была решена. В 1955 г. Пётр Константинович был переведён на работу в Кемеровский книготорг – всё равно рядом с книгой и библиотекой.

Строительство начала и довела до конца его приемница Шипицина Зинаида Фоминична (1950–1981 гг.).

Главным технологом библиотеки – заместителем директора – стала в 1954 г. Зубова Валентина Петровна (1950–1981 гг.). Окончила вместе с З. Ф. Шипицной Ленинградский библиотечный институт в 1950 г. и была распределена в областную библиотеку, где проработала 31 год.

Спасская Нина Алексеевна (1948–1968 гг.) приехала по распределению после окончания Московского библиотечного института; одна из немногих специалистов с высшим образованием.

Десятки, сотни библиотечных работников прошли школу областной библиотеки. Многие из них стали не только прекрасными специалистами, но и руководителями крупных библиотек: И. Е. Гуревич, К. В. Другова возглавляли Областную детскую библиотеку; Г. И. Бадаева – библиотеку КГИИК, затем – Областную юношескую.

Групповой портрет коллектива библиотеки представлен в экспозициях музея истории библиотечного дела Кемеровской области, открытого в год 85-летия библиотеки.

Материалы музея позволяют увидеть библиотеку на фоне культурной жизни города, уловить атмосферу времени, его интонацию. Каждый документ отражает дух и стиль времени. Собранные вместе, они обретают смысл, они перекликаются или, наоборот, контрастируют друг с другом, и в результате рождается рассказ о жизни библиотеки.

Экспонаты в музее воспринимаются уже не как «информационный ресурс», а как живое, материали-

зованное в книге и документе свидетельство о мгновениях действительности и бытовании в нем человека – читателя и библиотекаря.

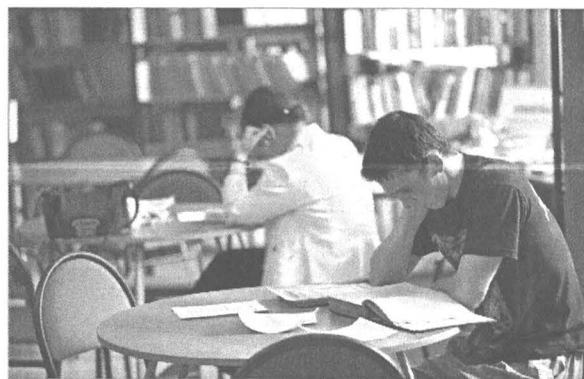
Не всё было легко и гладко, но, вспоминая трудные послевоенные годы восстановления и строительства, 60–70-е – годы создания новых библиотечных учреждений – централизованных библиотечных систем, 80–90-е – годы перестройки и обновления, мы отмечаем, что в Кузбассе развитию культуры всегда уделялось внимание, и с благодарностью вспоминаем имена руководителей, которые помогали библиотеке, создавали режим благоприятствования: секретарей обкома КПСС – З. В. Кузьмину, П. М. Дорофеева, заместителей председателя облисполкома Н. Я. Мирошниченко, Г. В. Корницкого, руководителей отрасли культуры последних 50 лет – А. М. Лыткина, И. Л. Курочкина, В. И. Бедина.

В бурные, безденежные 90-е гг. совместными усилиями администрации области, департамента культуры удалось сохранить сеть библиотек, в условиях финансового кризиса – не разрушить сложившуюся систему библиотечного обслуживания населения Кузбасса.

Одним из важнейших условий развития образования, науки и культуры в Кемеровской области, ее социально-экономического прогресса является возможность оперативного получения нужной информации, которая может быть обеспечена только через систему общедоступных библиотек при развитии и внедрении в них новейших информационных технологий.

В октябре 1997 г. принят Закон Кемеровской области «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов» (среди его разработчиков – специалисты Кемеровской ОНБ). Закон создает правовую базу для сохранения и развития библиотечного обслуживания населения области, которое реализуется через исторически сложившуюся сеть – 1 980 библиотек всех правовых форм и форм собственности: профсоюзных, вузовских, школьных, технических, медицинских и др.

Признанием заслуг библиотеки явились ее участие в конкурсе газеты «Культура» и звание лауреата в номинации «Лучшая библиотека года», признание Международным институтом «Открытое общество»

Кемеровской областной научной библиотеки «Модельной публичной библиотекой», победы в различных конкурсах проектов и программ модернизации библиотеки.

Кемеровская областная научная библиотека – крупнейшая библиотека Кемеровской области по фондам, объемам и доступности оказываемых услуг, по количеству категорий читателей.

В фонде библиотеки – 2,35 млн экз., в т. ч. 2,33 млн – печатные издания, 1,8 тыс. – электронные, 16,1 тыс. – аудиовизуальные, 48,4 тыс. экз. – на иностранных языках и языках народов РФ.

Предмет особой гордости – редкие книги: прижизненные издания классиков русской литературы, книги по истории освоения Сибири, справочные и периодические издания XVIII–XX вв.

Среди раритетов: *рукописный Месяцеслов, том полного собрания всех сочинений Л. П. Сумарокова (1781 г.); Крашенинников С. Описание земли Камчатки (1786 г.); Головачев П. Сибирь. Природа. Люди, жизнь. Со многими рисунками и двумя картами. Изд-во И. Д. Сытина. 1905 (на обороте титульного листа – «рисунки дозволены цензурой»); Исследование свойства и причин богатства народов. Творения Адама Смита. 1802. Т. 1. У многих читателей это имя навсегда связано с А. С. Пушкиным и его героем – Евгением Онегиным, который «...читал Адама Смита и был великий эконом...» (добавим, что А. Смит – классик экономической науки); Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. 1882 и др.*

В редком фонде представлена личная коллекция книг губернатора области А. Г. Тулеева – более 1400 экз.

подаренных им библиотеке уникальных изданий, большинство из которых – с автографами авторов.

Пользователями библиотеки являются более 58 тыс. человек, штат библиотечных работников – 126 человек, из них 81 процент имеют высшее профессиональное образование.

В библиотеке созданы условия для комфортной работы, читальные залы оснащены всем необходимым, два зала отведены для проведения встреч, вечеров, занятий клубов, просмотра кинофильмов. Широко известны в городе заседания клубов: «Виноградари Кузбасса», документального кино «Свет», садоводов-опытников, любителей старины; концерты, художественные выставки, презентации, юбилейные вечера...

Соответствие библиотеки реалиям сегодняшнего дня оценивается ее востребованностью современным пользователем.

г. Кемерово

**Евгений
МЕЛЬНИКОВ**

ЗЕМЛЯ ВСЕГДА РЯДОМ

СТРАНИЧКИ ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА АВГУСТА 1963 ГОДА

10 августа

В два ночи «А. Чехов» пришел в Игарку. Поднялся в рубку и очень трогательно поблагодарил капитана. А затем потащился на морской причал. Мне сказали, что это близко, вдоль берега. Так и пошел. Берег мокрый, глинистый, скользкий. Несколько раз падал. Руки в грязи. Нашел какую-то палку, стал ей упираться, чтобы не упасть. Так добрался до каких-то мостков. От них идет мокрый деревянный настил, по нему и пошел. Вдоль порта высокий глухой забор. Проходная. На проходной надпись «СТОЙ! Предъяви пропуск!». В темноте появилась фигура. Пытаюсь с ней договориться.

– Есть, – спрашивает, – у тебя пропуск?

Вытащил членский билет.

– Проходи, – говорит.

Я ей:

– Вы посмотрите...

– Я знаю. Такой. Проходи.

Невдалеке деревянное двухэтажное здание, в окнах свет. Комнаты пустые. Наконец в одной нашел кимарящую на стуле девицу. Спросил, где диспетчерская. Не знает. Попробовал туда позвониться. Тщетно. Телефонистка посоветовала позвонить экспедитору. Долго объяснялся с ним по телефону. Сказал, что «Поволжье» стоит на нулевом рейде и если я до него – диспетчера – дойду, отвезет меня на судно. Диспетчер оказался в том же здании на втором этаже. Крепкий, здоровый, доброжелательный мужик.

Оказывается, «Поволжье» грузится. Грузится сухоостом, поэтому в дождь простой, и грузиться будет еще долго.

Грузчики в порту сезонные. Три тысячи шестьсот человек. Вербуются на шесть месяцев из рязанщины, орловщины, Казани.

«Поволжье» стоит поперек протоки. С двух сторон баржи. С них-то лес и грузят. Залез на баржу, с нее на судно.

– Ну, больше никуда не поедешь? – спросил первый помощник.

– Нет. Ждать буду.

Наш блиц-диалог требует пояснения. Путь от Красноярска до Дудинки по Енисею прошел на самоходке СТ-716. На рейде стояли три «моряка» – «Павлин Виноградов», «Поволжье» и «Терехов». «Павлин» и «Терехов» привезли металлолом для норильского комбината. «Поволжье» привезло... сено. Видимо, потребность в сене велика. «Поволжье» первой ушло с рейда к морскому причалу. На «Поволжье» без долгих разговоров капитан велел старшему помощнику дать мне ключ от каюты. После разгрузки они пойдут в Игарку за лесом, дело это не быстрое, неделю могу быть свободен.

Но к отходу в Игарку не опаздывать. Вот неделю и шустрил по Таймыру.

Долго мылся в душе, отмывал таймырскую грязь. Какое блаженство попасть в чистую постель!

В семь был на ногах. На палубу вышел... Сеет мелкий-мелкий дождичек. Погрузка то прекращается, то снова грузят. Второй штурман Кирилл говорит:

– Это на две недели.

Грузят паршиво, только в два трюма, хотя дождя нет. Спросил у Кирилла:

– Почему так медленно грузят?

– Плохая организация труда. Фирма «Экспорт-лес» не заинтересована в быстрой погрузке и лучшей организации. Собственно, не столько не заинтересована, сколько ей все равно. Прогрессивок и премий не получают, а про сознание и говорить нечего. Квалификация вербованных рабочих очень низка, – ответил он.

– Как у них, – спрашиваю, – у капиталистов?

– Во-первых, – отвечает он, – высококвалифицированные грузчики с большим стажем. Если набирают молодых, то в очень короткий срок приобретают необходимые навыки – иначе уволят, а с работой туго. Во-вторых, отличная механизация. Худший заграничный по уровню механизированных работ и организации труда выше, чем наш лучший.

13 августа.

Ну, так случилось! Разбудила оглушительная тишина. Не скрипят лебедки, не кричат тальманши – безмолвие. Вылез на палубу.

ЗА-БАС-ТОВ-КА!!!

Двенадцать судов стоят и не грузятся. Говорят, что забастовка хорошо организована. Вот так неумение и нежелание заниматься хорошей организацией! Тем не менее, ни одного рабочего на судах нет. Все съехали на берег. Стоим мы, стоят иностранцы, за что и платят им тугрики в золотой валюте. За простой, за несоблюдение условий фрахта.

Невероятно другое – как могла разношерстная компания вербованных из разных мест так великолепно спеться?

Что это – недовольство низкими ставками или все-таки организация? Так это уже из области КГБ. Для полной картины не хватает только штрейкбрехеров. А день стоит великолепный, жаркий. Могли бы побастовать и в дождь.

Съехал на берег. На досках живописно расположился бастующий народ. У тех, кто лежит, на подошвах мелом цифры – 50 % $\frac{1}{1,8}$ 1,8.

Тут дело вот в чем. Работяги прибыли в Игарку вовремя. Тяжелая ледовая обстановка в морях притормозила суда. Месяц народ болтался практически без дела. Искали им какую-никакую мелкую работу и говорили – вот придут суда, начнется погрузка, пойдет заработок.

Суда пришли, погрузка началась, после смены ходили на биржу узнать про дневной заработок... Выяснилось, что начальники лукавили, попросту ввали. Вот и требуют они теперь коэффициент 1,8 против 1,7 и 50 процентов прибавки. А на погрузке стоят двенадцать судов и тридцать девять на рейде. Каждый день простоя обходится чуть ли не в миллиард. Мореманы считать умеют.

14–16 августа

Появились штрейкбрехеры. На панамской «Терезе», что стоит рядом с нами. Два невзрачных мальчишки складывали доски в пакеты. По причалу жалко метался один лесопогрузчик.

Где же взять остальных? Своих-то, игарских, с гулькин нос. Начальство решило возить самолетами из Красноярска и Норильска.

В полдень капитан Терентьев вернулся с берега с интересной новостью.

Забастовка продолжалась, приехало начальство из Красноярска. Созвали капитанов и замполитов и предложили грузить лес своими силами.

Судовое собрание проходило в салоне. Капитан произнес прочувствованную речь. Все готовы были ринуться в трюмы, но тут катер привез две бригады норильчан и красноярцев, и дело кончилось ничем.

Штрейкбрехеры? Какие там штрейкбрехеры! Подневольные ребята...

У причала стоит «американец». Какой-то STAR...

Языкам не обучен. Стыдно. На «американце» капитан – дама. Вот она-то языком владеет. Русским. Выставили америкосы на борт бутылки с вином и банки с пивом. Жестом пригласили угощаться. Толпа ринулась к борту. Заметались пограницы с автоматами. Дама, владеющая русским языком, взяла мегафон и на всю Игарку о свободе личности, правах человека... Все, о чем я читал только в газетах.

С юным мореманом Юрой Сергеевым съехали на берег и отправились в старую Игарку. Юра известен тем, что собирается поступать в мореходку и самостоятельно учит язык. Немецкий. С нами ехали два парня с западногерманского «Полюкса». При помощи Юры, жестов и моих школьных знаний мы беседовали. Парни упорно спрашивали – почему нет погрузки?

– Выходной, – говорим.

– Второй день?

– Ну, да! Очень долго работали...

– Ха-ха, – сказал немец и весело засмеялся.

20 августа

Прошло четыре очередных дня безделья. Событий никаких.

Красноярцы с норильчанами один трюм закрыли, закрывают второй, и, надо думать, дело дойдет до двух остальных.

21 августа

О чудо!

Скрипят цепи, визжат лебедки, глухо, как в колоде, бухают, ударяясь, в трюме пакеты.

С баржи весело плещет ладошкой тальманша Нина...

Кричу:

– Давно не виделись...

Бывшие нарушители социалистической законности ухмыляются.

Решил подойти к капитану, чтобы узнать, чем дело кончилось.

Перехватил второй:

– Не ходи к Терентьеву. Врать он не любит, а правду не скажет.

– Скажи ты...

– Говорят, говорят – подчеркиваю, что москвичи умнее тутюших. Посчитали деньги простоя и затраты на воздушные рейсы из Норильска и Красноярска и решили – дешевле согласиться с работягами. Вражьи голоса тоже об этом говорили.

– Слушай! Голоса в первый день забастовки уже на весь свет гудели...

– Могу, конечно, сказать, что в Игарке живёт и работает резидент всех иностранных разведок. Но, вообще-то, на всех «иностранцах» существует радиосвязь с компаниями. Капиталисты, гады! – добавил весело.

22, 23 августа

Второй день грузимся полным ходом. К шести вечера осталось погрузить 20 стандартв, что-то около восьмидесяти кубометров. Тальманша говорит, что это на полсмены. Норма в смену на бригаду сорок стандартв.

На берегу заходил в контору. Там висят показатели выработки и заработков за день. Грузчики получают за смену семь-десять рублей. Это 200–230 процентов. Было за что бастовать.

Вечером или на худой конец двадцать четвертого уйдем. Лес стали грузить на палубу. Осталось полбаржи досок.

Вовсю чувствуется приготовление к отходу. Подняли мотобот. Скребут его и моют. Брызги летят прямо в каюту. В машине тоже суеда. Юрий Иванович, по прозвищу Дед, проверяет топки, котлы, всякие трубки и форсунки. «Машинистам» увольнение до 18.00. Машину следует раскоцегарить за три часа до отхода.

6.00, 24 августа

Проснулся от грохота – выбирали якорь. Выскочил на палубу. Гип-Гип-Ура!!! В шесть утра начался этот беспримерный ледовый поход.

Сначала отдали кормовые концы. Командует Кирилл. Все какие-то собранные. С мостика что-то кричал кэп.

Верткий лоцманский катерок «Игарка» развернул «Поволжье» и медленно повел вдоль судов, стоящих на погрузочном рейде. Три густых прощальных гудка. Корабли прощаются, словно люди. Большие люди.

Протяжно и мелодично гудят «кубинцы» – «Альметьевск» и «Александровск», суда ленинградской приписки, постоянно работающие на кубинской линии.

Короткий гудок – «Спасибо».

С правого борта гуднул «норвежец», хрипло, поморяцки.

На палубе западногерманского «Полюкса» стоят несколько парней. Они что-то кричат и машут руками. Гудки заглушают слова.

Традиционные слова прощания. Произносимые на разных языках, они означают одно и то же. «Счастливого плавания!».

Корабли, гудки.

Отстающая и остающаяся на берегу Игарка.

Громко, не по-женски, прощается панамская «Тереза».

Грустновато-тревожно гудят суда финской фирмы «Орион Паулин». Их тревога понятна – в Карском море одному из судов льдами пробил форпик и смяло лопасти гребного винта.

Счастливого плавания!

Грузчики, рубщики, стивидоры, люди, стоящие на берегу. Нам необходимы всплески ваших ладоней, ваши улыбки.

Прощайте, люди, стоящие на палубах. Прощайте, корабли, остающиеся в порту. И вас проводят, как вы сейчас провожаете «Поволжье». И вам прощально махнут рукой и скажут:

– Счастливого плавания!

177

ВАХТА ПЕРВАЯ

16.00–20.00, 21 августа

Енисей

Вот уже десять часов плывем по Енисею. Третий раз в этом месяце мне приходится проплывать эти места. Но если первых два раза я разглядывал енисейские берега с борта речных судов – грузового теплохода СТ-716 и белоснежного пассажирского лайнера «Антон Чехов», то сейчас я плыву на настоящем морском грузовом пароходе «Поволжье». Впрочем, пора бросать эти сухопутные словечки – корма, окно, плывем – ют, иллюминатор, идем. Да, мы идем, идем с лесом из порта Игарка в порт Гент, идем Карским и Баренцевым морями – знаменитым и легендарным Великим северным путем.

Он действительно, без всякого преувеличения, Великий – этот путь. В его систему, кроме океанов и морей, входит более 30 тысяч километров судоходных и 28 тысяч километров сплавных рек. Правда, нам предстоит пройти только до Мурманска Карским и Баренцевым морями. Карское море – первое. И я торчу на палубе, стараясь как можно быстрее привыкнуть к ещё неведомой, но заманчивой морской жизни.

Морская жизнь сказалась пока только в изменении распорядка – вечерний чай поменяли местом с ужином. Наверное, в море пить чай в четыре часа, а ужинать в восемь – удобнее.

До Диксона нас провожают лоцманы. Они изучили фарватер Енисея от Диксона до Игарки. Этот участок пути – и туда, и обратно – все морские пароходы проводят енисейские лоцманы.

Он стоит в рубке – молодой, с щегольскими бачками, в черном кителе с золотыми шевронами. У наших же штурманов – второго, Кирилла Гавриловича Голубева, и третьего, Константина Александровича Тарана – какой-то домашний, удивительно «не морской» вид. И кожаная голубевская куртка, и грубошерстный свитер Тарана явно проигрывают с лоцманским кителем. Я давно обратил внимание на странную закономерность: работники аэродромов носят кожаные куртки в сверкающих молниях, а летчики – москошвеевские костюмы; речники, сходя на берег, смотрятся заботливо в зеркало – видна ли тельняшка, а моряки повязывают модные галстуки; по улице Горького или периферийным «бродам» фланируют бородатые чайльдгарольдствующие мальчики, а в саянской тайге геологи и геофизики каждое утро добросовестно бреются. Скорее всего, и те и другие милые, работающие люди, вроде енисейского лоцмана, но все-таки существует такая закономерность.

Лоцман поглядывает в бинокль на... ну конечно, «серо-свинцовые волны», изредка задает курс рулевому. Штурманы тем временем отвечают на мои многочисленные «что и почему».

- Да, это радиолокатор.
- Да, ночью и в тумане.
- Правильно, это эхолот – глубину мерить.

Тахометр, гирокомпас, машинный телеграф... Механические помощники штурманов теряют свою загадочность, и суть их становится понятной и объяснимой.

В 17.10 появилась Дудинка.

На морском причале стоит «моряк». Так на Енисее зовут морские пароходы. Названия в бинокль не видно. Но я знаю – это «Приволжск». На нем из Архангельска, из отпуска, вернулся наш (с этого дня я и пароход «Поволжье» – единое целое, по крайней мере до Мурманска) старший помощник капитана.

От «Приволжска» отвалил катерок и направляется в нашу сторону. Он везет старпома и картошку. Кроме штурманских, у старпома есть еще и хозяйственные обязанности. Постоянная готов-

ность судна, хорошее техническое состояние, снабжение, питание команды, готовность судна перед рейсом – его всегдашние заботы. В Дудинке старпом сразу же приступил к работе – достал на одной из торговых баз картошку. В Заполярье это большая удача.

В рубку поднялся капитан Юрий Валентинович Терентьев:

– Кирилл Гаврилович, посмотрите, чтобы было все в порядке.

Катерок приблизился почти вплотную. Внизу суетятся парни, боцман и второй штурман. Они прикрепляют к лебедке большую сеть для картошки.

– Возьмите спасательный круг и уберите отсюда этого балбеса, – крикнул капитан в мегафон.

«Балбес» – уборщик Сергеев – слишком долго мечется у фальшборта, и капитан боится, что он свалится в воду. Сергеев плавает третий месяц.

Катерок швартуется. Боцман спускает штурмтрап, и на палубу взбирается старпом – белобрысый, с ромбиком Ленинградской высшей мореходки на лацкане.

– Как отдыхалось? – кричит капитан.

Старший помощник весело машет рукой и поднимается в рубку.

– Где? Как? Что? – традиционные вопросы, задающиеся всем отпускникам. Моряки в этом отношении не исключение.

Ящички с картошкой тем временем подняли на палубу. Поднимали лебедкой в сетке, похожей на авоську. Только авоська эта сплетена из канатов.

Катерок, прощально пискнув, отваливает.

– Полный, – переводит ручку машинного телеграфа приступивший к своим, уже штурманским, обязанностям старпом.

– Вот так, с бала на корабль, – говорит он лоцману.

Заметно темнеет, третий штурман ушел отдыхать: ему скоро на вахту. Второй понес капитану погрузочные документы.

– Ну, что ж, – говорит мне старпом, – пожалуй, можно опустить флаг.

Я удивленно смотрю на него.

– Сходите, спустите флаг.

Рулевой хмыкает. Старпом решил, что я новый матрос, пришедший в его отсутствие. Я с удовольствием бы спустил флаг, но, увы, не знаю, как это делать. Поэтому признаюсь, что я всего лишь пассажир.

– Тогда давайте знакомиться, – говорит старпом. – Юрий Александрович Сутырин.

Jeh bin Aufruamenman!

У трапа стоял парень в синем комбинезоне с блестящими пряжками, а на руке – красная повязка с белыми буквами «Вахтенный». В зубах вахтенный держал трубку. Из мефистофельского затылка торчала сигарета и вкусно дымила. Вахтенный посмотрел на фотоаппарат Лени Рыбинского – репортера Дудинского радио – и спросил:

– Ну, а сфотографироваться можно?

Рыбинский утвердительно кивнул.

– Закуривайте, – сказал парень. – Только я переоденусь после вахты.

– Можно, – сказал Рыбинский, с наслаждением затягиваясь болгарским «Солнцем».

Фотография – первая слабость Юрки Сергеева.

Нет, проявителями, закрепителями и прочей химией Юрка не занимался. Ему больше нравилось смотреть на собственную физиономию, изображенную на матовой фотобумаге.

Но на сей раз Юрке не повезло. Когда после вахты в ослепительно белой нейлоновой сорочке и остронаглаженных брюках Юрка пристраивался перед объективом фотоаппарата так, чтобы за его спиной видны были буквы «п/х «Поволжье», капитан крикнул:

– Этого тунеядца фотографировать не стоит.

Леня Рыбинский отступил перед капитанским авторитетом. Юрка смущенно поднялся по трапу.

Да, вчера случилось ЧП – матрос Сергеев опоздал на вахту.

Второй слабостью Юрки Сергеева был немецкий язык. Не то чтобы Юрка отлично знал язык, нет. Он только ещё собирался посылать документы на заочное отделение института. Собирался посылать документы, но не знал адреса. К экзамену Юрка готовился несколько своеобразно. Названия предметов, попавших ему на глаза, он произносил про себя по-немецки.

– Потравить якорь, – скамандует капитан при швартовке.

– Anker, – подумает Юрка.

Придет Гера Родюк с легким синяком после очередной футбольной баталии.

– Blau Flek, – констатирует Юрка.

Любовь к немецкому языку оказалась роковой. Из-за нее во время стоянки в Игарке Юрка вторично попал в «тунеядцы».

...После вахты Юрка собирался на берег. Полчаса он плескался и фыркал под душем, ещё час гладил сорочку и брюки. Юрка отлично усвоил неписанный

закон: моряк, сходящий на берег, должен быть элегантным, как член английского парламента.

Когда Юрка был уже в шлюпке, вахтенный штурман крикнул:

– Сергеев, в 16.00 – собрание.

– Я знаю, Кирилл Гаврилович, – проорал Юрка. Сначала все шло хорошо. Мы медленно прогуливались по деревянным игарским мостовым и удивленно читали странные плакаты: «Курить на улицах строго воспрещается».

Юрка посмотрел на часы:

– Поехали в старую Игарку.

Мы сели в разбитый городской автобус. На заднем сиденье пристроились два парня. Мы б не обратили на них внимания – мало ли ездит парней в автобусе – если бы один из них не произнес длинную фразу.

Я смутно понял, что немец не знает, на какой остановке сойти, чтобы попасть в клуб лесоккомбината. А Юрка встрепенулся, Юркины глаза заблестели: «Osten?», – произнес он. – Westen?». – Немец опять разразился длиннющей фразой.

Но это не смутило Юрку: «О-о-о! – понимающе протянул он. – ФРГ, «Полюкс».

Парни дружно закивали.

Мы вылезли из автобуса. Тихо шли по деревянным игарским мостовым, и каскад Юркиных вопросов сыпался на немцев. При этом перед каждой фразой Юрка выдавал протяжное «э-э-э». Каждая фраза почему-то обязательно начиналась с «also».

– Э-э-э, also, – начинал Юрка. И немцы, напрягаясь, понимали его.

Юрку интересовало все: сколько получает матрос на «Полюксе», как зовут девушку толстого немца, и бывает ли он в Восточной Германии. Часто ли они бывают в Союзе и как они понимают его, Юрку?

Впрочем, последнее его не очень-то волновало, и он продолжал задавать вопросы.

Наконец немец сам задал вопрос. Но что это был за вопрос! Мы с Юркой молча переглянулись.

Немец спрашивал, почему их так долго не грузят – может быть, забастовка?

– Nein, nein, – заторопился Юрка, – э-э-э, also...

...О, короткое северное лето!

О, еще более короткая северная навигация!

Как ускоряете вы привычно медленный жизненный тонус заполярного порта!

Единым духом преодолев крутую лестницу и с высоты крыльца портовой столовки окинув взглядом

Енисей, некоторые эрудированные грузчики могут процитировать популярные строки любимого поэта:

*Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе!*

Однако, процитировав любимого поэта, пировать грузчики не собираются, а, быстро съев свой высококалорийный обед, идут грузить суда под упомянутыми флагами. Потому что, наполнив знаменитым сибирским лесом трюмы двенадцати судов, стоящих на погрузочном рейде, грузчикам предстоит грузить ежедневно увеличивающуюся армаду больших и малых кораблей, терпеливо ожидающих своей очереди на внешнем рейде.

«О, напряженность состояния и механизмов, и людей!» – воскликнул бы другой, не менее популярный поэт, увидев круглосуточную работу игарского порта.

Долго и старательно, с многочисленными: «э-э-э» и «also», Юрка втолковывал все это толстому немцу. Наконец немец, кажется, понял: «О, russische Baeme! Ekstra!».

Мы решили, что последнее слово он произнес по-русски.

– Ja, ja, – удовлетворенно произнес Юрка, – экстра! – И для пущей убедительности поднял большой палец.

Возможно, и проявил Юрка политическую грамотность, разъяснив дружественному западногерманскому народу некоторые неясности.

Возможно, и был бы доволен Юркой замполит Некрасов. Не знаю. Но на собрание матрос безнадежно опоздал.

Вечером мы сидели в Юркиной каюте. За занавеской на койке похрапывал Герка Родюк. Потом храп прекратился, и Герка сказал:

– Ты бы сократился! На второй стоянке подряд опаздываешь. Капитан вызовет.

– А-а, – отмахнулся Юрка.

– Что а? – продолжал Родюк. – С кепом как знаешь, но парни уже ворчат! С ними говорить больше!

Утром Юрка явился ко мне в каюту и мрачно заявил:

– Ich bin Aufraumenman!

– Кто, кто? – переспросил я.

– Уборщик, – сказал Юрка.

– Прощай, штурвал, здравствуй, швабра?

Юрка молча кивнул.

Я подумал, что тоже до некоторой степени виноват во всем происшедшем. Я хотел искупить свою вину.

– Юрка, – сказал я, – давай я тебя сфотографирую.

– Ладно уж, – согласился Юрка.

Он посадил на плечо куличка Сему, второго обитателя моей каюты, и мрачно-торжественный встал перед объективом аппарата.

БАХТА ВТОРАЯ

8.00–12.00, 22 августа

Енисейский залив

Очень холодно. Впрочем, «очень», наверное, слишком. Просто после тридцатиградусной жары непривычен пар изо рта. Мои сомнения разрешила техника: плюс шесть градусов Цельсия. Температуру совершенно точно определяет «Дистанционная судовая станция погоды типа РМ-6». Этот очень умный и нужный ящик висит на стене в штурманской. Кроме температуры воздуха, он умеет определять направление и силу ветра, влажность и температуру воды и воздуха.

– Мы снимаем данные два раза в сутки, – рассказывает мне вахтенный штурман Константин Александрович. – Их передают на береговые метеостанции, там эти данные обобщаются, и суда получают сводки погоды.

Константин Александрович Таран (второй штурман зовет его Котик) окончил Ленинградское высшее мореходное училище и плавает первый год. Недостающий стаж морской жизни ему пока заменяют обширные энциклопедические познания. На мои расспросы Таран всегда отвечает обстоятельно.

Моё внимание привлек секстан.

Колумб, Магеллан, звезды – смутно пронеслось в моей памяти, и я тотчас выложил все эти книжно-исторические познания Косте.

– Ну, – сказал Таран, – по звездам я только в училище на практике определялся (определял местонахождение судна). Сейчас мы это делаем с помощью радиопеленга. Впрочем, по звездам тоже несложно. Магнитный компас... круг равных высот... центр освещенности...

Рубка превращается в лекционный зал.

Перед поездкой я где-то вычитал, что в Арктике могут плавать лишь деревянные суда (так раньше считали), но моряки на судах должны быть железными (так считают до сих пор). На стоянках в Дудинке и Игарке, сейчас, в рейсе, внимательно приглядываюсь к молодым веселым парням – комсомольско-молодежному экипажу п/х «Поволжье» и терпеливо жду, когда же, наконец, начнут появляться те, особенные, черты их «железных» характеров.

А ребята, ничего не подозревая, заняты своими обыденными делами. В техническом кабинете четвертый механик Юрий Иванович проводит с машинной командой занятия по противопожарной безопасности. В углу, внимательно слушая коллегу, сидит Деда – старший механик Василий Львович Макарын. Сорокалетним стажем измеряется его морской опыт, и нет, пожалуй, в стране пароходства, где бы ни плавали его многочисленные воспитанники. Макарын на судне – как стопроцентная гарантия нормальной бесперебойной работы машин. В хозяйстве Деда всегда чистота и порядок. Шумные насосы перекачивают в топку мазут. Равномерно вздыхает поршень. Очень жарко. Глядя на работу кочегаров и механиков, во многом облегченную рацпредложениями Деда и второго механика Сан Саныча, и все-таки ещё очень трудоемкую, постепенно начинаю постигать разницу между флибустьерско-книжной романтикой и повседневной морской жизнью.

Звонок машинного телеграфа и голос Тарана в мегафон: «Средний ход!».

Поднимаюсь в рубку. Здесь, кроме Кости, капитан и оба лоцмана. Скоро за ними должно подойти судно.

В 10.00 появился «Меридиан» – эксплуатационное судно. Небольшое, но, как говорят моряки, «с хорошими мореходными данными».

– Приготовиться к встрече с левого борта!

Лоцманы произносят традиционные слова прощания:

– Счастливого плавания!

– Спасибо! – говорит капитан.

«Меридиан» молча, без прощального гудка, отчаливает.

Ночью пройдем Диксон, остров, названный именем норвежского купца Оскара Диксона, середину пути Мурманск – Владивосток, сердце Арктики. Всего же от Мурманска до Владивостока 6 248 морских миль – пять морей: Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское.

На Диксоне работают Арктическая научно-исследовательская обсерватория, радиометеорологический центр, держащий связь с сорока двумя полярными станциями.

На протяжении всего путешествия постоянно спрашиваю: самое ли северное? Теперь, наконец-то, я удовлетворен в полной мере. Все, что есть на Диксоне, – самое северное в мире. Диксонская средняя школа – самая северная школа в мире. Кроличья ферма – тоже самая северная. И диксонский порт, где заправляются углем иностранные суда, и

Диксонская бухта – надежное укрытие от свирепых штормов Карского моря – все самое-самое.

Удивляться тут нечему. Игарка стоит на 67°27' северной широты. А мы прошли уже 725 километров на север.

Идем Енисейским заливом. Северо-восточнее нашего курса стоит пароход. В бинокль хорошо виден плоский и голый, как льдина, островок. Три домика и мачты антенн. Это одна из многих полярных метеостанций Диксонского радиометеоцентра. Пароходик «Адам Мицкевич» привез продукты и оборудование.

Земля полукругом, все дальше и дальше уходим от нее. Вот она уже еле заметна. Еще мгновение – и небо краями упирается в море.

Пекарь из Соломбалы

Из АШМО¹ выгоняли за три выговора. У Сани их было шесть. Два простых, три с предупреждением и один строгий.

– Хватит, – сказал начальник школы. – Мне надоело. Ничего не надо объяснять.

Саня и не пытался объяснять. Ну что здесь объяснишь? И опять этот Вергасов. Не везет Сане с Вергасовым. Ну, весело, ну, песни пой! Зачем же к другим лезть? Да и лезет-то не ко всем без разбору. К нему, Сане, например, не лезет. Знает – боксер. А к Толику прискребался: салага да салага. И драть-ся лезет, а Толик на перекладине всего четыре раза отжаться может.

Хук слева вышел, правда, ничего. Упал Вергасов.

И вот опять неприятность. Выгонит из школы. Раз сказал – значит выгонит.

Саня думал, что в Архангельск скоро придет «Сура», и стало совсем нехорошо. На «Суре» старшим механиком плавал отец. Ну, с отцом ещё ничего, а с братом совсем неудобно. Брата Саня любил и уважал. Уважал даже больше.

– Три меня в ширину, кулак, как моя голова, – рассказывал Саня парням из школы. – Второй механик уже.

Брат к Сане относился тоже хорошо. За бокс хвалил. Спортзал в сарае помог устроить. «Грушу» купил и повесил. И два мата достал. Старые, правда, маты, но ничего, вполне пригодные. Но за двойки и выговоры брат не жаловал.

– У нас морская семья, – говорил брат. – А лодыри в море не нужны.

Сане очень хотелось стать механиком. Таким же,

¹ АШМО – Архангельская школа морского обучения.

как отец и брат. И так же после рейса приезжать домой в Соломбалу в щеголеватом, купленном в «загранке» костюме. И рассказывать матери и сестренкам о чужих городах, землях, людях. И, положив на стол тяжелые, даже после туалетного мыла пахнущие машинным маслом и железом руки, ждать, когда мать поставит перед ним вкусный домашний суп с клецками.

Как всё это будет, Саня знал точно. Окончит АШМО, а потом – море и заочное отделение Архангельской мореходки. И вот теперь из-за Вергасова все срывается.

Выручил опять тренер. Повел к начальнику и долго говорил про кубок, соревнования и общекомандное место. Спорт в школе любили. Начальник сдался, но сказал:

– Ну, хорошо. Последний раз. А придет без грамоты – выгоню.

Диплом-то за первое место Саня привез. А с Толиком они дружки. Хотели после школы на одно судно. Не получилось. Все отдел кадров. Саню в «машину»² тоже не пустили. Восемнадцать – только через три месяца. Пришлось пойти пекарем на «Поволжье». Чего в резерве сидеть?

Печь хлеб, вообще-то, нетрудно. Мука да вода, да ещё кое-что. Шеф все показал. Первый-то хлеб самым лучшим получился. Но камбуз все-таки надоел. Очень хочется в «машину». С Дедом уже говорили. Не возражает Дед. В Мурманске, говорит, можно перейти. Если замена будет.

В открытую дверь камбуза вдруг влетает какой-то комок. Саня вздрогнул – куличек. Замерз в море-то, устал, вот и сел на палубу. И, хитрый, прямо на камбуз побежал. Саня посмотрел на взъерошенного, испуганно моргающего круглыми красными глазами куличка и сунул его за пазуху:

– Сиди, грейся!

...Ну, а уж если не в Мурманске, то после Гента обязательно переведусь. Но ведь это ещё целый месяц. Обязательно что-то надо придумать!

На следующее утро к чаю вместо привычного свежепашенного хлеба подали сухари.

За обедом, вкусно похрустывая сухарями, капитан сказал старпому:

– Юрий Александрович, что там у вас происходит на камбузе? Разберитесь, пожалуйста.

К ужину хлеб появился. Все с сомнением поглядывали на черные, вязкие, как хозяйственное мыло, хлебцы и есть не спешили.

– Все ясно, – сказал старший механик, – парень торопится в «машину».

– Мария Георгиевна, – сказал капитан буфетчице. – Передайте ему, пожалуйста, пока снова печь хлеб не научится, в «машину» не попадет.

ВАХТА ТРЕТЬЯ

4.00–8.00, 24 августа

Карское море

Докторская каюта – моя временная резиденция (доктор в отпуске) – находится на корме или, по-морскому, на юте. Гребной вал проходит как раз под полом каюты. Шум его не только мешает, но и служит отличным индикатором. Я проснулся оттого, что вал стал стучать медленнее и тише. Пока я машу руками и приседаю (условно – утренняя зарядка), со стены на меня с величественной снисходительностью смотрит «Незнакомка» Крамского.

До завтрака еще далеко. Есть время подумать, поразмышлять.

В Новосибирске я бережно листал номера «Сибирских огней» за тридцатые годы и жадно читал все, что написал о Североморпути поэт Вивиан Итин. Он знал Арктику не по книжкам, несколько раз с пароходами Карской экспедиции проходил он по рекам и морям Северного морского пути. И самое главное, что на Арктику, на Северный морской путь, Итин смотрел не как на экзотику, будоражащую поэтические мысли, а как на чрезвычайно важный, необходимый его стране, его Родине водный путь.

Итин не созерцатель. Он предлагает, советует, борется с маловерами.

*Север не только одним заповеден
Голубоватым отливом песцов,
Жиром белуг и белым медведем
Да барышами варяжских купцов.
Рано – не рано, что будет – то будет,
Каменный уголь, курейский графит,
Скрытые в тундрах тяжелые руды
Выйдут на рынок из рамок стропы.*

...вспоминаю стихи Вивиана Итина.

...Карское, а раньше – Нярзюмское, море получило свое название от реки Кары, впадающей в Карскую губу. Моряки так говорят об этом крае: «Живут южные ветры – путь свободен. Живут северные ветры – идти нельзя».

Поэтому разные условия навигации в Карском море в разные годы – одна из основных проблем Се-

² «Машина» – машинное отделение.

верного морского пути. Бывает так, что в некоторые годы суда не встречали на своем пути ни одной льдинки. В эти годы море не отличалось от других свободных северных морей...

Протяжный гудок.

Поднимаюсь на палубу. Плотный белесый туман. Палубных надстроек не видно. И опять со стороны рубки раздается вязкий тревожный гудок.

– Ко льдам подходим. А тут ещё туман, – басят за спиной.

Это боцман. Он в теплом бушлате и зимней шапке. Вместе подходим к борту. За кормой из воды тянется тугая веревка. Это лаг, отсчитывающий скорость хода судна. Показания его можно посмотреть на счетчике в рубке.

– Какая у нас сейчас скорость? – спрашиваю я.

– Миль восемь, – отвечает боцман. – Средним ходом идем. Маневрировать во льдах легче.

Он не спеша, как крупную рыбу, тянет из воды лаг. И, опережая мой вопрос, объясняет: «Чтобы льды не зацепили».

В рубке старпом – это его вахта – и капитан.

Капитан внимательно разглядывает экран локатора. Мерцающая зеленая ниточка, пересекающая экран, – наш курс. Яркое пятнышко на нем – «Поволжье». Равномерно, как секундная стрелка, бежит луч развертки. Правее курса несколько расплывчатых зеленых пятен – больших и малых.

– Льды, – говорит Юрий Валентинович. – Пошли те боцмана на бак.

– Боцман – впередсмотрящим! Будь внимательнее!

Боцман берет бинокль, спускается по лесенке и исчезает в тумане, и ему вряд ли поможет бинокль.

– Ну, как там? – спрашивает старпом в мегафон.

– Ничего не видно, – слышится из репродуктора голос боцмана. Юрий Валентинович тоже подходит к локатору.

– Может быть, это речные суда из Архангельска перегоняют? Столкнемся еще.

Он протягивает руку к стальному тросику, протянутому под потолком, и протяжный гудок рвется в туман. Гудим каждые две минуты – так положено по морскому уставу. Чтобы в тумане не столкнуться с другим судном.

Капитан ещё раз внимательно смотрит на медленно плывущие по экрану пятна и говорит:

– Нет, все-таки это льды.

Льды – вещь сама по себе уже неприятная. Я вспомнил, как привели в Игарку финский теплоход фирмы «Орион Паулин». Пробоина в форпике и смя-

тые лопасти гребного винта. Финны столкнулись с «маленькой» льдинкой. Но весит такая «маленькая» льдинка тонн пятьдесят-семьдесят.

Туман – постоянный гость Карского моря. Плотный серый туман ещё более усложняет обстановку.

Зеленые пятна на экране локатора вот-вот поравняются с «Поволжьем». Капитан ещё внимательнее всматривается в мерцающую поверхность экрана. Старший помощник – опытный штурман. Его знаний и штурманского искусства достаточно, чтобы вести судно и в более сложных условиях. Но у моряков существует правило: сложная обстановка – капитан в рубке.

В штурманской на диване брошено одеяло и подушка. Думал капитан, что выберет пару минут для отдыха. Но уже утро. Скоро восемь, а подушка так и осталась несмятой.

– Внимательно, впередсмотрящий! Справа подходим к льдам, – говорит в мегафон старпом.

Я спускаюсь по лесенке на палубу и иду на бак. Вот показалась фигура боцмана. Подхожу и становлюсь рядом. Мы на самом носу парохода. Вокруг густой, как паровозный пар, туман.

– ...Опасность столкновения велика, особенно в тумане, – сказал за завтраком старший механик Василий Львович.

Капитан, капитан...

Капитан дальнего плавания! Боже ты мой! Сколько раз я видел себя поседевшим, в кителе с золотыми шевронами, с трубкой в белых крепких зубах. Сколько раз я орал: «Полный вперед!», «Свистать всех наверх!». Я проплывал Баб-эль-Мандебский пролив, заходил на остров Борнео, тонул в Бискайском заливе и... просыпался на Октябрьской улице.

Просыпался от песни, пьяной песни водопроводчика Слезкина:

На корабле матросы злы и грубы.

Кричит им в рупор бравый капитан!..

...Трубки у капитана не было. Он не курил. Он ходил по рубке в мягких домашних туфлях и в теплой стеганой куртке на молнии. У капитана было веселое круглое лицо и небольшие, слегка зависшие усы. Капитану было двадцать девять лет. Память работала безотказно, но стандартно:

Капитан молоденький,

Звать его Володенькой...

Капитана звали Юрий Валентинович. Его звали так штурманы и механики, матросы и кочегары, и

только однажды розовый от молодости и камбузной жары пекарь Саня сказал: «Кэп...».

Я бросился к нему, как к родному – ну, конечно, кэп.

– Кэп, кэп, – радостно бубнил я. – Кэп... а что же делает кэп? На вахте он не стоит, документами занимается третий штурман, погрузкой – второй, машиной – Дед, всем остальным – старпом. Я мгновенно распределил все обязанности. Для капитана ничего не оставалось. Два больших вопроса светились в моих глазах.

Капитан всё понял, капитан сказал: «Когда я был третьим штурманом, то не понимал, что делает капитан. Когда я был вторым штурманом, этот вопрос меня не волновал. Когда я стал старшим помощником, то твердо знал: первый бездельник на корабле – капитан. Из Игарки я послал ему поздравительную телеграмму. Старику дали «Героя Труда». Не зря дали. Это я понял, когда сам стал капитаном».

Что ж, подумали в кадрах, Терентьев – парень толковый. Походил в старпомах у Ивана Акимовича, можно дать ему «Поволжье».

Свой первый капитанский рейс Юрий Валентинович помнит отлично. Шли с лесом в Антверпен. Шли зимней туманной Балтикой. В сложной ледовой обстановке с трудом добрались до маяка Доргден. Пришло сообщение: Кильский канал закрыт – лед. Решено идти Зундом. Но и этот пролив оказался прочно скован льдом.

Оставался единственный выход – идти опасным, очень узким (половина длины судна) проходом Флинтреннак. У Дрогдена грустно дымили три «иностранца». Ждали лоцмана. А лоцмана не было. Причина та же – лед.

– Что решит капитан?

Сколько раз приходилось Терентьеву слышать эту фразу.

– ...Что решит капитан? Что решит капитан Терентьев?

А в сложной навигационной обстановке – и штурман Терентьев. Штурман, принимающий самостоятельное решение, решение, от которого зависит судьба груза, судна, экипажа. Старпом, второй, третий – выжидающе смотрели на капитана. Решает капитан. Его опыт, знания, умение.

– Идем Флинтон, – сказал капитан.

Свой первый капитанский рейс Юрий Валентинович помнит хорошо. Слишком хорошо. С хронометрической точностью:

12.15 – Медленно, осторожно, как бы примериваясь, «Поволжье» идет Флинтон.

12.20 – Внезапно началось сильное движение льда.

12.21 – Две тысячи триста лошадиных сил «Поволжья» тщетно пытаются противостоять мощному напору льдов.

Канал узкий – маневрировать невозможно.

12.23 – Льды выперли судно и посадили на мель. Повреждено днище – пробит один из главных топливных танков.

12.30 – Можно ждать помощи. Можно рискнуть и воспользоваться изменением направления движения льдов – сняться самим. Напряженно, нервно вздрагивает машина. Велика опасность увеличить повреждение.

Риск? Точный расчет? Опыт?

– Что решит капитан?

12.40 – Осторожно, словно чувствуя свою вину, льды сняли судно с мели. Медленно маневрируя, «Поволжье» прошло канал.

В Антверпене пришлось воспользоваться услугами бельгийской судостроительной фирмы. Обратный рейс капитан не уходил из рубки. А в Лиепеае его отвезли на мотоботе в больницу. Капитану, как и его кораблю, грозил долгосрочный ремонт. Так думали врачи, обследовавшие его.

Но капитан думал иначе. Вечером он удра из больницы, удра на свой пароход и, вызвав судового врача, сказал:

– Лечи меня здесь. Здесь лучше получится.

– Нервы. Все на нервах, – говорит Юрий Валентинович. Но знаешь и чувствуешь это, когда сам ходишь в капитанской шкуре.

– В капитанском кителе, – поправляю я.

– В кителе капитан сходит на берег, – говорит Юрий Валентинович.

В строгом черном кителе с золотыми шевронами, подтянутый и спокойный – официальным представителем своей страны сходит капитан на берег.

ВАХТА ЧЕТВЕРТАЯ

12.00–16.00, 24 августа

Карское море

Туман понемногу отступает. Из рубки видно льды. Большие и малые, они, как призраки, дикий птицы, возникают из тумана.

Собираясь в поездку, я думал о величественно-белых айсбергах, медленнодвигающихся по серо-зеленой воде, совсем как на картинах Рокуэла Кента. На меньшее я не соглашался.

Первую появившуюся из тумана льдину я разглядывал жадно и нетерпеливо – боялся прозевать остальные. Льдина была грязно-серой, и только концы её, погруженные в море, прозрачны, как бутылочное стекло. Мне даже показалось, что заметил чей-то след.

– Следы! – заорал я. – На льду следы!

– Да? Медвежьи, наверное, – меланхолично заметил рулевой Толя Гашев. Он стоит за штурвалом. Но скоро ему предстоит отправиться на бак – вперёдсмотрящим. Сейчас там Миша Нигматулин. За штурвалом вахтенные матросы меняются каждый час.

Туман совсем развеялся. Но и льдов не видно. Оказывается, таяние льдов начинается в июле, и тает морской лёд при -1°C .

Море раскинулось перед нами, свободное и зелёное, чистое ото льдов.

Сейчас вахта второго штурмана. Как раз те официальные часы, когда он зовется Кириллом Гавриловичем Голубевым. Все остальное время он просто Кирилл – шутник, футболист и просто хороший парень.

Мне нравится, что в общении матросов и комсостава нет ни службистской официальности, ни фамильярности. Никому, даже плавающему не один год матросу, и в голову не придет на вахте назвать штурмана Голубева по имени. Но в иное время для матроса Гашева, скажем, он Кирилл. Они ровесники, третий год плавают вместе. А для Миши Нигматулина, только третий месяц обживающего моря, он все равно Кирилл Гаврилович. И в этом дань его опыту, знаниям, пройденным милям.

Туман совсем рассеялся. Нигматулин поднялся в рубку и встал за штурвал. А Толя Гашев отправился шкрабить палубу – отбивать от палубы ржавчину.

– Соскучился боцман в отпуске. Активность проявляет, – поясняет он мне.

На сей раз речь идет о настоящем боцмане Дудникове. Целыми днями вместе с вахтенными матросами он то шкрабит палубу, то красит переборки на нижней палубе. Честно признаться, мне активность Дудникова кажется даже излишней: он велел выкрасить пол в твиндеке, и теперь мы лишены возможности играть в настольный теннис. Настольный теннис в Карском море! Из устных рассказов для друзей.

А с Карским морем мы сегодня прощаемся. В штурманской я посмотрел карту – где-то слева останется мыс Вылкин Нос и земля Марре-Салья.

Есть четыре пути из Карского моря в Баренцево. Проливы Югорский шар и Карские ворота лежат у северного и южного берегов островов архипелага Новая Земля, между ними проходит узкий пролив

Маточкин шар. Последний, наиболее надежный и доступный путь, проходит севернее Новой Земли, вокруг мыса Желания.

Доступен этот путь потому, что частенько плавающие льды Карского моря закрывают проливы.

Радиограммой нас предупредили, что Карские ворота и Маточкин шар закрыты. Свободен только пролив Югорский шар.

Еще утром должны были пройти Югорский шар. Но, как говорит второй штурман, обстоятельства выше нас. Туман.

Кирилл из тех людей, с которыми сходятся легко и просто. В Игарке, когда я первый раз попал на «Поволжье», он ходил по палубе, наблюдал за погрузкой и бормотал:

– Чтобы было все добро,
Ставьте доски на ребро.
Чтоб не вышел в деле блин,
Забивай сильнее клин.

– Свои? – спросил я.

– Был тут один. Говорил стихами, – ответил Кирилл.

Так мы и познакомились.

– Как тут живется морякам? – вежливо спросил я.

– Лес – стране, деньги – жене, сам – на волне. Вот так и живём. Разве это жизнь для белого человека?

В Игарке Кирилл был настроен мрачно. Ему хотелось в отпуск, лето проходило, погрузка затягивалась, и не известно было, что решат в пароходстве.

– Ну, зачем тебе в отпуск? Кончилась вахта – и на песочек. Загорай, купайся – просто Сочи.

Заполярное солнце не желало считаться с учебниками географии. Дни стояли знойные и ленивые. Кирилл посмотрел на разомлевшего от жары вахтенного матроса с красной повязкой на голой руке, на потные квадратные спины грузчиков, на удивительно прозрачную енисейскую воду и сказал:

– Нормальные люди работают семь часов в день. У них есть выходной, есть опера «Евгений Онегин», фильмы с популярным артистом Козаковым, хождение в гости... а мы работаем круглые сутки без выходных, от отпуска до отпуска.

Сейчас, вспоминая этот игарский разговор и произнесенную Кириллом фразу «от отпуска до отпуска», я подумал о другом.

Ни одна другая профессия, наверное, так не влияет на человеческие характеры, человеческие взаимоотношения. Каждую секунду, каждую минуту, каждый час суток люди вместе. Каждый месяц, каждый год. Радость, беда – вместе. И ведь не всегда это

нужно, и не каждому это нужно, а не спрятаться от людей за каютной переборкой. Мне понравились отношения между матросами и комсоставом. Но как же могло быть иначе. Ведь ни один директор предприятия не бывает так близок к производству, к людям, как капитан на корабле. Ни на одном предприятии итээровцы не проводят столько времени с рабочими, как штурманы и механики с матросами. Здесь трудно казаться иным, быть иным, чем ты есть на самом деле. А отсюда, словно результат естественного отбора, – сильные, честные, трудовые люди.

Туман вновь густеет. Кирилл отправляет Нигматулина на бак. Из репродуктора то и дело доносится:

– Слева по курсу ледовое поле, справа – большая льдина!

Кирилл солидно, хрипловато-простужено басит в мегафон:

– Добро!

Я тщательно выглядываю в бинокль ледовое поле. Льдина слева действительно проплыла, а поля нет.

– Где же ледовое поле? – спрашиваю.

– А не будет ледового поля, это ему от страха мерещится, – добродушно заявляет Кирилл.

Температура – плюс 3° С. Постоянно меряется глубина: 110, 110, 118 метров. Туман надвигается плотной белой стеной. Как в сказке исчезают Нигматулин, палуба, желтый лес. Идем средним ходом, потом малым и, наконец, дрейфуем, постоянно бросая в пространство басовые гудки. Но к концу вахты даже гудок устает. Хрипит и начинает сипеть. Чуть слышно работают турбины. Три оборота в минуту.

*Опять туман. Недвижный, мы не смеем
Ни крикнуть, ни смеяться, все во сне.
И вся окрестность кажется музеем
Античных статуй, спящих в тишине.*

Августом тысяча девятьсот тридцать третьего года помечена эта дневниковая запись в книге «Арктика» Ильи Львовича Сельвинского.

Внимательно осматриваюсь вокруг и совсем не против этих, более чем сорокалетней давности, штампованных проявлений седой Арктики.

«Боцман»

Белила растеклись по руке, как реки по карте. Некоторые белые полосочки уже подсохли и покрылись белыми морщинками. Другие, свежие, упрямо ползли к запястью. Миша мельком взглянул на руку – надо бы подвернуть рукав свитера. Но не сделал этого. Стеснялся. Рядом стоял боцман Дудников и ласково смотрел на свежebelые переборки.

...Ни в одном морфлоте страны нет судна, на котором было бы сразу два боцмана. Да что в Союзе. Во всем мире нет! Нет во всем мире такого судна, а в Северном морском пароходстве есть! Приписано это судно к Архангельску. А зовут этот пароход «Поволжье». Ходит пароход «Поволжье» по различным морям и океанам, заходит в отдельные порты, обменивается встречными гудками с коллегами по нелегкой морской работе, а никто не подозревает, какой это уникальный пароход. Правда, вздохнет иногда таможенное начальство: «Ох, и путаники эти русские!», да посмеются пограничники на КПП.

А боцманов, действительно, два. Первый боцман настоящий. Так и в «Мореходке» написано: должность – боцман. Фамилия – Дудников. Так его и зовут «боцман Дудников». Плавает боцман давно. Еще во время войны на транспортных в Англию и Америку ходил! Ходил боцман Дудников в грозное военное время и в Англию и Америку, за что имеет правительственные награды. Однако по скрытности своего характера и вообще неразговорчивости про свои правительственные награды не рассказывает. Довольно молчаливый мужчина боцман Дудников. Когда его попросили написать заметку ко Дню выборов в судовую стенную газету, боцман не отказался. Написал. Семнадцать строк. Короткую и четкую, как боцманская команда.

Считается, что на судне старший помощник – правая рука капитана. Ну, уж если старпом – правая рука, то боцман – левая капитанская рука. А без левой руки, как известно, тоже не больно-то обойдешься. Ну, а без такой левой руки, как боцман Дудников, и вовсе не обойдешься. Потому что боцман хоть и довольно молчаливый мужчина, но выполняет свою хлопотливую боцманскую работу на «отлично» или даже на «отлично с плюсом». За это он и ударник коммунистического труда.

Второй боцман – тоже настоящий! Тоже в «Мореходке» написано: должность – матрос, фамилия – Боцман. Так его и звали на «Поволжье» – «Боцман, который матрос». Вот будет интересно, подумал я, когда матрос Боцман станет боцманом. Так сказать «боцман в квадрате». Однако наша прекрасная действительность опрокинула мои недалёковидные прогнозы. Не будет «Боцман, который матрос» боцманом. Учится он заочно в мореходном училище и станет вскоре штурманом, а в дальнейшем, может быть, и капитаном. Капитан Боцман. Тоже довольно интересно.

В отличие от боцмана Дудникова, Боцман, который матрос, – парень разговорчивый. И не так, что-

бы просто языком потрепать, а с научным подходом ко многим современным проблемам.

Эта-то разговорчивость подвела, оконфузила Мишу в его самом первом рейсе.

Ещё на стоянке в Мурманске он приметил мордато-крепкого парня, к которому все обращались – «Боцман».

Вычитав «морскую жизнь» из книг, Миша Нигматулин знал, что боцман должен быть сильным, здоровым и злым.

Этот же боцман был общительным и добродушным.

«Боцман», «Боцман» – то и дело нуждался в нем кто-то.

Поэтому, когда старпом Сутырин велел Мише взять у боцмана кисти, белила и покрасить переборку, Миша, недолго думая, подошел к общительному здоровяку и спросил:

– Вы боцман?

– Боцман, – согласился тот.

– Дайте, пожалуйста, белила и кисти, – попросил Миша. – Старпом велел, – добавил он.

– У кого старпом велел взять белила? – веселя, спросил здоровяк.

– У вас.

– У меня?!

– Вы – боцман? – ещё раз уточнил Миша.

– Боцман, Боцман, – едва сдерживаясь от смеха, кивнул здоровяк и спросил у проходившего Гашева:

– Толик, я – боцман?

Гашев мгновенно всё понял:

– Ты – трепач! – И, повернувшись к Мише, сказал: – Фамилия у него такая – Боцман. А настоящий боцман – Дудников.

Дудникову Нигматулин пришелся по душе. Неразговорчивый паренёк работал старательно, Дудникова понимал с полуслова.

Правильно сказал однажды поэт: «И поражение от победы ты сам не сможешь отличить». Удивительно всё правильно. Не знаю, как вы, а матрос с п/х «Поволжье» Михаил Нигматулин с ним целиком согласен.

Выбирали на «Поволжье» редколлегия стеной газеты. Решил Миша не оставаться в стороне от этого нужного мероприятия, встал и тихонько сказал:

– Запишите боцмана!

– Какого? – по привычке крикнул кто-то.

– Маленького, – неожиданно сказал Миша. Он хотел сказать, что выдвигает не боцмана Дудникова, а другого – не главного боцмана, но неожиданно получилось «маленького»!

Береговые и бережные метеорологические станции наблюдения в конце августа зафиксировали в Баренцевом море странный и кратковременный тайфун. Эпицентром был п/х «Поволжье». Так все смеялись. С тех пор Боцмана, который матрос, зовут «маленьким боцманом», в отличие от боцмана Дудникова.

А Миша Нигматулин стал на п/х «Поволжье» своим человеком.

ВАХТА ПЯТАЯ

20.00–24.00, 24 августа

Пролив Югорский шар

Ночь. Поднимаюсь в радиорубку. В хозяйстве радиста Димы Федоренко писк судовых радиостанций, баритональное бормотание позывных Архангельска и Мурманска, назойливый треск помех.

Сию и гляжу на стойки с миллиамперами и частотомерами, на красные сигнальные лампочки, на зябко вздрагивающие стрелки приборов. Сегодня все: от турбины – стального сердца «Поволжья» – до самого маленького прибора в радиорубке работает четко, уверенно и все-таки немного напряженно.

В радиорубку зашел третий штурман.

– Дима, ты через пять минут должен изолировать антенну. Очень ответственно!

Антенна нужна для работы судового радиопеленга. С его помощью определяется местонахождение судна в море. «Определяться» положено каждый час.

В ходовой рубке темно. Слабо фосфорисцируют шкалы приборов. На экране локатора, как на лунном глобусе, резко, рельефно обозначены зеленовато-темные берега. Где-то очень-очень близко берег. Но даже в бинокль через плотную стену тумана ничего не видно. Юрий Валентинович и Костя Таран внимательно всматриваются в темноту.

У моряков вахты третьего штурмана называются «пионерскими». Считается, что это время суток наименее ответственно. Но в сегодняшней обстановке «пионерская» вахта беспокоит даже капитана. Вообще, многие издавна усвоенные понятия вдруг становятся с ног на голову.

Северный морской путь. Самая короткая водная дорога из Европы в Азию, Витус Беринг, Челюскин, Фридьоф Нансен, Георгий Седов – сколько имен, сколько ледовых трагедий связано с освоением этого нужного, очень трудного и коварного морского пути. Экспедиции Норденшельда, Вилькицкого и Амундсена не смогли разрешить проблему сквозно-

го плавания Арктикой за одну навигацию. И только в 1932 году блестящий проход ледоколом «Сибиряков» из Атлантического океана в Тихий за одну навигацию опроверг мнение о невозможности использования Северного морского пути.

Еще через два года знаменитый дрейф челюскинцев, катастрофа, ставшая триумфом мужества, коллективности, сплоченности советских моряков, раз и навсегда определила человеческие качества, необходимые в долгих арктических походах.

Но вдруг выясняется, что капитан считает это плавание по Балтике, по старой, исхоженной во всех направлениях Балтике, сложнее и опаснее, чем в Арктике.

– Еще бы, – говорит он, – мы идем четвертые сутки – никого не встретили. Единственная опасность – в тумане на льдину наткнуться. А нет льда – шпарь без остановки. А на Балтике туман – кошмар какой-то. Того и гляди, с кем-нибудь столкнешься. Ведь там судов больше, чем рыбы.

Однако, все-таки, если нет льда. А если есть, то суда идут в кильватер за ледоколом, по пробитому им во льду проходу. Арктика не стала иной, она не подобрела. Льды по-прежнему таят опасность – сжать и потопить судно. Изменились – стали опытнее, искуснее – моряки, изменились – стали мощнее – суда, изменились навигационные приборы. Но Арктика остается Арктикой! Борьба со льдами, со стихией не упразднена, просто моряки лучше и качественнее вооружены для этой борьбы.

– Прямо по курсу – огонь, – сообщает Костя.

– Наконец-то, – вздыхает Юрий Валентинович. – Должен быть виден за двенадцать миль, а тут еле-еле за две мили разглядели.

– Стоп, машина! – звякнул машинный телеграф.

– Справа огонь, – говорит рулевой.

В бинокль ясно виден яркий огонек и ещё рядом с ним – два, но очень слабо, и ещё один – правее.

– Судно стоит, – замечает капитан.

– Похоже, – говорит Костя.

Смотрю в бинокль. Неожиданно возникает берег темной отчетливой полосой на фоне темно-серого, так же неведь откуда взявшегося неба.

– Нет, это не судно! – говорит третий штурман. – Очень низко огни относительно земли.

– Дом, – уверенно говорит Юрий Валентинович.

На берегу, почти на самом мысе, яркая электрическая точка, периодически превращающаяся в зарево.

Это проблесковый маяк.

– Отдать якорь! – командует капитан.

Лязгает якорная цепь.

– Малый назад, – звякает телеграф.

– Потравить якорь!

– Средний назад!

– Константин Александрович, посмотрите там, – говорит капитан третьему.

Там – это на баке. Костя берет фонарик и выходит из рубки. Видно, как он спускается по палубе и идет по черной резиновой дорожке, положенной поверх светло-желтых, очень светлых в темноте досок.

Вновь гремит якорная цепь.

– Стоп, – резко, как оборвавшийся колокольчик, дзинькнул машинный телеграф и замолк.

– Ну, вот, пройдет туман, и пойдем дальше, – сказал капитан.

Тайна старого ЯУФа

ЯУФ был старенький, ржавый, невысокий и круглый, как бочонок. Все последние годы он неотлучно находился в каюте Деда – так на морских кораблях зовут старших механиков.

Дед месяцами не замечал ЯУФ, не обращал на него никакого внимания, словно того и в природе не существовало.

Но бывали и другие времена. С утра Дед ходил не очень радостный, просто невеселый какой-то, хотя все у него ладилось, в «машине» был полный порядок.

А Дед кряхтел, курил, хмурился и наконец, наклонившись к ЯУФу, похлопывал его по жесткому крутому боку.

Потом по трансляции вызывал Митю, токаря-машиниста.

На стоянке в Игарке Митя ждал письмо.

Не телеграмму – их передают прямо на «Поволжье», а именно письмо.

Время от времени приходилось у Деда отпрашиваться – съездить на почту.

Шлюпка ткнулась носом в бревна, Митя выскочил на мокрые, скользкие боны и зашагал к почте.

Увидав его, почтарка почти наполовину высунулась из окошка и сказала: «Вам нету!»

Митя повернулся, хотел уйти, но вспомнил просьбу второго штурмана, вернулся к окошку и назвал его фамилию.

Ловкие пальцы почтарки остановились на коричневом плотном пакете, взяли его, положили на стол и медленно подтолкнули к окошку. Второму писали не то из Архангельска, не то из Астрахани, но Митя не стал всматриваться и положил конверт в карман.

Шлюпка ждала его.

- Ну? – спросил вахтенный.
- Порядок, – сказал Митя и прыгнул в шлюпку.
- Не повезло вам, – заметил вахтенный, – разве это стоянка – по полсутку в машине.
- Работы много, – сказал Митя.
- Котел и трубки?

Митя знал, что вахтенному наплевать и на правый котел, и на восемь водогревных трубок, и что вся команда вместе с Дедом почти безвылазно сидит в машине. Это было даже выгодно – все билеты в интерклуб попадали палубной команде. Митя знал это точно или почти точно, но все-таки сказал:

- Котел и трубки.
- Да, – сказал вахтенный, – дела! Еще сутки стоять придется.
- Нет, – сказал Митя, – как погрузят, так и уйдем.

Второй встретил его у штурмтрапа, взял конверт и, буркнув «Добро!», медленно пошел вдоль борта.

Митя поглядел штурману вслед, на туго обтянутую черной кожаной курткой спину, и застучал по железным ступенькам в машину.

Парни работали молча, никто не взглянул на него, и только Серега, протиравший котельную арматуру, шепнул:

- Трубки потекли, течь в вальцовке.

Митя кивнул и пошел к Романову, который уже начал подвальцовывать трубки.

Под утро кончилась погрузка, и буксирный катерок медленно потащил судно из протоки. Митя стоял на палубе, смотрел на грузящиеся корабли, на стоящих на берегу грузчиков и тальманш, вдруг вскинул руку, несколько раз помахал и, повернувшись, усталое ушел в каюту.

Он думал о неполученном письме, когда его вызвали к Деду.

Для старожилов «Поволжья» никаких тайн не существовало. Все знали, что в каюте Деда, в ЯУФе – ящике для упаковки фильмов, лежит заезженная кинокопия некогда известной комедии «Девушка спешит на свидание».

Каким образом Дед её раздобыл и заманил – никто не знал.

Обычно фильмы получали перед отходом в порту приписки, потом где-нибудь в Бангкоке выменивали «Ошибку резидента» на «Мертвый сезон» у «Нежинска», попавшего в Таиланд такими же, как и у «Поволжья», сложными морскими дорогами.

Полюбившиеся фильмы держали у себя долго, многократно крутили до тех пор, пока пленку можно было еще склеить.

Но Дед к своей «Девушке» относился бережно, а когда матросня просила: «Макарьевич, давай крутанем», – посапывал, но молчал.

Когда, почему, по каким признакам у Деда появлялось желание полюбоваться своей красоткой, никто не знал. Даже педантичный Костя Таран не мог постигнуть этой закономерности.

Первое время поговаривали, что Дед, будучи молодым красивым моряком, безответно полюбил главную героиню фильма и выкрал кинокопию в Архангельском облкинопрокате.

Однако большинство категорически отвергло эту версию, порочащую кристальную репутацию Деда.

Есть в этой истории еще один интересный момент. Несложной профессией киномеханика на «Поволжье» овладели чуть ли не все. Такие кинофикаторы! Но ненаглядный свой фильм Дед доверяет лишь Мите.

Митя открыл ЯУФ, вынул банки, открыл одну и сказал:

- Вам надо новую копию доставать. Эта долго не выдержит.

Дед молча посмотрел на Митю, покивал головой, перевел взгляд на переборку, где в светлой ореховой рамке висела его фотография чуть ли не сорокалетней давности, и буркнул:

- На наш век хватит! Что же ты письмо-то получить не можешь?

БАХТА ШЕСТАЯ

00.00–4.00, 26 августа

Баренцево море

Гашев сказал:

- Ты смотри на картушку. Куда повернется, туда и крути, поворот – одно деление. Много не надо. Гулять не будет.

- Ладно, – пообещал я. – Постараюсь.

Я осваиваю штурвал. Шкала гирокомпаса зеленовато светится в темноте. Старательно подгоняю риску к цифре 172. Это наш курс.

Мое «морское» житье подходит к концу. Через сутки мы придем в Мурманск. Я – самолетом в Москву, а «Поволжье» – в Гент с лесом, который так долго грузили в Игарке.

В рубке мы вдвоем с Гашевым. Кирилл в штурманской «определяется». Сегодня он расстроился – с отпуском ничего не вышло. Пришла радиогамма из пароходства. Отпустили Сан Саныча – второго механика, многих ребят, а Кириллу нет замены, отпуск отдалается на срок весьма неопределенный.

Кирилл кончил работу с радиопеленгом, стоит и смотрит, как нос «Поволжья» вздымается вверх, загораживая чернильно-синее небо.

Потом так же плавно нос опускается вниз, поднимая вдоль бортов белые фонтаны брызг. Качает вторые сутки. Очевидно, здесь или где-то близко был сильный шторм, а это остаточная волна. Гашев говорит, что это самая неприятная качка. Но пострадавший только один – дневальный Женя. На меня, к счастью, качка пока не действует.

Вахтенные матросы меняются на штурвале каждый час. Стоять час на ногах – не самое лучшее занятие.

– Послушай, – обращаюсь к Кириллу, – почему бы вам табуретку какую-нибудь не приспособить? Устают ведь парни!

– Разговорчики на штурвале! – буркнул Кирилл.

Гашев подмигнул мне и тихонько выпихивает из-за штурвала. Подхожу к тахометру. Стрелка подрагивает у цифры 100. Двенадцать миль в час. Это я уже знаю без подсказок.

– Иван Акимович в ярость бы пришел от твоих вопросов, – вдруг говорит Кирилл. – И вообще, ты бы при нем здесь не болтался.

Я спросил, нужно ли понимать это как намек.

– Ладно уж, стой! Только не ври там потом. Будешь писать: мужественные, сильные, замкнутые...

– Ну, как же, милый, я могу писать о тебе «мужественный», когда ты больше напоминаешь вагоновожатого – гудки даешь.

– ...Серо-свинцовые волны мрачными валами захлестывали ют, – не обращая внимания на мои слова, продолжает Кирилл. – Не повезло тебе – пробойн нет, штормов тоже нет. А разве это качка? Зря ты с нами связался. Ведь мы как извозчики: погрузим – отвезем. Ну, что ты там напишешь?

– Вот так все и напишу. Что извозчики, и что пробойн не было, – говорю я.

– Кому это надо? Раз Арктика – значит, лед, медведи, атомоход «Ленин». Ты хоть его видел?

– И его не видал.

– Ну, вот! Раз моряки – значит, шторм, SOS и прочая экзотика. Я понимаю, конечно. Ну, что вот про Гашева напишешь, когда он только и делает, что штурвал крутит да переборки с боцманом красит. Так сказать, трудовые будни.

– Я еще лекции организовываю, – обижается Гашев.

– Во! – говорит Кирилл. – Ударник коммунистического труда плюс работа. Пиши!

– Ты думаешь, только на берегу бригады комтруда бывают? Только автобусы и трамваи бывают комсомольско-молодежными? А мы тоже комсомольско-молодежный экипаж! А что? План грузоперевозок выполняем и перевыполняем! Ну и, конечно, сокращаем, экономим, повышаем, добиваемся...

– Может, закончим? – предлагаю я. – Ты лучше расскажи, как по Пикадили гулял, или в Марселе мартини пил. Козакова ему не хватает, – вспоминаю игарский разговор.

– А, – машет рукой Кирилл. Походишь три-четыре года, надоедят тебе и мартини, и марсели.

Мое сухопутное представление о морях было весьма примитивным. Этикие романтики и флибустьеры совершают свои рискованные, лихие переходы между Одессой и Сингапуром или, скажем, Богамскими островами, а попутно совершают героические поступки в суровых морских условиях. Я думал так, или что-то в этом роде, и уж, конечно, каждый морской бродяга на вопрос «почему вы стали моряком?» должен был встать в соответствующую позу и хриплым, простуженным голосом произнести:

*Кто увидел дым голубоватый,
Поднимающийся над водой,
Тот пойдет дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...*

157

Романтики и флибустьеры выполняли план грузоперевозок. Для них не существовало звонких названий – Ливерпуль, Лос-Анджелес, Гент, Коломбо. Работники парохозяйства, как учителя арифметики, задавали задачки: перевезти из пункта А в пункт Б груз...

А груз? Боже ты мой! Ледоколы прокладывали путь во льдах, впередсмотрящий внимательно вглядывался в туман, капитан не покидал рубки для того, чтобы дудинские и игарские коровки и лошадки вкусно хрупали сеном, скошенным где-то в Рязанской или Вологодской областях. И это морская романтика! Впрочем, игарские и дудинские дети, пока еще не имеют представления ни о какой романтике, с удовольствием пьют круглый год свежее молоко. И благодарны дядям-морякам за то, что они возят по Арктике в Заполярье сено и кирпич для уютных благоустроенных домов, и лес, и многое другое. Благодарны до тех пор, пока не выучат азбуку и не прочитают всех морских авторов – от Киплинга и Стивенсона до Виталия Коржева и Юрия Гаврилова – и начнут напевать флибустьерскую песенку Павла Когана.

Справедливости ради надо все-таки сказать, что выполнение плана грузоперевозок – не всегда при-

ятные морские прогулки из пункта А в пункт Б. Океанам и морям и всеобщему морскому председателю Нептуну в высшей мере наплевать, что ты там везешь и куда везешь. Старику наплевать на грузы и планы. Старик резвится, штормит, а иногда, пересмотрев резервы своего водяного ведомства, организовано проводит тайфун. А грузы-то надо доставить. И их доставляют. Почти всегда вовремя.

Мои размышления прервал Гашев. Он зашел в штурманскую и зовет:

– Жень, смотри, как стоял!

Мы смотрим на курсограф. На ленте самописец зафиксировал каждое изменение направления «Поволжья».

– Вот, – говорит Гашев, – у тебя даже лучше, чем у Васи.

Смотрю на зигзагообразную линию и, сознаюсь, – мне приятно, что у меня лучше, чем у Васи!

– Кирилл, – спрашиваю я, – когда капитаном станешь, возьмешь меня в матросы? Штурвал освоил, качки не боюсь – вестибулярный аппарат в порядке.

– Ладно, – отвечает Кирилл, – возьму, если вопросы задавать не будешь.

Игарка, Игарка...

«Поволжье» медленно, как на параде, проходит мимо судов, стоящих на погрузочном рейде.

Корабли прощаются, как люди. Большие люди. Три длинных гудка. «Поволжье» прощается с каждым кораблем, и корабли отвечают по-разному, словно люди. Большие и разные.

Протяжные и мелодичные гудки «кубинцев» – «Александровска» и «Сретинска». Счастливого плавания!

– Спасибо!

Хрипло, по-моряцки, гудит норвежец.

– Спасибо!

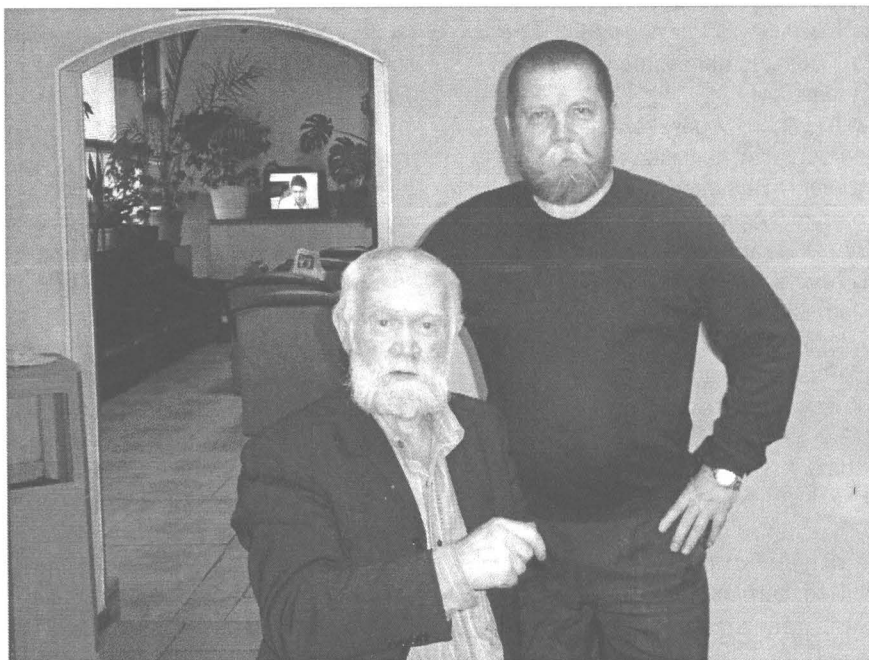
Немец «Полюкс».

– Спасибо!

Густо, не по-женски, посылает гудки панамская «Тереза».

– Спасибо!

г. Новосибирск

Писатели Александр Родионов и Арсен Титов

150 ЛЕТ ОСНОВАНИЯ ПРИХОДА В СЕЛЕ ЖАРКОВСКОМ (ныне поселок Яя)

1860–2010 гг.

Автор статьи в «Томских епархиальных ведомостях» (1) протоиерей Александр Сидонский. На момент выхода статьи в 1911 году ему было 68 лет. Отец Александр состоял с 1902 года в должности Мариинского благочинного. Имел церковные награды: набедренник, скуфью, камилавку, наперсный крест и орден св. Анны III степени.

В Томской епархии до революции служила целая династия церковно- и священнослужителей Сидонских. Сам Александр Григорьевич был образованнейшим человеком своего времени. Окончил Томскую духовную семинарию в 1866 году. Был членом Томского цензурного духовного комитета, а так же депутатом с духовной стороны в гражданских судах. В священном сане служил 45 лет (2).

Протоиерей Александр Сидонский

ИКОНА ПРЕПОДОБНОГО ОНУФРИЯ ВЕЛИКОГО

Томские епархиальные ведомости.

Томск: Типография Дома трудолюбия, 1911

«В 1850-е годы в сорока верстах от села Жарковского были открыты Бароновские золотые прииски. Жена предпринимателя приискового дела, баронесса Павла Александровна, урожденная Горохова, дочь известных и видных в то время золотоискателей, с детства воспитанная в православии и благочестии, старалась воспитывать в том же духе и своих детей. Под своим присмотром для них наняла она учителем доброго старца. В кругу своего семейства и своих близких хозяйка рассказывала, что не раз ей виделась во сне какая-то Икона вниз по реке Чалы. В последний раз услышала она голос, который как бы

гневно сказал: «Доколе же я буду стоять в лесу!». Этот рассказ сильно повлиял на слушателей. Хозяйка с двумя дочерьми и прислугой три раза осматривала указанную во сне местность и наконец в трех верстах от прииска, в пихтачах, под деревом, стоящая на каменистой земле, была найдена Икона. Общая радость охватила благочестивое семейство. Каждому хотелось на свои руки принять святыню, но никто не смог этого сделать. У каждого прикоснувшегося начинала либо кружиться голова, либо охватывал озноб и боль в пояснице. Усердствующих охватывал испуг, страх, робость. Испугавшееся семейство возвратилось домой и всем со страхом рассказывало о случившемся. Внимательно выслушав рассказ, добрый учитель прибавил: «Угодники Божии смиренны и молитвенники, а поэтому и приходить к ним нужно со смирением и молитвою. Припомните событие из жизни пророка Божия Илии. Два отряда, посланных от царя, с настойчивостью и важностью смело приступали к пророку, заявляя, что его требует Царь, и угрожали насилием за непокорность им, и два раза были пророком насмерть поражаемы огнем, падавшим с неба. Когда же со смирением и молитвою приступил отряд третий, пророк внял его молитвам, приблизился к царским посланникам и вместе с ними пошел к Царю». Этот наставительный рассказ учителя пришелся по душе баронессе и всему семейству. Оно тотчас же отправилось под его руководством в обратный путь. Со смирением и молитвою подошли к св. Иконе, и хозяйка приняла ее на руки свои. Икона имела изображение Преподобного Онуфрия Великого. Когда ее внесли в дом, радость семейства, и особенно хозяйки, была неопишима. В знак благоговения к угоднику Божию тотчас же было решено баронессой возложить на нее серебряную под золотом ризу, что вскоре было исполнено.

Рассказы о чудесном обретении св. Иконы служащими на приисках слушались и разносились по соседним селениям, доходили и до села Жарковского, тем более что баронесса временами в нем проживала. Окрестные жители были все позднейшие насельники, а село Жарковское в основании своем имело коренных жителей – ясачных инородцев, и по времени своего начала восходит ко временам господства сибирских татар. Поблизости не было церквей и настала крайняя нужда в храме. Возбуждаемые рассказами баронского семейства о явленной Иконе, жарковские жители решились ходатайствовать о построении у них церкви во имя преподобного Онуфрия. Грамотою от **30 сентября 1860 года** Пресвященнейшим Парфением (3) такое дозволение

было дано вследствие усердия жителей, а частью вследствие помощи поселков Судженского и Орловского, в то время малолюдных. Строительство первого храма в этой местности было незамедлительным. Он был небольшой и походил на часовню, но для числа жителей того времени довольно достаточный. По желанию и распоряжению обретательницы в этот храм внесена была торжественно и явленная Икона, но самой обретательницы к этому времени не было в живых уже три года. В 1858 году, 10 апреля, баронесса скончалась от тифозной горячки и была похоронена в церковной ограде села Колыонского. Родилась же она 31 мая 1808 года.

Крестьянин села Судженского, бывший 15 лет церковным старостой, Филипп Осовинов рассказывал: «Сын мой Федор, будучи трехлетним, страдал от болезни всего тела. Ноги его сводило, и он не мог не только ходить, но и стоять. От его постоянного плача с ним страдало все семейство, а особенно мать. Бесполезно было лечить его у старух и сельскими средствами. Мать же его, ныне покойная, настаивала отнести его к преп. Онуфрию в Жарковку. Мы послушались и в престольный праздник, 12 июня, принесли его в церковь на руках. После литургии просили батюшку о. Николая Крылова отслужить молебен угоднику Божию Онуфрию пред его явленной Иконой о здравии болящего Федора и после молебна приложили его к Иконе.

Как только мы приложили его к Иконе, он тотчас же перестал плакать и стал здоров.

Когда возвращались из церкви, мать только держала его за ручку, а шел он сам на своих ножках. Он здоровствует и доныне, ему 44 года. Он два раза участвовал в военных походах против китайцев и японцев».

Тот же свидетель рассказывал, и другие подтверждали: «Лет тридцать тому назад в с. Судженском умирало много детей от скарлатины. Крестным ходом была поднята Икона преп. Онуфрия и в сопровождении богомольцев из села Жарковского была перенесена в с. Судженское. Прихожане с усердием приняли святыню и носили по домам своим, умоляя преподобного перед Господом. Господь помиловал – и болезнь прекратилась».

Крестьянин села Жарковского Антон Наумов рассказывал, и другие подтверждали: «По построении церкви в селе Судженском причт церковный от церкви Жарковской предполагалось переместить в с. Судженское. Жарковским жителям не хотелось лишаться причта, и, чтобы усилить свое ходатайство в том перед начальством, стали склонять на причисление к ним деревни Новиковой. Однако же дове-

ренный последней, крестьянин Сергей Белов, не соглашался на то и пред доверенным Жарковским, крестьянином Фомою Куликовым, в присутствии лиц посторонних, кощунственно выражаясь, сказал: «Нашли вашего Онуфрия на называмах, да и хлопочете, чтобы и нас к вам перевели. Не хотим идти к вам!» Белов возвратился домой на другой день, и в тот же день в пожаре сгорело все его имущество. И жители, и сам Белов заговорили, что его наказал Господь за оскорбление преподобного Онуфрия».

Подобных рассказов среди местных жителей можно встретить немало, почему и благоговение к св. Иконе Угодника Божия имеется немалое. В день преподобного Онуфрия, 12 июня, храм с. Жарковского ежегодно переполняется богомольцами, из которых многие приходят издалека, и ищут в нем исповеди, и удостоиваются и божественного причащения».

Из приведенной выше статьи протоиерея Александра Григорьевича Сидонского следует, что решение на постройку первого Яйского храма было дано в 1860 году. В 1861 году небольшой храм, похожий по размерам на часовню, незамедлительно был построен. Второй Яйский храм, уже больших размеров, был построен там же в 1868 году. Он входил уже в Судженский приход, являлся приписным и территориально входил в 3-е Ишимское благочиние. Службу в нем служили священники Покровской церкви села Судженского.

В самом селе Судженском, более крупном, чем Жарковское, храм появился позже, в 1867 году. Как и Жарковский храм второй постройки, он был возведен при епископе Томском Алексии (Новоселове) (4).

Интересным является тот факт, что жители села Ольгинского Судженской волости, глубоко почитающие святого Онуфрия, ходатайствовали о построении храма преподобного в их селе. Деревянная однопредельная церковь была построена в 1895 году и образован отдельный приход в составе села Ольгинского и деревни Муравьевской. В храмах и домах прихожан Судженской волости имелось и почиталось множество икон угодника Божиего Онуфрия. Сегодня одна из таких икон конца XIX века находится в частной коллекции в городе Кемерово и выставлена на юбилейной выставке, посвященной 10-летию Кемеровской и Новокузнецкой епархии, в областном краеведческом музее.

Скорбно то, что сама чудотворно явленная икона ныне утрачена.

В бурные годы революции и гражданской войны по всей России и Сибири было разрушено и унич-

тожено множество храмов. В последующей волне гонений на Церковь и ее служителей количество святотатства и репрессий росло в геометрической прогрессии. Из множества храмов в Кемеровской области к 1949 году осталось 15 церквей. Только по одному Анжеро-Судженскому району было закрыто 12 церквей. В 1931 году закрыта церковь в селе Жарковском. Здание храма превращено в склад. Сама икона Святого Онуфрия Великого, внесенная в список Императорской Академии художеств в 1886 году (5) как особо чтимая православная святыня, бесследно исчезла. Но память о чудесном явлении иконы преподобного Онуфрия и благодатной помощи жителям Яи жива до сих пор.

В 1991 году свершилось радостное событие: возродился в районном центре храм Великого старца-пустынника Онуфрия Великого.

25 июня 2001 года освящен закладной камень под строительство нового храма святому покровителю земли Яйской.

15 февраля 2008 года семилетнее строительство храма было завершено и в новом храме прошла пер-

вая служба. Ныне в этом храме регулярно проводятся богослужения, совершаются таинства, а прихожане имеют возможность молиться перед образом святого Онуфрия, написанным в наше время.

Преподобный отче Онуфрий, моли Бога о нас!

¹ «Томские епархиальные ведомости» являлись официальным печатным органом епархии, издавались с 1880 года. При советской власти в 1917 году прекратили свое существование.

² Справочная книга по Томской епархии за 1902–1903 гг. Томск, 1903. С. 7, 30, 196.

³ Преосвященный Парфений, епископ Томский, являлся предстоятелем кафедры с 1854 по 1860 г. В период его святительства построено 57 храмов, что для Западной Сибири того времени было немало. До назначения на Томскую кафедру служил ректором последовательно Орловской, Харьковской, Херсонской семинарий и Казанской духовной академии. Открыл Томскую духовную семинарию // Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): исторические очерки. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 29–31.

⁴ Там же.

⁵ Калишева Г. П. «Церковные летописи как краеведческие первоисточники // Разыскания, историческо-краеведческий альманах. Вып. восьмой. Кемерово, 2010. С. 46.

Вадим ЕРМОЛЕНКО,
Кемеровское культурно-историческое
общество «Стягъ», г. Кемерово

Людмила ОЛЬХОВСКАЯ

ГОРИТ, СИЯЕТ ЕГО ЗАВЕТНАЯ ЗВЕЗДА

Торжественно и тепло прошло открытие мемориальной доски Бориса Тимофеевича Штоколова на фасаде Государственной филармонии Кузбасса, носящей имя великого русского баса, народного артиста СССР, нашего земляка, почётного гражданина Кемеровской области.

Когда он пел – всё вокруг переставало существовать. Потому что был только его голос, удивительный, фантастический, редкой красоты и силы.

В мартовский день открытия мемориальной доски Борису Штоколову (1930–2005) исполнилось бы 80 лет.

Большой, могучий, красивый человек, он говорил после одного из кемеровских концертов: «Петь буду до девяноста, а жить – до ста лет». Увы, уже пять лет с нами память о нём и его голос.

Пал лёгкий мартовский снежок, алели розы и гвоздики, светло улыбалась Нина Сергеевна, вдова Бориса Тимофеевича. А каждому из присутствующих – зам. губернатора С. Муравьёву, начальнику департамента культуры Л. Зауэрвайн, зам. главы Кемерова И. Фёдоровой, директору филармонии Л. Пилипчук и многим другим хотелось сказать что-то своё, не официальное, а душевное и сокровенное, вспоминая этого удивительного человека, певца, артиста.

Солист прославленного Мариинского театра оперы и балета, народный артист СССР, лауреат Государственной премии, кавалер орденов Ленина, Отечественной войны, почётный член Славянской и Петровской академий... Именно в последние годы жизни он особенно стремился в Кузбасс. В Новокузнецк, где родился, в посёлок Кузедеево, в котором прошло его детство.

Тогда, осенью 2002-го, в течение недели Штоколов давал концерты. Причём площадки его выступлений были не самыми привычными для вокалистов его ранга. Все музыкальные энциклопедии мира называют Штоколова не иначе, как «великий русский бас». Пел, естественно, в Кемерове и Новокузнецке. А ещё в Тайге, Белове, Березовском и в Доме культуры посёлка Кузедеево, что в Новокузнецком районе. Именно перед поездкой туда он, которому за полвека триумфальной карьеры аплодировали зрители всех мировых музыкальных столиц, заметно волновался. Потому что встреча с этим сибирским селом и его жителями стала не просто долгожданной.

– Долгожданной, – говорил тогда Борис Тимофеевич, разделяя паузой слова. – Ведь здесь я не был 64 года, а это целая жизнь. Всё вспомнил, узнал село, улицы – мне тогда восемь лет было. Наш дом, где мы жили, мама с отцом и нас, четверо детей, не сохранился. Как же долго мечтал я спеть перед земляками!

162 Был ещё один момент в Кузедеево. Потом, когда Бориса Тимофеевича не стало, в этом увиделось нечто символическое, особый знак. Тогда случилась перепись населения, и Штоколов страшно радовался:

– Перепись застала меня дома. Вписал себя в историю России в родном селе. Жаль, что в графе национальность нельзя написать «сибиряк». Это было бы верно по самой сути.

Ни в одной биографии великого баса не прочтёшь того, что рассказал нам, журналистам, Борис Тимофеевич после того незабываемого кузедеевского концерта. Общеизвестно, что родился он в Кузнецке (потом Сталинск, потом Новокузнецк). Когда ему исполнилось семь лет, отца, старшего лейтенанта Тимофея Ильича Штоколова, участника гражданской войны, перевели в Кузедеево, назначив начальником ОСОАВИАХИМа, в военный лагерь по подготовке бойцов к службе в армии. Потом, сообщают биографы, семья переехала на Урал, в Пермь.

– Не переехали и не уехали, – вспоминал Штоколов, – а сбежали в 38-м под покровом ночи. Во время занятий курсанты примяли посевы на колхозном поле. Это стало поводом для одного из сослуживцев отца написать на своего начальника донос. Завели дело, отобрали партбилет. Люди посоветовали: мол, беги Тимофей, не жди ареста.

Потом старые товарищи-большевики помогли, в правах восстановили, партбилет вернули. Но сколько

пережила семья и страхов, и бедности! А только начали жить по-человечески – война! Прощаясь, отец отдал сыну пальто-реглан, часы и сказал, что на нём, старшем мужчине, теперь забота о семье. Больше он отца не видел. Тимофей Ильич погиб, защищая Ленинград.

Пел Борис Тимофеевич с малых лет. Голос, считал, ему достался от деда по материнской линии, Ивана Григорьевича Юрасова, чистокровного татарина. Тот в молодости пел на клиросе в соборе города Воткинска, имея тенор очень красивого, мягкого тембра. Когда годы спустя Штоколов начал учиться в консерватории, он страшно хотел быть тенором. Завидовал другу своему Юрию Гуляеву, с которым жил в одной комнате в общежитии – будущий знаменитый певец был тенором. И Штоколов пытался «орать верхние ноты, но не получалось». А потом Гуляев стал баритоном, а Штоколов – басом. Помню, улыбнулась я, слушая эти воспоминания, представив на секунду, как из мощной этой глотки вдруг бы полились сладкоголосые звуки «душки-тенора». А перед этим Штоколов рассказывал – и демонстрировал – кожаный ремень, который под концертным костюмом опоясывает его, как тяжелоатлета. Своеобразная опора для поддержания формы. Он тоже засмеялся, поняв, о чём я думаю. И добавил, что все мамы его учеников всё равно мечтают сделать из своих детей теноров, «тю-тю-тю», как Робертино Лоретти, но никак не басов.

Но до всего этого было ещё далеко. Умение петь пригодилось уже в 11 лет. Из Киева в Свердловск, где они жили, эвакуировали капеллу. Его взяли петь, платя за каждое выступление маленькую булочку, кусочек масла и чайную ложку сахара – заработок, который он нёс домой. Рвался, как все пацаны, на фронт, и сбежал в 14 лет из дома, оказавшись в школе юнг Северного флота. Людей на кораблях не хватало. И через год паренька отправили на транспорте «Вятка» в Кронштадт, назначив в роту торпедных электриков. Побывал под обстрелами, бомбёжками. Но петь не переставал и в школе юнг, и на корабле. Вернувшись после Победы домой, сказал маме, что хочет стать артистом.

Мама, работая посудомойкой и принося детям в бидончике жижу вроде супа, в которой плавали лапшинки, расстраивалась. Мечтала, чтобы старший сын работал на заводе. Он и пошёл устраиваться. Но по дороге увидел объявление о приёме юношей в школу военно-воздушных сил.

...Шёл выпускной вечер. Курсант Штоколов пел «Тёмную ночь» и «Эх, дороги...». А в зале – прославленный маршал Жуков, тогда опальный, назначенный на должность командующего Уральским военным округом. Подошёл после концерта и сказал, положив парню руку на плечо: «Вот что, друг, тебе учиться надо. В авиации и без тебя обойдутся, там людей хватает. А петь, как ты, мало кто может, ты – талант». Приказ маршала

вскоре нашёл его в офицерском училище под Москвой: «Направить курсанта Штоколова на учёбу в Свердловскую консерваторию». Всю жизнь Борис Тимофеевич считал Г. К. Жукова своим крёстным отцом в искусстве. Был уверен, что если бы не он, то и певца Штоколова бы не было.

Солист прославленного Кировского – ныне Мариинского – театра оперы и балета, он пел все басовые партии мировой оперы. Обожал русскую классику. Был лучшим Сусаниным, Мефистофелем, Досифеем в «Хованщине», Кончаком в «Князе Игоре», Кочубеем в «Мазепе». Как о любимой работе отзывался об опере «Судьба человека». Когда в финале Андрей Соколов с ребёнком на руках уходил со сцены в зал, то зрители плакали.

Критики писали, что «забывали все, что это опера, а не сама жизнь». Тема Великой Отечественной войны, память о войне для Штоколова была священной. Ещё был Борис Годунов – больше, чем роль. Сколько бы ни пел своего царя, считал, что не до конца постиг его образ, его трагедию, что «ещё учить надо, готовиться, читать». В уникальном костюме выходил на сцену. Костюм Годунова шили в своё время для Фёдора Шаляпина по эскизам выдающихся русских художников Коровина и Головина.

А когда пел Штоколов романсы... «Утро туманное», «Ямщик, не гони лошадей», «Хризантемы», неразрывно связанный с его именем шедевр «Гори, гори, моя звезда» – это было больше, чем романс, чем вокал, чем искусство. Что для него этот романс? Отвечал так:

Это – вся моя жизнь. Пою о себе. Как без отца мы четверо у мамы остались. Как ботинки проходим чистил и чёрный хлеб на эти деньги покупал. Войну и бомбёжки вспоминаю. Первую любовь. О том пою, что мы, к сожалению, живём один только раз – и уходим. Но не надо грустить, а надо любить, оставить после себя детей, учеников, хорошую память.

«Звезда любви, звезда заветная, вся жизнь тобой озарена...» Его звезда, взошедшая здесь, дома, в Сибири, – неугасимая звезда.

г. Кемерово

ЛЮБОВЬ СТИХАМИ ПРОРАСТАЕТ...

(О сборнике Натальи Поляченковой
«Неоконченный портрет»)

Портрет... Есть портреты, написанные художником, выполненные фотографом, а есть живые портреты, отразившиеся навсегда в глазах любимых... Но если любовь оборвалась?.. Перед нами неоконченный портрет лирической героини и ее избранника. Портрет прекрасной молодой женщины, поэта, матери.

Но не все так просто в заголовке. Есть и скрытый смысл, так как образ автора противоречивый, сложный. Лирическая героиня видит свои корни в далеком прошлом Святой Руси. Очеловечен образ осиротевшей матери-земли в стихотворении «Поле битвы». Главная мысль в конце стихотворения:

*Здесь, кажется, почил мятежный век,
Но разве изменился человек?*

Портрет лирической героини невозможно представить без отношения ее к воинам XX и XXI веков. Афганистан и Чечня. Снова матери хоронят своих сыновей, все повторяется: ком в горле, расставания, молитвы, лишь детали, приметы войны другие: «железо, рельсы». Теперь они разлучают и соединяют с детьми матерей.

В «Неоконченном письме» – солдат, он в Чечне, на чужой земле и пишет матери, по сути, предсмертное письмо («Не хочу я, мама, умирать...»): «Там, у вас, уже сибирская зима...» «А у нас здесь только рваное «ура». Рыдания матери предваряют рыдающие над ее сыном журавли. Заветная мечта юноши:

*Мне бы только горсть родной земли,
Мне бы только дождика глоток,
И увидеть на окне твоим цветком...*

Война и мир, жизнь и смерть, Родина и чужбина... Трудно без слез читать последние строки:

*В голубых глазах застыли облака,
И к России тянется холодная рука.*

В небольшом по объему стихотворении такие незабываемые картины и образы... В них портрет Родины, любимой матери. И тоже неоконченный...

Образ лирической героини многолик. Вот она – невеста с черным платочком, а вот славяночка, а вот обреченный на гибель воин. То она бездомница, то счастливая мама, то любимая, Мадонна, а вот она звезда, вот птица.

*Из приставок странных и наречий...
Вихрем ярываюсь в белый свет...*

Она пытается начать жизнь с чистого листа. У нее хватает мужества и душевных сил пережить личную драму, которая стала темой целого цикла стихотво-

рений. Из них мы узнаем, что ее сердце ничего не забыло, она мечется в тревоге о любимом, от которого сама ушла:

*Рядом с ним трудней и легче
В море, в поле – все равно.*

Природа в стихах Н. Поляченковой прекрасная, живая, она чувствует все то же, что и человек. Лирическая героиня растворяется в природе:

*Бежало лето по пригорку
С клубникой в синеньком ведерке.
Цветным, причудливым букетом
Искрилось, распускалось лето.
Казалось, нет ему предела –
Оно летело и летело.*

Ключевым в сборнике является стихотворение «Портрет». Начало необыкновенное, оно о любви страстной, сильной.

*Я падаю на дно любимых глаз
Твоих непредсказуемых, бездонных...*

Заканчивается стихотворение драматично:

*И может, даже это и прекрасно,
Что черное трагичнее на красном,
И не окончен был тобой портрет...*

Многие строчки о любви легко запоминаются.

*Милый мой, любимый мой,
Я, наверно, сумасшедшая:
Разум просит настоящего...
Сердце требует прошедшего.*

*Я хочу тебе присниться...
Я хочу тебя забыть.*

*Не зови, не моли... не надо...
Мы с тобою листья
Разных листопадов...*

*Слышишь, как из синей бездны я кричу:
– Загадай скорей желание! Я лечу!*

Романтические строчки, полные надежды, чередуются с трагическими: «Разлюбишь – мне не жить!» Забыть любимого сложно: каждый день его глаза «в глазах детей смеются». Тяжко молодой матери с двумя маленькими детьми, воспитывать их, добывать хлеб насущный. Силы дает молитва и любовь к Господу.

*Боже, дай мне силы устоять
И, Тебя в себе не предавая,
Не юлить, не жульничать, не врать
Каждый миг, пока живая.
Мысль звучит как клятва и как призыв.*

Анастасия ТОМЫШЕВА,
заслуженный учитель РФ, г. Юрга

«ОСТАНОВЛЮСЬ НА КРАЮ ЛИСТОПАДА...»

(О книге В. Ерофеевой-Тверской
«Глядеть – не наглядеться в небеса»)

Все знают простую истину: если человек устал, расстроен или огорчён, лучший способ вернуться к себе – посмотреть в небо. Чистое ли, с облаками или штормовыми волнами туч – неважно. В небе нет жёстких линий, острых углов, в нём хоть тишина, хоть буря – всё свобода и покой. И если смотреть в небо становится привычкой, желанием, стремлением – те же чувства, та же сила, свобода и покой поселяются в душе.

(Помню, однажды мы стояли лагерем под немалой уральской горкой, и с вершины на нас летели рваные клочья облаков – настоящий облакопад. Взгляд оторвать было невозможно! В этом стремительном действе, как ни странно, тоже ощущался глубокий покой – покой силы и гармонии...)

Для меня как читателя это ощущение сразу и напрямую оказалось связано с названием книги Валентины Ерофеевой-Тверской «Глядеть – не наглядеться в небеса». Название, на мой взгляд, содержанием оправдывается полностью: в книге совершенно определён прочитывается то состояние внутреннего равновесия, гармонии и экспрессии, которое позволяет глубоко воспринимать беды и боли, но не разрушает, а даёт силы жить, любоваться жизнью и людьми, действовать, преодолевать и создавать. Да и, к тому же, буквально: на страницах так много неба – ясного, звёздного, близкого! И для поэтессы совсем несложно

Шагнуть на небо,
словно выйти
в поле,
Чтоб звёзды,
как клубнику,
собирать.

Небо полно метафор – они, собственно, там и родились когда-то, в древности – человеческом всемирном детстве: из уподоблений привычного, подручного, земного – невесомому, неизвестному, неразгаданному. Потому просто, органично и, как ни странно в этой простоте, ясно и выразительно звучат небесные метафоры Ерофеевой-Тверской:

Как будто кто-то в небе бросил вожжи –
Так, клином птичьим покидая юг,
Летит весна, спешит по бездорожью,
А на пути ещё снега встают...

Но сборник никак нельзя назвать монотемным. В нём – стихия чувств, и более всего – любви, дружеской сердечной привязанности, надежды и веры. Вот читаешь:

Уйти туда, где весело и звёздно,
Где майский хмель мне голову кружит,

Где, слышишь, никогда не будет поздно
Сказать друг другу то, чем можно жить.

и понимаешь вдруг, что написано не только о любви, это и о стихах, чьи строчки

Как заветные дорожки,
Подёрнутые росной синевою...

Да простит мне автор столь вольное прочтение – ну вот так на душу легло, так прозрачен стих, так подкупает «сказать то, чем можно жить»... Ведь и вправду иные слова не только окрыляют – питают душу, как ключевая вода, как тёплый хлеб. И слов этих ждёшь, их ищешь, а найдя, хранишь и, действительно, живёшь ими. Они редко несут в себе что-то «новое» – скорее, открывают забытое, глубокое, полное тепла и любви. Не в этом ли в принципе смысл поэзии, особенно сегодня?

Лучшие стихи сборника обладают этим свойством поэтической прозрачности, когда за одним смыслом проглядывает другой, рождается ещё значение, и не важно, сознательно или интуитивно вкладывал эти смыслы автор – они уже сами живут, мерцают, проявляются.

Глубина книги рождается не из сложности, а из простоты. Почти бытовые (преимущественно женские) сюжеты, темы – любовь, дружба, природа, родина – уж куда проще. И куда глубже... И к сердцу – куда ближе?

Прозрачный свет
Прощаний и обид
На тонкой грани
Дыма и тумана,
Где даже
Телеграфные столбы
Притихшими стоят
Непостоянно <...>

Ещё одна характерная черточка поэтического дара Ерофеевой-Тверской – народность, естественная напевность стихов, иногда прямо переходящая в фольклорную интонацию. Это звучит как заговор, как верное слово на жизнь:

На семи ветрах слёзы высохнут,
Ни до тёмного нам рожна.
Православные храмы высятся,
Бабам помнится, как рожать
Крепких детушек – воин к воину,
Чтоб не смолкла родная речь,
Русь родимую, волю вольную
С Божьей помощью уберечь.

Интересно, что подобные интонации, пожалуй, чаще встречались в предыдущих книгах поэтессы, в новой они несколько потеснены личным, индивидуальным звучанием стихов, но, видимо, уж такая тема: Родина, беда и счастье её: тут и дыхание становится глубже, и музыка соразмерна просторам. Чтобы раз-

будить эти просторы, докликаться ответа, нужно точно знать, что и как пропеть. И слова иные: не из современного городского дистиллированного словаря, а из той – от плоти земли – речи, в которой у каждой речки, травки, пичуги своё имя, своя душа и судьба.

Не случайно в первых же стихотворениях сборника появляются строчки:

*И загадок России
Из меня не убрать...*

И та же народная мелодия, та же речь – в стихах о любви, наверное, потому, что любовь для женщины всегда – родина.

*Жарко печь топлю –
Чурка к чурочке.
По ночам не сплю, –
Дура дурочкой.*

*Замела весна
Сплошь черёмухой.
Что же я грустна,
Шаль зарёвана?*

*Чтобы спрятать стон,
Губы кусаны.
Мой желанный сон
Рвётся бусами <...>*

*Жарко печь топлю –
Печь сердечную,
В ней любовь люблю –
Тайну вечную.*

Расстояния между напевными народными строфами и стихами современными для автора словно не существует: в поэтическом мире Ерофеевой-Тверской они совсем близко, так, словно для неё естественно из городского подъезда выйти в родной сибирский простор, а не на тесную улицу с домами, машинами и светофорами. Редкое свойство души в наши дни! И в то же время при чтении сборника понятно, что в той, народной речи поэтесса родилась и выросла, а в современной – осваивается, стремится войти в неё не просто на равных, а со всеми «загадками России», загадками её собственного характера, судьбы.

А вот это русское, женское, кровное: любить любовь... Хотя бы только за то, что она есть, она во всём:

*Весна взяла повадки лисьи –
Стремятся травы к тёплой выси.
Ещё чуть-чуть – и брызнут листья,
И каждый будет независим.
И каждый со своей судьбою,
И каждый со своей мечтою –
Украсить небо голубое..
А нам завидовать с тобою,*

*Что каждый малый листик рядом
Роднятся и стволем, и веткой.
...А ты, ты недоступен взгляду,
А ты – свободен, словно ветер.
Далёк и так же независим,
Но, тем не менее, я знаю:
Ты очень ждёшь из Омска писем
Моих.
Моих листочков в мае.*

Взгляд, бесконечно устремлённый в небеса, даёт в авторе человека, не только не растратившего в перипетиях современности свою жизненную силу и радость, но и научившегося черпать эту силу в том же бесконечном небе, у той же весны... От книги к книге (а ранее у Ерофеевой-Тверской вышли «Многоточие» (1996 г.), «Потепление» (1997 г.), «Сударыня» (2001 г.) поэтесса набирает и опыт поэтического выражения чувств, и – очевидно – саму поэтическую энергию.

В новой книге она делает очевидный рывок за освоенные смыслы, экспериментирует с рифмами, мелодией речи, стремится выразить и большие, и мимолётные чувства, и простые весенние настроения, и нарисовать почти прозаические картинки. Всё это придаёт сборнику особое ощущение внутренней свободы, лёгкости.

Даже когда рискованная рифма «не взлетает», а размер сбивается, как нечаянно сбивается взволнованная речь, это не выглядит провалом, ошибкой, неумением. Скорее – игра силы, свободная, радостно пробующая то самое небо, в которое и вправду глядеть – не наглядеться...

Нина ЯГОДИНЦЕВА,
г. Челябинск

ИГОРЬ ИВАНЧЕНКО, «ШЕПОТОМ... ВПОЛГОЛОСА... НЕГРОМКО...»

*Жизнь проходит косо и криво.
Я друзьям указал на дверь.
Снова вцепится мне в загривок,
Словно рысь, поэзии зверь...*

*Вдохновения яд по вене
Циркулирует, чтобы вновь
Умер я в стихах... Nota Bene!
Воскресит поэта любовь.*

Прочитанное здесь произведение автора еще куда ни шло, с остальными же стихотворениями все обстоит гораздо хуже. Библиография пугающа. Книга издается за книгой, иногда даже не одна в год. То есть господин Иванченко гиперплодовит; это самый пишущий и издающийся из всех юргинских авторов. Хотя он уже давно не живет в Юрге. В одной из книг написано – «в 1984 году переехал в г. Стржевой Том-

ской области». Вот и нужно было бы мучить своим творчеством несчастных стрележечан, так нет же – малая родина должна знать своего героя.

А в Интернете – Иванченко завел аккаунты на нескольких литературных сайтах с бесплатной регистрацией, сайтах-могильниках, переполненных творчеством графоманов со всей страны, – немного другая информация: «Последние три года снова живет в Юрге». Бедный город!

Вообще, читая об Игоре и его творчестве в сети, можно и вправду подумать: ведь настоящий поэт же! PR поставлен правильно – автор себя любит, расписал все очень красиво, окружил только позитивными отзывами. Но это и не мудрено – какие вменяемые люди, кроме хороших знакомых, полезут в сеть, чтобы читать стихи провинциального поэта?! Лучше на торренты и за порнографией. Впрочем, в случае с И. И. И. звезды впервые сошлись – порно и стихи залиты в один флакон, взболтаны и изданы.

Игорь Иванченко делит свое творчество на две составляющие – поэтическую и юмористическую. Будем соблюдать порядок.

Автор пишет лирику – «преимущественно любовную» – цитируем его интернет-представительство. Да, мир определенно изменился: юбки стали короче, блузки – прозрачнее, помада стала более аллой, презервативы купишь в каждом киоске, седина в бороду – бес в ребро... *«Набухли почки. / Как соски / У женщины, что захотела / Бесстыдного нагого тела», «Будем с ней – отнюдь не недотрогами / В номере гостиничном лежать, / Будем поцелуи диалогами / Неохотными перемежать. / А когда, как звери, / Мы насытимся плотью...», «И, в сети заманив квартиры, / Стри коробка наобещаю всласть, / Чтоб потеряла ты ориентиры / В любви... И искусителю сдалась», «Камасутры частные уроки подзабыл»...* Да здравствует поэтическая сексуальная революция!

Любовная лирика бывает, конечно же, разной. Где-то можно ограничиться полунамеком, и образ раскрыт, а где-то будет мало и оголенного зада. Автор, пытаясь справиться с вдохновением, задействует более непотребные ходы – привлекает на помощь богов и мифологических героев, разбавляет строфы латынью, ссылается на классиков. Не помогает. От его любовной лирики веет концентрированной похотью, а поскольку практически каждое стихотворение еще и посвящение, на последней строке так и слышится звонкая пощечина.

Едем дальше. Юмор. То есть вот она – надежда на спасение; были чаяния, что хоть в чем-то он на высоте. Но автор оказался одинаково плох и в юморе. Так что закрываем тему без вводных цитат.

А книжки толстые, под четыреста страниц, с супер-обложкой... И если временами проскальзывает что-нибудь трепетное в духе: *«Увы, невозможно понять человека: / Ни слез, ни оаций... / Назад поезд – в во-*

семь. / И вот уже занавес первого снега / Неслышимо падает. Кончилась осень», то следующая страница ставит все на свои места: *«Если мир уйдет в туман печали, / Вы – удачи – мне не потакайте! / Только бы по радио звучали / Песни от Кристины Орбакайте».*

На своем сайте автор жалуется: дескать, первый сборник-то должен был выйти еще в 1986 году. Далее цитата: «Но, благодаря томским “профессионалам”, зарубившим книжку, выкинувшем ее из издательского плана...» Все верно: не оценили – возьмем в кавычки, будем остро словить и ерничать, но, как ни крути, томские профессионалы были правы 23 года назад. Продолжаем взб-серфинг: «Игорь долго позиционировал себя как независимый автор, принципиально не вступающий ни в какие писательские союзы. Но, встретив авторов, близких ему по духу (в кемеровском отделении Союза российских писателей), изменил решение, откликнулся на предложение вступить в СРП». СРП – это близнец Союза писателей России, появившийся после раскола в 1991 году единого Союза писателей СССР. И если в столице членами сообщества являются вполне известные и уважаемые авторы (от Искандера и Евтушенко до Латыниной и Кублановского), то в регионах положение хуже. Для простого обывателя это, конечно, статус – если автор имеет членство в какой-либо организации, то определенно не любитель, а книги, соответственно, – не самиздат.

Иванченко анонсирует на 2008–2011 годы издание еще пяти своих книг. Таких же, видимо, объемных – неспроста подобные фолианты называют именно «кирпичами»... И, наверное, автор также привлечет к работе над новыми книгами и пару-тройку лжехудожников. Снова его сайт: «...Разрабатывал концепцию каждой книги, искал, вплоть до объявления конкурса в СМИ, талантливых художников и дизайнеров (...) Над изданными книгами работали в общей сложности 25 (!) художников-иллюстраторов, фотохудожников и дизайнеров. Уверен, далеко не каждый писатель в России может похвастаться этим. Не скрывая гордости, могу сказать: мне удалось организовать и трижды провести в Томске и Юрге выставку “Художники-иллюстраторы книг Игоря Иванченко”».

Товарищи, это полный аут! Пастернак сказал: «Быть знаменитым некрасиво». Иванченко же обратное – «Красиво, красиво!» А чем он хвастается? Дубовым макетом и плохой версткой, дизайнером, не знающим других гарнитур, кроме технической Times, которой брезгуют все профессионалы? Чем гордиться-то? Безнадежно слабой графикой, выведенной дрожащей рукой исключенного еще из художественной школы мазилы? Мастера никогда не участвуют в такого рода конкурсах, это ниже профессионального достоинства; мастера получают заказы на оформление книг, но внимательно изучают контент, с которым придется работать.

Но Игорь Иванченко не унывает. «Город родной / Отторгает меня (...) / Поэты новой эпохи – / На талом снегу подранки... / А гениальный самый – / Живым сгорающий в небе болид». Сама скромность.

Если взять все его большие книги, то, задавшись таковой целью, можно было бы сделать одну очень маленькую – страниц на двадцать, без иллюстраций, но хорошую. Выбрать наиболее удачные стихотворения, вытянуть их и только потом – в набор и печать. И только тогда – к читателю.

В общем, проходите мимо, берегите время, ведь «Все покорно стерпит бумага – / Даже эти его стихи...»

...Но есть и хорошие вести. Новая книга Игоря Иванченко вряд ли в ближайшее время приобретет осязаемую форму. Маэстро высокодуховного словоблудия некоторое время тому назад оповестил со-

трудников ЦБС, что нашел спонсора на издательский цикл, а те, в свою очередь, не могли не поделиться со мной столь радостной вестью. И, видимо, мои звонки в Москву не пропали даром – общими усилиями со знакомыми этого спонсора мы лишили юргинцев возможности прочитать что-нибудь новое в духе «Любимая! / Сними меня с себя, / Я кончил». Возможно, это из юмористической составляющей его творчества. А может быть, таковы его представления о любовной лирике... Или вот еще нетленочка: «Любимая! / Поставь колготки на ночь в угол...» и прочие стоны Онана. Там, конечно, были еще строки, но Игорь раз и навсегда избавил библиотеки города от своих книг, которые ранее им же и подарил, поэтому за точность цитат (в плане расстановки авторских знаков) не ручаюсь.

Дмитрий ШИПИЛОВ,
г. Юрга

Литературная дружба

Представление журнала «Огни Кузбасса» в Юрге

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

С 11 по 18 июля в Иркутске прошёл юбилейный десятый Байкальский фестиваль поэзии.

В поэтических чтениях приняли участие известные современные русские поэты: Олег Чухонцев, Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Лев Рубинштейн, Вера Павлова, Светлана Василенко, молодые поэты – Александр Кабанов, Максим Амелин, Андрей Корвин, Инга Кузнецова, Алексей Остудин, сибирские поэты – Светлана Михеева, Александр Пожарская, Артём Морс, Андрей Сизых, Анна Асеева (Иркутск), Дмитрий Мурзин (Кемерово), Булат Аюшев, Аркадий Перевин, Юрий Извеков из Бурятии и многие другие.

За неделю работы фестиваля прошли десятки выступлений, мероприятий, круглых столов. Чтения проходили в музеях, библиотеках, органном зале, ресторане. Большой поэтический концерт собрал полный зал иркутского академического драматического театра им. Н. П. Охлопкова.

Поэты посетили музеи Иркутска, архитектурно-этнографический музей под открытым небом «Тальцы», проехали по Кругобайкальской железной дороге.

Стихи услышал не только Иркутск, но и Шелехов, Ангарск, Усть-Орда...

Фестиваль поэзии на Байкале неразрывно связан с именем его организатора – замечательного иркутского поэта Анатолия Кабенкова. В Музее истории города Иркутска в рамках фестиваля прошёл вечер памяти поэта.

А в заключение поэты написали и отправили коллективное письмо губернатору области, в котором предложили увековечить память Анатолия Кабенкова, назвав его именем улицу города.

Кемеровские писатели давно и плодотворно сотрудничают с областной библиотекой для незрячих и слабовидящих, которая 22 сентября отмечала своё 50-летие. В юбилейных торжествах библиотеки и на сей раз приняли участие поэты Сергей Донбай и Александр Катков.

Тематические «Уроки города», проводимые регулярно в классах общеобразовательных учреждений столицы Кузбасса, не обходятся без ветеранов и писателей. Году учителя были посвящены эти мероприятия 24–25 сентября. «У всех на виду твоё имя, Учитель» – с такой формулировкой проходили встречи с учащимися поэтов Александра Каткова (лицей № 1), Сергея Донбая (школа № 31) и Ирины Фроловой (школа № 10).

Выездной мастер-класс провёл 24 сентября поэт Борис Бурмистров для членов литературной студии «Прометей» города Полысаево.

Порядка 200 экземпляров своей последней книги повестей и рассказов «Дыхание души» новокузнецкий прозаик Виктор Коняев подарил библиотеке музея «Кузнецкая крепость».

Уже не первый год выезжает в город Томск поэт Борис Бурмистров на межрегиональный литературный праздник, который состоялся на сей раз 5–7 октября.

6 октября в Кемеровской областной научной библиотеке прошли чтения, посвященные поэту Василию Фёдорову, имя которого с достоинством носит это книгохранилище. В памятном мероприятии принял участие Александр Катков.

Дом творчества города Берёзовского 12 октября стал центром поэтического праздника, на котором литературно-поэтический олимп Кузбасса представляли Борис Бурмистров, Иосиф Куралов, Дмитрий Клёстов и Леонид Гержидович.

Творческие встречи писателей с молодыми читателями детских домов, школ и библиотек продолжают своё шествие. Так, прозаик Михаил Гоголев 28 октября посетил Кемеровский детский дом № 102, а поэт Борис Бурмистров побывал 26 октября в областной юношеской библиотеке.

20 октября из Москвы пришла добрая и радостная весть: в Союз писателей России принят прозаик из Новокузнецка Владимир Неунывахин. Все коллеги по перу искренне поздравляют Владимира Максимовича с заслуженным признанием на официальном уровне его литературного труда!

25 октября в Доме творчества города Полысаево состоялось представление коллективной книги стихов и прозы «Вечного неба печаль» 14 членов литературной студии «Прометей». Вдохновителем и духовным наставником книги стала Н. П. Глушкова – поэтесса и руководитель студии. Своими впечатлениями о работе над книгой поделился редактор издания поэт, заслуженный работник культуры РФ Сергей Донбай: «Самая главная надежда этой книги состоит в том, что она внесёт свой скромный, но неоценимый вклад в защиту нашей Великой Победы, на которую посягают псевдоисторики за рубежом и, к сожалению, в нашей стране. Этого допустить нельзя!». Хорошо подготовились к этой встрече и полысаевцы: библиотекари, учителя, школьники, любители живого литературного слова, восторженно встречая земляков, читавших свои произведения.

26 октября в Доме литераторов Кузбасса Александр Ярошук представил на суд собравшихся свой четвёртый сборник рассказов «Панов, я и другие». В обсуждении книги приняли участие писатели: Валерий Зубарев, Виктор Арнаут, Владимир Перводчиков, Александр Катков, Сергей Донбай, критик

Людмила Суворова, бывший генеральный директор ПО «Азот» В. Г. Коптелов, редактор заводской много-тиражки В. Н. Корягина и другие.

29 октября в Доме литераторов Кузбасса прошло очередное представление журнала «Огни Кузбасса» (№ 5), которое провёл главный редактор Сергей Донбай. Все присутствовавшие в зале получили возможность встретиться и пообщаться с авторами этого номера Борисом Бурмистровым, Сергеем Побокиным, Владимиром Кагановым, Юрием Дубатовым.

Приятным сюрпризом мероприятия стало вручение председателем Правления СПК Борисом Бурмистровым членских билетов Союза писателей России поэту Владимиру Ерёмченко и прозаику Владимиру Неунывахину.

4–11 ноября прошла Красноярская ярмарка книжной культуры. На площадках ярмарки состоялись дискуссии, круглые столы, показ конкурсных программ фестивалей видеопоззии, выступления театральных коллективов и музыкантов и многое другое. Журнал «Огни Кузбасса» на выставке представлял Дмитрий Мурзин.

Журнал «День и ночь» приурочил к ярмарке собственные поэтические чтения. В доме искусств прошло три поэтических вечера: Николая Хоничева (Томск), Александра Петрушкина (Кыштым), Дмитрия Мурзина (Кемерово). Поэты посетили Овсянку (родное село В. П. Астафьева) и Красноярскую ГЭС.

5–6 ноября в городе Ханты-Мансийске прошла очередная (одиннадцатая) конференция Ассоциации писателей Урала (АСПУР), на которой, помимо организационных, рассматривались два проблемных вопроса: «О патриотической литературе» и «Проблемы современной русской сибирской литературы». В обсуждении этих проблем с докладами выступил от Союза писателей Кузбасса председатель Правления Борис Васильевич Бурмистров. В плане патриотической литературы докладчик заострил внимание на государственной поддержке писателей. Современная сибирская литература, как и вся русская, должна отсеивать графоманство, нецензурицину, вседозволенность путём экспертной оценки её качества специальными художественными советами.

В организационном аспекте почти все участники конференции пришли к выводу о необходимости объединения творческих писательских союзов не только на областных и региональных уровнях, но и в российском масштабе.

17 ноября в Юрге, в Пушкинском музее школы № 6, состоялось представление журнала «Огни Кузбасса», которое провели Сергей Донбай (гл. редактор) и Дмитрий Мурзин (ответ. секретарь). На встрече присутствовали также поэтессы Наталья Поляченкова, Наталья Сени и члены литературной группы «Свеча». Кроме рассказа о журнале, об истории школьного Пушкинского музея, на встрече читали свои стихи поэты, а школьники – стихи Тамары Рубцовой.

25 ноября в Новокузнецком филиале КемГУ (второй корпус, аудитория № 8) был представлен пятый номер журнала «Огни Кузбасса». Перед читателями, студентами и преподавателями выступили авторы этого номера: Владимир Мазаев, Анатолий Ярмолюк и Вячеслав Елатов. О других авторах и материалах рассказали С. Донбай и Д. Мурзин. Затем присутствующие поэты Андрей Правда, Любовь Никонова, Александр Раевский, Дмитрий Мурзин, Сергей Донбай читали стихи. Собравшиеся долго не хотели расходиться, завязался интересный разговор, приобретали журнал и книги с автографами авторов.

Подготовил В. АРНАУТОВ

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Анохин Михаил. Страницы памяти: поэзия (избранное) / Михаил Анохин. – Прокопьевск, 2010. – 304 с.

Неунывахин Владимир. Проклятье: сборник, рассказы и зарисовки / В.М. Неунывахин. – Новокузнецк, 2010. – 342 с.

Яковлева Людмила. О тебе и обо мне / Л. Яковлева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2010. – 231 с.

Ярошук Александр. Панов, я и другие / А. М. Ярошук. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2010. – 174 с.

Коптелов Виталий. Становление: заметки инженера / В. Г. Коптелов. – Кемерово, 2010. – 91 с.

Кривошеин Михаил. Тёплый цвет холодного апельсина: рассказы / Михаил Кривошеин. – Мыски, 2010. – 84 с.

Вечного неба печаль: стихи и проза литературной группы «Прометей». / Сост. Н. П. Глушкова – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2010. – 144 с. (Приложение № 38 к журналу «Огни Кузбасса»).

Золотые звёзды города Кемерово. Герои Советского Союза. Герои Российской Федерации: 65-летию Великой Победы посвящается / Администрация города Кемерово; МУК «ЦБС» г. Кемерово; ЦГБ им. Н.В. Гоголя; Сост.: Макарова О.А., Алёхина С.А. – Кемерово, 2010. – 90 с.

«Яблоки и ямбы в одной корзине» – под таким интригующим заголовком «Кузнецкий рабочий» (от 3 июля 2010 г.) поместил заметку о детском писателе но-

вокузнечанине Эдуарде Гольцмане: «... устроил встречу со своими читателями... на рынке. Детсадовцев, которых привели на встречу воспитатели и родители, такое соседство не смущало. С не меньшим удовольствием Эдуард Гольцман подписывал свои книжки». Судя по тому, как непосредственно, искренне и заливисто смеются малыши и автор на помещенной фотографии, такая встреча явно получилась.

«Глаз у него наблюдательный...» – так озаглавил «Кузнецкий рабочий» (№ 84 от 22 июля) критическую статью Виктора Арнаутова о новой книге новокузнецкого прозаика Владимира Неунывахина «Проклятье».

Подборку стихов молодой кузбасской поэтессы **Натали Полячковой** из Юрги напечатал томский литературно-художественный журнал «Начало века» (№ 2 за 2010 г.)

Красноярский журнал «День и ночь» (№ 4, 2010 г.) поместил на своих страницах подборку из пяти стихов поэта **Виктора Коврижных** из Старо-Бачат под общим заголовком «Вспашка зяби».

«Судебный вестник Кузбасса», редактором которого стал кемеровский прозаик Сергей Павлов, в номере 2/3, в рубрике, посвященной 65-летию Великой Победы, разместил стихи военной тематики кузбасских поэтов: **Михаила Небогатова, Евгения Буравлёва, Валентина Махалова, Анатолия Козлова, Леонида Гержидовича, Любови Никоновой, Александра Каткова, Виктора Коврижных, Александра Ибрагимова, Семёна Печеника, Валерия Козлова.**

Подготовил В. АРНАУТОВ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Всерусский Соборъ» и «Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» и «Новый енисейский литератор» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай», «Барнаул» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь», «Зеленая лампа» (Иркутск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, которую они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или дискеты с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в книжных магазинах Кемерова: № 4 по ул. Ноградской, 5; № 2 по пр. Ленина, 125; в магазине «Лас-Книгас» по пр. Кузнецкому, 33 (торговый центр «Я», II этаж); а также в Доме литераторов, пр. Советский, 40.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован
Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректор **Т. А. Козяева**
Компьютерная верстка **Л. А. Астанковой**

Подписано к печати 14.11.2010. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Pragmatica».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 900 экз. Заказ № 290.
Цена договорная

Адрес редакции: 650000, г. Кемерово, пр-т Советский, 40.
Издательство «Кузбассвуиздат». 650000, г. Кемерово, пр-т Советский, 60^б. Тел. 58-29-34. www.kvi.bip.ru

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2010 ГОД

ПРОЗА

Грабузов Станислав. Весточка с фронта II-102
Дубатов Юрий. Воин. Рассказ V-118
Ерёмин Николай. Рассказы VI-97
Естамонов Геннадий. Отделение, становись! Рассказ II-79
Иванов Владимир. Три рассказа VI-39
Иванов Андрей. Ржа. Повесть. III-67, IV-12
Ильиных Владимир. Рождественские этюды I-102
Климычев Борис. Два рассказа I-46
Козлов Сергей. Два рассказа II-5
Крёков Виталий. Два рассказа IV-68
Лаврина Вера. Второе сошествие IV-49
Лавряшина Юлия. Тёмное эхо. Роман (окончание) V-71, VI-54
Мазеев Владимир. Взрывчатка. Таёжный детектив II-20.
 Пещера. Повесть V-51
Михайлов Юрий. Юрка. Рассказ-быль II-82
Немченко Гарий. Донской пролог VI-6
Першин Юрий. Берегли меня два ангела II-101
Побокин Сергей. Два рассказа V-112
Пьянзин Виктор. Proclamation. Рассказ II-69
Румянцев Валерий. Сухари II-98
Серов Владимир. Сквозь ночное небо. Повесть I-59
Танкова Людмила. Три рассказа II-89
Тотыш Юрий. Найда. Рассказ IV-81
Хоботнев Дмитрий. Пастораль. Повесть I-9
Чидилян Людмила. Два рассказа III-114
Щербаков Фёдор. Полёт души. Рассказ VI-91
Ябров Анатолий. Колыбельная иволги. Повесть III-10
Ярмолюк Анатолий. Вперёд и дальше. (Рассказ цыганского барона) V-19

ПОЭЗИЯ

Аксёнов Николай. Фронтальная почта II-109
Балашов Эдуард. Семь слов VI-95
Богданов Александр. Как свободно, когда одиноко
 (Предисловие **Марины Брюзгиной**) I-98
Брюзгина Марина. Хочется жить как не все VI-52
Бурмистров Борис. Душа и в радости болит V-66
Гержидович Леонид. Дольная высь II-86
Горбовский Глеб. Слово, снятое с креста IV-9
Донбай Сергей. Меня подхватывают вихри VI-35
Дорожкин Николай. Кавалергардский марш. Поэма V-3
Ерофеева-Тверская Валентина. Окуривай, черёмуха,
 владей! VI-89
Закусина Нелли. Вы простите, птицы и трава... IV-94
Зубарев Валерий. Недетская быль. Поэма II-17
Ибрагимов Александр. Когда вернулся я в мой город... IV-76
Иванов Геннадий. Не отводи страдающий твой взгляд! IV-64
Иленко Анатолий. Фронтальная почта II-109
Исаковский Михаил. В прифронтовом лесу II-3
Каганов Владимир. Бегут, бегут седые облака V-115
Катков Александр. Россия, девочка, Россия... III-64
Кердан Александр. Сквозь слезу позолоченный крест III-121

Киселёв Василий. Фронтальная почта II-105
Киселёв Игорь. Магда. Поэма. Публикация И.А. Киселёвой III-6
Клёстов Дмитрий. Улепётывают дни III-124
Куняев Станислав. Высшая воля. («Возвышенная речь в стихах»
 Георгий Свиридов) I-3
Минькова Валентина. Стихи для детей IV-159
Мурзин Дмитрий. Но – с подоплёкою иною... IV-43
Николаева Татьяна. Холодная война III-112
Перминов Юрий. Пыльца тепла ночного V- 47
Печеник Семён. В багровом наплыве тюльпанов II-67
Плотников Михаил. Фронтальная почта II-106
Подгорнов Сергей. Здесь к звёздам ближе, чем к Москве V-109
Попов Геннадий. На взлёте мятущихся лет V-69
Раевский Александр. По России разошлись гармошки I-42
Рудов Иван. Фронтальная почта II-106
Саввиных Марина. Душа останется... III-109
Сорокин Иван. На высоте святая тишина II-77
Суздальцев Анатолий. А у нас и горе – да своё II-95
Филатов Сергей. Разбуди меня, явь златотканая! IV-46
Харцызев Сергей. Качает нашу люльку Господь VI-3
Чепров Сергей. У боли есть рифма и ритм VI-49
Черкасов Николай. Фронтальная почта II-105
Чернопятов Сергей. Долгожданного марта аванс VI-109
Шевцова Идалия. Фронтальная почта II-108
Шелленберг Вероника. На серебристый холм взбегают
 ковыли I-57

ПУБЛИЦИСТИКА

Бурмистров Борис. Русский язык – крепь России VI-111
Быков Леонид. Сумбур вместо музыки? I-112
Веснина Надежда. Зэчка V-126
Власов Валерий. Стремилась память до конца убить IV-122
Ганичев Валерий. I съезд советских писателей – съезд
 уроков I-106
Гзогян Александр. Друг мой, а не враг VI-114
Донбай Сергей. Место в содружестве I-115
Дюкин Борис. О дорогах и не только... II-116
Кердан Александр. От диссонанса к симфонии I-110
Коняев Виктор. Право на Победу II-112
Курбатов Валентин. В зеркале дня III-126
Немченко Гарий. «Опять сам себе», или «Присосанцы» V-121
Теплоухов Геннадий. Пора бить в колокола VI-118
Шамова Мария. Единение, благодаря Достоевскому
 (О III Международном симпозиуме «Русская словесность
 в мировом культурном контексте») VI-121
Эмих Татьяна. «Я был кусок этого огня...» К 80-летию газеты
 «Кузнецкий рабочий» III-128
Ягодинцева Нина. Очень личное I-114

ЭССЕ

Лопушной Вячеслав. Доя насущное из мглы... III-141
Подгорнов Сергей. Вещи I-120

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Вдовин Сергей. Афганский след I-117
Ходанен Людмила. Турнир поэтов в Междуреченске IV-154

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Ольховская Людмила. Горит, сияет его заветная звезда VI-162
Скорик Любовь. Рождённый с фотоаппаратом I-129

Шатская Таисия. «К самым родным и любимым»
(О Н. Я. Троицком – редакторе газет «Комсомолец Кузбасса»
и «Кузбасс») I-134. Летописец Великой Отечественной войны.
(Повествуют документы) V-142

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Лашевская Вера, Беспалова Ольга. Кемеровская областная
научная библиотека: поступь истории VI-132

Плющев Валерий. Неистовый гений IV-151

Яранцев Владимир. Томские тайны Бориса Климычева.
(К 80-летию Б. Н. Климычева) V-158

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Зубарева Алёна. Паломничество в страну Севера V-148

Мельников Евгений. Земля всегда рядом VI-142

Трутнев Лев. Таёжник IV-97

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Николай Денисов. Русские в Венесуэле II-127

КНИГА ПАМЯТИ

Баязитов Фарид. Звезда над Марьевкой IV-138

Елистратова Елена. Частные эпизоды войны VI-123

Скорик Любовь. Там в вечности – юный мой отец IV-3

Цыпкайкина Марина. Мать II-122

Чех Людмила. Генерал солдатской песни (О поэте Алексее
Фатьянове) II-124

Шматкова Антонина. Крещённый границей II-123

СВЕТИЦА

Ашрофзянов Руслан I-157. Белявцев Вадим I-157

Булатов Юрий I-157. Бухтияров Сергей II-148

Володина Евгения II-148. Воронина Мария IV-156

Глушкова Нина. «Не могу поверить, что это не сон!» II-148

Денин Валентин II-148. Догадова Дарья I-157

Душакова Марина II-148. Дятлова Алина IV-156

Елисеев Дмитрий II-148. Жеребцова Олеся I-157

Кавцевич Кристина I-157. Калачёв Кирилл II-148

Келлер Елизавета I-157. Колпакова Татьяна I-157

Колпакова Татьяна I-157

Конкурс «Гнёздышко»: Подведены итоги... II-148

Константинова Алевтина II-148. Кочарян Мариам II-148

Кривонос Вячеслав II-148. Куликов Сергей I-157

Кургинян Гоар I-157. Мария Нисова IV-156

Медведев Иван II-148.

Никонова Любовь «Нам Пушкин сказки подарил» I-157

«Гнёздышко» для юных II-148

Огородова Анна I-157

Письма из Тисуля

Р. И. Мальцева, О. С. Безменова II-148

Пятибратова Анна II-148. Рулёва Настя II-148

Рускина Александра I-157. Сабанцева Екатерина I-157

Семёнова Алина IV-156. Трунина Елена I-157

Фёдорова Софья II-148. Чиркова Наталья II-148

Шафикова Полина I-157. Шитикова Алина IV-156

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Ерёменко Владимир. Православная праздничная традиция
II-151, III-152, IV-149

Ермоленко Вадим. 150 лет основания прихода в селе
Жарковском (ныне посёлок Яя) 1860–2010 гг. VI-159

Кудрявцева-Кузнецова Надежда. Прикосновение к вечности
III-154

Орлова Нина. Господу пишу я заявление I-137

ИСКУССТВО

Марина Чертогова. Наследник по прямой IV-143

Наталья Проколова. Об утрате и возвращении душевного
родства IV-145

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мурзин Дмитрий. Литература для служебного пользования
(Об альманахе «Голоса Сибири» №10) III-163.

Дрессировщик букв. (О книге Андрея Пятака «На чердачке
моей души») IV-162

Ничик Николай. Трудный путь к признанию
(О прозе А. Яброва) III-164

Плющев Валерий. «Просто я работаю волшебником» IV-164

Томышева Анастасия. Любовь стихами прорастает...
(О сборнике Натальи Поляченко «Неоконченный портрет»)
VI-164

Тюшина Екатерина. Если сердце вдруг запросит
(к 75-летию со дня рождения Леонида Гержидовича) II-153

Ходанен Людмила. «Русская сибирская поэзия». Антология.
XX век. Рецензия I-165 *Обзор.*

Шамова Мария. «На дружных крыльях...»
(О творчестве Николая Ничика) IV-161

Шпилов Дмитрий. Игорь Иванченко «Шепотом... Вполголоса...
Негромко» VI-166

Ягодинцева Нина. «Остановлюсь на краю листопада...»
(О книге «Глядеть – не наглядеться в небеса» В. Ерофеевой-
Тверской) VI-165. Сибирский изборник I-160. Рыба-сейчас.
(О книге Д. Мурзина «Клиническая жизнь») V-167

ЦИТАТА

777 **Сергей Донбай.** Дневник читателя II-157

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Вячеслав Кабин. Фамильные байки I-139

РУССКАЯ ШКОЛА

Вячеслав Елатов. Остаюсь учителем V-162

ШАХТЁРСКАЯ ДОЛЯ

Василий Попок. А факел горит III-3

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Григорьева Валентина II-162

Мартыненко Евгения. Свет прошлого II-160

Марченко Тамара. «Всё в понятие едином слилось» IV-171

Соколов Евгений II-165

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Вышли журналы. Подготовил **В. Попок** II-167, V-170

Итоги подписки II-170

Киселёвские чтения. **Анна Соломенная** II-169

Клуб «Православная книга». **В. Лаврина** III-171

Литературные хроники. Подготовил **В. Арнаут** I-168, II-166,
III-167, IV-167, V-169, VI-169

Не дописав последний стих... (прощание с поэтом В. Махало-
вым) II-171

Новые периодические издания. Подготовил **В. Попок.** IV-168

Обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2009 год:

Д. Хоботнев, С. Подгорнов, И. Ащеулова, В. Бокин,

В. Плющев, Г. Карпова, О. Черкасова, М. Калинин III-131

Первые номера сибирских журналов 2010 года.

Подготовил **В. Попок** III-169

СЛОВО ПАТРИАРХА

23 декабря 2010 года в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя состоялось заседание Палаты попечителей Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Заседание возглавил председатель Палаты попечителей Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Позвольте сердечно приветствовать всех участников первого заседания Палаты попечителей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Я благодарю вас всех за то, что вы приняли мое приглашение послужить делу русской словесности посредством работы в этом высоком собрании. Хотел бы обратиться несколько слов и к членам Палаты попечителей, и через вас — ко всем, кто меня услышит в связи с нашим собранием.

Как сказано в положении о Патриаршей литературной премии, она учреждена «для поощрения писателей, внесших существенный вклад в утверждение духовных и нравственных ценностей в жизнь современного человека, семьи и общества; создавших высокохудожественные произведения, обогативших русскую литературу». Эта премия не имеет аналогов не только в истории Русской Церкви, но и в практике других Поместных Православных Церквей.

В связи с чем возникла такая идея и, собственно, зачем учреждена эта премия? Литература — собравшиеся здесь знают это лучше меня — отражает состояние культуры и духовных устремлений народа. Но одновременно она же и формирует и культуру, и эти устремления. Она формирует систему ценностей, в которой живут люди. Человек принимает решения на фоне той картины мира, которую ему представляют средства массовой информации — сегодня именно они вышли на первое место по степени влияния на духовную и интеллектуальную жизнь общества. Но на людей продолжают влиять и книжные тексты, имеющие более высокий статус в общественном сознании, — обычно писатели воспринимаются как умнейшие люди эпохи.

175

К сожалению, приходится констатировать, что сегодня преобладают литературно-художественные тексты весьма сомнительного содержания и ценностной ориентации. Эта болезнь проявляется не только в российском обществе, но и во всем мире. Действительно, можно говорить о кризисе жанра, о кризисе художественной литературы. Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, говорит нам Священное Писание (Еф. 4:29). Немалый вред приносит пустое, а нередко и гнилое слово писателей, некоторые из которых опускаются, как мы знаем, до самого вульгарного сквернословия, опустошая тем самым души людей.

К сожалению, ситуация усугубляется тем, что наиболее известные, престижные светские премии в последнее время отказываются оценивать произведения с точки зрения их нравственного наполнения. Некоторые решения о присуждении этих премий фактически нельзя расценивать иначе как вызов нравственной традиции нашего народа. А ведь посредством этих премий формируется некий стандарт, который в ценностном плане не соответствует духовной, культурной парадигме нашего народа.

А если так, то почему формируется этот стандарт? Некоторые считают, что главной причиной, почему все это происходит, являются эстетические пред-

почтения современного человека. Но литература никогда не была только эстетикой. Пожалуй, я не могу вспомнить ни одного писателя или поэта, кроме Велимира Хлебникова, который бы ставил эстетику впереди содержания. Поэтому очень важно, чтобы был создан некий институт, где высоко оценивалась бы роль писателя, который ставит задачу содействовать своим творчеством возвышению человеческой личности.

В качестве основного подхода к оценке литературных произведений сегодня чаще всего провозглашается постмодернистский принцип самодовлеющего текста – текста ради текста, текста в себе, когда текст и смысл оказываются разлученными. В итоге мы получаем своего рода замкнутый круг, западно. Современная литература считает нормальным не только описывать, но и восхвалять все греховные проявления человеческой природы. А обыватель, воспринимая эту опозитизированную картину мира, начинает рассматривать ее как нормативную и достойную подражания. Святитель Григорий Богослов говорил: «Равно худы и негодная жизнь, и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь и другое».

Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение поощрять тех писателей, которые стремятся сочетать в своем творчестве высокие эстетические и нравственные идеалы. Именно такое искусство – искусство, сопрягающее высокие этические и эстетические стандарты, – делает человека духовно крепким, стремящимся и способным к нравственному и интеллектуальному самосовершенствованию. Именно о таких книгах говорил святой Нестор Летописец в своей бессмертной «Повести временных лет», что они «суть реки, напоющие всю вселенную; это источники мудрости, ведь в книгах неизмеримая глубина, ими мы в печали утешаемся, они узда воздержания».

Именно такое искусство являет собой великая русская литература, занявшая важнейшее место в сокровищнице мирового духовного и интеллектуального наследия. Отечественная литература зародилась и развивалась в лоне христианской традиции и благодаря этому стала мощным инструментом укоренения христианских ценностей в культуре народа. Культурный архетип народов, находящихся под пастырским окормлением Русской Православной Церкви, их ментальность и система ценностей во многом были сформированы под воздействием русской литературы.

И сегодня русская литература является одной из важнейших скреп того духовного и культурного пространства, которое мы называем Русским миром. Произведения Гоголя, Тургенева, Достоевского, Бунина и многих других, перечитываемые в семейном кругу или изучаемые в школе, помогали нашим людям, в том числе оказавшимся в эмиграции, сохранить свою духовную, национальную и культурную идентичность.

Многие русские поэты и писатели осознавали свое служение как пророческое. Нередко они первыми ставили вопросы, которые со временем осознавались как общечеловеческие проблемы. Социальные катастрофы и политические потрясения XX века, нравственная деградация общества и обусловленные ею экономические кризисы и экологические угрозы XXI века, а также многое другое, существенно важное для бытия человечества, – все это было предсказано или предчувствовано в произведениях наших выдающихся писателей и изложено ими на доступном языке художественных образов.

Эта всемирная и всемерная отзывчивость русской литературы предопределила ее общечеловеческое значение, закрепила за ней статус одной из величайших литератур мира. По нашему глубокому убеждению, русская литература не может и не должна утратить тот пророческий дар, ту огромную силу воздействия на умы и сердца людей, которой с избытком обладали ее лучшие представители. Сохранить наше уникальное литературное наследие в том русле, в каком оно развивалось веками, – вот цель, достижению которой призвана активно содействовать и наша литературная премия.

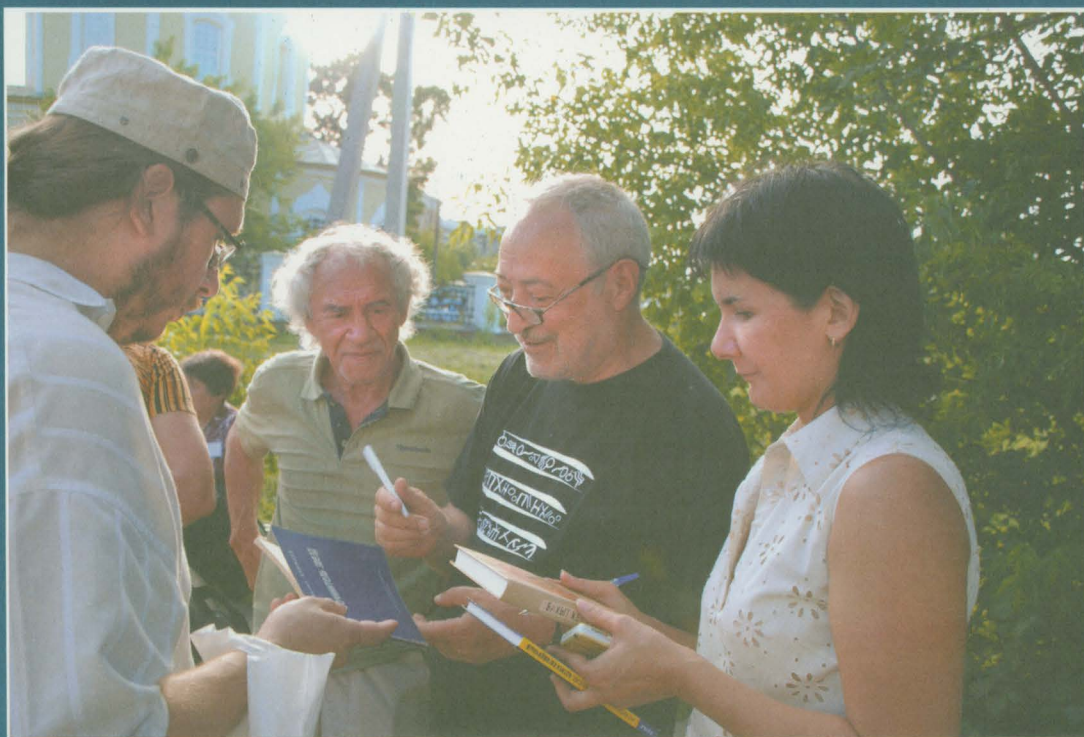
Другая важнейшая задача этого начинания – содействовать формированию вкуса читающей публики, прежде всего молодежи, ибо дурные книги, подобно худым сообществам, по слову апостола Павла, развращают добрые нравы (1 Кор. 15:33). И, наоборот, приобщаясь к подлинному искусству, человек обретает более глубокое понимание жизни, себя и своих целей. Дмитрий Сергеевич Лихачев однажды очень точно сказал: «Награжденный даром понимать искусство человек становится нравственно лучше, а следовательно, и счастливее».

Надеюсь, что соработничество Церкви и писательского сообщества может помочь достижению этих важных целей. Хочу пожелать всем, кто готов соучаствовать в этом добром начинании, удовлетворения от результатов совместной работы. Благодарю вас за внимание.

Литературные друзья

Ханты-Мансийск. Участники конференции писателей Урала и Сибири

Иркутск. Д. Мурзин, В. Диксон, Б. Кенжеев и А. Асеева на Байкальском поэтическом фестивале

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписка на журнал «Огни Кузбасса»
на первое полугодие 2011 года
оформляется в любом отделении
почтовой связи Кемеровской области
по каталогу «ПОЧТА РОССИИ»

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС 12234

Периодичность выхода – раз в два месяца
(6 номеров в год)

Подписная цена за полугодие 180 руб.